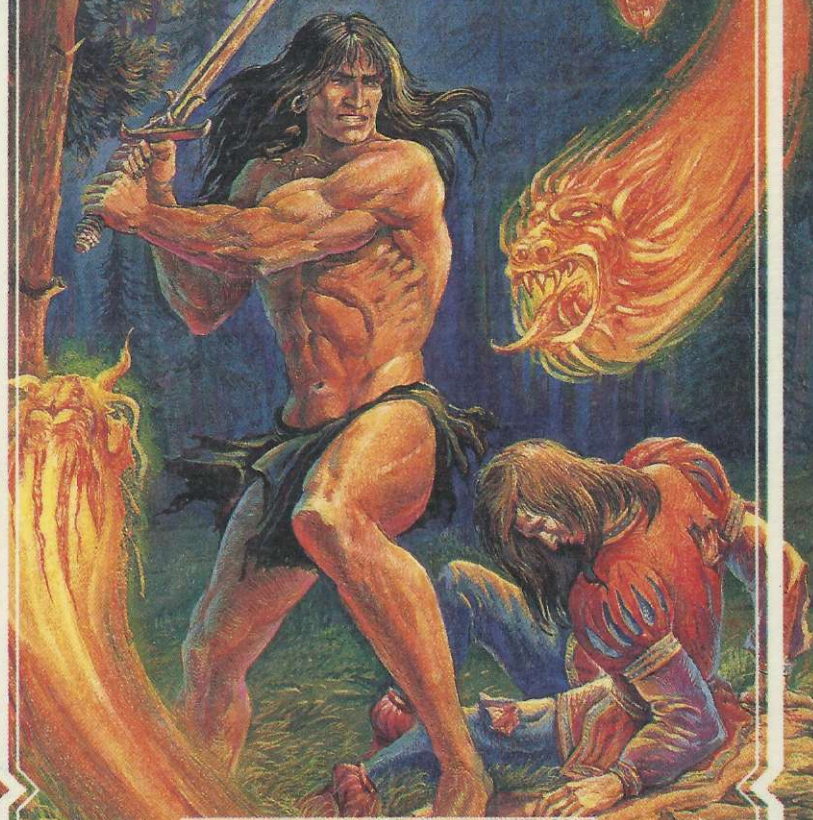

КОНАН И ЗЕРКАЛО УРЯДУЩЕГО

Северо-Зонаг®

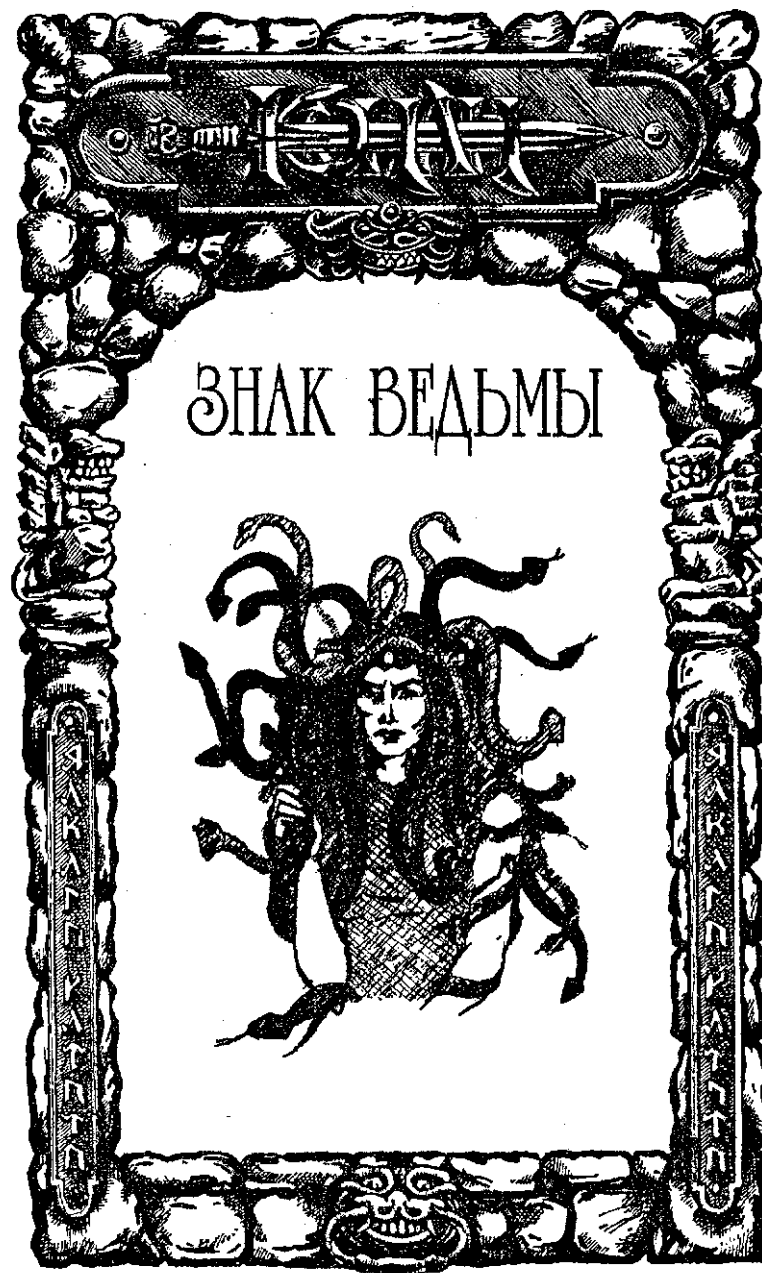

Конан и Зеркало Грядущего: Романы. — СПб.: «Троль»,
1996. — 448 с.

ISBN 5—87365—023—3

- © К. Грант, Натали О'Найт, 1996.
- © «Троль», составление и подготовка текста, 1996.
- © «Северо-Запад», Серийное оформление обложки и форзаца, 1996.
- © «Троль», Иллюстрации, шмуцтитутлы, 1996.
- © И. Кучма, обложка, 1996.

Яркие южные звезды, похожие на рассыпанную горсть алмазов, горели на темно-синем ночном небе. Их неясный свет слабо очерчивал контуры высоких белых минаретов, величественных храмов и роскошных висячих садов и отражался в недвижной воде овальных дворцовых бассейнов восточной столицы.

Хауран погрузился в сон. Маленькое королевство, затерянное в безводных барханах. Только колотушка ночного сторожа изредка нарушала тишину, да бряцание ятаганов городской стражи.

Владычица Хаурана Тарамис проснулась вся в холодном поту. Что могло напугать ее кроме тревожного сна? Она прислушалась. Кажется, все спокойно. Утомившийся на ночь дворец безмолвен как всегда. Вдруг ей почудилось, что это спокойствие какое-то странное. Сродни могильной тишине.

Она удивленно подняла брови. Свечи в золоченых шандалах почему-то разом погасли, словно на них дунул ифрит. В опочивальне стало темно. Сквозь разноцветные стекла в серебряных оконных переплетах просачивался свет далеких звезд, но он был слишком слаб, чтобы рассеять сумрак.

Вдруг в крошечной мгле Тарамис заметила маленький огонек. Словно кто-то воскурил ароматическую палочку, и она рдеет на конце. Но в спальне никого не было. Может, это светильник, невеста как залетевший в дворцовые покои?

Огонек разгорался все ярче. Через мгновение уже можно было различить стены, обитые раззоренным шелком. Ей показалось, что в разгоравшемся свечении она видит черты женского лица...

О, боги — колдовство! Какой-то коварный чернокнижник дерзает притязать на ее покой! Надо позвать стражу! Королева попыталась вскрикнуть, но язык ее будто прилип к небу, и она не смогла выдать и звука из пересохшей гортани. Иштар, что с ней творится?

Между тем черты огненного призрака проявлялись все отчетливей. Вот густая волна черных волос! Вот губы, похожие на лепестки хорайских роз! Вот жемчуга зубов! А вот брови вразлет и зеленые глаза!

Тарамис похолодела. Иштар, да это ее лицо! Словно гордая владычица Хаурана увидела свое отражение в невесть откуда взявшемся зеркале. Но зеркале кривом, искажавшем точеные черты и превратившем их в маску злобного демона!

Не оставалось никаких сомнений — это колдовство!

И вдруг страшное отражение словно в ответ ее мыслям раскрыло коралловые губы и усмехнулось.

— Колдовство? Нет, возлюбленная сестра моя, колдовство здесь ни при чем!

Голос говорившей источал яд.

— Сестра? — отшатнулась Тарамис. — О чем говоришь ты, исчадие Тьмы? Как смеешь называть меня сестрой?!

— Вспомни получше! — настаивал зловещий призрак. — Разве у тебя никогда не было сестры? Той, что была похожа на тебя, как две капли воды! Младенец с таким нежным телом, что даже лепесток розы, случайно попавший на него, причинял боль, словно от ушиба?

— О, да! — прошептала королева. — Теперь я вспоминаю... Но она умерла давным-давно...

Прекрасное лицо ее собеседницы исказилось гримасой, столь ужасной, что королева невольно отпрянула. Ей почудилось, будто черные локоны со змеиным шипением поднимаются над мраморным чело призрак.

— Ты лжешь! — прошипели алые губы. — Она не умерла! Она жива! И сейчас ты убедишься в этом!

Свечи в золотых шандалах вспыхнули так же внезапно, как и погасли, ярко осветив спальню хауранской владычицы. Она на мгновение прикрыла глаза рукой, пытаясь защититься от нестерпимого света, а когда отняла ее, то увидела прямо перед собой вторую Тарамис, ничем отличимую от нее самой. Словно Тьма создала точную копию королевы, одарив ее похотливым, злобным взглядом и яростной безжалостной душой!

С пяти шагов они были неотличимы. Но стоило подойти чуть ближе и заглянуть в глаза пришельце, как сразу пробирала дрожь и становилось ясно — она одержима демоном!

Наряд исчадия тьмы был похож на тот, что предпочитала Тарамис: легкая шелковая рубашка, перепоясанная поясом из разноцветной тесьмы, парчовые шальвары, на

ногах маленькие замшевые куафиры, покрытые позолотой.

— Кто ты такая? — прошептала Тарамис. — Отвечай, как ты попала сюда, или я позову стражу!

— Стражу? Ну что ж, зови! Кричи громче! — усмехнулась незваная гостья. — Только это не поможет тебе! Слуги твои не проснутся до утра, даже если весь дворец запылает! А гвардейцев тут нет — я приказала им покинуть это крыло!

— Да как ты посмела! — воскликнула оскорбленная Тарамис. — Никто, кроме меня, не вправе приказывать гвардейцам!

— В самом деле, сестрица? Ты ошибаешься, потому что я сделала это, перед тем как войти сюда. И эти болваны в доспехах беспрекословно подчинились! Ведь они приняли меня за свою возлюбленную повелительницу. Видела бы ты, с каким царственным величием, с какой неотразимой женственностью я повелевала этими глупцами...

Тарамис сделалось страшно. Кольцо неведомой угрозы все теснее сжималось вокруг нее.

— Кто ты? — вскричала она в отчаянии. — Зачем ты пришла сюда? Уходи, или я прикажу тебя бросить в темницу!

— В темницу... — задумчиво повторила незнакомка. — Что ж, это неплохая мысль! — В нежном голосе незнакомки слышалось шипение разъяренной кобры. Склонившись над ложем, она схватила королеву за плечи и заглянула в глаза. Взгляд этот парализовал Тарамис.

— Несчастная! — взвизгнула гостья. — И ты еще спрашиваешь, кто я такая? И ты еще гадаешь? Я Саломея!

— Саломея? — Тарамис ощутила, как волосы зашевелились у нее на голове, когда это страшное имя проникло в глубины ее сознания. — Саломея... Я думала, ты умерла сразу же после рождения...

— Многие так думали, — ответила та, что назвалась Саломеей. — Когда отнесли меня умирать в пустыню — будь они все прокляты! Беспомощного плачущего, еле живого ребенка! А знаешь, почему меня обрекли на смерть?

— Я слышала... Мне рассказывали...

С яростным хохотом Саломея разорвала тунику у себя на груди. Между двумя тугими полущариями виднелось родимое пятно в виде красного, как кровь, полумесяца.

— Знак ведьмы! — отшатнулась Тарамис и сделала рукой знак, отворачивающий демонов.

— Он самый! — полный ненависти смех был острее лезвия ятагана. — Проклятие правящего рода Хаурана! До сих пор на восточных базарах наивные глупцы повторяют байки о том, как первая в нашем роду владычица сошлась с Повелителем Тьмы и понесла от него дочь, имя которой помнят и по сей день. И с тех пор раз в сто лет в асхаурийской династии появляется ребенок со зловещей отметиной. Девочка с алым полумесяцем на груди. «Каждый век да родится ведьма!» — так звучит древнее проклятие. И оно сбывается! Иных из нас убивали при рождении, — как пытались сделать и со мной! Другие оставались жить ведьмами, — гордые дочери Хаурана, отмеченные зловещим полумесяцем на мраморном теле, и каждой имя было Саломея! Саломея была всегда, и пребудет вовеки! Пусть сойдут с кромки земли полярные льды, пусть обратится мир во прах и заново возродятся царства земные, — все равно будет шествовать по свету царственной походкой гордая Саломея, и будут чары ее поработать мужчин, и будут по капризу ее казнить безвинных!

— Но ты... ты...

— Что я? — Глаза ведьмы вспыхнули зеленым пламенем. — Меня вывели далеко за крепостную стену, бросили на раскаленный песок, на самом солнцепеке, и уехали, оставив плачущее дитя на растерзание стервятникам и шакалам! И все же я выжила, ибо корни Силы моей уходят в такие глубины, что не в силах вообразить ум человеческий.

Шли часы, солнце палило нещадно — а я не умирала. Владыка Тьмы простер надо мной невидимую длань, и я выжила! Но до сих пор, пусть смутно, но я помню эти муки!

Потом появились верблюды и желтолицые люди с раскосыми глазами. Они сбились с караванной тропы. Их вождь увидел меня и узрел знак у меня на груди.

Он взял меня на руки. И спас мне жизнь.

Это был кхитайский маг, возвращавшийся из странствий по Стигии. Он забрал меня в Пайканг, Град Пурпурных Пагод, окруженный зарослями бамбука. Там я и выросла, постигая волшебную премудрость. С годами мой наставник делался все могущественнее и я многое переняла у него...

Она помолчала немного, с загадочной улыбкой.

— В конце концов, он прогнал меня, сказав, что я всего лишь обычная ведьма, которой не дано обрести истинную власть над силами Тьмы. Он сетовал на то, что я не годилась для той роли, которую он мне уготовил. Да, мне не удалось стать владычицей мира! И что же? Я только рада была, что не нужно больше сидеть в одиночестве в Золотой Башне, часами всматриваться в магический кристалл, бесконечно повторять заклинания, на чертанные кровью девственниц на змеиной коже, и листать проеденные плесенью фолианты, от которых меня мучило. Наставник назвал меня земной нежитью, которой не дано постичь магию космоса. Что ж, все, что мне нужно, я сумею найти и на земле, — власть, блеск, роскошь, прекрасных любовников и покорных рабынь! Кроме того, он поведал мне и о моем прошлом, и о проклятии. И вот я вернулась, чтобы взять то, что принадежит мне здесь по праву.

— Как? — оскорбленная Тарамис вскочила. — Неужто ты полагаешь, что, заморочив голову слугам и стражникам, получила права на хауранский трон? Запомни, королева здесь я! Конечно, ты получишь все, что полагается тебе по праву крови, но...

Саломея расхохоталась.

— Твоя щедрость поразительна, милая сестрица! Но прежде чем одарить меня своими щедротами, поведай мне, что за войско стоит лагерем за городской стеной?

— Это шемиты-наемники. Ими командует Констанции-ус, кофский вельможа.

— И что же привело их в барханы Хаурана?

Тарамис вспыхнула, почувствовав в тоне сестры издевку, но сумела совладать со своим гневом и надменно ответила:

— Кофиец нижайше просил нас позволить ему провести своих солдат через хауранские земли! Его путь лежит в Туран. Он головой поручился за свое войско, и,

покуда отряды его находятся в пределах королевства, он останется моим заложником.

Саломея хищно усмехнулась.

— Так почему же этот ничтожный заложник осмелился сегодня утром просить твоей руки?

Тарамис зарделась. Этого никто не мог знать. Так откуда же эта ведьма...

— Откуда тебе известно о том, что происходит в хауранском дворце?

Ведьма пожала плечами, не желая отвечать.

— Не могу поверить, чтобы ты отказала такому красавцу.

— Разумеется, отказала! — гневно выкрикнула Тарамис. — Как могла ты, принцесса крови, подумать, что королева Хаурана даст иной ответ? Как могла вообразить, что я выйду замуж за бродягу, у которого руки по локоть в крови, с позором изгнанного из родных краев, за главаря шайки наемных убийц и грабителей? Недаром его прозвали Стервятником! Мне, вообще, не следовало бы впускать этих чернобородых мясников в пределы Хаурана. Но пока он заточен в Южной Башне, и мои гвардейцы надежно стерегут его. Завтра же я прикажу, чтобы орда его покинула королевство, и пусть он останется в заложниках, покуда не уйдет последний солдат. Я предупредила Констанциуса, что он головой поплатится, если хауранским крестьянам и пастухам будет причинен хоть малейший ущерб!

— Так значит, этот самый Стервятник томится в Южной Башне? — не отставала Саломея.

— Да, я же сказала! А зачем тебе это?

Ведьма хлопнула в ладоши и провозгласила торжествующе:

— Королева приглашает тебя войти, Стервятник!

Золоченные двери распахнулись, и в опочивальню шагнул рослый воин. При виде его Тарамис воскликнула с гневом и удивлением:

— Констанциус! Как ты оказался здесь? И как посмел переступить порог моей опочивальни?

— Да, это я, Ваше Величество! — Пришелец склонил голову в глумливом поклоне. Лицом он и впрямь напоминал стервятника. И красив был особой, хищной красотой. Лицо его было опалено солнцем, волосы цвета

воронова крыла, откинuty назад. На нем была черная куртка и высокие сапоги, — обычный походный наряд воина, местами носивший следы ржавчины от панциря.

Подкрутив усы, наемник оглядел вжавшуюся в угол кровати королеву с такой бесцеремонностью, что она содрогнулась.

— Клянусь Иштар, Тарамис, — с деланным восхищением заметил он. — Ночная рубашка куда больше тебе к лицу, чем королевский наряд. Да, ничего не скажешь, ночь начинается совсем неплохо!

Ужас мелькнул в глазах Тарамис. Она сразу поняла, что Констанциус неспроста отважился на подобное оскорбление.

— Безумец! — воскликнула она. — Пусть в этой комнате я в твоей власти, но тебе не уйти от мести моих слуг — они разорвут тебя в клочья, если посмеешь меня коснуться! Попробуй, если жизнь тебе не дорога!

Кофиец расхохотался, но Саломея жестом остановила его.

— Сейчас не время веселиться. Послушай, сестрица. А ведь это я подслала этого кофийца в твою столицу, чтобы он помог мне занять престол. Он идеально подошел для осуществления моих замыслов, ибо напроць лишен того, что люди именуют добродетелью.

— Ты слишком любезна, моя госпожа! — с иронической усмешкой поклонился Констанциус.

— Да, я послала его в Хауран! А когда его люди встали лагерем под стенами и сам он отправился во дворец, я проникла в город через Западные Ворота — стерегущие их болваны приняли меня за королеву, решили, что это ты возвращаешься с вечерней прогулки.

Щеки Тарамис вспыхнули, и гнев возобладал над королевским достоинством.

— Ах ты, змея! — вскрикнула она.

Саломея с усмешкой продолжала:

— Они, конечно, были удивлены, но впустили меня без единого слова. Точно так же я прошла во дворец и приказала стражникам, охранявшим узника, удалиться. Потом уже направилась сюда, а по дороге успокоила твою служанку...

Побледневшая Тарамис дрогнувшим голосом спросила:

— А потом?

— Слушай, несчастная! — гордо откинув голову, Саломея указала на окно. Сквозь толстые стекла доносились тяжелая поступь многочисленных отрядов, лязг оружия и доспехов. Приглушенные голоса отдавали команды на чужом языке, раздавались сигналы тревоги и испуганные крики.

— Люди проснулись и, должно быть, удивлены, — ядовито заметил Констанциус. — Неплохо бы тебе, Саломея, пойти успокоить их.

— Отныне зови меня Тарамис, — поправила его ведьма. — Нам нужно привыкать к этому...

— Что вы сделали? — закричала в ужасе королева. — Что вы сделали еще?

— Ах да, я совсем забыла сказать тебе, что велела страже отпереть ворота. Они, конечно, были удивлены, но не посмели послушаться. И теперь шемитские легионы входят в город.

— Демоново отродье! — вскричала Тарамис. — Ты воспользовалась нашим сходством, чтобы обмануть людей! О, Интар! Мой народ сочтет меня предательницей! Я должна выйти к ним...

С ледяным смехом Саломея схватила ее за руки и оттолкнула назад. В тонких руках ее была такая нечеловеческая сила, что королева с трудом удержалась на ногах.

— Стервятник, тебе знакома дорога из дворца в подземелье? — спросила ведьма и, когда тот кивнул, продолжала: — Хорошо! Возьми эту самозванку и запречь в самую глубокую темницу! Стражу там я усыпила своими чарами. Пока они не очнулись, пошли кого-нибудь перерезать им глотки. Никто не должен знать, что произошло этой ночью. Отныне я Тарамис, а она — забытая богами и людьми безымянная узница подземелья.

Наемник улыбнулся, обнажая ряд крупных белых зубов.

— Ну что же, пока, как будто, все идет на лад. Надеюсь, ты позволишь мне поразвлечься немного, прежде чем эта крошка попадет в подземелье?

— Если хочешь. Научи ее уму-разуму...

Саломея толкнула сестру в объятия Констанциуса и с торжествующей улыбкой покинула опочивальню.

Она еще раз улыбнулась, когда в коридоре до нее донесся долгий крик, исполненный отчаяния.

Одежда молодого воина была покрыта засохшей кровью, потом и пылью. Кровь еще сочилась из глубокой раны на бедре и порезов на груди и руках. Капли пота выступили на лице, искаженном от гнева, черты которого выдавали в раненом уроженца запада; пальцы терзали покрывало постели.

— Она, должно быть, помутилась рассудком, — повторял он вновь и вновь. — Это точно дурной сон! Чтобы Тарамис, возлюбленная моя королева, предала Хауран в угоду этому демону в человеческом обличье!.. О, Интар, лучше бы они убили меня! Уж лучше смерть в бою, чем такое бесчестие!

Он бился на ложе в горячечном бреду, и ревность наемника-аквилонца, без памяти полюбившего королеву чужой страны, смешивалась в его разгоряченном сознании с благородством воина, не могущего равнодушно взирать на позор и унижение державы, коей он служит.

— Пропу тебя, Валерий, лежи спокойно, — умоляла его девушка, перевязывавшая воина. — Не то разбередишь рану — а я еще не сбегала за лекарем...

— И не смей этого делать! — прохрипел раненый. — Скоро чернобородые демоны Констанциуса примутся обыскивать дома в поисках уцелевших, и горе тому, кто попадется им в руки! О, Тарамис, как могла ты так предать людей, обожествлявших тебя!

Валерий откинулся на подушки, содрогаясь от гнева, а перепуганная девушка обняла его, прижимая голову к груди и умоляя успокоиться.

— Нет, лучше смерть, чем позор, ставший уделом Хаурана! Я, аквилонец, и то не могу снести этого бесчестия! — стонал Валерий. — Ты что-нибудь видела, Игва?

— Нет, любимый. — Нежные, чуткие руки ее умело перевязывали раны. — Я проснулась, услышав шум битвы на улице. Выглянула в окно и увидела, что шемиты убивают наших. А потом ты постучал в дверь — я едва услышала...

— Сил едва хватило доползти, — прошептал Валерий. — Упал рядом с домом в переулке и не мог даже подняться, хотя знал, что там меня сразу увидят. Клянусь

Иштар, я уложил троих! Не топтать им больше мостовых твоей родины — их сердца пожрет нечисть в преисподней!

Я не был на посту, когда шемиты вошли в город. Мы были свободны от службы и спали в казарме. А на рассвете вбежал наш командир, бледный, при мече и в доспехах. «Шемиты в городе! — закричал он. — Королева вышла к Южным Воротам и приказала впустить их! Я ничего не понимаю, и никто не может понять, но приказ я слышал своими ушами, и мы не могли не подчиниться. А теперь нам велено собраться перед дворцом. Построиться у казарм в колонны и без снаряжения двигаться на площадь. Одна Иштар ведает, что все это значит, но такова воля королевы!»

Когда мы вышли на площадь, шемиты уже ждали нас. Они выстроились в каре — десять тысяч вооруженных наемников в латах и со щитами — а горожане испуганно выглядывали из окон и дверей. Улицы, что вели к площади, были запружены ошеломленным народом. Тарамис стояла на ступенях дворца, а рядом с ней — Констанциус, довольный, точно сытый кот, проглотивший птичку. Перед ними сплошной шеренгой стояли полсотни шемитских лучников, хотя это место королевской гвардии. Но гвардейцы стояли среди нас, в таком же недоумении, как и все остальные. Зато они, вопреки приказу, пришли вооруженными. Тарамис обратилась к нам и сказала, что еще раз обдумала предложение кофийца — хотя не далее как вчера, при всем дворе, отказала ему, — и приняла решение стать его женой. И ни слова о предательском вторжении шемитов. Лишь сказала, что у этого прислужника Тьмы достаточно опытных воинов, так что Хаурану больше нет нужды содержать собственную армию, а поэтому она будет распушена.

И повелела нам с миром разойтись по домам.

Мы привыкли повиноваться королеве. Но слова ее настолько поразили нас, что мы даже не могли осознать их смысла. Но затем приказали сложить оружие гвардейцам, и вперед неожиданно вышел их капитан, Конан. Кто-то мне говорил: ночью он не был на посту и крепко покутил. Но сейчас вполне пришел в себя. Он велел гвардейцам не двигаться без его команды, и они подчинились не королеве, а ему.

Он взбежал тогда по ступенькам к Тарамис и, взглянув на нее, воскликнул:

— Да это не королева Тарамис перед вами! Это демон в ее обличье!

Что тут началось... Я толком и не разглядел, кто был первым. Кажется, какой-то шемит замахнулся на Конана и упал замертво на ступени. И тотчас же площадь превратилась в поле битвы: шемиты сошлись в схватке с гвардейцами, но копья и стрелы их поразили многих безоружных хауранцев. Большинство из нас, схватив что под руку попало, также вступили в бой, сами не зная, за кого деремся. Нет, не против Тарамис, клянусь — но против Констанциуса и его демонов!

Народ не мог понять, на чьей стороне правда. Толпа металась во все стороны, точно табун взбесившихся от страха лошадей. Шансов на победу у нас не было никаких... куда уж нам, без доспехов, без оружия, против вооруженных шемитов! Гвардейцы оборонялись, как могли, выстроившись в каре, но их было всего пять сотен. Кровавый урожай собрала гвардия, прежде чем шемитская орда смела ее, но исход был предreshен.

А что же делала Тарамис все это время? Стояла невозмутимо на ступенях, и проклятый кофиец обнимал ее за талию! И хохотала, точно и впрямь демон в нее вселился. О, боги! Это безумие, безумие...

Никогда не видел я бойца, что мог бы сравниться с Конаном. Спиной он встал к дворцовой стене, и вскоре перед ним уже была гора трупов в пол человеческого роста. Но в конце концов они одолели и его — сотня против одного. Я видел, как он упал, и мир перевернулся у меня перед глазами. Констанциус велел взять его живым, и ухмылка у него была самая подлая...

* * *

Такая же ухмылка играла на устах у Стервятника и сейчас.

Главарь шемитов восседал на коне, окруженный своими людьми, коренастыми, закованными в броню, с иссиня-черными бородами и крючковатыми носами. Заходящее солнце отражалось в островерхих шлемах и серебристой чешуе панцирей. Примерно в миле от них, среди

буйно зеленеющих лугов, виднелись башни и крепостные стены Хаурана.

На обочине караванной дороги возвышался врытый в землю массивный крест, на котором висел прибитый железными гвоздями человек. Из одежды на нем была лишь набедренная повязка. Крупные капли пота катились по лицу и мощному торсу распятого, из пробитых ступней и ладоней сочились кровь, но глаза под черной гривой спутанных волос горели неукротимым синим огнем.

Констанциус глумливо поклонился ему.

— Весьма сожалею, капитан, что не смогу остаться и посмотреть, как ты издохнешь — у меня слишком много дел в городе. Так что предоставляю тебя собственной судьбе. Нельзя же, в конце концов, заставлять ждать нашу прелестную королеву! А тобой пока займется вон те красавцы, — он указал на небо, где огромные черные птицы выписывали бесконечные круги. — Если бы не они, такой крепкий дикарь, как ты, мог бы надеяться протянуть на кресте еще несколько дней. Но и без того можешь оставить всякую надежду — хотя с тобой не останется даже стражи. Но глашатаи объявили по городу, что любого, кто попытается снять тебя с креста, будь то живым или мертвым, сожгут заживо, вместе со всей его семьей! Запомни, слово мое в Хауране нынче надежнее всякой стражи! А крест я специально велел поставить подальше от городских стен, чтобы не мешать стервятникам...

Подкрутив усы, главарь наемников насмешливо подмигнул Конану.

— Ну, капитан, желаю удачи! Обещаю вспомнить о тебе в ту минуту, когда Тарамис будет стонать в моих объятиях!

Кровь брызнула из пробитых ладоней жертвы. Кулаки, огромные, точно ковриги хлеба, сомкнулись на шляпках гвоздей, взбугрились мышцы на могучих плечах и, изогнувшись, Конан плюнул в лицо Стервятнику. Но тот лишь со смехом утер лицо и поворотил коня.

— И ты вспомни обо мне, когда грифы начнут терзать тебя, — бросил он через плечо. — Стервятники в пустыне весьма прожорливы. Мне доводилось видеть несчастных, часами висящих на кресте, с выклеванными глазами,

оголенным черепом, оборванными ушами, прежде чем кривые клювы обрывали наконец нить его жизни.

И, не оглядываясь больше, погнал коня в сторону города, — стройный, прирожденный наездник в сверкающих доспехах. За ним, вздымая дорожную пыль, поскакали его бородачи.

Смеркалось. Весь мир точно вымер. Насколько хватало взгляда, вокруг не было ни души. Для распятого капитана Хауран, лежащий всего в миле от него, с тем же успехом мог бы располагаться в далеком Кхитае, или даже в другом столетии.

Конан стянул пот со лба и мутнеющим взглядом обвел эти до боли знакомые места. По обе стороны от города и далеко за ним тянулись зеленые луга, стояли виноградники, паслись тучные стада. На горизонте виднелись селения. Ближе, на юго-западе, серебрилась река, сразу за которой начиналась бесконечная пустыня.

Конан вглядывался в раскинувшиеся вокруг просторы, как смотрит на небо попавший в силки ястреб. Загорелое тело киммерийца блестело в лучах заходящего солнца. Гневная дрожь охватывала варвара при взгляде на башни Хаурана. Этот город предал его, запутал в паутине интриг, — и вот он висит на деревянном кресте, точно заяц, пригвожденный к стволу дуба метким копьем охотника.

Все мысли отступили пред неумолимой жадой мести. Без устали Конан изрыгал проклятия. Вся вселенная сошла для него сейчас в этих проклятых четырех железках, лишивших его свободы и грозивших отнять жизнь. Вновь и вновь, подобно стальным канатам, напрягались могучие мышцы, и пот катился градом по телу киммерийца, когда он, используя плечи как рычаги, пытался вытащить длинные гвозди из креста. Тщетно — они были вбиты в дерево на совесть. Тогда он попытался сорвать с гвоздей ладони, и не дикая боль остановила его, а безнадежность. Шляпки были слишком толстыми и широкими.

Впервые в жизни гигант почувствовал себя беспомощным. Голова его упала на грудь...

Когда совсем рядом раздалось хлопанье крыльев, он едва смог приподнять голову, чтобы увидеть камнем падающую в неба птицу. Инстинктивно зажмурившись, он едва успел отвернуться, так что целивший в глаз клюв лишь разодрал щеку. Отчаянный хриплый крик вырвался

у Конана из глотки, и стервятники в испуге разлетелись. Впрочем, недалеко.

Кровь стекала со щеки на губы Конана. Он облизнулся и, ощутив соленый привкус, сплюнул. Жестокая жажда мучила его: он крепко надрался накануне ночью, а с утра перед боем на площади не успел даже глотнуть воды. Он смотрел на далекую гладь реки, точно грешник, на миг выглянувший из адской печи. Ему вспоминались бурные речные потоки, которые он преодолевал вплавь, рога, пенящиеся кисловатым пивом, кубки искрящегося вина, которые случалось ему по небрежности или спяну выливать на пол трактира... И крепко стиснул челюсти, чтобы не завывать от неодолимого отчаяния.

Солнце опускалось за горизонт, бледный шар его тонул в кроваво-красном море. На алом небе четко, точно во сне, вырисовывались силуэты городских башен. Конан взглянул вверх — небосвод отливал алым. Это усталость затачивала глаза его багровой пеленой. Он облизал почерневшие губы и вновь взглянул на реку. Река тоже была алой.

Шум крыльев вновь коснулся слуха. Он поднял голову и горящими глазами смотрел на сужающихся круги птиц. Криком их уже не возьмешь... Один из громадных стервятников начал снижаться. Из всех сил запрокинув назад голову, Конан, с поразительным хладнокровием, принялся ждать.

Гриф упал на него, оглушительно хлопая крыльями. Удар клюва разорвал кожу на плече. И вдруг, прежде чем птица успела отскочить, голова Конана метнулась вперед, и зубы с хрустом сомкнулись на зобе стервятника. Гриф заметался яростно. Бьющиеся крылья его ослепляли человека, острые когти оставляли глубокие борозды на груди. Но Конан дернулся так, что задрожали мышцы челюстей, — и шея грифа не выдержала. Птица трепыхнулась еще раз и бессильно обвисла. Конан разжал челюсти, тело грифа шлепнулось к подножию креста, он сплюнул кровь. Стервятники, словно потрясенные участью, постигшей их сородича, поспешили убраться прочь и, как черные демоны, расселись по ветвям стоявшего в отдалении дерева.

Торжество победы придало сил Конану, кровь быстрее побежала по жилам. Он еще мог убивать — а значит, он жил. Все в нем противилось смерти.

— Клянусь Митрой!

Человеческий голос или галлюцинация?

— В жизни ничего подобного не видел!

Тряхнув головой, чтобы кровь и пот не заливали глаза, Конан взглянул вниз и увидел в темноте четверых всадников.

Трое из них, худощавые, в белых одеяниях, без сомнения, были зуагирами, кочевниками из-за реки. Четвертый, хотя одет был точно так же, как и его спутники, принадлежал к иному племени, — Конан ясно сумел разглядеть это даже в сгустившихся сумерках.

Ростом он, пожалуй, не уступал Конану и был довольно широк в плечах, хотя и не столь массивен, как северянин. У него была короткая черная борода, волевой подбородок, а взгляд серых глаз — холодный и пронзающий, как сталь.

Уверенной рукой всадник натянул поводья.

— Митра свидетель, я знаю этого человека!

— Да, господин, — отозвался один из его спутников с характерным гортанным выговором зуагиров. — Это тот самый киммериец, что был прежде капитаном гвардии у королевы.

— Значит, вот так там теперь обходятся с верными слугами, — пробормотал всадник. — Никогда бы не подумал, что Тарамис способна на такое. Уж лучше бы они затеяли войну, долгую и кровавую, — тогда и нам, жителям пустыни, нашлась бы пожива. А так, почти до самых крепостных стен добрались и не нашли ничего, кроме одной-единственной клячи, — он кивнул на коня, которого держал в поводу один из зуагиров... — да этого дохлого пса!

Конан поднял залитое кровью лицо.

— Если бы я мог спуститься на землю, мы еще посмотрели бы, кто из нас дохлый пес, мунганский бандит! — прошептали почерневшие губы.

— Клянусь Митрой, эта падаль меня знает! — удивился всадник.

— Ты единственный такой на всю округу, — проворчал Конан. — Ольгерд, атаман изгоев.

— Верно! И родом я из мунганов, это ты точно подметил. Хочешь жить, варвар?

— А ты как думаешь?

— Характер у меня нелегкий, — заметил Ольгерд, — и в людях я ценю только отвагу. Вот сейчас и проверим, мужчина ты или, и вправду, дохлый пес.

— Как бы нас не засекли со стен, когда станем его снимать, — предостерег один из кочевников. Но Ольгерд возразил властно:

— Слишком темно. Бери-ка топор, Джебал, и руби крест у основания.

— Но если крест упадет вперед, его раздавит, — возразил Джебал. — А назад — так у него башка треснет, и кишки все отобьет.

— Перетерпит, если хочет ехать со мной! — отрезал Ольгерд. — А если нет, так и жить ему незачем. Руби!

Первый удар по кресту невыносимо острой болью отозвался в распухших ладонях и ступнях варвара. Вновь и вновь опускался топор, и каждый удар точно бил ему по обнаженным, истерзанным пыткой нервам. Но Конан, прикусив губу, не издал ни единого стога. Наконец топор впился глубоко в дерево, и крест подался назад. Киммериец весь подобрался, завязав узлом твердые, точно сталь, мышцы, и прижался головой к брусу. Длинная деревянная балка рухнула на землю, от удара подскочив почти на локоть, и на мгновение от невыносимой боли Конан лишился чувств, но, очнувшись, понял, что крепкое сложение и железные мускулы уберегли его от серьезных повреждений.

Одобрительно хмыкнув, Джебал склонился над ним с клещами, какими выдергивают гвозди из подков, и ухватил шляпку штыря, удерживавшего правую ладонь. Клещи оказались маловаты. Джебал сопел и ругался сквозь зубы, пытаясь расшатать упрямую железку, крутил его туда-сюда, терзая древесину и живую плоть. Кровь текла меж пальцев киммерийца, лежавшего недвижимо, подобно труп, — лишь грудь его тяжело вздымалась.

Но вот наконец гвоздь поддался. Торжествуя, подняв вверх окровавленный штырь, Джебал затем отшвырнул его прочь и перешел к другой руке. Все повторилось. Затем кочевник занялся ступнями Конана. Но внезапно

варвар сел на землю, оттолкнул Джебала в сторону и вырвал у него клещи.

Кисти его распухли едва ли не вдвое, сгибать пальцы было сущим мучением. Однако киммериец, хоть и не сразу, но сумел вытащить гвозди из ступней, — они были забиты не столь глубоко.

Он поднялся, нетвердо держась на распухших, обезображенных ногах. Ледяной пот катился по лицу его и телу. Он стиснул зубы, пытаясь преодолеть боль, — у него начались судороги. Равнодушно наблюдавший за ним Ольгерд указал рукой на краденую лошадь, и Конан, спотыкаясь, побрел к ней. Каждый шаг отдавался мучительной болью, и на губах гиганта выступила пена.

Изуродованная ладонь ухватила за луку седла, окровавленная ступня с трудом нашла стремя. Сжав челюсти, киммериец оттолкнулся от земли, едва не потеряв сознание от боли, и наконец взобрался в седло. Ольгерд хлестнул коня плетью, тот взвился на дыбы, едва не сбросив измученного всадника на землю. Но Конан успел намотать на руки поводья и осадить лошадь, да с такой силой, что едва не свихнул ему челюсть.

Один из кочевников вопросительно показал на флягу с водой, но гарет покачал головой.

— Потерпит до лагеря. Здесь езды-то всего десять миль. Должен продержаться, если хочет показать, что способен жить в пустыне.

Всадники поскакали к реке. Конан глядел на мир сквозь кровавую пелену, застывшую взор, и пена засыхала на его почерневших губах.

3

Ведомый в своих странствиях по Востоку неутолимой жаждой познания, философ Астрис Оссарский писал своему ученому другу Алкидху, остававшемуся в родной Немедии. Большая часть сведений о тех мифических краях была почерпнута Западом именно из этого источника.

Вот что писал аквилонский мудрец:

«Ты и вообразить не можешь, мой старый друг, какие порядки установились в этом небольшом государстве, с тех пор как королева Тарамис открыла врата столицы

Констанциусу с его наемниками, — в предыдущем своем послании я уже упоминал об этом. С тех пор минуло семь месяцев, и кажется, сами демоны правят теперь бал в этой несчастной земле. Тарамис, по-моему, напрочь лишилась рассудка. Славившаяся прежде своей добродетелью, справедливостью и милосердием, ныне она выказывает себя в совершенно ином свете. Личная жизнь ее — это сущее оскорбление нравов, да и личной ее едва ли позволительно называть, ибо королева даже не делает попыток скрыть разгул распутства, царящий при дворе. Она дает волю любым своим страстям, устраивает пользующиеся дурной славой застолья (точнее будет сказать, оргии), принуждая участвовать в них придворных дам, как замужних, так и девиц. Сама она не сочла даже нужным узаконить связь со своим любовником Констанциусом, который восседает рядом с ней на троне, словно законный владыка. Его офицеры, следуя примеру предводителя, преследуют всякую приглянувшуюся им женщину, не глядя на происхождение и положение.

Несчастное королевство стонет под непосильным игом бесчисленных податей. Ограбленные до нитки крестьяне питаются лишь кореньями, купцы ходят в лохмотьях, — это все, что осталось им после уплаты налогов. И они еще радуются, что спасли хотя бы свою жизнь.

Предвижу твои сомнения, досточтимый Алкидх, ибо боюсь, что сочтешь мой рассказ предвзятым и недостойным доверия. Верно, подобное было бы немыслимо ни в одной из стран Запада. Однако не забывай, насколько непохож на наши края Восток, и в особенности, эта небольшая страна. Тебе известно, что Хауран — крохотное королевство, бывшее некогда частью Кофской империи, и вожделенную независимость обрело оно совсем недавно. Соседствует оно с подобными же карликовыми государствами-городами, которые ничего общего не имеют с западными державами или обширными султанатами, лежащими дальше на Востоке, однако отличаются необыкновенным влиянием и богатством, ибо держат в руках своих все караванные пути. Хауран, расположенный на юго-востоке, граничит с пустынными просторами Шема. Название свое королевство получило по имени столицы, являющейся самым крупным — чтобы не сказать единственным — городом в стране. И, подобно сторожевой

башне, защищает Хауран свои плодородные земли и пастбища от набегов кочевников.

Земли здешние столь обильны, что дают урожаи трижды в год. Равнины к северу и западу от города густо населены. У человека, привыкшего к обширным западным поместьям, крошечные местные поля и виноградники могут вызвать разве что усмешку, однако зерно и фрукты роятся здесь в изобилии. Население занято в основном крестьянским трудом. Это мирные, напрочь лишённые воинственности люди... тем более, сейчас им запрещено носить оружие. С незапамятных времен живут они под защитой столичного гарнизона и совершенно утратили боевой дух. Крестьянское восстание, непременно вспыхнувшее бы в подобных условиях на Западе, здесь немыслимо. И пахарь стонет, как последний раб, под железной пятой Констанциуса, а наемники его, чернобородые шемиты, расхаживают по полям, орудуя плетью, точно надсмотрщики на невольничьих плантациях в Южной Зингаре.

Немногим лучше участь горожан. Нищета стала общим уделом; дочери их отданы на потеху Констанциусу и его солдатам. Люди эти не знают жалости. Вспомни, с какой яростью сражались наши воины с шемитскими союзниками Аргоса, — как отвратительны были немедийцам их нечеловеческая жестокость, ненасытная алчность и зверства.

Горожане, принадлежащие к правящему сословию Хаурана, ведут свое происхождение от хайборийцев: отсюда их благородство и воинский дух. Однако измена королевы отдала горожан во власть угнетателей. Никто, кроме шемитов, не имеет права носить оружие, и горе тому, в чьем доме захватчики найдут меч! С небывалым ожесточением истребляется цвет нации, молодые боеспособные мужчины, — их казнят или продают в рабство. Тысячам юношей не осталось иного выхода, как бежать из города, под знамена чужеземных правителей или в банды грабителей.

С особой остротой написала сейчас угроза нападения шемитских кочевников, питающих лютую ненависть к уроженцам западных городов Шема, — Пелиштимы, Анакимы и Акхаримы. Ибо, как должно быть тебе известно, любезный мой Алкидх, эта страна варваров разделена на две части: плодородную западную, изобилующую города-

ми и пастбищами, и нищую восточную, полностью покрытую пустынями, где обитают племена зуагиров и прочих кочевников. Пламя войны между горожанами и номадами не угасает веками. С незапамятных времен пытались зуагиры овладеть Хаураном, но безуспешно. И теперь, когда город захватили ненавистные им западные сородичи, гордость кочевников уязвлена. Ходят слухи, вражду эту всячески раздувает человек, служивший прежде капитаном королевской гвардии. Приговоренный к распятию на кресте, он каким-то чудом сумел ускользнуть из рук палачей Констанциуса. Имя этому человеку Конан, и родом он из варварского племени киммерийцев, чью необузданную ярость не раз приходилось сдерживать доблестным нашим воинам. В деревнях поговаривают, что человек этот стал правой рукой Ольгерда, мунганского наемника родом из восточных степей, ставшего главарем зуагиров. Ходят слухи также, что в последнее время банда кочевников заметно набрала мощь. Судя по всему, Ольгерд, по наущению киммерийца, готовится к нападению на Хауран. Однако они обречены на поражение: не имея опыта штурма городов и надлежащей осадной техники, кочевники неминуемо будут разгромлены в прямом столкновении с обученными и хорошо вооруженными шемитами Констанциуса. Горожане, полагаю, встретили бы зуагиров с радостью, ибо в нынешнем их положении любые перемены власти могут быть только к лучшему, однако население настолько запугано и беспомощно, что, при всем желании, не сумеет оказать нападающим поддержки. Воистину, скорбная участь ожидает их!

Что же касается Тарамис, то, наущаемая злым демоном, она запретила поклонение Иштар, и храм ее обратила в языческое капище, где поклоняются идолам и приносят жертвы демонам. Статую Иштар из слоновой кости наемники изрубили топорами прямо на ступенях храма. Хотя богиня эта в нашем пантеоне стоит куда ниже Митры, ее, несомненно, стоит предпочесть Шайтану, которому поклоняются шемиты.

Тем временем Тарамис наводнила храм изображениями божеств обоего пола, сплетенных в сладострастных позах, с самыми отвратительными подробностями, какие только может измыслить извращенный ум. Большинство этих идолов — черные божества шемитов, туранцев, вен-

дийцев и кхитайцев. Другие же и вовсе напоминают злых духов из незапамятного прошлого, чьи внушающие ужас тени сохранились ныне лишь в туманных легендах, неведомых никому, кроме ученых и адептов тайного знания. Откуда Тарамис выкопала их, страшно даже представить!

Королева ввела в обычай человеческие жертвоприношения, и со времен их позорного союза с Констанциусом свыше шестисот мужчин, женщин и детей уже уплатили кровавую дань. Большинство королевой в храме, — причем она лично умерщвляла их ритуальным кинжалом; прочим же была суждена участь куда более страшная. Ибо в тайном подземелье храма поместила Тарамис ужасное чудовище. Что оно такое и откуда взялось — неведомо. Однако доподлинно известно, что, едва был подавлен мятеж гвардии против Стервятника, королева провела ночь в оскверненном храме, с дюжиной связанных пленников. Потрясенные горожане рассказывали позже, будто над куполом храма клубился смрадный дым, а изнутри всю ночь напролет доносились заклинания королевой и предсмертные стоны пленных. Перед самым рассветом послышался новый звук — жуткий нечеловеческий хохот, и кровь застыла в жилах у слышавших его. А под утро Тарамис покинула храм, усталая, но с торжествующим демоническим блеском в глазах. Пленников же никто никогда больше не видел, и хохот этот не повторялся!

Но в храме есть одна зала, куда не вхож никто, кроме самой королевой. И, направляясь туда, правительница ведет с собой намеченную жертву. Никогда больше человек этот не выходит на свет, и люди убеждены, что именно в этом зале таится пожирающее несчастных чудовище, вызванное Тарамис из черной бездны веков.

Я больше не считаю Тарамис простой смертной, — она подобна злобной гарпии, что таится в пропахшей кровью норе, среди костей своих жертв. То, что высшие силы оставляют подобные злодеяния безнаказанными, заставляет меня усомниться в божественной справедливости.

И, сравнивая ее нынешнюю с той, что запомнил я по первым дням своего пребывания в Хауране, я не могу не прийти к мысли, что в тело Тарамис вселился некий демон.

Другое подозрение высказал мне молодой воин, твой соотечественник, по имени Валерий. Родом он из Шамара. Этот юноша утверждает, будто облик чтимой народом королевы приняла некая злобная колдунья; сама же Тарамис томится в подземной темнице дворца. Этот благородный воин поклялся отыскать подлинную королеву, если только та еще жива, но я опасуюсь, что он сам пал жертвой коварного Констанциуса. Участник мятежа, поднятого дворцовой гвардией, он сумел бежать и, наотрез отказавшись покинуть город, нашел убежище в его стенах, — там мне и довелось беседовать с ним. Однако после он исчез, как и многие другие, чьей судьбой здесь не принято интересоваться. Боюсь, согладаясь Констанциуса все же удалось выследить смельчака.

На этом я вынужден завершить свое послание, дабы нынче же ночью отослать его с почтовым голубем. Он принесет мое письмо туда, где родился, — на кофскую границу. Оттуда нарочный доставит этот свиток тебе. Мне необходимо успеть до рассвета, а времени остается все меньше, и звезды начинают бледнеть над висячими садами Хаурана. Безмолвие царит над городом, и лишь глухой бой жертвенного барабана доносится со стороны храма. Должно быть, Тарамис в союзе с силами преисподней затевает сейчас новые злодеяния».

* * *

Но философ ошибался. Женщина, называвшая себя Тарамис, стояла в этот миг в подземелье, озаренная трепещущим светом факела. Блики метались по лицу ее, усугубляя демоническую жестокость прекрасных черт.

Перед нею на голой каменной скамье сжалась фигурка, едва прикрытая грязными лохмотьями. Легонько пнув ее носком золоченого сапожка, Саломея мстительно улыбнулась.

— Ты скучала по мне, сестрица?

Несмотря на семимесячное заточение, грязь и лохмотья, Тарамис была по-прежнему прекрасна. Она ничего не ответила и лишь ниже склонила голову.

Безучастность узницы задела Саломею, и она нахмурилась, закусив алую губку. Наряд ее мог роскошно поспорить с одеждами шушанских наложниц. В свете

факела сверкали и переливались самоцветы на сапожках, на золотом нагруднике, платиновых кольцах и браслетах. Волосы были уложены в высокую, как у шемиток, прическу. Золотые серьги с драгоценным камнем, который в далекой Вендии именуют «тигровым глазом», вспыхивали при малейшем движении гордо вскинутой головы. Платье прозрачного шелка подхватывал униженный драгоценными камнями пояс. Небрежно наброшенная на плечи темно-алая накидка скрывала какой-то сверток в левой руке ведьмы.

Внезапно Саломея шагнула вперед и, схватив сестру за волосы, откинула ее голову, чтобы заглянуть той в глаза.

Тарамис, не дрогнув, встретила ее полный ненависти взгляд.

— Почему же ты не рыдаешь, как прежде, сестрица? — прошипела ведьма сквозь зубы.

— У меня нет больше слез! — отозвалась Тарамис. — Довольно тебе тешиться видом королевы, на коленях умоляющей о милосердии. Я знаю, что ты оставила меня в живых, лишь для того чтобы подвергать все новым мучениям! Потому и прекратила телесные пытки, чтобы не убить меня и не покалечить. Но я больше не боюсь тебя! Во мне не осталось ни стыда, ни страха, ни надежды. И довольно об этом, демоново отродье!

— Ты переоцениваешь свои возможности, сестрица, — злобно усмехнулась Саломея. — Я еще найду возможность уязвить твое прекрасное тело и смирить гордыню. Ведь, в отличие от меня, душа твоя весьма ранима — и потому я развлекала тебя рассказами о том, как тешусь над твоими несчастными подданными. Но на сей раз у меня есть доказательство повесомее. Известно ли тебе, что Краллид, твой преданный советник, вернулся из Турана и был схвачен шемитами Констанциуса?

Тарамис побледнела.

— Что ты сделала с ним?

Вместо ответа Саломея извлекла из-под плаща таинственный сверток, и, откинув шелковый платок, подняла за волосы голову молодого мужчины. Лицо его застыло в страшной гримасе — смерть, должно быть, наступила после страшных мучений.

Тарамис испустила стон, точно ее ударили ножом прямо в сердце.

— О, Иштар! Это Краллид!

— Да, Краллид! Он пытался взбунтовать народ! Утверждал, будто прав был Конан, и я не истинная королева. Болван, неужто он надеялся, что чернь с мотыгами и дубинами поднимется против наемников Сокола? Вот и поплатился за собственную глупость! Теперь псы рвут на части его обезглавленное тело, а голова отправится в выгребную яму. Так что плачь, плачь вволю, сестрица. Тебя ждет еще немало таких подарков! — И Саломея торжествующе потрясла головой Краллида.

В тот миг в ней не было ничего человеческого.

Тарамис не поднимала глаз. Она ничком лежала на грязном сыром полу, и худое тело ее сотрясалось от рыданий. Сжатые кулачки молотили по каменным плитам.

Медленно, звеня браслетами, Саломея направилась к двери.

Через несколько минут, у выхода из подземелья, ведьму встретил рослый широкоплечий шемит с мрачными глазами и длинной черной бородой. Могучая грудь его была затянута серебристой кольчугой.

— Ну как, взвыла она все-таки? — Голос его был подобен реву буйвола — низкий и глубокий, как гремевший в отдалении гром. Это был командир наемников, один из немногих приближенных Констанциуса, кому известна была участь истинной королевы Хаурана.

— Еще бы, Кумбанигаш. Еще остались в душе ее струны, которых я пока не задевала. Когда одно из чувств притупляется, всегда можно найти другое, более отзывчивое к пыткам.

К ним приблизилась согбенная фигура в лохмотьях, — грязная, со спутанными светлыми волосами и странной подпрыгивающей походкой. Один из тех нищих, что в изобилии водились ночью в открытых садах и аллеях дворца.

— Лови, тварь! — Саломея швырнула ему голову Краллида. — Лови, презренный пес. Брось это в выгребную яму... Кумбанигаш, он, кажется, глухой. Покажи ему, что нужно сделать!

Наемник повиновался, и всклокоченный нищий закивал понимающе и заковылял прочь.

— К чему этот балаган? — прогудел Кумбанигаш. — Ты настолько прочно сидишь на троне, что уже не найдется силы, чтобы столкнуть тебя с него. Так почему бы этим болванам-хауранцам не узнать правду? Что они смогут сделать? Ты бы царствовала под своим собственным именем! А бывшую королеву выстави на главной площади и прикажи отрубить ей голову...

— Еще не время, достойный Кумбанигаш.

Тяжелая дверь закрылась за ними, заглушив высокий голос Саломеи и громовое гудение Кумбанигаша.

Нищий притаился в одном из уголков сада. Там не было никого, чтобы заметить, насколько не вяжутся с согбенной фигурой и грязным тряпьем его руки, сильные и мускулистые.

— Теперь я знаю точно! — прошептал голос едва слышно. — Она жива! О, Краллид, муки твои были не напрасны! Они бросили ее в подземелье! О, Митра Податель Жизни, помоги мне!

4

Ольгерд алым вином наполнил изукрашенный самоцветами кубок и пустил золоченый фиал по черной глади столешницы прямо в руки Конану-киммерийцу.

Одеянию Ольгерда мог бы позавидовать не только любой обожающий пышность варварский вождь, но и утонченный принц далекого Запада. Главарь кочевников был облачен в белую шелковую тунику, расшитую на груди жемчугом и перегапанную в талии поясом из переплетенных причудливым образом золотых и серебряных шнуров. Зеленый атласный тюрбан обвивал остроконечный стальной шлем, отделанный золотом и черной эмалью. Пышные шальвары были заправлены в сапоги из тщательно выделанной кожи. Единственным оружием Ольгерда был кривой широкий кинжал в ножнах из слоновой кости, на манер кочевников заткнутый за пояс слева.

Удобно расположившись в высоком резном кресле, Ольгерд вытянул скрещенные ноги и шумно прихлебывал благородный напиток из драгоценного кубка.

В противоположность утонченному мунганцу, киммериец выглядел куда строже. Черные, гладко зачесанные волосы, испещренное шрамами загорелое лицо, пронзительные синие глаза. На нем была вороненая кольчуга, а единственным украшением служила золотая пряжка пояса, на котором висел меч в потертых кожаных ножнах.

Они сидели вдвоем в шатре из тонкого шелка, освещенном восточными светильниками. Пол был застлан шкурами, добытыми в набегах коврами и бархатными подушками.

Шум большого военного лагеря доносился до них снаружи. Вершины палм колыхались под порывами горячего ветра пустыни.

— Как переменчива судьба! — воскликнул Ольгерд и, слегка ослабив пояс, потянулся к кувшину с вином. — Из жалкого мунганского разбойника я превратился в предводителя армии зуагиров. Ты еще семь месяцев назад висел на кресте, в двух полетах стрелы от хауранских стен, а ныне — правая рука величайшего вождя кочевников, от туранских укреплений до самых пастбищ Запада! Ты должен быть мне благодарен!

— За что? За то, что оказался тебе полезен? — Конан со смехом поднял свой кубок. — Если ты и позволишь человеку возвыситься, так уж, верно, не без выгоды для себя. А я всего в жизни привык добиваться собственной силой, потом и кровью! — Он взглянул на свои изуродованные ладони. И то были не единственные новые шрамы, появившиеся на теле варвара за эти семь лун.

— Это правда. Дерешься ты не хуже целого полчища демонов, — согласился Ольгерд. — Но не благодаря же твоей отваге приходят к нам все новые и новые воины. Кочевникам давно не хватало истинного вождя. Должно быть, потому-то они скорее склонны доверять чужеземцам, чем соплеменникам. И теперь для нас нет ничего невозможного. Сейчас у меня одиннадцать тысяч воинов. Через год их будет вдвое больше. До сих пор мы грабили лишь пограничные города Турана. С тридцатью тысячами мы оставим набеги, развяжем настоящую войну, завоюем себе королевство, и я взойду на престол. Ты еще увидишь меня владыкой Шема! Будешь мне послушен — останешься моей правой рукой. Маршалом, канцлером, вице-королем! А сейчас нам нужно нанести удар на восток и

захватить туранскую крепость Везек — там собирают пошлину с проходящих караванов, и можно неплохо поживиться.

Конан отрицательно покачал головой.

— Я так не думаю.

— Что значит, не думаешь? Я возглавляю войско — мне и думать!

— Для моих целей воинов вполне достаточно, — возразил киммериец. — Не люблю оставлять долги неоплаченными.

— А, вот оно что. — Ольгерд покосился на него и хлебнул вина. — Никак не можешь забыть этот крест? Похвально, но с этим придется обождать.

— Когда-то ты обещал, что поможешь мне взять Хауран, — сказал Конан.

— Верно, так ведь когда это было! Я в ту пору и представить не мог, что такая армия соберется. К тому же, я хочу разграбить город, а не захватывать его. А ослаблять войско мне ни к чему — Хауран слишком крепкий орешек. Вот через годик посмотрим...

— Через неделю, — оборвал его Конан, и твердость его слов заставила мунганца сменить тон.

— Послушай, дружище, если бы я и решился рискнуть своими парнями, неужто ты думаешь, что нашим волкам под силу осадить и взять неприступный Хауран?

— Ни осады, ни приступа не будет. Я знаю, как выманить этого кофийского пса за стены.

— Так и что с того? — воскликнул Ольгерд в гневе. — Пока мы будем осыпаться друг друга стрелами, их конница без труда сомнет нашу. Они пройдут через нас, как нож сквозь масло.

— Нет, если за нами встанут три тысячи отчаянных хайборийских конников, привыкших сражаться в строю, по всем правилам военного искусства.

— И где же ты возьмешь три тысячи хайборийцев? — рассмеялся мунганец. — Из воздуха, что ли?

— Они уже ждут, — отозвался Конан, не замечая насмешки. — Три тысячи хауранских воинов собрались в оазисе Акель и ожидают моего приказа.

— Что? — Ольгерд разъярился, точно загнанный в ловушку волк.

— То, что слышал. Эти люди бежали от власти Стервятника и скитались изгнанниками в пустыне. Зато теперь это закаленные, готовые на все воины. Настоящие тигры-людоеды. Каждый из них стоит в одиночку трех наемников. Неволя и пережитые несчастья только укрепляют истинных мужчин и возжигают в его душе адский огонь. Они разбились на мелкие отряды, им не доставало вождя. Через своих гонцов я связался с ними со всеми. И теперь они собрались в оазисе и ожидают моего приказа.

— И все это без моего ведома? — Глаза Ольгерда недобро вспыхнули, рука потянулась к кинжалу.

— Они признали над собой мою власть, а не твою.

— И что же ты наобещал этим ублюдкам?

— Я сказал, что волки пустыни помогут им свергнуть Стервятника и освободить Хауран.

— Болван! Ты что, вообразил себя вождем?

Оба вскочили. В серых глазах Ольгерда полыхнули яростные огни. Губы киммерийца тронула угрожающая усмешка.

— Я прикажу, чтобы тебя разорвали четыре жеребца, — процедил мунганец сквозь зубы.

— Клики людей, да прикажи, — отозвался Конан. — Посмотрим, кого они послушают.

Хищно осклабившись, Ольгерд вскинул руку, но вдруг остановился. Его удержала насмешливая уверенность Конана.

— Выродок с западных гор, — прошипел бандит. — Как ты осмелился на заговор?

— В этом не было нужды, — ответил Конан. — Ты лгал, когда говорил, что люди приходят не из-за меня. Напротив. Хоть они и выполняют твои приказы, но сражаются за меня. Двух вождей у войска быть не может, а все знают, что я сильнее тебя. Мы с ними говорим на одном языке — ведь я такой же дикарь, как и они.

— Но что скажет армия, когда ты отдашь приказ сражаться за Хауран?

— Подчинится! Я обещал им караван золота из королевской сокровищницы. Хауран не откажется заплатить такой выкуп за изгнание Стервятника. А потом пойдем на Туран, как задумано! Народ подобрался жадный, им все равно, с кофийцем биться, или с кем еще.

Лишь сейчас Ольгерд осознал, какой крах постиг все его устремления. За мечтаниями о собственной империи он проглядел то, что творилось под боком. И лишь теперь мелочи обрели вдруг подлинное свое значение. Слова Конана не были пустой угрозой. В черной кольчуге стоял перед ним истинный предводитель зуагиров.

— Так умри, собака! — зарычал мунганец, хватаясь за кинжал. Но рука Конана с кошачьей стремительностью метнулась вперед, сомкнувшись на запястье Ольгерда. Раздался треск костей, и напряженная тишина повисла в шатре. Они застыли друг напротив друга, недвижимые, точно высеченные из камня. Капли пота выступили у Ольгерда на лбу.

Конан засмеялся, но пальцев не разжал.

— Что, Ольгерд, тяжело приходится?

Улыбка не сходила с лица киммерийца. Мышцы его заиграли, взбугрились, и мощные пальцы с новой силой стиснули дрожащую руку мунганца. Послышался хруст костей, и лицо Ольгерда сделалось пепельным. Из прикушенной губы брызнула кровь — но он не издал ни звука.

Конан, смеясь, отпустил его и отступил на шаг. Мунганец покачнулся и оперся здоровой рукой о стол.

— Я дарю тебе жизнь, Ольгерд, ибо ты спас мою, — сказал Конан бесстрастно. — Хотя с креста ты меня снял исключительно ради собственной пользы. Тяжелое это было испытание — ты бы не выдержал. Такое под силу только нам, западным варварам. Ступай, садись на коня — он привязан за шатром, вода и припасы во व्यоках. Отъезда твоего никто не заметит, однако поспеши: побежденному вождю не место в пустыне! Если воины увидят тебя таким, покалеченным, лишенным власти, то живым тебе не уйти!

Ольгерд молча выслушал Конана и так же молча повернулся и вышел из шатра. Молча взобрался он в седло рослого белого жеребца, привязанного в тени раскидистой пальмы, молча вложил сломанную руку за отворот туники, натянул поводья и направил коня на восток, в пустыню, чтобы навсегда исчезнуть из жизни зуагиров.

Конан остался один. Осушив кубок, он утер рукавом губы. Ему полегчало. Он отшвырнул кубок в угол, поправил ремень и вышел вон. Остановившись на секунду, он

обозрел расстилавшееся перед ним море палаток из верблюжьей шерсти. Между палаток расхаживали люди в белых одеждах кочевников. Они пели, ссорились, чинили конскую сбрую и точили клинки.

Голос Конана был подобен грому, и раскаты его донеслись до самых дальних шатров:

— Эй вы, Нергалово отродье, слушайте меня! Все сюда — я хочу кое-что вам сообщить!

5

Воины, собравшиеся в одной из башен крепостной стены, внимательно слушали, что говорил им их товарищ. Все они были молодыми, крепкими, отважными бойцами. Чувствовалась в них закалка, что приобретает лишь в тяжелых испытаниях. На них были кольчуги, кожаные доспехи и мечи на поясе.

— Я знал, что Конан прав — это не Тарамис! — убеждал их Валерий. — Целый месяц под видом глухого нищего я следил за всем, что происходит во дворце. И наконец подозрения мои подтвердились: настоящая королева томится в подземной темнице. Тогда я стал ждать удобного случая. И тут мне подвернулся стражник-шемит. Я его оглушил, затащил в ближайший погреб и допросил с пристрастием. Прежде чем издохнуть, вот что он мне поведал: Хаураном правит ведьма по имени Саломея, Тарамис же заключена в самом глубоком подземелье! Набег зуагиров будет нам на руку. Какие планы могут быть у Конана, предугадать трудно. Скорее всего, он намерен сквитаться с Констанциусом, но может разрушить и разграбить город. Нам не понять ход его мыслей. Но я знаю одно — киммерийцам нельзя доверять! Когда я был еще мальчишкой, эти подлые псы обманом захватили аквилонский форт Венариум! И не пощадили никого!

Хауранцы слушали западного воина с опасливым вниманием. Пока они не до конца понимали, куда клонит этот желтоволосый чужестранец.

— Наша задача — в разгар битвы освободить королеву! — продолжал Валерий. О, хоть бы удалось повести за собой этих смуглых черноволосых простаков! Главное — спасти Тарамис! Истинную королеву Хаурана, от которой

он без ума. Пусть сотни этих бестолковых южан падут под копытами шемитской конницы. Да и неистовому киммерийцу тоже туда дорога. А он вместе со своей возлюбленной вернется в Аквилонию. — Скоро Констанциус выведет войско за ворота — они уже седлают коней. Выдержать осаду городу не под силу: нет припасов. Слишком уж внезапно появились кочевники. Конан уже готовится к штурму: наши разведчики донесли, что зуагиры подвозят к городу стенобитные машины и осадные башни. Киммериец обучил их ратному мастерству — он ведь искусен в западных военных науках! Констанциус непременно выведет войска им навстречу, чтобы покончить с кочевниками одним махом. В городе останется не больше трех сотен зуагиров, да и те будут большей частью на стенах и на воротах, так что тюрьма останется практически без охраны. А когда освободим Тарамис — решим, что делать дальше! Если Конан будет брать верх, покажем Тарамис народу и кинем клич к восстанию. Люди поднимутся, я уверен! А перебить шемитов у нас сил хватит, даже голыми руками. Потом закроем ворота и от наемников, и от кочевников! Ни те, ни другие в город не войдут! А там можно будет и с Конаном попробовать договориться. Он всегда был верен присяге. Мы скажем ему всю правду, и королева обратится к нему — будем надеяться, он согласится отвести войска. Но скорее всего, кофиец одержит победу! Тогда придется бежать из города и спасать королеву! Вы все поняли?

Собравшиеся согласно закивали. О, Митра, вроде бы согласились!

— Препоручим же мечи и души наши богине Иштар и двинемся к тюрьме. Наемники уже покидают город через Южные Ворота!

Так оно и обстояло в действительности. Солнце играло на островерхих щемах воинов, нескончаемым потоком льющихся через распахнутые настежь ворота, на белых чепраках тяжелых боевых коней.

Битва, как принято на Востоке, должна была начаться с конной атаки. Всадники стальной рекой хлынули из городских ворот, — грозные бойцы в вороненых и серебряных кольчугах, в кирасах и цельных доспехах, бородастые, с хищно загнутыми носами. Свиные глаза их горели яростной решимостью.

Люди высыпали на улицы, выглядывали из окон, молча провожая взглядом чужеземных воинов, вышедших защитить их столицу. Но горожане не испытывали к ним ни благодарности, ни сочувствия.

На башне, возвышавшейся над главной улицей города, что вела к Южным Воротам, Саломея насмешливо разглядывала Констанциуса, препоясывавшегося мечом и натягивавшего стальные чешуйчатые рукавицы. В окна доносился шум движущегося войска: скрип лошадиной сбруи, тяжелый конский топот по мостовой.

— Еще до вечера мы разгромим этот сброд! — заявил кофеиц. — У тебя будет довольно пленников, чтобы хоть весь год кормить своего демона в храме! Должно быть, он уже пресытился нежными горожанами. Жилистые кочевники, надеюсь, придутся ему больше по вкусу.

— Смотри, как бы не нарваться на дикаря похуже моего Хауга, — отозвалась Саломея. — Не забудь, кто ведет зуагиров.

— Память у меня хорошая, потому-то я и выхожу ему навстречу. Этот паршивый пес воевал на Западе и знает, как штурмовать города. Мои разведчики подобрались к самому их лагерю, а это нелегко, ведь у зуагиров орлиное зрение. Но они успели разглядеть, что верблюды тащили катапульты, тараны и осадные башни. Клянусь Иштар! Чтобы соорудить их столько, десять тысяч человек должны были трудиться не меньше месяца. А где он взял дерево и железо — ума не приложу! Неужто договорился с туранцами? Впрочем, пользы ему от этого не будет. Я встречался в бою с песчаными волками. Сперва они стреляют из луков — но тут моих воинов защитит броня. Затем — конная атака. Мои отряды прорвут строй кочевников, ударят с тыла и разобьют эту орду в пух и прах. А вечером, когда я войду в Южные Ворота, мы приведем сотни пленных. Ночью на дворцовой площади можно будет устроить празднество: моим парням нет большей радости, чем жечь пленных и сдирать с них кожу. А вот Конана неплохо бы взять живым и посадить на кол перед самым дворцом.

— Развлекайся, сколько душе угодно! — невозмутимо откликнулась Саломея. — Я давно мечтала о платье из человеческой кожи. Не забудь только отдать сотню пленников мне: для жертвы в храме и для Хауга.

— Как скажешь, — отозвался Констанциус, приглаживая волосы рукой в кольчужной перчатке. — Итак, я отправляюсь сражаться и победить во имя незапятнанной чести Тарамис! — Он взял украшенный перьями шлем в левую руку, правой же отдал шутовской салют. Через минуту с улицы донесся его властный голос, отдававший команды.

Лениво, точно кошка, потянувшись, Саломея поднялась с места и кликнула:

— Занг!

Жрец с пожелтевшим, будто пергаментным, лицом беззвучно скользнул в комнату.

Саломея указала на подставку из слоновой кости, где лежали два хрустальных шара, и велела жрецу взять тот, что поменьше.

— Езжай следом за Констанциусом! Будешь доносить мне о ходе сражения. Ступай!

Желтолицый жрец низко поклонился, пряча шар в складки черного плаща, и поспешно удалился. Вскоре донесся стук копыт и грохот закрывавшихся ворот.

По широкой мраморной лестнице Саломея поднялась на крышу, защищенную от солнца балдахином. Отсюда открывался вид на опустевшие улицы и безлюдную дворцовую площадь — жители Хаурана предпочитали держаться подальше от оскверненного храма. Город как будто вымер.

Только на южной стене и на крышах соседних домов толпились горожане. Они не издавали обычных в таких случаях приветственных криков, ибо не знали, победы желать кофийцу или поражения. Победы — значит, вновь вернется иго ненавистных шемитов! Поражения — и в городе начнутся грабежи и резня! Конан ничего не сообщал им о своих намерениях, но о его варварском происхождении помнили все.

Полки наемников выступили на равнину. Вдали, на берегу реки виднелась конница. Противоположный берег был усеян черными точками: осадные машины пока оставались на месте. Должно быть, Конан опасался нападения в момент переправы.

Отряды шемитов двинулись вперед — сперва шагом, затем перешли на рысь. Глухой рев донесся до стоящих на стене.

Две встречные волны столкнулись и смешались в клубящемся водовороте. Невозможно было разобрать, кто нанес первый удар.

Тучи пыли, поднявшиеся из-под копыт, затянули поле битвы, подобно густому туману. Изредка из-за завесы вырывались всадники, и вновь исчезали; порой сверкало оружие.

Саломея, недовольно передернув плечами, спустилась вниз. Во дворце стояла тишина: все, слуги и рабы, вместе с горожанами следили сейчас за ходом сражения. Ведьма вернулась в зал, где прощалась с Констанциусом, и подошла к возвышению. Она увидела, что хрустальный шар помутнел и покрылся кровавыми пятнами. Склонившись над ним, ведьма прошептала заклинание.

— Занг! — позвала она. — Занг!

Внутри шара закружились туманные пятна, распадаясь в мелкую пыль. Мелькали неясные темные силуэты. Порой, подобно молнии в ночи, сверкала сталь.

Затем появилось лицо Занга — так четко, словно он стоял перед Саломеей, глядя на нее выпученными от ужаса глазами. По голому черепу текла кровь, желтая кожа казалась серой от пыли. Губы его зашевелились. Случись в зале посторонний, он бы ничего не услышал, но для Саломеи голос жреца звучал отчетливо, точно их разделяло всего несколько шагов. Лишь демонам тьмы ведомо было, что за магические нити связывают два хрустальных шара.

— Саломея! — произнес раненый.

— Слышу! — прокричала ведьма. — Говори!

— Мы погибли! Клянусь Сетом, Хауран потерян! Подо мной убили коня, я не могу спастись! Люди падают вокруг меня... Эти, в серебряных кольчугах, они гибнут, как мухи...

— Прекрати скулить и объясни толком, что происходит! — гневно велела Саломея.

— Мы атаковали этих псов пустыни, — начал жрец, — и они двинулись на нас. Полетели тучи стрел. Кочевники дрогнули. Констанциус бросил клич к наступлению, и мы пошли на них строем. Но орда расступилась в стороны, и перед нами оказались тысячи хайборийских конников — такого никто не ждал! Хауранские воины на боевых конях

и в полном вооружении! Плотным железным клином они обрушились на нас. Мы и опомниться не успели, как они вспороли наш строй. И тогда с двух сторон ударили кочевники. Ряды наши смешались, нас сломали, и началось побоище. Этот проклятый Конан! Осадные машины были лишь приманкой — каркасы из пальмовых стволов, да натянутые пестрые тряпки! Наших разведчиков обманули! Коварством выманили армию за городские стены на погибель. Шемиты Сокола бегут! Конан зарубил Кумбанигаша! Констанциуса я не вижу! Хауранцы терзают нас, точно львы-людоеды! Кочевники расстреливают из луков! Я... ах-х...

В хрустале блеснула сталь, брызнула кровь, — и изображение исчезло, словно лопнул пузырь на воде. Саломея застыла, вглядываясь в опустевший шар. Затем хлопнула в ладоши, и в комнате появился жрец, точь-в-точь похожий на покойного Занга.

— Констанциус разбит! — торопливо сказала она. — Мы погибли! Скоро Конан станет ломиться в городские ворота. Что станет со мной тогда, гадать не приходится. Но сперва я удостоверюсь, что любимая моя сестрица уже никогда не взойдет на трон. Будь что будет, но Хауга мы угодим на славу! Ступай за мной!

Они уже спускались во двор, когда со стен донесся нарастающий рев, — толпа, собравшаяся там, увидела победу Конана. Из облаков пыли вырывались всадники и устремлялись к городу.

Дворец был соединен с тюрьмой длинной галереей с островерхой крышей. Затем Саломея и жрец ступили в широкий коридор, откуда круто вниз уходили ступени. Внезапно Саломея застыла, как вкопанная, и проклятье сорвалось с ее губ. В тени стены лежал, уставив короткую бороду в потолок, стражник-шемит; голова его была почти отделена от тела.

Внизу послышались приглушенные голоса и торопливые шаги нескольких человек, на стене замелькали отблески пламени.

Саломея отступила во тьму, притаившись за массивной колонной, и там же укрылся жрец. Рука ведьмы потянулась к позолоченному кошельку, что висел у нее на поясе.

Яркое пламя чадающего факела пробудило королеву Хаурана от забытья. Она приподнялась, опершись на руку, и открыла глаза. Должно быть, новые козни Саломеи... Однако послышался взволнованный голос:

— Тарамис! О, моя королева!

Ей показалось сперва, что это продолжается сон, но за светом факелов она различила блеск оружия и человеческие фигуры. Пятеро мужчин склонились над нею, — суровые загорелые лица.

Завернувшись в лохмотья, королева сжалась в комочек, со страхом ожидая своей участи.

Как вдруг один из пришельцев пал на колени и простер к ней руки.

— О, Тарамис! Иштар помогла нам отыскать тебя! Помнишь ли ты меня? Я Валерий, аквилонец! Когда-то, после битвы при Корвеке, ты удостоила меня поцелуем...

— Валерий, — простонала королева. — Должно быть, мне это снится... Это новые чары Саломеи...

— Нет! — Голос его дрожал. — Мои твои верные слуги и пришли спасти тебя. Но нужно торопиться! На равнине Стервятник сражается с Конаном, который привел из-за реки зуагиров, однако в городе осталось не меньше трех сотен шемитов. Стражник убит, вот его ключи. Других часовых мы не встретили. Уходим, быстрее!

Вздохнув с облегчением, королева лишилась чувств. Не раздумывая, Валерий подхватил ее на руки и двинулся вслед за своими товарищами, державшими факелы. Они стали подниматься по сырым ступеням лестницы — казалось, им не будет конца — и наконец очутились в коридоре. Внезапно возле портала факелы погасли, и послышался чей-то короткий предсмертный вскрик. Голубая вспышка на мгновение выхватила из темноты разъяренные лица Саломеи и ее спутника.

Вспышка была такой яркой, что хауранцы на миг лишились зрения. Валерий кинулся прочь, сжимая в объятиях королеву, а сзади доносились крики, звуки ударов и хищное рычание. Внезапно сильный толчок поверг воина на пол, и кто-то вырвал у него Тарамис. С трудом он поднялся на ноги и потряс головой, чтобы прийти в себя. Он был один в коридоре, спутники его лежали в

лужах крови, текущей из глубоких ран. Ослепленные адским пламенем, они, должно быть, даже не смогли защищаться. Все четверо были мертвы.

Королева исчезла.

Выругавшись в сердцах, Валерий выхватил меч, стащил с головы погнутый шлем и изо всех сил швырнул его на пол. Из раны на лбу тонкой струйкой потекла кровь. Он заозирался по сторонам, пытаясь понять, куда уволокли Тарамис, как вдруг услышал, что кто-то зовет его:

— Валерий! Валерий!

Спотыкаясь, он побежал на голос, и через минуту в его объятиях оказалось знакомое стройное тело.

— Игва! Да ты с ума сошла!

— Я должна, должна была пойти за тобой! — со слезами в голосе отозвалась девушка. — Я следила за вами и спряталась во дворе под аркой. Только что я видела ее и слугу, который тащил женщину. Я узнала Тарамис и поняла, что что-то случилось с вами... Ты ранен!

— Царапина! — Он оттолкнул ее руку. — Быстрее, Игва! Показывай, куда они побежали!

— Через двор в сторону храма.

Молодой воин побледнел.

— Митра! Вот ведьма! Она решила принести Тарамис в жертву демону. Скорее беги к южной стене и скажи всем, что нашлась настоящая королева, и ведьма тащит ее в храм. Беги!

Вся в слезах, девушка бросилась через площадь на улицу, что вела к крепостной стене. Валерий же устремился к мрачному зданию, возвышавшемуся напротив дворца. Ноги его почти не касались каменных плит. В спешке Саломея со жрецом не закрыли за собой тяжелую дверь. Вбежав в храм, молодой воин мгновенно увидел их. Королева очнулась и сопротивлялась изо всех сил, предчувствуя неминуемую гибель. На мгновение ей даже удалось вырваться из цепких рук жреца — но она тут же была схвачена вновь.

Они были уже в центре огромного зала, на другом конце которого находился чудовищный жертвенник, а за ним — высокие железные двери. Многим довелось пройти через них, но назад возвращалась одна лишь Саломея.

Во время отчаянного сопротивления с королевы слетели все лохмотья, и она казалась лесной богиней в объятьях демона. Ведьма бежала к дверям, нетерпеливо оглядываясь. В полумраке мелькали перекошенные лики идолов.

Обнажив меч, Валерий в ярости бросился вперед. Саломея предостерегающе вскрикнула, и желтолицый жрец, отшвырнув прочь Тарамис, извлек из ножен окровавленный клинок.

Однако убивать несчастных, ослепленных колдовским пламенем, было куда легче, нежели совладать с молодым, сильным хайборийцем, охваченным бешенством битвы.

Кровавый клинок взмыл вверх, но меч воина оказался быстрее и попросту отсек жрецу кисть. Брызнула кровь. Опьяненный боем, Валерий наносил все новые и новые удары, покауда бездыханное тело наконец не рухнуло на пол. Бритая голова откатилась в сторону.

Валерий, похожий в этот миг на лесного хищника, обернулся в поисках Саломеи. Та склонилась над Тарамис. Одной рукой ведьма держала сестру за волосы, другой, с кинжалом, нацеливалась для удара. Вновь просвистел меч Валерия и вонзился в грудь ведьмы с такой силой, что вышел между лопатками на добрый локоть.

С диким криком чернокнижница рухнула на колени, схватившись за лезвие меча, и рухнула наземь, содрогаясь в конвульсиях. Во взгляде ее не было ничего человеческого. С необычайной силой цеплялась она за жизнь, что вытекала через нанесенную Валерием рану, — клинок его рассек алый полумесяц у ведьмы на груди. Извиваясь в агонии, Саломея царапала и грызла каменные плиты.

Валерий с отвращением отвернулся и поднял королеву. Та почти лишилась чувств. Оставив позади издыхающую ведьму, он вынес Тарамис во двор, к подножию лестницы.

Площадь была заполнена народом. Кто откликнулся на призывы Игвы, кто просто бежал с городских стен в страхе перед ордой. Отупение и равнодушие сменились подъемом, толпа волновалась и шумела, потрясая кулаками. Со стороны ворот доносились глухие удары тарана.

Отряд разъяренных шемитов теснил толпу — то была стража Северных Ворот, спешившая на подмогу к Южным. Но все — и стражники, и народ — онемели от

изумления, когда на ступенях храма появился светловолосый юноша, державший на руках обнаженное тело.

— Вот ваша королева! — провозгласил Валерий, пытаясь перекрыть толпу.

Люди ничего не могли понять.

Всадники-шемиты принялись пробиваться к ступеням храма, избивая горожан древками копий.

И вдруг...

За спиной Валерия появилась стройная фигура в окровавленном белом одеянии. И люди увидели, что на руках юноша держит их повелительницу, а другая, точная ее копия, стоит в дверях храма.

Завидев ведьму, Валерий ощутил, как стынет кровь у него в жилах: ведь меч его пробил ей сердце. По всем законам природы ей полагалось умереть. Но она была жива.

— Хауг! — завопила ведьма, оборотясь к дверям. — Хауг!

В ответ донесся громовой хохот, треск дерева и звон лопающегося металла.

— Это королева! — заорал сотник-шемит, хватаясь за лук. — Стреляйте в этих двоих на лестнице!

Но толпа взревела, подобно стае бешеных собак. Люди осознали наконец, что говорил им Валерий и кто их истинная королева. С диким рычанием набросились люди на шемитов, вооруженные лишь зубами, когтями да кулаками.

Саломея, с высоты взиравшая на это кровавое месиво, внезапно покачнулась и упала замертво на мраморные ступени, — теперь она действительно была мертва.

Стрелы свистели вокруг Валерия, пытавшегося укрыться за колонной портика. Конные шемиты стреляли и рубили направо и налево, пытаясь уйти от расправы. Валерий добежал до дверей храма и собрался было переступить порог, как вдруг повернулся и с криком ужаса бросился прочь.

Из мрака, царившего в храме, вывалилась огромная черная туша и гигантскими лягушачьими прыжками устремилась к Валерию. Юноша увидел, как сверкают налитые кровью глаза, заметил клыки и когти, похожие на кинжалы, и попытался бежать. Стрела, просвистевшая над ухом, напомнила, что за спиной тоже смерть.

Четверо или пятеро шемитов пробились сквозь толпу, и кони их были уже на ступенях. Стрелы со звоном ударили в колонну. Тарамис не приходила в сознание и казалась бездыханной.

Прежде чем шемиты успели выстрелить еще раз, неимоверная туша показалась в дверях храма. Наемники в ужасе поворотили коней и поскакали назад в толпу. Люди в панике побежали, топча упавших.

Но чудовищу нужны были только Валерий и королева. Протиснув свое могучее колышущееся тело в ворота, оно понеслось следом за юношей, бежавшим вниз по ступеням. Валерий слышал ее приближение за спиной, — огромной твари, порожденной самым сердцем мрака, черной желеобразной туши, в недрах которой можно было различить лишь горящие жаждой крови глаза и наводящие ужас клыки.

Раздался стук копыт, и отряд израненных, залитых кровью шемитов ворвался на площадь и стал вслепую прорубаться сквозь толпу. То были стражники Южных Ворот. Их преследовали всадники с окровавленными мечами, кричавшие что-то по-хаурански, — то были бежавшие в пустыню гвардейцы, вернувшиеся ныне в родной город. За ними скакали полсотни чернорободых кочевников во главе с гигантом в разорванном бурнусае, под которым виднелась кольчуга.

— Конан! — воскликнул Валерий. — Это Конан!

Завидев юношу, тот поспешил отдать приказ своим воинам. Не останавливая коней, зуагирь вскинули луки, натянули тетиву и выстрелили. Стрелы смертоносной тучей запели над толпой и вонзились в чудовище. Тварь замерла и зашаталась, испустив ужасный рев, — черная клякса на белом мраморе. Всадники дали еще залп, затем еще один... Омерзительное кваканье раздалось из поганой пасти. Чудовище рухнуло и покатилося по ступеням — мертвое, подобно ведьме, что вызвала из черной пучины тысячелетий.

Конан осадил коня и спрыгнул на землю.

Валерий бережно опустил королеву на мраморные плиты и рухнул рядом — силы оставили его. Толпа всколыхнулась, напирая. С проклятиями Конан отогнал всех прочь и склонился над девушкой.

— Клянусь Кромом, это же Тарамис! Но кто тогда та, другая?

— Демоница, принявшая ее облик, — прохрипел Валерий.

Конан выругался и, сорвав с ближайшего воина плащ, накрыл им обнаженное тело королевы. Она открыла глаза и с изумлением посмотрела на покрытые шрамами руки киммерийца.

— Конан! — Нежные пальчики ее схватили воина за плечо. — Неужто я сплю? Ведь она сказала, что тебя убили!

— Убили, да не совсем, — широко улыбнулся Конан. — Вы не спите, Ваше Величество! Там, у реки, я в пух и прах разбил армию Констайциуса! Они бежали, трусливые псы, но до стен не дошел ни один — я приказал не брать пленных, кроме их вождя. Стража захлопнула ворота у нас перед носом, но мы вышибли их тараном. Своих волков, не считая этой полусотни, я оставил снаружи крепости. Не могу поручиться за их поведение в городе...

— О, Иштар! Что за кошмарный сон! — вздохнула королева. — Мой многострадальный народ! Конан, ты должен помочь нам — отныне ты и капитан гвардии, и мой главный советник!

Конан засмеялся и отрицательно покачал головой. Он встал и помог подняться королеве, затем знаком велел хауранцам спешиться и ждать приказаний повелительницы.

— Ни к чему это, Ваше величество! Хватит с меня капитанства. Теперь я вождь зуагиров и поведу их на Туран, как обещался. Вот из этого молодца, — он кивнул в сторону Валерия, — получится исправный капитан, а мне наскучила жизнь среди мраморных стен. А пока я должен оставить тебя и закончить главное: в городе еще полно шемитов!

Сказав это, Конан жестом приказал подать ему коня и, вскочив в седло, умчался прочь, увлекая за собой зуагирских лучников.

Тарамис, опираясь на плечо Валерия, обернулась ко дворцу, и ликующая толпа расступилась, образовав коридор до самых дверей. Валерий почувствовал, как чья-то нежная ладонь коснулась его правой руки, онемевшей от тяжести меча, и он опомниться не успел, как оказался в

объятиях Игвы. Увы, это была всего лишь Игва! А не Тарамис!

Юноша посмотрел на королеву, окруженную ликующим народом, и сердце его сжалось. Вся слава победителя досталась киммерийцу, а он всеми забыт и покинут! Что ж, видно Митра захотел, чтобы в Аквилонию он вернулся один, без черноокой королевы Хаурана!

Но мир и покой суждено было обрести не всем, — ибо иные лишь для того приходят на свет, чтобы неустанно сражаться, и нет у них другой дороги.

...Всходило солнце. На древнем караванном пути, от стен Хаурана до самой реки, выстроились всадники в белых одеждах. Впереди, на огромном белом жеребце, восседал Конан-киммериец. Неподалеку от него торчал из земли обрубок деревянного бруса. Рядом возвышался массивный деревянный крест. На кресте, прибитый по рукам и ногам железными гвоздями, висел человек.

— Семь месяцев назад, кофийский пес, — сказал ему Конан, — ты стоял на моем месте, а я висел на кресте!

Констанциус ничего не ответил, лишь облизнул почерневшие губы. В глазах его не было ничего, кроме боли и страха.

— Но пытаться гораздо приятнее, чем терпеть самому! — продолжал Конан невозмутимо. — Я висел точно так же, но выжил, благодаря счастливому случаю и парварской живучести. Только где уж вам, цивилизованным людям, равняться с нами. Вы только и умеете, что чинить боль — но не сносить ее сами. Да, за жизнь вы бороться не способны! Солнце не успеет зайти, как ты умрешь. Так что прощай, падаль! Теперь пусть тебе составят компанию такие же стервятники, как ты сам! — И он указал на черные тени, кружащиеся в небе над головой распятого.

Кофиец закричал от ужаса.

Конан натянул поводья, и жеребец его послушно потрусил к реке, сверкавшей серебром в лучах утренней зари. Следом за вождем двинулись всадники в белом. Жалость неведома людям пустыни — на Констанциуса они взирали безучастно. Копыта коней отбивали в пыли ритм похоронного марша распятому, а голодные стервятники описывали круги все ниже и ниже...

Предисловие

Идея написать продолжение «Саги о Конане» пришла нам в тот момент, когда мы просматривали июньский номер «Observer» за прошлый год. Там была опубликована прелюбопытная статья Раймонда Креспа о творчестве Говарда. Автор ее тщательно исследовал архивы Мастера и проиллюстрировал свой обзор несколькими не публиковавшимися ранее записками этого удивительного американского фантаста, где был намечен перечень романов, которые тот планировал написать.

Наше внимание привлекли несколько строк, из которых явственно следовало, что Говард задумал крупное произведение или цикл рассказов, предшествующих его знаменитому «Часу Дракона».

Этот изумительный роман, вобрал в себя множество идей, которые впоследствии были развиты и продолжены его последователями. В нем особенно ярко видна щедрость дарования Говарда. Он словно нарочно разбросал в тексте множество волнующих строк о биографии отважного киммерийца и о всей Хайборийской эпохе в целом. И их с лихвой хватило на последующие шесть десятилетий, чтобы вдохновить целую плеяду писателей, трудолюбиво воссоздавших изобильную приключенцами жизнь Конана.

Нам показалась интересной идея реконструировать возможный замысел самого Говарда, и мы решили начать изучение его произведений, стараясь как можно тщательнее проникнуть в тайны творческого процесса. Нашей задачей было попробовать отыскать в оригинальных текстах те намеки, из которых, как из кусочков *puzzles*, можно было бы сложить целостную картину.

Легко убедиться, что аквилонский период жизни Конана описан автором весьма отрывочно. Кроме упомянутого «Часа Дракона», мы имеем «Луну цитадели», «Феникс на мече», с публикации которых, собственно, и начались приключения киммерийца, рассказ «Там за Громоу рекой», где более повествуется о пиктско-аквилонской войне, нежели о самом киммерийце, и рассказ «Сокровища Траникоса», где намечаются основные завязки сюжета о захвате Конаном власти в Аквилонии и свержении им короля Нумедида, из которых впоследствии и вырос роман Спрэга де Кампа «Конан Освободитель» (в рус. пер. «Под знаменем Черных Драконов» Прим. ред.). И цикл повестей и рассказов о последнем отрезке жизни Конана Аквилонского, где он разрушает братство Белой Руки и убивает своего заклятого врага коварного стигийского жреца Тот-Амона.

Остальные лакуны из «аквилонского периода» более или менее заполнены последователями Мастера. Вспомним роман Бьорна Ниберга «Конан Мститель» (в рус. пер. «Мститель» Прим. ред.), роман Спрэга де Кампа «Конан Освободитель» (в рус. пер. «Тени Ужаса» Прим. ред.), а также целый ряд романов, созданных франкоязычными и германоязычными авторами.

Но тот период, который нас заинтересовал, почему-то обойден вниманием создателей саги. Кое-где (например, в многочисленных редакциях биографии Конана, написанной Спрэгем де Кампом) вскользь говорится о том, что киммериец быстро продвигается по аквилонской службе, достигает высоких военных постов, воюет с пиктами (рассказ «Красная луна» Прим. ред.), а потом отъезжает в столицу, где на своей шкуре испытывает коварство короля Нумедида.

И еще одно белое пятно. В хрестоматийном «Часе Дракона» основной завязкой сюжета служит то, что четверо врагов Конана: Амальрик Торский, принц Валерий, немедиец Тараск и жрец Ораст замышляют свергнуть киммерийца с Рубинового Трона Аквилонии. Остается загадкой, чем же им так не угодил гордый северянин и как эти четверо сошлись вместе, дабы совершить злодейство, воскресив с помощью Сердца Аримана пифонского жреца Ксальтотуна.

Кое-что можно выудить из самого текста романа. Например, тот факт, что зловещий камень был найден жрецом Орастом. Но всем его приключениям в поисках зловещего талисмана посвящен один абзац. Можно додумать, что, скорее всего, вместе с ним странствовал и Валерий, — иначе как судьба могла его, аквилонского нобилия, занести в далекий Кхитай, откуда он привез раскосых убийц с посохами из Змеинного Древа. Несколько строк посвящены и Тараску: по крайней мере, можно понять, что он претендует на престол Бельверуса, но между ним и бельверусским тронном «стоит король Нимед и три его сына», а барон Амальрик, богатый аквилонский вельможа, крайне заинтересован в том, чтобы его протезе взошел на престол, подготовив тем самым почву для него самого, ибо Амальрик жаждет стать императором всей западной части Хайбории.

В рассказе «Черный Гигант» упоминается о том, что Конан служил в Хорайе под предводительством некоего Амальрика из Немедии, можно утверждать — того самого. Стало быть, здесь надо искать корни их вражды? Но из рассказа в этом смысле мало что можно подчеркнуть. Еще один штрих к биографии Амальрика: в бытность свою в Немедии он спас жреца Ораста от остра. Следовательно, весьма вероятно, что Ораст — его земляк.

Кое-что можно выяснить о персонажах второго плана. Будущие друзья и соратники короля Конана: пуантеский граф Троцоро, его наперсник Просперо, командир Черных Драконов Палангид, казначей Публий, жрец Митры Декситей. Будущие враги, не считая Амальрика, Валерия, Ораста и Тараска — граф Аскаланте из Туны, поэт Ринальдо и приятель Валерия Феспий.

Все они появляются в «Часе Дракона», «Алой цитадели», «Фениксе на мече», и можно попытаться из отдельных фраз восстановить их биографии и взаимоотношения с киммерийцем. Правда, когда мы охватили взором всех героев наших романов, то поняли, что по выражению Борхеса написали нечто, многочисленным своим затмившее «Сон в Красном Тереме».

Еще один загадочный эпизод, который не давал нам покоя! Помните, в конце «Часа Дракона» некто Тиберий, бывший владетель Амилли, заманивает Валерия в ловушку, мстя ему за то, что он казнил его сыновей, а дочь обесчестили и убили его наемники. В тексте романа нигде не говорится о подобных преступлениях аквилонского принца. А стоило бы сказать, ведь этот Тиберий не просто проходной персонаж! В противном случае, его появление выглядит более чем натянуто. Можно предположить, что все перечисленное Тиберием происходило до того, как Валерий сверг Конана и стал наместником Аквилонии.

Вот, пожалуй, и все, если не считать еще десятка замечаний, рассыпанных по страницам романов о Конане. И, вдохновившись этим небогатым материалом и несколькими строками из обзора Раймонда Креспы, мы решили по крупницам воссоздать возможный замысел самого Мастера.

Словно археологи, склеивающие древнюю вазу из черепков, мы шаг за шагом приближались к тому, чтобы сложить разрозненные факты в единую картину. А когда общий замысел начал вырисовываться, мы всерьез задумались над проблемой стиля и тональности произведения.

Сразу стало ясно, что Говарду подражать не стоит. Его стиль великолепен, но не стоит забывать, что когда мы открываем его романы, нас окутывает флер эпохи младенчества американской фантастики. Можно сколько угодно восхищаться, например, Жюлем Верном, но вряд ли кому-нибудь придет в голову сегодня писать так, как писал великий француз! Тем более, что все многочисленные попытки сочинять «под Говарда» не увенчались успехом. Вспомним хотя бы роман Пола Андерсона «Конан Матезишник» (в рус. пер. «Конан и Секира Света» Прим. ред.), который, несмотря на свои немалые размеры, не имеет и сотой доли того очарования, которое присуще крохотной повести «Королева Черного Побережья» самого Говарда, откуда мистером Андерсоном и почерпнута основная сюжетная канва.

Поэтому мы решили максимально «осерьезнить» Конана и отойти от дешевой маскарадности или плохо скрытой пародийности, которую так часто можно встретить в трудах его последователей. Ведь со времен Говарда прошло больше полувек, и психология читателя сильно изменилась. Он устал от примитивных романов о киммерийце, больше напоминающих комиксы, где знаменитый герой описан явно в расчете на тинэйджеров. Вся его речь сводится к восклицанию «Кром!», а действия — к молниеносному выхватыванию меча и разрубания врага напополам. Таковы романы Бьорна Ниберга, Шона Мура, Лина Картера, Стива Перри, Олафа Эйрикссона, а иногда и самого Спрэга де Кампа.

Однако некоторые молодые и талантливые авторы точно схватили интонацию Говарда и ухитрились создать произведения ничуть не хуже, чем у отца-основателя, но с поправкой на современное читательское восприятие. К числу этих можно отнести Джона Мэддокса Робертса, Роберта Джордана и их канадского коллеги Майкла Мэнсона. Их романы интересно читать в любом возрасте. Они достаточно реалистичны и не напоминают наивную сказку. Нам, например, приятно брать в руки текст, где описано, с каким тщанием киммериец выбирает себе оружие «Конан — головорез» Робертса (в рус. пер. «Город негодяев» Прим. ред.) или заботится о том, чтобы приобрести дорожную карту, а не летит во весь опор на лихом коне, презрев бесчисленные хайборийские границы (там же), как это зачастую случается у многих менее трудолюбивых коллег.

На наш взгляд, вся легковесность поздних романов о киммерийце происходит от того, что молодые писатели, в отличие от Говарда, очень смутно представляют себе ту сцену, на которой действует их герой. Поэтому их Конан действует вне времени (это и понятно: кому охота вычислять месяцы, дни и часы ли не часы дни плотной биографии северянина, скажем, как это делал блистательный Джордан); и вне пространства (наподобие Бритунни, карикатурно описанной Шоном Муром в романе «Конан охотник» (в рус. пер. «Конан идет по следу» Прим. ред.), где жрецы Митры, словно русские волхвы, бродят с березовыми посохами, а несчастный киммериец сражается с неведомым монстром в городской канализации).

Это заставило нас внимательно изучить статьи Говарда о хайборийской эпохе и протудировать все многочисленные исследования

на эту тему. Блестящим примером такого рода работ могут послужить статья Спрэга де Кампа «Технология хайборийской эры» (см. «Конан и Ночные Клиники». Прим. ред.), исследование Майкла Мэнсона «Хайборийский мир: история, география, этнография» (см. «Конан и Грот Дайомы». Прим. ред.), работы Джона Бордмана «Морская торговля в хайборийском мире» и Лина Картера «Правда о хайборийской эре» (там же. Прим. ред.), труды Алана Говарда и Пола Андерсона (планируются к публикации в ближайших томах «Саги о Конане» Прим. ред.).

Это помогло нам описать Аквилонию, Немедию, долины Карпашских гор, Камбую, Меру, Угтару и Ххитай, как нам кажется, достаточно убедительно. По крайней мере, судя по читательской почте, нам удалось добиться того, что герои живут и сражаются в реальном, а не выдуманном из пальца мире.

Сложнее обстояло дело с Аквилонией, ибо у Говарда она описана крайне скупо. Понятно, что боссонцы отличные стрелки, а в Гандерланде имеются недурные скакуны; Пуантен — гордая, независимая провинция, а Шамар является южным форпостом державы... Правда есть еще Венариум — аквилонский форт на границе с Киммерией, который был разгромлен кровожадными соплеменниками Конана. Собственно, этим и исчерпываются заметки о географии Аквилонии. По Говарду, в ней всего пять городов: Тарантия, Танасул, Галларан, Шамар, и Велитриум, — правда последний не город, а форт; и шесть рек: Хорот, Тайбор, Ширка, Громовая, частично Алимана и Красная. Правда, в «Конане — головорезе» Джона Мэддокса Робертса упоминаются еще две — Фури и Оссар. Мы решили несколько увеличить количество населенных пунктов, этимологически действуя так же, как и Говард или Муркок, — несколько изменяя транскрипцию реальных названий. Именно так Говардом были созданы Коринфия (от Коринфа), Аквилония (от Аквитании), Тайбор (от Тибра), Кордава (от Кордовы) и т. п.

Проще было с религиозными культами (они у Говарда представлены достаточно подробно), с архитектурой, деталями быта и социальным устройством общества. То, что не было описано в говардовских текстах, мы подчеркивали из франкского фольклора (когда речь шла об Аквилонии) или древнегерманского (описывая Немедию). Так на страницах наших произведений появились «реальные» мифологические персонажи вроде Цернунноса, Бога-Оленя; Секвены, Владычицы Вод; огненных саламандр и трехголовых троллей.

Еще один камень преткновения, о который спотыкаются многие — это меры веса, длины и времени. Не знаем как вы, но мы постоянно раздражались, встречая у последователей Мастера «футы», «киллограммы», «недели» и «часы». Поэтому мы постарались избавить наши романы от таких очевидных нелепостей и использовали как меры, встречающиеся у Говарда, так и исторические реалии, которые, по нашему разумению, вполне соответствуют хайборийской эпохе.

Итак, нами была написана диалогия «Скрижаль Изгоев», куда первоначально входили романы «Зеркало Грядущего» и «Время Жалких Стрел». Это представлялось нам логически обоснованным, поскольку своей целью мы ставили описать «темный период» свержения короля Вилера, прихода к власти Нумедидеса и начала карьеры Конана как аквилонского военачальника. Они были опубликованы и получили одобрение любителей фэнтези. Это вдохновило нас на написание еще двух романов о приключениях полюбившихся читателям героев и поисках ими зловещего Талисмана Зла — Сердца Аримана. Таким образом цикл, изначально задумавшийся, как диалогия, по истечении

двух лет превратился в тетралогию, с лихвой заполнив, таким образом, не дававшее нам покоя белое пятно хайборийской истории.

Когда мы обозреваем эти две с лишним тысячи страниц, наше писательское сердце наполняется гордостью! Мы надеемся, что вам не придется скучать за их чтением, но что мы можем обещать точно, так это то, что наша тетралогия на сегодняшний день — самое большое произведение о бесстрашном киммерийце...

И в заключение, мы хотели бы выразить свою горячую признательность всем тем, без кого не появились бы на свет эти четыре тома:

двум Майклам — Майклу Мэнсону, за дружескую поддержку и советы мэтра, и Майклу Муркоку, за вдохновение;

Оливеру А. Смитту, взвалившему на свои плечи груз издательских тягот;

служащим Британского музея, за возможность потрогать настоящий меч;

конкурентам из «АВС», за постоянный стимул к творчеству; и Серджу Новотэру, за душевную щедрость.

Кристофер Грант, Натали О'Найт
Элмери, 1995

Пролог

Пятеро вооруженных всадников гнали коней в сторону Тарантии, столицы могущественной Аквилонии, раскинувшей свои земли от мрачных утесов Киммерии до зеленых полей Офира. Любой, имеющий глаза, без труда узнал бы в них вольных наемников, — мрачные, иссеченные шрамами лица, загорелые и обветренные, забранные сзади в хвост длинные волосы, остро отточенные мечи... в них не было ничего показного, ничего, что привлекло бы взор поэтов. Это были настоящие волки — сильные кровожадные звери, готовые перегрызть глотку любому, кто осмелится стать у них на пути.

Возглавлял отряд могучий черноволосый воин с пронзительным взглядом синих глаз. Он держался в седле настолько непринужденно, как будто вырос в нем, а своей горделивой осанкой и царственным взглядом напоминал царя зверей. Не зря трусливые стигийцы, коварные аргосцы и свирепые черные корсары дали ему прозвище Амра-Лев. В хайборийских же королевствах его звали Конан-варвар, и имя это многим внушало страх и приводило в трепет.

У него одного на голове красовался шлем с султаном из конского волоса; за плечами развевался короткий черный плащ. Бугрившаяся мышцами правая рука уверенно лежала на рукояти длинного прямого меча, а левой он крепко держал под уздцы своего скакуна.

Его взгляд был свиреп, а в синих глазах, казалось, застыл лед, подобно тому, что даже холодным летом лежит в расселинах скал его киммерийской родины. Любый, кто осмеливался встретиться с ним глазами, спешно отводил очи и старался укрыться в тени.

На повороте он чуть придержал коня и оглянулся. Да, что и говорить, четверо его спутников — настоящие головорезы, хоть и недурные рубаки. Их бывший командир Йермак, павший от меча киммерийца, знал толк в хороших бойцах, но вряд ли когда-нибудь слышал слово «честь». Зато его ландскнехты наводили ужас на весь Чикас, этот отвратный аквилонский городишко на границе с Немедией, где, похоже, собрались самые отъявленные мерзавцы со всей Хайбории и Гиркании. Конан прищурился. Да, нечего сказать, он недурно разворошил это змеиное гнездо, и дело теперь за королевскими войсками,

которые не замедлили себя ждать — видно, у аквилонского монарха кончилось наконец терпение. Что ж, плаха палача и виселицы на улицах Серебряного города живо приведут все тамошнее отребье в чувство!

Конан ухмыльнулся. Что ни говори, а вовремя он смотался из этой дыры! Встреча с аквилонскими властями была бы совсем некстати. Ни в одной стране не любят Солдат Удачи за их гордый, непримиримый нрав, нежелание петь под дудку власть предержащих и любовь к свободе. И все же ни один князек, даже самый ничтожный, не сможет обойтись без таких, как они, Псов Войны, которые *верны* тому, кто платит. А верность — редкий товар в наше время. Его трудно купить даже за деньги! Потому, пока венценосцы сражаются друг с другом, пока в королевских дворах процветают ложь и козни, пока завистливые наследники точат зубы на отцовский престол, парни вроде них не останутся без работы.

Конан взглянул на чикасских разбойников. Ну и рожи, Кром их разбери! Даже слепой увидит, что они за медную монетку без сожаления зарежут собственного отца. Но, если держать их в узде, словно норовистых жеребцов, и не давать забыть, что крепче слова атамана только его кулак, то со временем они станут вполне сносной компанией. Варвару не впервой было обламывать вот таких волков, которые понимают только один язык — язык силы. Ему довелось повидать и свирепых темнокожих корсаров Черного Побережья, и диких зуагиров Хаурана, и угрюмых запорожских козаков с восточного побережья Моря Вилайет. И все они становились верны своему главарю только когда видели — он крепко держит поводья в руках.

Тогда они готовы стерпеть и соленые шуточки, и полновесные тумачи, с помощью которых хороший атаман отучает самых дерзких отлынивать от работы и вбивает в их упрямые головы дисциплину. Ведь они знают — предводитель заботится о них, как о собственных детях. Они знают, что только он один не побрезгует отсосать гной или яд из раны, полученной в бою; только он не пожалеет денег, чтобы выкупить из городской тюрьмы, куда они не раз попадут по глупости, за драки в тавернах; он один не побоится прикрыть в сражении собственной грудью и, самое главное — никогда не пре-

даст, не бросит на произвол судьбы... Они знают все это, и готовы идти за ним хоть на край света...

Конан погладил тугой кошель на поясе и нахмурился — монета пока у него имеется, но, Митра свидетель, он и не подумает делиться с этими бездельниками. Пусть начинают сами зарабатывать на жизнь. Таверна, ночлег, лошади, снаряжение, да что греха таить: кости, выпивка и женщины — все это стоит немало, особенно там, куда они держат путь — в надменной Тарантии, величавшей себя жемчужиной Запада, за привилегию жить в которой приходилось платить дорогой ценой... Правда, если окажется, что эти молодцы совсем без медяка, все же придется раскошелиться и заплатить за первый постой.

На развилке дорог всадники остановились, и северянин оглянулся вокруг, стараясь сориентироваться на незнакомой местности. Нужно было подумать о ночлеге. Он знал, что где-то тут неподалеку должна быть деревня. И стоило поторопиться, если они не хотели ночевать в лесу или на большой дороге. К нему неспешно подъехал один из наемников, в кольчужной безрукавке, кряжистый, со шрамами на лице и густой гривой седеющих волос.

— Послушай, киммериец! Я слышал, что варвары вроде тебя могут без усталости сидеть в седле несколько суток. Но мы-то не варвары, мы добрые аквилонцы. Вот молодцы мои и тревожатся. Их желудки пусты, как карманы у скряги, а во рту без вина так противно, словно там нагадили демоны Нергала. Пора уже промочить глотки, хорошенько пожрать — и на боковую. Завтра опять скакать целый день без передышки...

Киммериец обернулся и прищурясь посмотрел на наемника:

— У тебя есть чем заплатить за ночлег, танасулец?

Тот ухмыльнулся и погладил эфес меча.

— Бравые ребята, вроде нас с тобой, всегда найдут чем поживиться! Тут неподалеку должна быть деревня. Давай подкараулим на околице какого-нибудь селянина и выпотрошим его, как куропатку. Много у этих грязных дровосеков не найдется, хорошо бы если отыскалась пара медяков. Но на ночлег и жратву хватит.

Ледяной взгляд северянина обжег разбойника.

— Нет, Невус, — процедил он, — пока ты и твои шакалы со мной, клянусь Кромом, вы не будете грабить безоружных. Мы поедем в деревню, и ты вместе со своими

молодцами постарайся *заработать* деньги. Заработать — как честный воин, а не отнять, подобно трусливому отребью, гораздому впятером нападать на одного! Постарайся запомнить все, что я сказал, и повтори своим головорезам!

Невус вытаращил глаза.

— Эрлик меня разбери, ты совсем рехнулся, Конан, как я погляжу! Как, по-твоему, на ночь глядя мы сумеем это сделать? Что, прикажешь мешки с мукой таскать на мельницу вместо мулов? Или подметать деревенские улицы? — Довольный своей шуткой, он раскатисто захохотал.

Конан презрительно фыркнул.

— Правду, значит, говорят, что у всех аквилонцев куриные мозги, а танасульцы самые бестолковые из них! Да в самой захудалой дыре всегда есть чем заняться для людей нашего ремесла! Бьюсь об заклад, что здешний нобиль точит зуб на соседа. Как водится, они не поделили пахотные земли или охотничий лес. Или кто-то из вассалов давно не платит ему оброк. Или неподалеку на большой дороге шалят такие же висельники, как ты и твои молодцы, и их требуется утихомирить. Был бы меч, а работа для него найдется...

Седовласый перестал смеяться, вытер лоб рукой в грязной перчатке и смачно сплюнул на землю.

— Ладно, варвар. Ты размозжил башку Йермаку, стало быть, ты у нас теперь за главного. Будь по-твоему, поедем в селение, а там видно будет. Только куда ехать-то? Тут вон сколько тропок расходится... — Он растерянно оглянулся.

Конан хищно улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы:

— Скажи вон на тот бугор, — он кивнул головой на небольшой холм, густо усыпанный прелой осенней листвой, — и покрути башкой получше. Время ужина. Селяне варят похлебку. Наверняка где-нибудь да увидишь дым от очага. Он и укажет нам дорогу.

Невус прищипорил коня и помчался к возвышенности неподалеку от развилки. Разноцветные осенние листья брызнули из-под копыт его скакуна. В лучах заходящего солнца они казались каплями крови. Киммериец посмотрел на зубчатую кромку темного леса и нахмурился. Надо постараться добраться до деревеньки засветло. Про леса близ Оссара издавна ходят плохие слухи. Болтают, что здесь водится разная нечисть — лесные демоны, которые

по ночам выползают из своих нор на охоту. Оттого, якобы, все селения в этих местах обнесены крепким и высоким частоколом. Может, все это и бабьи рассказы — но не стоит зря гневить Митру, что властвует над этими землями, и шастать ночью по бездорожью.

Невус отчего-то не торопился возвращаться назад, и его силуэт чернел, в косых лучах солнца, на вершине пригорка.

Конан набрал в грудь побольше воздуха и гаркнул:

— Ну что там, Невус? Чего возишься, Кром тебя побери, словно у девки под подолом? Долго тебя ждать?!

Аквилонец замахал руками Конану, мол, поднимайся скорее сюда — тот выругался и пустил скакуна вскачь. Эти наемники, как дети, ничего не могут сделать сами. Боги дали им храбрые сердца, но забыли вложить в головы хоть чуточку мозгов. Подлетев к Невусу, он резко осадил скакуна. Тот зафыркал и закружился на месте.

Невус, прищурясь, смотрел на горизонт и принюхивался. Конан тоже повел носом. Явственно тянуло гарью.

Аквилонец потрепал коня по загривку и показал рукой на запад.

— Гляди, варвар, какой славный ужин варят себе селяне. Чтобы развести такой огонь, нужно поджечь всю деревню!

Конан мрачно посмотрел на кромку окоема, туда, где в последних лучах заходящего светила темнели клубы густого, жирного дыма. Рука его непроизвольно скользнула на рукоятку меча.

— Что ж, танасулец, зови своих рубак. Глядишь, поспеем к ужину. Похлебка, должно быть, уже сварилась. Осталось только взглянуть на того, кто ее приготовил...

ОБРАЗ ОЛЕНЯ

Вязкую тишину Валонского леса тревожили гортанные выкрики егерей, лай остромордых пятнистых гончих, заунывные рулады охотничьих рогов, звон колокольчиков на богатой упряжи и треск сухих веток под острыми копытами хорошо объезженных гирканских скакунов, уныло бредущих по щиколотку в бурой листве.

Все эти звуки, неперенные спутники людской суеты, казались чуждыми в заповедной пуще, среди исполинских стволов задумчивых деревьев и молчаливых зарослей кру-

жевного папоротника, под холодной осенней синью неба свода, мелькающей в переплетении высоких крон величественным полотном, подернутым тонкой паутинкой старинного кракелюра. Диссонансом вторгались они в первобытную природную гармонию, оскверняя ее своим существованием, гулко отскакивали от невозмутимых древесных стволов и, оставляя клочки дерзкой звучности в изумрудной мякоти мха, закатывались в темноту чащи, где их ловили зеленые руки дриад, придавали им новое загадочное естество, смешивали с трещоткой невидимого дятла, шелестом ветвей, вздохами влажного теплого ветра и швыряли обратно комками звонкого, пересмешивого эха.

Шел последний день Осеннего Гона — излюбленной забавы аквилонских нобилей.

Каждый год в канун месяца октайба, третьего от конца года, издревле устраивалось роскошное действо, заученной ритуальностью напоминавшее военный парад. Тридцать шесть наиболее приближенных к государю вельмож Аквилонии, вместе с бесчисленными конюшими, егерями, выхлятниками, доезжачими, оруженосцами, пажами и шутами запруживали древний Валонский лес.

Свита каждого нобилия была обряжена в цвета своего господина. И на пестром ковре осенней листвы тут и там мелькали лиловые, голубые, алые, белые, охряные и смарагдовые плащи, куртки и дорожные платья немногочисленных дам, приглашенных полюбоваться зрелищем. Многолетняя выучка аквилонских вассалов заставляла их двигаться четко очерченным строем. Казалось, даже голенастые остроухие собаки, чьи гибкие мускулистые тела были затянuty в кожаные эстаны соответствующих расцветок, сновали в такт своим хозяевам.

Чуть поодаль, ближе к концу кавалькады, маячили фигуры трех всадников. Освещенные заходящим солнцем, они отбрасывали длинные тени, ломающиеся на беспорядочно разбросанных горах валежника.

Всякий, увидевший их, мог умилиться: вот старинные друзья предаются неторопливой беседе, под сенью многовековых стволов деревьев — до того плавными были уверенные жесты всадников и неспешной речь. Даже их кони — один гандерландский и два гирканских скакуна — и те, казалось, были рады оказаться в одной компании и оттого приветливо фыркали, тыкались длинными нерв-

ными мордами, косили карими крупными глазами и старались достать друг друга розовым ртом.

И если тот же, видевший их издали, незаметно подъехал бы ближе и взгляделся попристальнее в их выхоленные, подкрашенные и припудренные придворными цирюльниками лица, то сразу понял бы, что делает этих людей похожими.

Глаза.

И пусть черты всадников разнились между собой, как разнятся морды барсука, рыси и волка, но их вежды — надменные, цепкие, холодные, словно мрамор, и подернутые ледком равнодушия — были под стать друг другу, словно *пары*, боги домашнего очага и материнства, решив подшутить над людьми, наделили трех младенцев, рожденных в разных концах Хайбории разноцветными подобиями одной и той же пары очей.

Тот, что ехал слева, был тучен, одышлив и лукав лицом. Его низкий лоб украшал серебряный обруч, залитый разноцветной эмалью. Неуклюжее тело было обряжено в вычурный атласный камзол на подкладке из меха райборийских коз, увитый парчовыми ленточками и перетянутый поясом из безвкусных бронзовых пластинок. На плечи был щегольски накинута длинный плащ, скрепленный на груди алым шнуром с кистями. На ногах — тупоносые ботфорты с пряжками, изображавшими морду дракона с разверстой пастью. Он был безоружен, лишь на чеканном поясе болтался короткий охотничий нож. Его паж, ехавший впереди на маленькой кобылке, горделиво держал штандарт на длинном древке, на парчовом полотнище которого исколотыми пальчиками безвестных кружевниц была вышита серебряной нитью голова оленя с раскидистыми, ветвистыми рогами.

То был аквилонский принц Нумедидес.

Он слегка натянул поводья тяжелого гандерландского скакуна и, не дожидаясь, пока паж подаст ему расшитый вензелями платок, оттер выступившую испарину рукой в бордовой перчатке, поверх которой на пальцах красовались многочисленные перстни.

— Слишком жарко для этого времени года, — недовольно пробурчал он, — даже в лесу...

Второй его спутник, высокий мускулистый мужчина на вид тридцати зим от роду, одетый в простое черное одеяние немедийского посланника, резко выделявшее его

среди толпы в разноцветных охотничьих костюмах, приторно улыбнулся. Черный плащ, накинутый на широкие плечи, был непомерно длинен — так что покрывал круп лошади и волочился по багрово-ржавой листве позади седока.

— Погода благоволит к королевскому двору могущественной Аквилонии...

На его узком утонченном лице промелькнула усмешка — промелькнула и бесследно исчезла. Он презирал неопрятного вздорного принца, однако, как и пристало опытному царедворцу, скрывал свои истинные чувства под маской предупредительной почтительности. Он был достаточно умен, чтобы понимать: только глупцы находятся во власти собственных чувств.

Его точеный профиль подчеркивался странным угловатым шлемом из черненой стали, наносник которого изображал когтистую лапу хищной птицы, а наверху — кречета, распростершего острые на концах крылья и угрожающе распахнувшего крючковатый клюв. Птица была изготовлена с таким мастерством, что, казалось, мгновение — и она затопчется, хлопает себя, взвихрится вверх и примется терзать клювом любого, на кого ей укажет хозяин.

Принц Нумедидес покосился на жуткий головной убор, подумав про себя: «Уж этот-то всегда начеку: даже на прогулку норовит вырядиться так, словно готовится к бою. Можно биться об заклад, под его черной рясой скрывается кольчуга, а на голени нацеплены поножи». Однако, оставив эти мысли при себе, он процедил лениво, тряхнув при этом головой, отчего сальные пряди упали на потный лоб, и рубиновая серьга в виде тисового листка затрепетала в правом ухе:

— Я не люблю тепло, барон. Солнечный свет навеивает на меня уныние.

Немедийский вельможа — барон Амальрик Торский, — учтиво придерживая коня чуть позади, не замедлил отзываться на самом изысканном *лэйо* — хайборийском наречии посланников:

— В таком случае, принц, могущественная Немедия и ее скромный дуайен выражают надежду, что великая Аквилония в недалеком будущем расширит свои границы до сумрачного Асгарда и заснеженного Ванахейма, где

Его Высочество сможет наслаждаться умеренным климатом в своих великолепных резиденциях.

Барон Торский произнес эту витиеватую фразу на языке, которым владели большинство придворных западных держав, что существенно облегчало контакт между ними. Ведь в каждом крохотном городке-государстве пользовались собственным наречием и, пестуя свое тщеславие, отказывались общаться с соседями на их собственном. Чем меньше было королевство, тем сильнее, как правило, были государственные амбиции. Оттого-то несколько столетий назад жрецами культа Митры и был изобретен дипломатический язык лэйо, вобравший в себя основные хайборийские корни.

Его понимали от Ванахейма до Гиркании, хотя восточные деспотии с неохотой пользовались этим новшеством западных королевств, тем более, что в Туране, Афганистане, Иранистане и Вендии Солнцецеликого Митру, вдохновившего своих жрецов, чтили куда меньше. Там поклонялись темному Эрлику, кровожадному Шайтану, зловещему Нергалу и коварной Дерэкто — и боги были такие же злопамятные и жестокие, как и обитатели этих знойных стран.

Что же до Амальрика, то, используя лэйо, он пытался подчеркнуть *официальность* своей выпренной реплики, показывая тем самым: его устами говорит вся Немедия, туманная, мглистая страна воинов, лежащая к востоку от Аквилонии. Однако всякий, имеющий хоть каплю здравого смысла, нашел бы в его пожеланиях процветания правящему дому Тарантии куда больше скрытой издевки, нежели искреннего участия. Всякий, но не Нумедидес. Принц обычно слушал только себя самого.

Ведь ни для кого уже не было секретом, что некогда воинственная Аквилония, наводившая ужас на весь запад Хайбории, где каждый мужчина сызмальства обучался воинскому искусству, в последние годы подрастеряла боевой пыл. Ее нынешний государь Вилер Третий, в начале правления снискавший ратную славу бесчисленными войнами с Немедией и Офиром, а также безуспешными попытками отодвинуть границу Пиктской Пустоши и поставить на колени свободолюбивых киммерийцев, в последние годы, видимо, желая обеспечить себе спокойную старость, шел на любые уступки, лишь бы сохранить мир с соседями.

Аквилония торговала зерном с Немедией, сукном с Офиром и Аргосом, сыром и вином с Зингарой. Ее замечательные мечи, которыми запросто перерубали на лету шелковый платок, ржавели в пыли оружейных, а воинственные дворяне коротали время за бражничанием и охотой. Вилер примирился даже с Пуантенем, гордым графством на западе державы, которое формально являлось частью Аквилонии, фактически же — настоящим государством в государстве, имея собственную армию, чеканя монету и даже не уплачивая податей аквилонскому сюзерену.

За последние годы, со времен прихода к власти графа Троцера, Пуантен также стал терпимее к своему беспокойному соседу. Троцера, как опытный полководец, помнивший еще штурм Венариума, понимал, что многолетняя междоусобица только обескровливает обе державы, и ничего не дает их многострадальному народу. Поэтому когда пуантенцы официально объявили перемирие, граф Троцера стал желанным гостем в королевских чертогах Тарантии, хотя его прославленным рыцарям городская чернь и доселе выкрикивала в спину грязные ругательства, не в силах забыть застарелую вражду.

— Что-то сегодня удача отвернулась от нас, принц, — продолжил немедийский вельможа уже на певучем аквилонском, в котором едва угадывался легкий акцент. — Похоже, роскошный охотничий зал Тарантии не украсят новые трофеи.

Нумедидес досадливо фыркнул:

— Пресветлый Митра не оставит своих слуг. Мы принесли ему богатую жертву

— Милость богов нельзя купить, братец, — впервые вмешался в разговор третий их спутник, стройный сухощавый мужчина, с длинными желтыми волосами, задумчиво молчавший все это время. — Деяния небожителей не зависят от обильности подношений.

Прямая осанка говорившего, а также то, как он держится в седле, как резко, по-соколиному, поворачивает голову, указывали на немалый ратный опыт. Он был одет гораздо проще своих спутников — в неброскую пурпурную куртку-котарди, подпоясанную поясом из серебряных пластинок, с длинными узкими рукавами, доходящими до самых кистей рук. ворот в форме капюшона придавал ее обладателю черты жреца-митрианца. Это впечатление

усиливало и узкое костистое лицо с крупными светло-голубыми, словно выцветшими глазами. Можно было предположить, что молодой конник имеет отношение к Культу, но это было не так, ибо звался он Валерием, принцем Шамарским.

Сына Фредегонды, родной сестры аквилонского правителя Вилера Третьего, сегодня особенно раздражала самодовольность его кузена Нумедидеса, как, впрочем, и вся эта пышная церемония традиционной забавы аквилонской знати — охоты на оленей.

Принц вдруг вспомнил свою службу в гвардии королевы Тарамис, владычицы Хаурана. Юные годы он провел в странствиях, справедливо полагая, что это обогатит его больше, чем скучная жизнь в родовом аквилонском поместье. Карьера ландскнехта научила юношу искусству владения мечом и пикой, закалила дух и приучила ценить молчание. Несколько лун назад он вернулся в сытую тихую Аквилонию, стремясь как можно скорее позабыть о всех тех ужасах, что ему пришлось пережить в безводных барханах восточного королевства.

Однако жизнь в Аквилонии не пришлась ему по вкусу. Душистое виноградное вино, румяные служанки и напыщенные панегирики придворных менестрелей опостытели очень быстро. Образ прекрасной Тарамис не желал растворяться в недрах памяти, и часто ночью он вскакивал в холодном поту после очередного кошмара, в котором неизбежно царили хищная Саломея и ее коварный возлюбленный.

Да, все те напыщенные, разноразяженные петухи, которые его окружают, лишились бы рассудка, доведись им пережить хоть частицу того, что пришлось вынести ему. Куда ни повернись, везде надутые лица, с выщипанными бровями, напояженными накладными кудрями и блестящими, покрытыми слоями золотой эмали зубами. О, Митра, куда он попал!

Немедиец! Он, конечно, не таков, как остальные. Он воин, а не лакей, хоть и силится им выглядеть.

Валерий задумался. Своей хищной грацией Амальрик напомнил ему одного человека...

Того человека звали Конан. Он был капитаном гвардии Тарамис.

Валерий не знал, где родина этого могучего воина с густой гривой черных, как смоль, волос. Видно было, что

он сын северных народов. Не раз Валерий спрашивал себя, все ли соплеменники этого варвара таковы, или только его единственного боги наделили столь поразительным свойством — излучать ауру власти? Ведь даже самые отчаянные и бесстрашные рубаки выглядели перед Конаном нелепо и жалко, словно шакалы с поджатыми хвостами перед рыкающим львом.

И только сейчас принц вдруг с ужасающей ясностью понял то, что так усердно скрывал от себя все эти зимы — он безумно завидовал северянину! И эта зависть точила его и доселе! Он вспомнил, как каждый раз, находясь рядом с варваром, он ощущал себя презренным земляным червяком. Скользкой безглазой тварью, которая создана для того, чтобы всю жизнь копошиться в навозе! О, как мечтал он иметь хоть толику той же *силы*, что у варвара! Такой, чтобы все вокруг опускали очи долу и слова застревали бы в их пересохших ртах... Да он с легкостью отдал бы половину годов, отпущенных ему Митрой, лишь бы обладать хоть ее малой частицей!

Валерий горько усмехнулся. Да, среди разноцветной аквилонской камарильи он выглядит настоящим героем! Еще бы: суров, молчалив и прям взором! Но это может обмануть только слепых. Сам-то он знает, что весь его гордый, неприступный облик — сплошная *видимость*, жалкая оболочка, под которой таится робкая, застенчивая душа.

Ему вновь вспомнился тот миг, когда этот проклятый Конан ворвался во главе отряда диких зуагиров в город и огнем и мечом очистил княжеский престол. Именно тогда Валерий понял, что служба его закончена, ибо он, шамарский нобиль, не мог смириться с мыслью, что этот дикий северный варвар сумел не только выжить, сутки провисев распятым на кресте, под жгучими лучами палящего солнца, но и вернуться, чтобы отомстить врагам. А он, принц могущественной Аквилонии, вынужден был довольствоваться жалкой ролью нищего в грязных отрепьях, тщась вызволить свою королеву и снискать ее благосклонность!

А Конан еще и насмехался над ним! Когда, прискакав во дворец, он узрел пред собою тело ведьмы, пронзенное мечом шамарца, то лишь хмыкнул презрительно и, поправив свой пропыленный бурнус, приказал похоронить поверженную сестру повелительницы со всеми почестями.

Валерий пытался возразить, уязвленный тем, что не услышал от варвара ни слова одобрения — мол, негоже предавать земле Исчадие Тьмы, его пристало сжечь или скормить свиньям. Но северянин отрезал в ответ: «Она была королевой и *уйдет* как королева. Я не мщу мертвым!» В тот миг Валерий ненавидел его так, как никого и никогда прежде... Врожденное благородство варвара оказалось более высокой пробы, чем все, что впитал в себя с молоком матери дворянин в тридцатом колене.

При расставании, однако, Валерий не удержался и предложил северянину отправиться с ним в Аквилонию, намекнув, что у себя на родине он не последний человек при дворе, и тот вполне может, с его помощью, рассчитывать на место в королевской гвардии. Конан лишь расхохотался в ответ, заявив, что уж если продаваться, то не меньше чем за дворянский титул и звание полководца... «Но ваши разнаряженные шуты никогда не согласятся, чтобы им отдавал приказы неотесанный варвар», — бросил он через плечо и, прищипорив коня, унесся прочь во главе шайки воющих кочевников. Больше они с Валерием не встречались...

Принц незаметно покосился на немедийского дуайена. Действительно, они чем-то похожи с Конаном. Но Амальрику недостает размаха, той необузданной дикости, что так и рвалась наружу из варвара. Да, немедиец вызывает симпатию. Хотя бы потому, что неглуп, что само по себе уже редкость среди придворных в любой стране. Да, он всегда любезен. Открыт и наигранно простодушен. Но интуиция подсказывает — это маска, такая же, как и у него самого. Правда, он сам изображает нескгибаемого воина, а немедиец силится казаться угодливым придворным. Но, если присмотреться, порой в глазах барона Торского мелькает *такое*, что холодок пробегает по коже и ноги подкашиваются. Тогда особенно заметно, что посланник отнюдь не так простодушен и дружелюбен, как хочет казаться в глазах двора.

Валерий возблагодарил Митру, что Амальрик не докучает ему своим обществом, — он слишком привык к одиночеству, и назойливость иных вельмож изрядно тяготила его. Но в то же время его задевало, что Нумедидесу посланник оказывает гораздо больше почестей, чем ему самому. «Почему? Чем я хуже?» — спросил он себя, закусив губу. Тщеславие аквилонских нобилей, дремавшее

в тайниках его души, неожиданно подняло голову. Нумедидес имел столько же прав на корону Аквилонии, сколько он сам. Единственный козырь кузена — то, что он сын погибшего брата короля Вилера, а Валерий ведет родство с венценосцем по женской линии. Но в очередности и праве наследования это не играло никакой роли. И если король Вилер Третий, да продлит светлый Митра его годы, предстанет пред очи Солнцеликого, не успев назвать своего наследника, то ему с Нумедидесом, вне зависимости от их воли и желания, придется тянуть жребий перед Судом Герольда — цветом аквилонской знати. И кому тогда достанется трон, известно только всемогущим богам...

Между тем Амальрик ехал все так же неспешно, немного отставая от Нумедидеса, но в достаточной степени обгоняя скакуна Валерия. Тот поднял брови и вызывающе хмыкнул. Однако собеседники продолжали беседу и не обратили ни малейшего внимания на недовольство их спутника, и жесткий хвост лошади барона Торского по-прежнему вызывающе мотался прямо перед мордой его скакуна. Пару мгновений шамарец помешкал, затем пнул коня пятками в бока, загарцевав перед Амальриком.

— Ты, кажется, забылся, барон Торы! — зло бросил Валерий, и жесткая морщина перерезала его нахмуренный лоб. — Ты выехал *передо мной*, что оскорбительно для наследника Рубинового Трона!

Нумедидес обернулся и осклабился, обнажив ряд подпорченных зубов, которые не спасала даже пресловутая золотая эмаль.

— Так его, любезный кузен! Пусть немедийцы знают, что значит задевать честь племянника короля...

Амальрик мгновенно оценил расстановку сил, которая была явно не в его пользу, и сдержанно поклонился.

— Прошу меня простить, Ваше Высочество! Блеск, который излучают принцы могущественной державы, застил взор простому смертному. И внезапная слепота помешала вашему слуге оказать почести, коих заслуживает Ваше Высочество.

Валерий скривился: похоже, король Нимед не ошибся, назначив своего фаворита посланником в Аквилонию, — его не возьмешь голыми руками... И извинения в его устах не отличить от насмешки.

Ему стало неловко за свою запальчивость. Смутившись, он начал бормотать слова примирения, но его тихую речь перекрыл разноголосый гвалт, словно все охотничьи рога затрубили разом. Отделившись от группы егерей, к троице стремительно помчался паж, размахивая своим штандартом.

Принц Нумедидес привстал в седле, его маленькие глаза встревоженно забегали.

— Что там такое? Или ловчие наконец отыскиали зверя?

Запыхавшийся паж закричал тонким детским голоском:

— Смотрите, мой господин! В чаще, вон там!

Он замахал руками в сторону густого подлеска, поверх которого, в тени чудовищных дубов, мелькали огромные белые рога.

— Митра всемогущий! — Принц стиснул пальцами охотничий кинжал на поясе. — Такого крупного самца мне еще не приходилось видеть в своей жизни!

Он повернулся к Амальрику:

— Боги посмеялись над твоими словами, барон. Этот зверь станет украшением охотничьего зала, а менестрели станут слагать обо мне песни! Посмотри, какие у него рога! Ты видел когда-нибудь что-то подобное?

Барон Торский пожал плечами:

— В Немедии в почете охота на медведей и вепрей. Но я полагаю, что если Ваше Высочество одолеет самолично этого зверя, то слава его разнесется по всему западному миру. Ибо никто еще не видел оленя такой величины. Это добыча для короля, принц Нумедидес!

Барон Торский не случайно произнес эту фразу. Сам владыка Аквилонии не присутствовал на охоте. По традиции, Осенний Гон должен был возглавить сын короля. Но, поскольку боги распорядились так, что владыка Аквилонии не изведает радости отцовства, честь стать Главным Охотником выпала одному из его племянников.

Вечером, как велит обычай, король Вилер встретит кавалькаду в своем замке, а на королевском пиру, что будет устроен в честь первого дня Осеннего Гона, придворный менестрель от его имени под звуки арфы станет расспрашивать об удачной охоте сладкозвучными строфами. Ему будет вторить другой певец, от лица Главного Охотника, и пир превратится в поэтическое состязание, как было заведено у аквилонской знати. В конце Главный

Охотник посвящал королю свою добычу, и выделанная голова лучшего из оленей торжественно переносилась в каминный зал тарантийского дворца. В ответ повелитель жаловал Главному Охотнику богатую награду — столько золота, сколько весит самый крупный трофей. В прошлом году графу Троцери удалось сразить прекрасного самца, и завистливый Нумедидес, от которого удача тогда, как назло, отвернулась, очень хотел, чтобы последнее слово осталось за ним, о чем неоднократно бахвалился за чаркой вина.

Нумедидес рассеянно кивнул в ответ на слова Амальрика, возбужденно наблюдая за охотничьими псами, остервенело лающими на заросли. Выжлятники безуспешно пытались подтолкнуть их вперед, но усилия их не увенчались успехом. Псы выли, как обезумевшие, ревели, скулили. Из оскаленных пастей во все стороны летела слюна, они судорожно рыли лапами теплую осеннюю землю, разбрасывая листья, визжали, стонали, но не двигались с места, точно существовала невидимая черта, перейти которую они были не в силах.

Рассерженный принц повернулся к брату:

— Что такое, Валерий? Почему собаки ведут себя так странно? Ты достаточно повидал на свете... Может, сумеешь растолковать нам, в чем причина?

Валерий напряженно всматривался в чащу. В наступающих сумерках мелькали оленьи рога — казалось, зверь не убегает от собак, а, напротив, приближается к ним. Что за чудеса? Он покачал головой, не в силах объяснить странное поведение оленя.

— Не знаю, Нумедидес! Похоже, животное движется в нашу сторону... Немного терпения, и мы увидим, в чем дело.

Как бы в ответ на его рассудительные слова, рога застыли прямо посреди колючего валонского бажельника. Псы зашлись от безумного лая.

Сделав жест, отводящий темные силы, Амальрик наклонился к Нумедидесу:

— Я полагаю, Ваше Высочество, стоит приказать лучникам выпустить несколько стрел. Зверь замер в нерешительности, надо поторопить его.

Нумедидес щелкнул пальцами, и паж помчался на своей маленькой лошаденке к стрелкам, стоящим на другом конце поляны. Искусство поражения цели на скаку

не было известно в западных королевствах, и луки, огромные, в рост воина, испокон века использовались для стрельбы стоя. Особенно преуспели в этом искусстве боссонцы — народность на северо-западе Аквилонии, земли которых граничили с Пустошами пиктов, отчего им приходилось постоянно быть начеку. С дикими пиктскими племенами, мигом рассредотачивавшимися по равнине, было бесполезно сражаться тяжеловооруженным рыцарям или коннице, и лишь густые тучи длинных стрел останавливали необузданные орды.

Валерий привстал в стременах, его узкое, украшенное мелкими шрамами лицо посуровело. Затаив дыхание, он наблюдал, как колыхнется кустарник и трещат сухие сучья под ногами неведомого существа.

— Не знаю, в чем там дело, но явно это не обычный зверь. Олени не ведут себя так. Похоже, дело не обошлось без колдовства. Прикажи егерям отозвать собак и давай уберемся отсюда подобру-поздорову. Сдается мне, дело может обернуться плохо...

Нумедидес громко захохотал. Паж у его стремени вздрогнул.

— С тех пор, как наш бедный принц Валерий вернулся из Хаурана, ему повсюду мерещится магия! Успокойся, брат, в лесах Аквилонии давно не осталось чудес. Наша жизнь скучна и обыденна. Землепашцы и пастухи справляют Праздник Молотьбы, дают вино, стригут овец и растят детей. В их жизни нет места для ворожбы. И мы ничем не лучше их. Вместо простой сельской жизни мы справляем Праздник Осеннего Гона, пьем вино, которое они выжали, носим шерстяные одежды из того самого руна и делаем из их потомства шутов для утех и наложниц для своих спален. — Он чуть заметно усмехнулся. — Вперед, паж! Передай стрелкам, что я дам золотой тому, чья стрела выгонит зверя из чащи. Да скажи им, чтобы брали стрелы с тупыми наконечниками. Я не желаю, чтобы моя охота превратилась в добивание беспомощной твари!

— Стой! — Валерий натянул стремяна, его конь заржал и забил копытом. — Да, Аквилония не Хауран, но какая разница, наступит на ядовитую змею шабо пуантенского крестьянина или остроносый кайфир зуагира Хорайи! Зло одинаково везде! Прошу тебя, брат, откажись от своей забавы. Как бы она не обернулась бедой!

— Принц Валерий осторожен, как и подобает мудрому воину, — заметил немедиец. — Могущественная Аквилония и король Вилер Третий, да будет благославлен его трон, по праву могут гордиться подобной рассудительностью. Но какая опасность может угрожать Его Высочеству здесь, под защитой отважных Черных Драконов, среди толпы егерей и ловчих? — На мгновение он замялся и продолжил, интимно склоняясь к Нумедидесу: — Мне не пристало вмешиваться в разговор особ королевской крови, но смею заметить, поведение принца может быть также превратно истолковано теми юными созданиями. — И он кивнул на небольшую группу знатных дам, важно восседающих бочком на лошадях, уперев стройные ножки в подвесные скамеечки с затейливой резьбой.

Нумедидес исподлобья покосился в сторону дочек, возлюбленных и жен вассалов Тарантийского Двора. Они о чем-то щебетали, косясь в сторону трех всадников, слов было не слышно, но то и дело доносились взрывы хохота. Среди них выделялась своей красотой Релата Амилийская, дочь барона Тиберия. Принц не раз бросал в ее сторону пламенные взгляды, но юная кокетка, казалось, не замечала его страсти. Нумедидес посуровел и пнул носком ботфорта пажа:

— Вперед! Скажи лучникам, пусть начинают!

Губы немедийца тронула едва заметная усмешка. Что бы там ни скрывалось в лесной чаще, глупость и упрямство Немедидеса могут сослужить ему добрую службу. Даже если охота будет удачной, Валерий вряд ли забудет, как осадил его брат. А любая распря в королевских чертогах Аквилонии пойдет только на пользу. К тому же Митра предоставил ему отличную возможность отплатить Валерию за его вспыльчивость. Потрепав коня по холке, он уселся поудобнее, предвкушая забаву, которая только начиналась.

Валерий стиснул зубы. Пусть этот жирный болван Нумедидес делает так, как ему угодно. В конце концов, ему самому придется расплачиваться за собственную глупость. Он жестом подозвал королевского виночерпия, и тот подал принцу тяжелый потир с тягучей шамарской медовухой, которую Валерий предпочитал всем прочим аквилонским напиткам. Залпом осушив сосуд, вельможа подчеркнул небрежным жестом вытер губы особым платком и поманил к себе Ринальдо, придворного менестреля

Шамара. Тот с готовностью предстал пред его очи, на ходу извлекая из специального футляра небольшую арфу.

— Спой, Ринальдо, об отваге брата моего Нумедидеса, которого не страшат никакие напасти! Спой нам о его ратной доблести, о его царственной осанке и соколиных очах, руках, напоминающих мощью своей древние валузийские колонны. Пой громче, Ринальдо, пусть все слышат, каков у меня брат, и завидуют мне!

— Хватит, — сквозь зубы прошипел Нумедидес. — Довольно, Валерий! К чему устраивать представление, подобно жонглерам на городской площади? Оставим наш спор до лучших времен. Сейчас не до того!

— Пусть так, — Валерий кивнул головой, и Ринальдо с неохотой спрятал арфу. Глумление над недругами Валерия было излюбленным развлечением как менестреля, так и его мрачного хозяина. К тому же это был прекрасный способ избавляться от докучливых гостей. Менестрель умел высмеять любого настолько изящно, что жертве даже невозможно было возмутиться, и по праву гордился своим недобрым искусством.

Вдруг раздался чудовищный рев, точно сотни оленей разом издали брачный клик. От звука его пригнулась пожелтевшая трава, и покатались по ней остроконечные головные уборы дам, завизжавших от неожиданности, вперемишку с разноцветными беретами их кавалеров, украшенных щегольскими беркучьими перьями...

Даже Амальрик осадил коня, а рука Валерия непроизвольно потянулась к мечу, с которым он никогда не расставался.

— Боги, — прошептал он сдавленно. — Что же там такое?!

Казалось, только Нумедидес не был обескуражен происходящим, глаза его бешено засверкали.

— Ага—аа! — закричал он что есть мочи. — Жертва Митре оказалась не напрасной! Мои ловчие нашли-таки зверя, достойного принца Аквилонии!

Он прищипорил коня, который захрапел и отшатнулся от чащи. Легавые вдруг, точно по команде, поджали хвосты, завыли и бросились прочь. Неожиданно кусты раздвинулись и из чащи появился великан, не меньше двадцати локтей росту. Морщинистая кожа неведомого существа напоминала кору древнего дуба, на теле буграми вздымались чудовищные мышцы. Его лицо с красными

бельмами, лишенными зрачков, пылало яростью. Он был совершенно обнажен, лишь на запястьях виднелись широкие браслеты из неведомого металла, на которых острый глаз охотников разглядел угловатые руны, да мощные чресла охватывал пояс, сделанный из шкуры целого оленя. На шее, перевитой жилами толщиной с корабельный канат, мерцало ожерелье в форме свернувшейся змеи, а исполинскую голову венчала корона переплетенных белых рогов. Чудовище воздело к небу огромные руки, способные выкорчевать корабельную сосну, издавая рев, от которого присели лошади охотников, егерей и ловчих.

Валерий почувствовал, как у него начинает кружиться голова — быстро, быстрее, еще быстрее. Плащ за спиной спутался от чудовищного порыва ветра, конь храпел, с губ его падали ключья пены. В памяти Валерия мгновенно всплыли предания, что рассказывала в долгие зимние вечера его кормилица.

— Митра превеликий — это же сам Цернуннос! — прошептал он едва слышно, но сбившиеся в кучу люди подхватили этот полувздох, полувсхлип.

— Цернуннос, Цернуннос, — прокатилось по кавалькаде эхо, подобно волне от ветра на поле, полном пшеницей.

— Цернуннос, — шептали враз похолодевшие губы Валерия, — древний Бог Олень, Хозяин Аквилонии...

ОБРАЗ БЕЗУМИЯ

«Велика и могуча страна Валузия. Благословенны нивы ее, тучны стада, изобильны леса, полноводны и рыбны реки. Раз охотники, егеря, ловчие и сокольные Дома Валузии пошли на промысел в лес древний, непролазный, ища добычи такой, какой не видывал еще никто на свете. День, и два, и три шли охотники, егеря, ловчие и сокольные, но не повстречали добычи их достойной. Но в конце дня третьего мелькнул в глухой чащобе олень огромный, с венцом рогов белоснежных на челе. И возжелали они умертвить зверя лесного, освежевать и принести к очагу своему, чтобы узрили все, сколь славных героев родит Дом Валузии. И стали бросать они дротики, но пролетали мимо дротики и втыкались дротики в землю, не причиняя вреда оленю лесному. Тогда достали они рогатины, но затупились рогатины и не причинили вреда оленю лесному.

И ужас дикий сковал тогда члены охотников, егерей, ловчих и сокольников, и порешили они отказаться от алчных помыслов и усмирить свою гордыню. Но нашелся один из них, вдвое кичливостью и гордословием обуянный, и вскричал он: «Я смогу!» — и вынул клинок охотничий, стали верулийской, и поспешил с кличем диким к оленю огромному, белорогому, в чаще лесной. Но взревел олень огромный, белорогий, стоящий в чаще лесной, и случились вдруг у охотника норовистого, гордословного и кичливого корчи и судороги, и упал он на поляну лесную и стал плакать, выть, биться и кровь изрыгать из себя, и желчь изрыгать из себя, и флегму изрыгать из себя. А олень огромный, белорогий, чье имя было Цернуннос, что означает Бог-Олень, ушел в чащу лесную, и тридцать зим потом никто не видел его. А охотник, вернувшись к очагу своему, стал обуян болезнью черной, страшной, разум мутящей, что случилась с ним от того, что посягнул он на Бога-Оленя, коему имя было Цернуннос. И стали очаг его, дом его, кров его гибнуть от мора, недорода и распри; и сгинул очаг его, дом его, кров его в пуще леса Валонского, где хозяин Цернуннос, Бог-Олень. Но убежал пес желтый от поруганного очага того, и помочился он кровью на ножку трона. И пал трон, пал герб, пал князь, и наступил Час Дракона. И выл на пепелище, костями усеянном, кровью окропленном, пес желтый — выл, ибо так повелел Цернуннос...»

Эту легенду, рожденную еще во времена таинственной Валузии, страны, давно исчезнувшей с карты, чьи земли попрали босые ступни варваров-хайборийцев, Валерий помнил с детства. Валузия канула в небытие, и хотя на ее обширных полях, лесах, пажитях, озерах, каменоломнях и бортях по-хозяйски раскинулись Аквилония, Немедия и Зингара, певучие валузийские предания, переиначенные на нынешний лад, до сей поры рассказывали в каждой семье.

Валерий запомнил сказку о Цернунносе лучше других — оттого, что его кормилица пугала его непослушного отрока, слишком охочего до прогулок по Валонскому лесу. Юному Валерию нравилась первобытная прохлада зеленых угодий, прихотливые узоры стрелчатых листьев, загадочные заросли папоротника, в которых он безуспешно, с полудетской настойчивостью и верой искал волшеб-

ный цветок, способный выманить из чащи бога с рогами на челе.

Тогда, с ветром в волосах, молодым несатытым телом и ожиданием неведомого, юный принц жаждал встречи с легендарным Цернунносом, надеясь получить у надменного Бога-Оленя, которого суеверные крестьяне почитали Хозяином Аквилонии, благословение на царствование. Честолюбивый отрок не мог примириться с тем, что на его пути к аквилонскому престолу стоит двоюродный брат Нумедидес — прыщавый и плаксивый Нуми, с которым они немало помутузили друг друга в детстве.

Но завистливый кузен прознал о вылазках Валерия в Валонский лес и наябедничал о его похождениях Гретиусу — жрецу Митры, призванному оберегать от демонических чар юных наследников...

Валерий накрепко запомнил ежевичные розги, которым жрец с подручными прошелся по спине юного искателя приключений, дабы выбить из него ересь. «Цернуннос — умерший бог дикарей», — наставлял слугитель Солнцеликого, сопровождая этой фразой каждый новый удар. Он пытался заставить повторить эти слова непокорного принца, но тот, питавший с молоком кормилицы уверенность в существовании Бога-Оленя, Покровителя Аквилонии, лишь кусал распухшие губы и возносил молитвы к Цернунносу, прося даровать ему силы и терпения.

И вот теперь этот якобы умерший бог взывал своим воем плащи перепуганной челяди, и треск ломающихся стволов под напором его могучего тела напоминал удары стенобитных машин.

Валерий почувствовал, как желчной горечью подступает к горлу тошнота. Да, на поле брани, где полагалось сражаться до последнего, он научился обуздывать предательскую дрожь, но при виде сверхъестественных существ, порождений потустороннего мира, липкий ужас заполнял его тело, морозил кровь, заставлял подкашиваться ноги. Невидящим взором он окинул поляну. Выворачивающееся наизнанку сознание зафиксировало лишь отдельные сцены, точно кто-то развернул перед ним гобелен с вытканными картинками.

Черный силуэт барона Торы, безуспешно пытающегося содрать плащ, облепивший его голову.

Псы, ползущие на брюхе, поджав тонкие хвосты, бесильно царапающие лапами траву.

Чей-то паж с выпученными глазами, вцепившийся мертвой хваткой в стремя окаменевшего господина.

Искаженные лица королевских гвардейцев, Черных Драконов, сбившихся в кучу, подобно жукам-кожеедам на трупе мертвой птицы.

Нумедидес, яростно стегаящий упирающегося жеребца.

«...И ужас дикий сковал тогда члены охотников, егерей, ловчих и сокольников и порешили отказаться они от алчных помыслов и усмирить свою гордыню. Но нашелся один из них, вдвое кичливостью и гордословием обуянный, и вскричал он: «Я смогу!» — и вынул клинок охотничий, стали верулийской, и поспешил с кличем диким к оленю огромному, белорогому, в чаще лесной...»

Застывший мир вдруг сдвинулся с места, закружившись в бешеном водовороте. Звуки обрушились на голову, как снежный ком. Валерий услышал истошный женский визг, вой легавых, храп обезумевших скакунов, бряцанье не желавших покидать ножны клинков и захлебывающийся нечеловеческий вопль Нумедидеса, чьи набухшие жилы на лбу грозили разорвать серебряный обруч, залитый разноцветной эмалью; тучное тело напряглось так, что перекосился нелепый атласный камзол на подкладке из меха райборийских коз, парчовые полосы спутались от ветра, и пояс из бронзовых пластинок, расстегнувшись, пал на луку седла. Его длинный плащ, скрепленный на груди алым шнуром с кистями, трепетал, подобно крыльям нетопыря... В правой руке сверкал позолоченным лезвием невесть откуда взявшийся немедийский меч.

А левой он яростно стегал упирающегося жеребца.

— Вперед! — яростно орал принц. — Вперед, грязные псы, ублюдки Нергала! Вперед, или я прикажу сжечь ваши дома и выпустить кишки из вашего отродья! Я велю вам — вперед! Убейте демона, оскверняющего землю Аквилонии! Вперед! Я приказываю! Я приказываю! Я приказываю!

Нумедидес зашелся в вопле, словно безумная кликуша, бичующая себя и раздражающая одежды в кругу молчаливых крестьян.

Но никто даже не сдвинулся с места; лишь опомнившиеся отцы семейств судорожно пытались справиться с кобылами, на которых съезжились их дочери, жены и наложницы.

Принц Нумедидес развернул коня вскачь и помчался к краю поляны, где, за спинами придворных, верхом на низкорослой мохнатой лошадке восседал, укутавшись в меховую накидку, так что торчала лишь бритая голова, вечно мерзнувший жрец Гретиус. Опомнившийся Валерий направил своего скакуна вслед за внезапно обезумевшим кузеном.

— Что сидишь, пес! — завопил Нумедидес, загарцевав с ним рядом. — Кликни на помощь Солнцеликого и сокруши демона! Где твоя хваленая мощь, презренный? Призови силу Солнца, чтобы попать козни Тьмы!

Жрец испуганно покосился на огромную фигуру Цернунноса, застывшую, подобно изваянию, среди огромных валонских дубов.

— Всемогущий Митра не сражается с древними богами, — просипел он испуганно. — А демоны, пришедшие из вековых валузийских пущ, не поклоняются солнечному диску. Я не вправе тратить на чудовище силу, отпущенную мне Пресветлым. Это недостойно служителя Культа...

Нумедидес в ярости стегнул плеткой лошадь жреца.

— Тогда скажи и сокруши демона сталью! Покажи нам, что мы не зря приносим обильные гекатомбы, проливая кровь безвинных тельцов, и умащаем статуи Митры медом, воском и соком можжевельника! Вперед, жрец, спасай свою смиренную паству от хулы!

Гретиус сделал жест, отвращающий демонов. Грозная фигура Цернунноса не шелохнулась.

— А-а-а! — взревел Нумедидес. — Старый развратник, чья мать понесла от свиньи... Ты горазд лишь осквернять юных наложниц из Тарантийских чертогов, которых водят к тебе одуроченные неофиты!

— Опомнись, сын мой! — задребезжал старческий голос Гретиуса. — Пресветлый Митра покарает тебя за богохульство! Опомнись, и проси прощения у Всемогущего, моли, дабы он смилостивился над тобой за надругательство над его слугами. Опомнись, принц, пока не поздно! На колени, на колени перед Солнцеликим!

В негодовании, его обуявшем, жрец привстал на стременах. Высохшая фигура дышала невесть откуда взявшейся мощью. Лицо перекосилось от гнева, старческие ладони с синими набухшими венами яростно теребили священный амулет — золотой круг с человеческим лицом, окруженным лучами, попеременно прямыми и извилистыми.

ми. И так было велико его сияние, что подоспевший Валерий непроизвольно разжал пальцы и отпустил рукав Нумедидеса, в который вцепился что есть мочи, чтобы оттащить своего бесноватого кузена, и на мгновение прикрыл рукой глаза. Лицо его в одночасье посуровело, и он нахмурил лоб, как будто что-то вспоминая.

— Прощение? — Глаза Нумедидеса полыхнули бешенством. — Вот тебе прощение, пес! — Он замахнулся мечом на старого жреца, тот испуганно втянул голову в плечи и попытался закрыться от удара морщинистой старческой ладонью.

Клинок Нумедидеса со свистом разрезал воздух и... высек искры из меча Валерия, который тот молниеносным движением выхватил из ножен и поставил на пути смертоносного немедийского лезвия. Зловещий лязг потонул в громовых перекатах рева Бога-Оленя.

Валерий оглянулся вокруг — все глаза были прикованы к лесному чудищу, и принц Шамара возблагодарил за это Митру — хорошенькая картинка предстала бы взорам аквилонских нобилей, вздумай они обернуться!.. Два королевских племянника машут мечами, подобно пьяной солдатне в придорожной таверне! Валерий поискал глазами Амальрика, опасаясь, что от его внимательного взгляда не укроется их потасовка, но немедийского посланника не было на прежнем месте — должно быть, тот рассудил, что на всякий случай стоит держаться поближе к копыям дворцовых гвардейцев.

Он перевел взгляд на Нумедидеса — тот скалил зубы, как дикий хорь, у которого отняли законную добычу.

— Уйди, Валерий, — прохрипел он, — дай мне проучить этого старого прохвоста!

— Подожди, принц, — крикнул в ответ владетель Шамара, — пройдет время, и ты, должно быть, пожалеешь о содеянном! Жрец ни при чем! Разве это не по твоему приказу чудовище раздражили случайной стрелой? Ты должен винить лишь себя и просить у богов прощения за собственную безрассудность!

— Безрассудность? — взревел Нумедидес. — Посмотрим, какова воля Митры! Если жрец угоден ему, то он защитит своего слугу от каленого железа! К чему пустые слова, да будет на все Его воля!

И вновь сверкнула молния меча, и вновь ему ответила другая. Они сплелись в один узор, сверкая, как драконья чешуя.

Но вот один из клинков ласково, играючи коснулся морщинистого лба старого жреца. Со стороны казалось, что ничего не изменилось — Гретиус, недвижимый, сидел в высоком седле с резной подпоркой для спины. Лишь те, кто были неподалеку, могли видеть, как на морщинистый лоб жреца набегают темная струйка крови.

Стекает по застывшему лицу.

Капает на парчовую рясу.

Расползается по вышитому образу Пресветлого, окрашивая золото багрянцем.

Сухая ладонка разжимается, и солнцеликий амулет медленно падает на ржавую осеннюю листву.

Принц протягивает руку и перехватывает священный символ, весь в красных каплях...

Жрец Гретиус, наставник Тарантийского Дома, пошатнулся, выпал из седла, но нога его застряла в стремени. Конь его заржал испуганно, вздыбился и понес. Рука поверженного служителя волочилась по земле, оставляя неровную борозду..

Испарина выступила на низком лбу Нумедидеса, он с ужасом посмотрел на Валерия и, наткнувшись на ледяной взгляд шамарца, неистово натянул поводья тяжелого ган-дерландского скакуна, так что едва не выворотил розовые лошадиные губы. Позабыв про расшитый вензелями платок, отер рукой в бордовой перчатке, поверх которой на пальцах красовались многочисленные перстни, выступившую испарину и яростно прищипорил рысака, направляя его в сторону застывшего Цернунноса.

Холодный пот ручьями стекал по светлому челу Валерия, он хлестнул своего тонконового гирканского жеребца, и тот, взрывая острыми копытами теплый перегной, понесся к кучке придворных, беспомощно сгрудившихся на огромной поляне вблизи длинных столов, на которых мгновениями раньше красовались серебряные блюда со всевозможной снедью для усталых охотников. Теперь они были перевернуты и темнели своими голыми досками на рыжей листве, вышитые золотом скатерти трепыхались на кустах, а изысканные яства, гордость тарантийских поваров, были разбросаны по земле и перемешаны с мертвыми листьями и катышками конского навоза.

«...и случились у охотника норовистого, гордословного и кичливого корчи и судороги, и упал он на поляну лесную и стал плакать, выть, биться и кровь изрыгать из себя, и желчь изрыгать из себя, и флегму изрыгать из себя...»

Нумедидес мчался вперед, его немедийский клинок рдел в кровавых лучах заходящего солнца. Неистовый охотничий клич вырывался из его груди, с губ срывалась хула Цернуносу. В этот миг безумия лишь одна страсть владела им — умертвить Бога-Оленя, низринуть древнюю валузийскую мощь, показать, наконец, всему миру, кто есть истинный владыка Аквилонии... Лица мелькали перед его глазами: Релата, Валерий, Амальрик, Троцero, опять Релата, Валерий, опять Релата... Релата!

Конь Нумедидеса подскочил к величественному Богу-Оленю почти на десять локтей. Нумедидес задрал голову вверх, пытаясь разглядеть страшный лик существа...

— Цернунос! — завизжал он, кружась вокруг огромной ноги бога на взбесившемся жеребце. — Я, наследный принц Аквилонии, повелеваю тебе преклонить колени пред ее повелителем!

Казалось, величественная фигура Бога-Оленя превратилась в камень. Может он, подобно своим лесным собратьям, не нападал, не издав нескольких кликов. А может, он просто не замечал людей, считая их безвредными муравьями, копошащимися у его копыт.

Но вот новый тяжелый гул опять смял тишину застывшего леса, заставил задрожать и поколебаться твердь под ногами, стряхнул остатки листвы с нагих деревьев. Конь под Нумедидесом захрипел и стал медленно заваливаться набок, и безумец с растрепавшимися жирными волосами, едва успев выпростать ноги из стремени, скатился на ходившую ходуном почву.

— Что молчишь, бессловесная тварь? — прохрипел он надрывно. — Ты долго спал во мраке валузийских лесов, но я тебя разбужу! — С этими словами он изловчился и с силой полоснул мечом по ноге гиганта. Но что это? Ему показалось, что он с размаха ударил по гранитной стене... Кисти рук пронзила ужасающая острая боль, меч разлетелся на куски. На ноге исполина не осталось даже царапины. Лишь лишенные зрачков бельма засияли изнутри багровым огнем.

От удара принц покатился кувыркoм. На лету, краем глаза, он успел заметить огромную яму, из которой

торчали корни деревьев с налившимися комьями земли. Он понял, что чудовище спало вековым сном под сенью дубов-исполинов, но шум, производимый охотниками, разбудил его. Нумедидес зажмурился, ожидая, что огромное копыто поднимется и раздавит его, как жука. Он уже слышал, как хрустит, ломаясь, его хребет, явственно ощущал соленый вкус крови во рту... Но гигант не изменил своей позы, словно деяния ничтожеств, копошившихся внизу, не задевали его и не способны были оторвать от нечеловеческих раздумий.

Это придало Нумедидесу силы, и он сел, помотал гудевшей головой и бросил взгляд на свои руки, мгновенно распухшие от удара мечом. В жухлой траве что-то блеснуло. Сердце принца замерло — рядом с ним валялся священный талисман Митры, который он, видимо, обронил, когда падал с коня.

«...демоны, пришедшие из вековых валузийских пущ, не поклоняются солнечному диску. Я не вправе тратить на чудовище силу, отпущенную мне Пресветлым. Это недостойно слугителя культа...» — вспомнились ему предсмертные слова жреца.

Нумедидес, окровавленный, весь в поту и собственной желчи, подполз к священному амулету, воровато схватил его и с силой метнул в сторону лесного гиганта.

— Вот тебе, тварь! — прохрипел он. — Вкуси силу Митры Благословенного!

Амулет ударился о мохнатую голень исполина, но не отлетел прочь, а с легкостью пронзил толстую кожу, где виднелись буроватые проплешины мха. Из раненой ноги засочилась тягучая вязкая жидкость, напоминавшая густой мед, но зеленая, словно сок растений.

Страшный рев был ответом Нумедидесу. Он второй раз простился с жизнью и распластался по земле как червь, стараясь поглубже зарыться в спасительную листву и зажимая уши от невыносимого воя.

Рев нарастал, впивался в мозг безумного принца, терзал его помутившийся разум, выворачивал душу наизнанку.

...Последнее, что видели его налитые кровью глаза, был Цернунос, Бог-Олень, с трубным воем ломавший верхушки сосен.

А потом черный полог опустился в сознании его и освободил от невыносимых страданий...

Насмерть перепуганные люди рассеянно приводили себя в порядок, отряхивали платье, гладили по крупу дрожавших лошадей, вполголоса переговариваясь между собой, обмениваясь бессмысленными фразами. Самые отважные подкрадывались к огромной яме, опасливо заглядывая через край. Чернуннос, Бог-Олень, скрылся в глубине Валонского леса, и только исковерканные стволы, труп лошади, сломанный меч да скулящие псы, рвущиеся из пут егерей, доказывали, что все случившееся не прикидилось бледным, как смерть, аквилонским вельможам.

К поверженному Нумедидесу подбежал трясущийся Валерий, и, моля светлого Митру о милосердии, приложил к губам Главного Охотника лезвие своего меча. Полированная сталь затуманилась.

— Хвала Солнцеликому, он жив!

«Жив, принц жив...» — пронеслось по рядам, и осмелевшие придворные взяли в круг Валерия и Нумедидеса. Бывший хауранский воин принял рог от зареванного мальчишки-виночерпия и, смочив платок с вензелями, обтер им грязное окровавленное лицо принца. Потом, изловчившись, он влил несколько капель ему в рот, разжав кинжалом стиснутые зубы. Нумедидес застонал и открыл глаза. Валерий отшатнулся. Он никогда не видел брата таким... Взгляд его был пуст и темен, точно стоячая вода в ледяной майне. Глаза смотрели туда, где верхушки корабельных сосен закрывали облака.

— Нуми, очнись! — прошептал Валерий ему на ухо его детское имя и встряхнул принца. — Очнись, говорю я тебе...

Подоспевший Амальрик подложил под голову принца свой плащ, свернув его в тугий комок.

— Что случилось с Его Высочеством? — поинтересовался он, приподняв левую бровь, таким тоном, будто отлучался куда-то и только лишь подоспел, не ведая о происшедшем. — Надеюсь, старший наследник Рубинового Трона в полном здравии?

— Его Высочеству нужен покой, — отозвался Валерий.

Вдруг Нумедидес приподнялся, сел, словно ожившая мраморная статуя, и схватил своего брата за горло. Ни звука не вырвалось при этом из его рта. Все происходило в полной тишине. На мгновение все оцепенели. Но вот раздался пронзительный женский визг, и Валерий, очну-

вшись от внезапного забытья, попытался разжать пальцы, железной хваткой стиснувшие его шею. Но тщетно... перед глазами у него поплыли багровые круги. Он захрипел.

— Стойте, попробуйте ножом! — Это Тиберий Амилийский попытался просунуть трехгранный стилет меж пальцев принца, стараясь при этом не поцарапать ему горло. С третьей попытки это удалось, хватка ослабла, и вот Валерий уже судорожно глотал воздух, растирая горло. Нумедидес встал, глаза его покраснели; внезапно он зарыдал навзрыд.

— Мой бедный Валерий, — голосил Нумедидес, глядя остолбеневшего кузена по щеке. — Тебе было больно, когда тебя схватили эти гадкие руки? — Его некогда сочный баритон сбивался на детский фальцет. — Ну, хочешь, я пойду к кузнецу, и он выкует мне новые, а эти отрубит. Или, может, спеть тебе песенку? Вот послушай!

«Нож, в серебро оправленный,
Дай срок, я получу!
Той, что в кости выиграл,
Я владеть хочу.

Расшитым шелком семь рубак,
Дай срок, я получу.
Той, что в кости выиграл,
Я владеть хочу.

Я верность всю отдам тебе,
А заодно и честь!
Я — лучший королевский сын,
Какой на свете есть!»

Его перемазанное землей и кровью лицо было похоже на уродливый лик огромного ребенка-нелюдя. Он подполз на четвереньках к Релате, полуобморочно опершейся о плечо юного графа Аскаланте, Владетеля Туны, и уцепился за подол платья из синего бархата, подскуливая и заглядывая по-собачьи в глаза. Не выдержав омерзительного зрелища, юная красавица лишилась чувств.

Тишину прорезал суровый голос барона Торского, подталкивавшего в спину пажей:

— Вы что, не видите, Его Высочество устал после битвы с чудовищем? Ему нужен отдых и покой. Живо посадите принца в колесницу, мы отправляемся в Тарантию!

Пажи опасливо приблизились к Нумедидесу, однако тот и не пытался сопротивляться, покорно дав увести себя прочь.

Граф Троцери, склонившись к стоящему рядом юному Просперо Пуантенскому, с горечью произнес:

— Сбывается проклятье Цернуноса! Немедийские собаки уже хозяйничают на наших землях!..

Скорбны были слова графа, но слишком тих его голос...

ОБРАЗ ЛУКАВСТВА

Парадный зал королевского дворца в Тарантии, прославленной аквилонской столице, был убран позднецветом и можжевельными гирляндами, окропленными медом и воском в честь Великого Митры. Мозаичные панно на стенах, искусно выложенные из искрящихся шаронских самоцветов споролистыми руками безвестных мастеров, живописали бесчисленные картины пиров, охот, сражений, коронаций и венчаний. Все сюжеты объединяло присутствие Пресветлого, чей образ традиционно изображался (как и предписано в священных свитках Митры) в правом верхнем углу (два локтя сверху, пять книзу, семь от левой границы и половина от правой) в виде солнечного диска с человеческим лицом, окаймленного протуберанцами с попеременно прямыми и изогнутыми языками.

Выкладывалось изображение Пресветлого из игольчатого огнистого сланца, добываемого в копиях далекой страны Коф. Редкостный чужеземный минерал ценился в буквальном смысле на вес золота, и лишь немногие состоятельные вельможи могли позволить себе украсить парадный зал *истинным* изображением Пламенноликого. Тем же, кто победнее, дозволялось использовать охру — желтую земляную краску, добываемую из глины, богатой металлом. Однако месторождения ее строго охранялись жрецами Митры, и каждый *инг* драгоценной краски обходился жаждущим божественного тепла не менее чем в пять мер животного масла и десять пригоршней ячменя...

Панно разделялись между собой узкими бронзовыми полосками, на которых мерцала тонкая чеканка орнамента, изображавшего Священный Солярный Крест, знак зимнего и летнего солнцеворота, который отмечался два-

ды в год верчением огненных колес и хороводом ряженных, окропляющих соком можжевельника ликующие толпы аквилонцев.

В парадном зале было дымно от бесчисленных масляных светильников и курившихся благовоний, пряный аромат которых назойливо щекотал ноздри и слегка дурманил многочисленных гостей в праздничных одеяниях, съехавшихся на торжество Осеннего Гона; во дворце было шумно от радостного возбужденного гомона придворных.

Благородные нобили великой аквилонской державы, цвет ее рыцарства, со всей страны прибыли в украшенную стягами Тарантию. Здесь были и коренастые темноглазые боссонцы, прославленные лучники; и гандерландцы в мохнатых шапках, уроженцы самой северной провинции Аквилонии, которых никто не мог превзойти в искусстве владения пикой; и суровые пуантенцы, долгие годы хранившие свою независимость от посягательств аквилонского змея; и шамарцы, обитатели южной оконечности королевства, форпоста против коварных восточных соседей, Офира и Кофа. Города Танасул и Велитриум, Галпаран и Дайан прислали своих лучших сыновей. В качестве почетных гостей присутствовали дуайен Немедии, барон Амальрик Торский со свитой, посланник Офира, чернобородый Истриак, доводившийся племянником князю Ианты; особняком сидели светловолосые и сероглазые купцы из Бритунии. Не хватало лишь жрецов Митры — но, по обычаю, те не опускались до присутствия на светских торжествах.

Были уже осушены первые кубки с вином, произнесенны первые здравницы в честь короля Вилера Третьего и его могущественной державы. Придворные шуты успели вызвать смех гостей и получить пинки за излишнюю смелость своих соленых прибауток, благородные дамы не поджимали больше капризные губки, слушая грубые охотничьи рассказы кавалеров, а залиvisto смеялись наравне с ними; королевские псы ленились грызться за жирную мозговую кость, и даже Черные Драконы, отборная королевская гвардия, позволили себе расстегнуть ремешки шлемов, не в силах вынести жару продымленного гудящего помещения.

На обоих концах необъятного зала горели огромные очаги, в которых полыхали, распространяя душистый смолистый дымок, здоровенные поленья, а на вертелах

потные чумазы поварята с трудом поворачивали олени туши. Стена над одним из каминов была украшена боевыми щитами с гербом королевской династии, извивающейся змеей с разверстой пастью, в короне, золотой на алом фоне, и всевозможным оружием: двуручными аквилонскими мечами, туранскими ятаганами, вендийскими тульварами, шемширами из Иранистана, коринфийскими махайрами, широкими жайбарскими ножами, а также гандерландскими пиками, крохотными гирканскими костяными луками, используемыми для стрельбы на скаку, парадными, никогда не стрелявшими арбалетами с ложе, вырезанным из цельного бивня невиданного вендийского зверя, и прочими ратными трофеями.

Стена над вторым камином также призвана была напоминать о боевой удали хозяев замка, однако несколько иного толка. Здесь, на постаментах полированного камня, красовались оскаленные морды диких зверей, над которыми изрядно потрудился не один искусный чучельник. Лучшая добыча Осеннего Гона и прочих королевских охот скалилась желтыми клыками в пунцовых пастьях, сверкала темными обсидиановыми очами, щетинилась жесткой шерстью на загривке. Рыси, вепри, барсы и медведи были выделаны столь старательно, что, казалось, вот-вот хищники облизнутся и закаplet слюна с языка...

Голова прекрасного черного, редчайшей масти, оленя, пораженного в прошлом году беспощадной рогастиной сурового Троцера Пуантенского, занимала почетное место в центре. Великолепный белый изюбр, самец с мощным кустом острых рогов, которого Его Высочество принц Нумедидес не ведающей промаха рукой сразил на сегодняшней охоте, пребывал в руках королевских кожевников и готовился занять место вблизи трофея графа. Однако это, по традиции, должно было случиться лишь в самом конце вечера. Сейчас же гостям предоставлялось вволю бражничать и веселиться.

Худощавый миниатюрный граф Феспий, сидевший рядом с Валерием, многозначительно поводя глазами, прошептал ему на ухо:

— Его Величество приказал отдать на заклание самого красивого оленя из королевского зверинца. Так что принц Нумедидес по праву будет провозглашен великим охотником...

Валерий, рассеянно отрезавший полоски мяса от куска оленины на своей тарелке, машинально кивнул, почти не слушая графа, чья девичья жеманность всегда претила ему. К тому же он до сих пор не оправился от ужаса, пережитого на охоте, и, искоса взглянув на веселящегося Нумедидеса, мог лишь подивиться, до чего быстро его кузен пришел в себя после схватки с Цернуносом. После прибытия в Тарантию принца перепоручили двум доверенным лекарям, и те, похоже, преуспели в своем искусстве, сумев вернуть принцу утраченное равновесие, а с ним и привычное самомнение. Так или иначе, Нумедидес был бодр, ел за троих, то и дело подставлял виночерпию свой кубок и при этом как ни в чем не бывало бахвалился перед окружающими его придворными своей охотничьей доблестью.

Валерий обвел взглядом пиршественный зал. Стол, где сидел король с приближенными, был установлен на небольшом возвышении у правой стены. Чуть ниже рядами располагались столы придворных, а у самого входа пировали егеря, загонщики, ловчие, выжлятники и все те, кто принимал участие в сегодняшней охоте наравне с господами. Разумеется, здесь были лишь старшие и наиболее заслуженные — даже королевский зал не в силах был вместить остальных, и те угощались во дворе замка, где были загодя расставлены длинные дощатые столы и откупорены бочки с лучшим вином из королевских погребов; однако и без того раз в год присутствие простого люда на пиршестве во дворце создавало совершенно особую атмосферу свободы и мужского братства, где немногие приглашенные дамы чувствовали себя, пожалуй, не слишком уютно.

Валерий остановил свой взгляд на немедийском посланнике, сидевшем напротив. Тот всю хохотал над выходками шутов, обнажая крепкие белые зубы, однако от опытного взгляда не могло укрыться, что Амальрик отнюдь не так весел, как хотел показать. Глаза его цепко оглядывали разгоряченных вином и разговорами вельмож, не упуская ни малейшей детали. Валерий подумал, что барон Торский получает сведений о делах Аквилонии из застольных бесед куда больше, чем от выпренных пустословий на изысканном лэйо с тарантийскими советниками.

Немедиец, без сомнения, был умен и хорошо воспитан; придворное изящество сочеталось в нем с несомненной мужественностью, так что Валерий не мог не счесть смехотворными слухи определенного свойства, ходившие в Тарантии насчет барона. В строгом костюме черного бархата, на котором серебром вытканы хищные драконы, герб его мглистой родины; с темными волнистыми волосами, убранными под золотую сеточку, с бородкой и усами, подстриженными по последней аквилонской моде, Амальрик Торский внушал симпатию своей открытостью и простодушием. Он пил наравне со всеми, не кичился саном посланника-дуайна, обладал неистощимым запасом двусмысленных шуточек, чем приводил в восторг кавалеров, и был галантен и учтив в разговорах с дамами. Что еще нужно, чтобы стать желанным гостем за любым столом?

Но вот Амальрик заметил испытующий взгляд принца, и хотя его полные губы по-прежнему улыбались, глаза мгновенно отреагировали на вызов — взор заострился стальным стилетом и скрестился со взором Валерия. В этот момент барон стал похож на черного лесного ворона, попавшего на пир к глупым сойкам, щеглам и малиновкам и намечающим достойную жертву среди щебечущих хозяев.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, принц, — доверительно улыбнулся Амальрик. — Однако мне кажется, сегодняшнее празднество пришлось вам не слишком по душе... За те годы, что я провел в Тарантии, здешние нравы, кажется, еще больше опустились. Ума не приложу, как могут люди находить удовольствие в столь низменных забавах? — И он повел подбородком в сторону помоста, возведенного в центре зала, где под аплодисменты и одобрительные вопли зрителей кувыркались и жонглировали цветными шарами акробаты. — Ни в одной другой столице мира этих дешевых фигляров не пустили бы и на порог дворца! Вам, изведавшему тонкий вкус восточной изысканности, должно быть, это кажется диким?

— Не знаю... — Валерий не был готов к такому повороту разговора и с растерянной усмешкой пожал плечами. — Нельзя осуждать людей за то, что они веселятся от души, забыв о церемониях. Хотя сам я не любитель шумных компаний...

— И все же, — продолжал настаивать барон, — нельзя не заметить, что Аквилония изменилась за последние годы. Исчез боевой дух, люди обросли жирком, забыли цвет королевских штандартов, а лицедеи заменили рыцарей. — Он чуть пригубил вина из кубка. — Что вы скажете на это?

— Даже не знаю. — Валерий рассеянно чертил ножом свастику солдееворота на гладкой столешнице. — Я не так давно вернулся из Хаурана... Мне все здесь внове. Но, ваша правда, двор Вилера был иным, когда я оставил его. А как у вас в Немедии, Амальрик?

Вопрос был задан подчеркнуто равнодушным тоном, так что последний тупица понял бы, что принц не желает продолжать разговор, однако барон — которого, при всем желании, к этой категории людей Валерий отнести не мог, — словно бы и не заметил намека и отозвался с горячностью, особенно странной на фоне холодности собеседника.

— Немедия — страна воинов, принц! Жаль, что вам не доводилось там бывать. Вы слышали бы, как славят ваше имя в тех краях, из уст в уста передавая легенды о спасении королевы Хаурана и низвержении блудницы Саломеи, одержимой демоном, — весьма почитаемый в наших краях ученый муж, Астрис Оссарский, бывший в ту пору в Хауране, в подробностях описал вашу историю в своих письмах философу Алкидху...

Валерий нахмурился.

— Я не люблю вспоминать об этом, барон. И прошу, избавьте меня от подобных разговоров!

— Вот как? — Немедиец был удивлен — или искусно разыгрывал недоумение. — Мне казалось, воин всегда остается воином, вне зависимости, на королевском пиру, или в походном шатре готовится к сражению. Вы надеетесь разубедить меня?

Принц поморщился раздраженно. Разговор этот, двусмысленный и полный туманных намеков, среди пьяного гомона и винных испарений, досаждал ему, а напоминание о Хауране и вовсе действовало подобно красной тряпке на быка. Он не знал, что заставило барона упомянуть об этом, но был полон решимости заставить его прекратить разговор.

— Я не воин, барон, — отчеканил он, глядя немедийцу прямо в глаза и с удовлетворением отмечая, как тот

опускает взгляд. — Я — наследный принц Аквилонии, и не советовал бы кому-либо забывать об этом.

Он надеялся, что поставил точку в разговоре... Однако — проклятый немедиец! — последнее слово все же осталось за ним.

— Как вам будет угодно, принц, — широко улыбнулся посланник, так, словно Валерий сказал ему нечто приятное. По его знаку слуга наполнил кубок, и барон встал, готовый провозгласить здравицу. Придворные, все как один, обернулись к нему, и даже король Вилер одобрительно кивнул в ожидании. Валерий застыл, отчего-то предчувствуя недоброе...

— Я хочу выпить доброго шамарского меда в честь принца Валерия, не воина, но наследника престола, одного из первых вельмож Аквилонии — да будет благосклонен всемогущий Митра к ее добрым пажитям, золотым нивам, тучным стадам и зеленым холмам! — И не успел он вымолвить последние слова, как гости хором приняли чествовать принца, королевские танцовщицы в разноцветных обтягивающих одеждах засыпали его лепестками хризантем, опутали смущенного потупившегося Валерия яркими гирляндами, менестрели разом ударили по струнам своих арф, даже псы залаяли, поддавшись общему настроению.

Амальрик откинулся назад и с прежним рвением окунулся в гущу веселья. Мгновение, и он уже вновь блистал остроумием в цветнике раскрасневшихся красоток, многозначительно подмигивал кому-то, обменивался шуточками с захмелевшим Феспием. Валерий тряхнул головой, словно вместе с запутавшимися в волосах лепестками пытался стряхнуть невеселые думы. Он не сомневался, что разговор был затян немедийским посланником с каким-то тайным смыслом; сей человек ничего не делал просто так, и это выбивало из равновесия. Ему претило вновь оказаться втянутым в придворные интриги, от которых по молодости лет он бежал в дальние страны, где провел не один год в бесконечных походах и сражениях, простым наемником... однако — и он чувствовал это — понапрасну. Брала верх дворцовая выучка, возвращалась прежняя подозрительность и недоверчивость — все то, от чего он прятался на равнинах Офира и в барханах Хаурана. Что ж, сказал он себе, принц всегда остается принцем. Таков уж его удел.

Амальрик вновь обернулся к Валерию. Навязчивый немедиец не желал оставлять его в покое, и Валерий в упор посмотрел на короля, словно моля того о помощи. Ему так не хотелось принимать участие в пиршестве, но Вилер настоял на своем — пусть теперь и выручает племянника! Однако владыка Аквилонии сидел, отвернувшись от него, всецело поглощенный представлением на помосте, он хлопал в ладоши и кричал что-то непристойное жонглерам, напоминая подвыпившего крестьянина на сельской ярмарке... Барон же, заметив эту немую мольбу, затаил в уголках губ усмешку.

— Мне жаль, если наш разговор так утомил вас. Однако позвольте вашему невежественному гостю украсть еще несколько мгновений драгоценного времени шамарского принца. Поговорим о былом величии вашей некогда прекрасной державы... Мне почему-то кажется, эта тема должна быть вам близка.

На сей раз Валерий не сумел сдержаться. Горячая кровь гордых аквилонских предков застила глаза, и его покрытый рубцами кулак с грохотом опустился на крышку стола. Вино из серебряного кубка выплеснулось фонтаном, забрызгав ему рукав, и растеклось по столу рубиновым озерцом.

— Аквилония пребудет великой страной во веки веков! — рявкнул он, но, заметив, как заоборачивались на них придворные, спешно понизил голос. — И не вам, немедийцам, насмехаться над нами! Вспомни лучше, барон, как гнали тарантийские венценосцы ваши войска от полноводного Тайбора до самых крепостных стен Бельверуса!..

— Тише! Тише, мой принц. — Дуайен умоляюще поднял холеные руки. — У меня и в мыслях не было оскорбить вас... — Лицо осветилось виноватой улыбкой, и раскаяние его казалось совершенно искренним. — Однако согласитесь, Ваше Высочество, все это в далеком прошлом. Сейчас ваш король думает лишь об охоте да о пирушках. Он даже не способен зачать наследника... Так о каком величии тут говорить?

— Не знаю. — Валерий вдруг поймал себя на мысли, что уже в третий раз за вечер повторяет эту нелепую фразу, и ему сделалось досадно. — Я достаточно навоевался, Амальрик. Мне тридцать лет, и я не грежу больше битвами и военной добычей. В Аквилонии царит мир, и

за одно это я готов петь хвалу Вилеру. Мне этого достаточно. — Он помолчал немного и добавил как мог спокойно, ибо не желал более привлекать к себе внимания гостей. В конце концов, чего только люди не наговорят под действием вина и крепкого меда, и если за каждое неловкое слово вызывать на поединок... — Так что сделайте мне одолжение, барон: оставим этот разговор. Иначе он может иметь последствия, о которых мы оба пожалеем.

Немедийский посол оценивающим взглядом окинул аквилонца. Но стальные глаза Валерия смотрели прямо, и взгляд их ни на миг не дрогнул, так что немедиец отвернулся со вздохом. Его длинные сильные пальцы, унизанные золотыми кольцами, принялись задумчиво постукивать по краю столешницы.

— Редко можно встретить государственного мужа, что не грезил бы битвами и военной добычей, — промолвил он, словно бы ни к кому не обращаясь. — Однако ведь не могут все в Аквилонии думать так же! Наверняка найдутся и те, кому для счастья недостаточно охотничьих утех и сытных брашен.

— Может, и найдутся. Я их не искал. — Валерий насупился и с деланой заинтересованностью принялся следить за выступлением на помосте, где акробатов сменили *хожалые* с медведем. Кусок дичи, нетронутый, остывал у него на тарелке. Но, помолчав какое-то время, когда барон уже успел потерять всякую надежду на продолжение спора, принц вдруг заговорил вновь, отстраненно и угрюмо, однако неожиданно для себя самого назвал барона по имени, точно обращаясь к старому приятелю: — Многие сегодня согласились бы с тобой, Амальрик. Юнцам недостает брацания стали и дыма пожарниц. Они жаждут почестей и богатой добычи. — Он помрачнел еще больше, вспоминая пыльные расспросы и горящие восторгом глаза своего кузена, не отходившего от него после возвращения из Хаурана. Нумедидес, хоть и был на два года старше Валерия, всю жизнь прожил в роскоши дворца, не ведая воинских тягот. — Возможно, с моим братом вам легче было бы понять друг друга. Сегодняшняя охота доказала, что он еще не осознал, что сражение — это не только слава, но и кровь...

С едва заметной усмешкой на губах Амальрик удовлетворенно кивнул, и Валерий пожалел о своей нечаянной, столь неуместной за этим столом, откровенности. Слиш-

ком явное удовлетворение читалось в глазах немедийца... Да, зря он не сдержался; в конце концов, он был не на биваке с приятелями! Здесь жизнь человека и целого королевства порой могла зависеть от неосторожно брошенного слова. Однако сказанного не воротишь, и он с досадой отвернулся от барона, всем своим видом показывая, что не намерен более продолжать разговор.

Но немедийский посланник уже услышал все, что хотел. Валерий был прав, у него, действительно, куда больше общего с Нумедидесом... Он выяснил это не столь давно, в ходе весьма продолжительного разговора, что состоялся у них с принцем перед Осенним Гоном. И сейчас, взглянув на того, кто стал вместилищем его столь долго вынашиваемых планов и тайных упований, посланник не смог сдержать довольной улыбки. Воистину, этот пир, где с такой пышностью чествовали победителей королевской охоты, был его пиром.

* * *

Нумедидес, наследный принц Аквилонии, восседавший, как велит традиция, на месте Главного Охотника, по правую руку от короля, то и дело бросал беспокойные взгляды в сторону своего кузена. Его тревожило, что Валерий чересчур долго шепчется о чем-то со смеющимся немедийским бароном, окруженным, по обыкновению, праздными прихлебателями, которые, зная щедрость Амальрика, не прочь были теплыми тарантийскими вечерами попировать за его счет в какой-нибудь модной таверне, где подают хрустящих перепелов с соусом из майорана, которыми славилась еще древняя Валузия; терпкое красное вино, что, судя по цене, должны были доставлять сюда, по меньшей мере, из самой Зингары; где не смолкают натруженные струны потертых цитр бродячих трубадуров, а красотки из самых отдаленных уголков хайборийского мира, невесты как попавшие в солнечную Аквилонию, готовы одарить щедрого завсегда-тая искушенными ласками своих упругих ненасытных тел.

Нумедидес рассеянно тискал длинную мохнатую морду своей любимой гончей, сидевшей у его ног. Благодаря ухищрениям придворных лекарей, их отварам, припаркам и растираниям, принц уже вполне оправился от сегодняшних потрясений. Чувствуя на себе любопытные взгля-

ды придворных дам (в их глазах, особенно тех, кто не присутствовал на охоте, он выглядел героем, дерзнувшим бросить вызов могущественному древнему демону), он намеренно вел себя с легкой церемонностью, стараясь соблюдать изящные манеры, которые, как ему внушалось сызмальства, были отличительной чертой сыновей правящего дома Аквилонии. Однако мысли его были далеко от шумной, пьяной гульбы; он вспоминал свой последний разговор с бароном Торским, что состоялся у них за несколько часов до отбытия на Осенний Гон.

Мельчайшие подробности этой беседы запечатлелись у него в памяти, вопреки его обычной рассеянности. Сейчас, думая об этом, он поражался собственной храбрости и охватившей его в тот миг горячности, настолько несвойственным ему в обычное время.

Впрочем, следовало быть честным хотя бы перед самим собой. Он был опьянен, сильнее, чем самым крепким вином, грезами о власти и тех возможностях, что представляла бы она ему, будь он не простым отпрыском царственного рода, призванным довольствоваться жалкими подачками королевской милости своего венценосного дядюшки, а настоящим владыкой этой жемчужины западного мира; опьянен словами немедийца настолько, что тому даже не пришлось долго упражняться в красноречии, ибо принц понял его с полуслова.

— Король немощен и не способен управлять, — говорил немедиец. — Он утратил уважение как среди своих собственных баронов, так и среди соседних держав. Никто не желает считаться с Аквилонией, пока ею правит *такой* король. Спасение страны — в сильной руке! И я вижу лишь одного человека, способного вернуть этой державе ее бывшее могущество.

Вспоминая эти слова — и то, как взглянул на него при этом Амальрих, Нумедидес горделиво расправил плечи, так что его отороченный горностаевым мехом пурпурный плащ зашуршал по каменному полу. Он поднял бокал и шумно хлебнул будоражащего кровь живительного сока виноградной лозы. Никто не знал этого, но он пил за собственное здоровье и успех. Однако вино показалось вдруг ему чересчур крепким, и он поперхнулся, выплюнув остатки жидкости себе на колени.

Седовласый Вилер обернулся к племяннику и хмыкнул в жесткие усы:

— Что, добрый аквилонский напиток стал слишком крепок для твоего изнеженного горла?

С этими словами он участливо похлопал своей твердой шершавой ладонью, привыкшей к мечу и поводьям, по спине Нумедидеса. Придворные вокруг беззлобно расхохотались, а занятая разговором с графом Аскаланте очаровательная Релата Амилийская кинула в их сторону быстрый взгляд и, увидев выпученные, покрасневшие от кашля глаза принца, приснула в изящный кулачок в фиолетовой лайковой перчатке.

— Ничего, мой мальчик, — добродушно подтрунивал король, — в молодости я тоже, бывало, падал под стол после нескольких чарок. Но уж больно много времени ты у нас проводишь в увеселениях. Лучше бы почаще садился на коня, да учился держать в руке меч. А то не дело — так отставать от брата! — Он кивнул в сторону Валерия. — Вот он-то успел вкусить и сладость побед, и горечь поражений. Возмужал! Созрел, чтобы нести бремя власти...

И тут, словно в унисон словам короля, — словно в насмешку! — барон Торский провозгласил здравицу в честь бывшего хауранского воина, и все, повернувшись к немедийцу, немедленно позабыли о Нумедидесе, оставив его наедине со своею горечью и злобой.

«Подлецы! Болваны! Предатели!» — твердил про себя принц, стиснув челюсти так, что заскрипели зубы. Ненавидящим взглядом он обвел колышущуюся массу беретов, сеток из драгоценных металлов, остроконечных конусообразных женских головных уборов, шлемов с наверху в виде головы Черного Дракона и шутовских колпаков. — «Погодите, вы еще изведаете гнев короля Нумедидеса...»

— Посмотрите на вельмож Аквилонии, — говорил ему немедийский дуаин этим утром. — Немудрено, что с такой радостью они предаются охоте. Немудрено, что расцвел в последнее время почти забытый прежде обычай по любому, даже самому ничтожному поводу вызывать обидчика на поединок. Немудрено, наконец, что твоего брата Валерия, который, по слухам, в беспамятстве бежал от хауранского демона, как героя встретили в опухшей от многолетнего сна Аквилонии. И никто даже не подозревает, что сей закаленный в битвах вояка, — при этих словах барон презрительно фыркнул, — настолько утратился мести шемитов Констанция Сокола, что бросил даже свою возлюбленную Игву, хоть та и была предана

ему, как собака, и всем на свете пожертвовала ради него. Tshan stea corte, tshan virto tere... — Последнюю фразу он произнес на ломаном валузийском наречии, видимо, подчерпнув ее из разговоров со жрецами Митры, и тут же перепел, заметив непонимающий взгляд принца: — Дурные времена — дурные нравы... Вот так-то, мой господин.

Нумедидес вспомнил, как прибыл в столицу Валерий, в пропыленном, залитом кровью одеянии, из загадочных восточных деспотий. Он объяснял, что на северной границе Хаурана ему довелось схватиться с отрядом шемитских наемников, и потому платье его грязно и несвеже, доспехи пробиты во многих местах, а конь загнан до кровавой пены.

Нумедидес, с детских лет во всем соперничавший с кузеном, не мог не сравнить себя с ним сегодня — и к великой досаде своей убедился, что это оказалось отнюдь не в его пользу. Да и разве могло ленивое, заплывшее жиром тело принца сравниться с мощным, испещренным шрамами торсом воина! И что были эти белые, почти женские руки с ухоженными маникюренными ногтями против крепких мозолистых дланей, с такой легкостью владевших тяжеленным двуручным мечом! И это суровое, с добела выгоревшими под южным солнцем волосами лицо — лик правителя, призванного повелевать, внушать подданным страх и почтение...

Уже тогда он понял, что возвращение героя-кузена представляет для него несомненную опасность. Стоит тому как-то проявить себя в Аквилонии, обратить на себя внимание придворных, и это существенно приумножит его, Нумедидеса, шансы занять королевский престол. В истории был уже случай, когда Суд Герольда пошел в обход королевской воли и, отказавшись тянуть жребий, собственной волей посадил на трон короля Остама.

Правда, до сих пор Валерий не выказывал подобных устремлений. Напротив, он даже как будто уклонялся от дворцовой роскоши, запирался в своих покоях или подолгу гулял в одиночестве, погруженный в мрачные раздумья. Даже с Нумедидесом он отказался поделиться снадавшими его тревогами, а в канун Осеннего Гона, когда все же вынужден был, по настоянию самого Вилера, прервать свое отшельничество и присоединиться к пестрой толпе вельмож, поведал кузену, что ждет не дожидается

дня, когда осенние празднества будут позади, и король наконец даст ему соизволение вернуться в родной Шамар.

Сам Нумедидес отнюдь не стремился покинуть двор, и слова кузена немало приободрили его. Зная теперь, что Валерию недолго осталось нарушать его покой в столице, он сразу смягчился. По его настоянию, они возобновили прежнюю дружбу, стали проводить вместе вечера, как бывало когда-то... Однако он не забывал об осторожности и старался придерживать язык, ограничиваясь праздной болтовней о новых покроях одежды, страстных черноглазых наложницах, недавно приобретенных на невольничьих рынках Заморы, о мастерстве тарантийских ювелиров, о роскошных щенках его любимой пятнистой суки и прочих прелестных мелочах жизни наследного принца... ведь рука Митры переменчива — кто знает, что готовит завтрашний день!

Однако в осторожных словах Амальрика ему послышался намек на возможность долгожданного успеха. Молодые бароны готовы поддержать его, заявил немедиец, и если он пообещает им славных ристаний, новых земель и добычи, они примут его с восторгом. Старикам же останется лишь смириться; да и из них мало кто возражал бы против расширения своих угодий, которое принесет им победоносная война. И при всем том ни слова не было сказано, против кого эта самая война будет направлена... равно как и о том, что станет с прежним королем, чтобы место его, ко всеобщей радости, занял новый престолонаследник. Но это, разумеется, было и к лучшему.

Так, в случае, если вездесущие сикофанты Вилера пронюхали бы о зреющем заговоре, и об их разговоре с немедийцем стало известно Его Величеству, Нумедидес, честно глядя в глаза своему венценосному дядюшке, мог сказать, что ничего конкретного вольнодумным бароном сказано не было. Так, ничего не значащие намеки, досушая болтовня... Совесть его была совершенно чиста. Ни о каком подстрекательстве, Митра упаси, не могло быть и речи! Светская беседа, ничего более...

Принц, поглощенный раздумьями, вдруг поймал на себе внимательный взгляд короля, озабоченного, должно быть, непривычно долгим молчанием племянника. В глазах его была отеческая теплота и забота, и Нумедидес не мог не улыбнуться ему в ответ.

И тут же в душу его закрались сомнения. Он ощутил, как краской жгучего стыда заливает щеки. Измена... То, что замыслил он с Амальриком, иначе как изменой назвать было нельзя! Вилер же, каковы бы ни были его слабости как правителя, всегда относился к племяннику с заботой и любовью, стараясь, как мог, заменить ему отца. Благодаря королю, с малых лет принц не знал ни в чем отказа: лучшие учителя фехтования, сокольничьи и конюшие всегда были к его услугам. Не знал он проблем и с деньгами, разве что в последнее время, когда королевская казна изрядно поистощилась по причине излишнего мягкосердечия Вилера, не позволявшего слишком усердствовать сборщикам налогов...

Да, что и говорить, при короле Нумедидесу жилось неплохо. И принц внезапно ощутил слабый укол совести — выходит, он и впрямь оказался той самой, пригретой на груди змеей... Он спешно отвел глаза от испытующего взгляда венценосца и прижал ладони к щекам, надеясь, что никто не заметит вспыхнувшего румянца.

Торопливо отхлебнув вина, Нумедидес попытался изобразить безмятежность во взоре, украдкой ощупывая взглядом пьяную гогочущую толпу. Взгляд его коснулся Валерия, который в этот миг вдруг стукнул кулаком по столу, видно, в ответ на какую-то дерзость Амальрика, который тут же принял виноватый вид и заискивающе зашептал что-то принцу. Это несколько успокоило Главного Охотника, хоть слов он не разобрал — явно разговор у тех двоих не клеился... Неожиданно тревожное сомнение заползло в его душу: а что, если Амальрик говорил с Валерием о том же, о чем и с ним? Что, если коварный барон туманной Немедии затеял двойную игру, и ему, принцу Нумедидесу, уготована в ней участь жалкой соломенной куклы, каких используют боссонские лучники для своих упражнений?

Холодный пот прошиб несостоявшегося императора. Он вдруг вспомнил, что там, на охоте, он замахивался на несчастного Гретиуса тем самым мечом, что дал ему вероломный посланник, — ведь поначалу с ним был лишь плоский охотничий нож! А что, если все его действия были навязаны ему волей этого немедийского чудовища, околдовавшего его при помощи черной магии? Митра, как же глуп он был. Валерий! Вот кто в действительности станет королем! Явно, эти двое там делают корону Акви-

лонии, потому-то так недоволен его брат... Должно быть, барон Торский потребовал чрезмерно высокой платы за свои демонические услуги... А он, Нумедидес, ничтожный жирный болван, обрызганный от бесчисленных блудодейств и попок — он не в силах даже завалить Валонского оленя, так что бедному доброму дяде придется жертвовать своим любимцем из королевского зверинца, чтобы прикрыть его позор; он станет приманкой для королевских шпииков, чтобы отвлечь внимание от истинных злодеев. О, боги! Как же слеп он был!.. А когда Валерий придет к власти, его, Нумедидеса, наверняка, обвинят в убийстве священного жреца, ведь никто толком не видел их стычку... И, в лучшем случае, он отправится в изгнание, а то и вовсе сложит голову на плахе... Нет! Нет! Не-е-е-т!

Последние слова принц, не осознавая, что делает, выкрикнул в полный голос. В зале мгновенно воцарилась тишина. Нумедидес бешено сверкнул глазами, рванул кружевной воротник, чтобы глотнуть воздуха, вдруг все завертелось перед ним — звуки, запахи и краски перемешались в единый клубок, и принц рухнул на стол ничком, задев рукой блюдо с liaisonским салатом. Брызги кушанья разлетелись во все стороны. Вилер Третий, великий владыка Аквилонии, небрежно смахнул со щеки приставшую каплю и, задумчивым взором окинув распростертую перед ним фигуру, поджав губы, произнес:

— Слуги! Наследный принц Нумедидес устал. Ему нужен покой!

ОБРАЗ ЗМЕЯ

Король Вилер проводил встревоженным взглядом молчаливых вышколенных слуг, чьи ловкие, многоопытные руки бережно подхватили его сумасбродного племянника, почти незаметным движением вытерли тонкой льняной тканью мучнистое лицо, по-детски вымазанное в душистом укропном соусе, и осторожно увели его через укропную боковую дверь, прорубленную в незапамятные времена, для того чтобы владыки Аквилонии могли свободно входить и покидать пиршественную залу, когда в том возникнет необходимость.

Суровому властителю «жемчужины Запада» смолodu претила человеческая слабость, и потому сейчас он лишь

усилием воли сумел скрыть разочарование и досаду, не желая давать лишний повод для толков праздным болтунам. Он не мог понять, что творится с сыном его временно почившего брата, маркграфа Серьена. Вилер пожалел, что не прислушался повнимательнее к ужимистым недоговоркам придворных, обсуждавших сегодняшнюю охоту — возможно, это что-то бы прояснило. Не стоило отмахиваться столь презрительно от их сбивчивых торопливых речей, но все эти охи и вздохи, и досужие рассказы о лесных демонах не вызывали у правителя ничего, кроме раздражения, и он не мог заставить себя принять их всерьез.

Вилер Третий был хорошим королем для Аквилонии. Он был в меру жесток, в меру милосерден и честно служил своей стране, не разменивая себя на пестование мелочных придворных интриг, чем грешили многие из его предшественников. Он презирал льстецов, ненавидел трусов, сторонился глупцов и никогда не пользовался услугами придворных магов, справедливо полагая, что хорошо заточенный меч и пара сильных рук стоят куда больше, чем все бормотание чернокнижников.

Вилеру пришлось немало потрудиться, прежде чем золотой обруч аквилонских владык украсил его уже изрядно поседевшую голову. После смерти короля Хагена его дети, Вилер, Серьен и Фредегонда, получили в наследство каждый свою треть страны, что возникла и расцвела на месте старой Валузии. Превыше всего Хаген страшился распрей за власть среди своих преемников, и потому, чуя свою кончину, в присутствии Альгюса — тогдашнего верховного жреца Солнцеликого — он взял с них клятву жить в мире между собой, каждому в своей провинции. Вилеру по жребии достался Гандерланд, Серьену — Тауран, Фредегонде — Шамар. Центральная часть королевства также была поделена слабелющей рукой Хагена на трое и присоединена к основным землям каждого из наследников.

Минуло пять зим, и маркграф Серьен неожиданно скончался. Злые языки нашептывали, будто это дело рук верных конфидантов владетеля Гандерланда, — мол, по его наущению, отвар цыкуты был подмешан в пирог с дичью. Как бы то ни было, похоронив с почестями мужа, Госвинта, безутешная вдова, вынуждена была обратиться к деверю, моля будущего владыку Аквилонии о покрови-

тельстве и защите, в обмен на принадлежавшие ее почившему в бозе супругу плодородные земли Таурана. Сказать по правде, ей ничего не оставалось другого — разбойный Пуантен давно точил зубы на сей благословенный край, а вздорные, думающие лишь о выгоде для своей казны дворяне, которых слабой женщине не под силу оказалось призвать к порядку, не прочь были при первой же возможности отречься от всех данных прежде клятв и обетов, переметнувшись к тому же графу Эльверу Пуантенскому, отцу Троцера, нынешнего хозяина юго-западе Аквилонии. Вилер тепло принял Госвинту с малолетним Нумедидесом и железной рукой подавил зреющую смуту, приструнив нерадивых ленников. С тех пор его владения простирались от суровых северных лесов до луговых поим юга...

А еще четыре зимы спустя его венценосная сестра Фредегонда, вдовствующая королева Шамара, также была вынуждена принести брату свой скипетр на бархатной подушке, не в силах совладать с обнаглевшими отрядами офицеров, безнаказанно хозяйничавших в долине реки Тайбор. Фредегонда потеряла мужа, еще когда Валерий был совсем мальчишкой; ее супруг, герцог Ангуйский, сложил голову при осаде Венариума. Вилер благосклонно принял вотчину сестры и во главе своей победоносной армии оттеснил захватчиков до самой Ианты, присоединив значительный кусок бывших офирских земель к своему королевству.

С тех пор Вилер единовластно правил восстановленной Аквилонией и, после того, как был заключен союз с Пуантенем, мир и согласие воцарились на ее зеленых холмах. Он мечтал раздвинуть границы державы, сделать свою страну столь же могущественной, какой была древняя Валузия в эпоху правления легендарного короля Кулла. При Вилере сократили налоги — ремесленники и купцы смогли вздохнуть посвободнее; во всей Аквилонии возобладали единые законы, положив конец бесчинству мелкоудельных князьков; Тарантия стала чеканить золотую монету с профилем Вилера Третьего, а на смену разномастной кучке дружин, как водилось при Хагене, пришли хорошо обученные профессиональные отряды единой аквилонской армии, в которую охотно стали набирать сведущих в военном искусстве чужеземных наемников с их Вольными Отрядами, которые после пяти зим службы, если было на то их желание, имели право полу-

чить аквилонское гражданство, делающее их полноправными подданными достославного Вилера Третьего.

В сытой, чистой, замощенной столице не смолкали цитры, тамбурины и арфы, на ярмарочных майданах поражали честной народ своим умением жонглеры, мимы, канатные плясуны и прочие бродячие комедианты, а в аквилонских деревнях румяные широколицые крестьяне в деревянных шабо танцевали вечерами потешный *бурре*, танец валонских дровосеков, не опасаясь, что нагрянут невесть откуда дикие орды, станут жечь поля и ометы, убивать, насиловать и грабить.

В начале третьего весеннего месяца стал праздноваться «день королей», приуроченный к кануну рождения правящего императора Аквилонии, когда довольные подданные после искрометного карнавала возносили хвалу Вилеру Третьему и приносили обильные жертвы Митре в благодарность за то, что его милостью стране наконец был дарован столь достойный правитель.

В молодости королю часто приходилось спать на холодной земле, прикрывшись простым солдатским плащом, и он не успел еще забыть, как гудят ладони от тяжелого двуручного меча, когда помащешь им несколько часов кряду, разя врагов — но за всю его жизнь ему ни разу не приходилось сталкиваться с силами Тьмы. Лишь из пышных баллад менестрелей, большинству из которых было мало веры, знал он о темной нечисти, порожденной злоеющим Сетом, об огромных оборотнях-вервольфах, рыщущих ночами в поисках одиноких путников; о загадочных остроухих сатирах, которые, как говорят, обитают в глуши Броцельонского леса и странными звуками своих свирелей заставляют двигаться с места скалы и деревья; о злоеющих немедийских карликах-лепреконах, стерегущих свои кровавые клады; о Дикой Охоте — орде призрачных рыцарей, наводящих ужас на жителей предгорья Карпашских гор, и многом, многом другом.

Его второй племянник — Валерий, сын Фредегонды — что покинул несколько лет назад Тарантию в поисках счастья, вернувшись, поведал о своих подвигах в южных странах, как того требовал долг перед сюзереном. Принц был скуп на слова, но многочисленные шрамы и рубцы на его некогда обласканном дворцовой негой теле, говорили сами за себя. Пожалуй, из всех, с кем судьба сводила короля Вилера, Валерий был единственным, кому дове-

лось столкнуться с *настоящим* демоном, который едва не погубил его, однако пал под меткими стрелами диких зуагиров некоего Конана из Киммерии. Владыка Аквилонии не мог не верить племяннику, когда речь шла о далеких землях таинственного юга, но все его существо, весь опыт полководца и воина восставали против рассказа о якобы пробудившемся от векового сна Цернуносе.

Мыслимое ли дело, чтобы в Валонском лесу, который Вилер считал почти что своим королевским парком, изнеженные дворяне на шутовской охоте (то ли дело выйти пешим один на один с диким вепрем — лишь это достойно настоящего мужчины!) встретили легендарного Бога-Оленя... Конечно, у него не было причин подвергать сомнению слова десятков благородных нобилей Аквилонии; оставалось лишь сокрушаться, что нелепый обычай запрещает венценосцу участвовать в потехах Осеннего Гона, отводя ему роль хозяина дворца, радушно встречающего достославного Охотника традиционной чарой с медом, приправленным ягодами можжевельника.

Старый король задумчиво окинул взглядом бражничавших дворян. Кто может поведать ему о происшедшем? Троцерио? Он, конечно, храбр и умен, однако аквилонцу не к лицу просить совета у уроженца Пуантена. То же — и Просперо, наперсник графа... Валерий? Из этого угрюмого молчальника клещами слова не вытянешь. Феспий? Надушенный щеголь из окружения племянника не вызывал симпатий у бывшего воина. Один Митра ведает, что тому, знающему толк лишь в женских ласках да кубках с хмелем, могло примерещиться с испугу. Публий? Хитрый казначей слишком осторожен и будет взвешивать каждое слово, подобно мянеле на рынке.

Король от души пожалел, что не может поговорить с Амальриком Торским. Немедиец умен и обладает недюжинной наблюдательностью, но беседовать на столь деликатную тему с полудругом-полуврагом недостойно владыки Аквилонии. Неужто в его державе не найдется человек, которому он мог бы довериться?! Проклятье! Придется допросить самого Нумедидеса, этого презренного слонтя, что уже дважды за сегодняшний день успел опозорить правящую фамилию Тарантии: сперва тем, что с Осеннего Гона его доставили в повозке, точно перепившегося крепьянина, и еще раз, когда выставил себя на посмешище

на пиру... То-то будет о чем теперь позлословить в кулуарах Ианты и Бельверуса!

Однако ничего другого не оставалось, и Вилер Третий, знаком подозвав королевского сенешаля, уступил ему на время свое место и, сопровождаемый скромным эскортом Черных Драконов, прошествовал в покои принца Нумедидеса.

* * *

Опочивальня принца Нумедидеса располагалась в северной части тарантийского дворца. Ходили слухи, что это мрачное здание было построено еще во времена валузийского владычества, когда свирепый Кулл низверг в преисподню злоеущее племя змеелюдей, посмевших восстать против Сил Света. Первоначально замок задумывался как неприступная цитадель, о чем напоминали толстые зубчатые крепостные стены, по парапету которых без труда могли проехать два тяжеловооруженных конника. Громадный пятиугольник заграждений, сложенных из гранитных валунов, был окаймлен глубоким рвом, под темной водой которого таились острые шипы в человеческий рост высотой, надежно вмурованные в каменное дно.

Легенды гласили, что шипы эти ни что иное, как зубы дракона Гремигольда, которого поразил отважный рыцарь Страбониус, и потому им не страшна вековая сырость крепостных вод. Так это было или нет, не знал никто — ведь воду из рва спускали редко, да и то по ночам; однако еще при Вилере Первом случилось, что некий вельможа, возвращавшийся домой после изобильного королевского пира, не удержался на скользком настиле зыбкого моста, залитого осенним дождем, и рухнул в пучину рва вместе со своим конем. Когда беднягу выловили, он уже не дышал, да и немудрено — его крепкие железные латы были разорваны и пробиты насквозь, будто пергаментные.

С внутренней стороны стен ширилась хорошо утрамбованная *валанга* — насыпь из земли, оставшейся после рытья рва. В былые времена на ней устанавливались зубчатые ворота с подвешенными к ним чанами, откуда на головы неприятелю во время осады лился кипяток или разогретая смола. По углам стены красовались мрачные угловатые бастiónы, где круглосуточно несли вахту про-

славленные Черные Драконы — личная гвардия владыки Аквилонии. Они же занимали и треугольный равелин поодаль.

Сам замок изначально задумывался достаточно скромным. При строительстве зодчими двигали соображения отнюдь не красоты, но безопасности; их главной целью было уберечь владык Валузии и Аквилонии от посягательств воинственных соседей. Однако от той эпохи, помимо рва и опор старого моста, остался лишь массивный, возвышавшийся в центре донжон, издавна служивший последним оплотом обороны. Он имел собственные склады с запасами провианта, колодцы, комнаты для жилья и внутренние казармы; даже если бы неприятель проник внутрь, защитники цитадели могли еще немалое время оборонять свое последнее пристанище, штурм которого осложнялся еще и тем, что по узким лестничным пролетам можно было продвигаться только гуськом.

Но постепенно древний замок обрастал новыми постройками. Приземистая валузийская надежность и простота уступила место легкости и пышности отделки, свойственной новому аквилонскому зодчеству. Дворец застраивался, точно улей, конюшнями и казармами, огромной галереей с большим залом для суда, внутренним храмом Митры, казнохранилищами и тюрьмами, жилыми и служебными помещениями для вельмож и челяди. Ныне дворец напоминал огромный серп, вытянувшийся без малого на лигу в длину, и в нем почти ничего не оставалось от воинственной твердыни былых времен.

* * *

Наследник престола любил окружать себя роскошью. Отведенные ему покои были заставлены резной зингарской мебелью, мозаичные полы устланы огромными бурами с серебром шкурами свирепых немедийских медведей (они появились здесь не так давно — скромное свидетельство уважения, что питал к будущему королю немедийский посланник), на стенах красовались изысканные аргосские шпалеры, изображавшие сцены битвы жреца Эпимитриуса с порождением Тьмы, змееголовым Сетом. Тут и там мерцали бронзовые статуэтки из далекой Вендии, багровела пышная бахрома аляповатых туранских ковров, со стен на недоумевающего посетителя таращи-

лись погребальные маски черных колдунов легендарного Кешана, а мраморная полка над огромным камином ломилась от тяжести увесистых изваяний злобных раскосых богов таинственного Кхитая.

Просторные шкафы офирской работы были доверху заполнены странными безделушками, омерзительные формы которых опровергали все представления хайборийцев о красоте. В беспорядке здесь свалены были изогнутые клювы неведомых птиц с челюстями, унизированными мелкими треугольными зубами; гигантские засушенные листья плотоядных тропических растений, напоминающие человеческую кожу; костяные дарфарские чаши для жертвоприношений, сделанные из черепов рабов, не принадлежавших к человеческой расе; заморанская тесьма, свитая из хвоста оборотня; аренджунские и шадизарские вазы, унизированные чудовищными нитями паутины, толщиной с руку ребенка; костяные мечи пустынного Меру и прочие предметы, служащие не столько для созерцания и размышления, сколько для устрашения и отвращения.

Но даже самый пытливый глаз не смог бы заметить здесь ни единого свитка пергамента, ни одного манускрипта или старого портулана; не в чести были и роговые пластины с угловатыми северными рунами, таблички, покрытые застывшим воском, изукрашенным южной клинописью, или тонкая рисовая бумага с треугольными кхитайскими иероглифами. Принц Нумедидес презирал всяческую ученость, предпочитая ей бесхитростные радости плотских утех.

Сейчас королевский племянник лежал, раскинувшись на золотистых простынях, тупо разглядывая лепной потолок. Несколько мгновений назад он, дивясь собственной ярости, вытолкал из своих роскошных покоев бесчисленных придворных целителей, нахлынувших в его спальню подобно саранче. Теперь он и сам не мог понять, чем так прогневили его седобородые лекари и почему он из всех сил лупил резной гирканской тростью по их спинам, зачем в бешенстве крошил сапогами их склянки и баночки с притираниями, зачем выплеснул в камин приготовленный настой, пугливо отшатнувшись от вспыхнувшего пламени.

Несмотря на то, что в спальне было сильно натоплено, Нумедидеса пробрал ледяной озноб. Что с ним творится? Может, он болен? Или неведомый чернокожничек напу-

стил на него порчу? Мурашки поползли по спине, во рту пересохло. Амальрик как-то говорил, что знается с настоящей ведьмой... не ее ли рук это дело? Принцу стало не по себе, от страха к горлу подкатила тошнота. Он уже почти уверился в том, что стал жертвой магических козней, как вдруг новая мысль пришла ему в голову. А не приложил ли руку сам король, который, узнав о готовящемся заговоре, велел подсыпая племяннику яда? Ведь не зря ходят слухи, что старый Вилер расправился со своим братом, его отцом, чтобы присвоить себе южные земли... Неужто теперь настал черед сына? Нумедидес сился восстановить в памяти всю череду событий. Да, он пригубил из бокала вино за собственное здоровье, ощутил дурноту и после этого... О, Митра! После этого он потерял сознание...

Вскочив с постели, принц подбежал к бронзовому тазу, около которого стоял фарфоровый кувшин с чистой водой, и судорожно прополоскал рот. Повторив несколько раз эту процедуру, он почувствовал облегчение, но черные мысли зловещими нетопырями продолжали виться вокруг. Может, стоит повиниться перед королем — наверняка, он смилостивится и прикажет дать ему противоядие... Или сперва спросить совета... Но у кого? Валерий с Амальриком явно в сговоре; может статься, король тут ни при чем, и все это — их происки... Тогда идти к Вилеру с повинной — чистое самоубийство! Так как же быть?

Повинуясь внезапному наитию, Нумедидес рванулся к алтарю Митры, находившемуся в изголовье постели, и потянулся за священным символом Солнцеокого — золотым амулетом в виде солнечного круга с человеческим лицом. Талисман как две капли воды походил на тот, что он метнул на охоте в звероликого бога с венцом из сплетенных рогов. Нумедидес попытался схватить Знак Митры, но пальцы вдруг свело судорогой.

Задыхаясь от резкой боли, принц протянул вторую руку. Но и она неожиданно скрючилась, отказавшись служить ему.

Нумедидес сделался белым, как мел. Непослушные конечности не повиновались ему; казалось, они жили собственной жизнью. Он вдруг явственно осознал, что именно *так* схватил за горло Валерия, пытался обнять упругие молодые икры Релаты и смел со стола можжевеловые экстракты лекарей.

Принц кинулся к камину, к самому огню поднеся руки, к которым постепенно возвращалась жизнь, ощущая блаженное покаяние множества невидимых иголок. В переменчивом свете пламени он впился взглядом в свои ладони, надеясь отыскать хоть какой-то смутный изъян на своей белесой коже, покрытой многочисленными царапинами и ссадинами. Ничего! Совершенно ничего. Его руки были точно такими же, как и прежде. Принц дернул головой, откидывая прилипшую ко лбу прядь, и, прикусив губу, отошел от огня. У него не оставалось более сомнений, что его околдовали. Околдовали уже давно, иначе с чего бы там, в лесу, он бросился со смехотворной железкой на лесного колосса?

Послышался скрип отворяемой двери. Огромные позолоченные створки распахнулись, и в спальню величавой походкой вступил король, в длинном пурпурном плаще, отороченном горностаевым мехом.

Вилер Аквилонский был в молодости довольно хорош собой, несмотря на скошенный безвольный подбородок, ныне совершенно скрытый складками жира, и крючковатый нос, напоминающий клюв старого луны, нависавший над седой щетиной усов. Почти ничего не осталось теперь и от пышной, черной как смоль шевелюры; лицо обрюзгло, обвисшие щеки напоминали брыли дряхлого сторожевого пса — и все же весь облик повелителя излучал мощный магнетизм, а молодая улыбка, чужеродно лучившаяся на увядшем лице, обладала прежней притягательностью. Вот и сейчас он улыбался оторопевшему от неожиданности Нумедидесу, хотя в глазах и таилась издевка.

— Я вижу, принц, ты уже совершенно оправился. На моей памяти, впервые наследник могущественного Дома Аквилонии ведет себя на благородном пирушестве Осеннего Гона подобно перепившемуся простолюдину... Что с тобою стряслось, племянник? Неужто тарантийское вино все же оказалось чересчур крепким?

Нетерпеливым взмахом ладони он отослал эскорт. Капитан конвоя поклонился и тихо вышел, притворив за собой дверь.

Внезапно жгучий страх захлестнул Нумедидеса. Первый раз Вилер разговаривал с ним таким тоном. Неужели королю донесли о его бесчинствах в Валонском лесу? О брани с немощным Гретиусом, нападении на Валерия, грязных посягательствах на дочь аквилонского нобиля?..

Мысль о неотвратимом возмездии сокрушила несостоявшегося заговорщика. Ноги его подогнулись, и он рухнул на колени, обхватив высокие сапоги короля, захлебываясь слезами бессилия и страха.

— Простите, Ваше Величество! Простите вашего блудного сына! Я и сам не ведаю, что творится со мной. Поверьте, я ни в чем не виноват!

Вилер, склонившись, обнял племянника за плечи, пытаясь поднять его с колен, но тот оказался слишком тяжел для старого властелина.

— Полно, племянник! — произнес он с сочувствием. — Поднимись сейчас же! Недостойно принцу преклонять колени, даже перед собственным королем. Я все знаю и не осуждаю тебя! — И он погладил его по мокрым от пота волосам.

Страшное подозрение осенило трясущегося от ужаса наследника. Должно быть, Вилеру стало известно о речах, что вел с ним проклятый немедиец, о готовящемся мятеже, и его, Нумедидеса, честолюбивых планах, о недовольных дворянах, алчущих битв и готовых, ради грядущей наживы, вонзить отравленный кинжал в спину повелителя...

Вдруг он с ужасом почувствовал, что его исцарапанные руки, словно два огромных белых червя, поднимаются, тянутся с сафьяновым ножом на запястьи Вилера, высвобождают четырехгранный зуб стилета, крепко сжимают его, и медленно заносят для удара. Он зажмурился, стиснул зубы, пытаясь подчинить взбунтовавшиеся пальцы. Напрасно! Его руки отказывались повиноваться, как если бы принадлежали другому существу. Нумедидес захрипел от ужаса, захлебнулся желчью, и приступ кашля огненными брызгами рассыпался в его истерзанном мозгу. Он уже видел, как стилет, зловеще отсвечивающий багрянцем в потускневшем пламени камина, вонзается в горло короля Аквилонии, как в спальню сбегаются Черные Драконы, привлеченные предсмертными криками повелителя, как его хватают, заламывают за спиной руки, и бросают в сырой каземат, чтобы наутро казнить на заднем дворе... Холод смерти сжал его душу ледяными клещами, и клейкий пот залил побледневшее лицо.

...Вилер скорее ощутил, чем увидел, как его племянник выхватил стилет, однако отреагировал молниеносно — схватил за скользкое запястье, выгнул безвольную кисть,

заставил пальцы разжаться. Кинжал упал на пол, зазвенев на каменных плитах пола, и король точным движением отшвырнул его ногой прочь, к очагу. Лицо старого воина посуровело, и он наотмапъ хлестнул по-бабьи подвивавшего Нумедидеса по лицу. Тот сжался в комок от удара и заголосил вовсю.

— Опомнись, принц! — резко сказал Вилер. — Что за малодушие — пожелать расстаться с жизнью из-за подобной безделицы! Конечно, мне не по душе, когда молодые дворяне ведут себя подобно пугливым крестьянским бабам — хлопаются в обморок на пиру, дают себя спеленать, точно младенца, и привезти во дворец на телеге с сеном, вместо того чтобы прискакать на горячем коне к самым воротам Тарантии, трижды стукнуть в них древком копья, как положено по обычаю, и провозгласить горделиво: «Отворите Главному Охотнику Осеннего Гона!» Мне горько от того, что придворным чучельникам придется возиться с оленем из королевского зверинца, чтобы сокрыть позор неудачной охоты! Но все это, всемогущий Митра, не повод, чтобы пытаться пронзить себе сердце!

Смысл слов короля с трудом проник в затуманенное сознание принца, но вдруг мрак озарила ослепительная вспышка. Он лишь сейчас осознал, что его царственный дядя на самом деле даже не ведаёт о случившемся, равно как и о происках злонамеренного Амальрика. Прямодушный и не способный на лукавство правитель не стал бы скрывать свою осведомленность.

Не понял король и того, что Нумедидес отнюдь не пытался положить конец собственной жизни — неведомый демон, полонивший его руки, едва не отправил к трону Митры самого великодушного владыку. Какая насмешка!.. Облегчение его было так велико, что Нумедидес едва не расхохотался вслух. Внезапно он ощутил силу и вседозволенность — такую, словно длань самого Солнцеликого подтолкнула его вперед. «Сейчас или никогда, — бешено закружилось в гудевшей, словно после двухнедельной попойки, голове. — Сейчас или никогда!»

Он поднялся, машинально отряхивая колени, и попытался придать твердость взгляду, не сводя глаз с короля.

— Позволь мне, недостойному, открыть тебе истину, о повелитель! — промолвил он срывающимся от волнения голосом. — Призываю в свидетели своего царственную мать, да упокоится ее душа в чертогах Митры... Прошу

у тебя лишь одного — снисхождения к преступнику, чья черная душа отравлена бесами Хаурана. Я веряю судьбу его твоему милосердию и благородству, владыка могущественной Аквилонии, да будут благословенны ее пажити, нивы, леса и холмы... — Он перевел дух, сам дивясь, до чего уверенно и проникновенно звучит его голос. — Да будет тебе известно, что сегодня на охоте принц Валерий с помощью черной магии разбудил лесную нечисть и предательской рукой сразил священного жреца Солнцеликого Митры, вставшего у него на пути...

* * *

Перед мысленным взором короля Аквилонии медленно проплывали зыбкие, полупрозрачные образы воспоминаний, в которых едва угадывались знакомые контуры, и лишь отдельные черты, намертво врезавшиеся в память — потрескавшийся край стены, кривой коготь на звериной ножке канделябра, особый покрой платья, чудная манера ставить ногу или носить кинжал — что-то особенное, присущее только этому человеку, строению или утвари отличали грезы между собой. Некоторые из фигур помнились яснее, их абрисы были резче, подобные тем, что острая игла гравера, бороздящая мягкий металл, оставляет на цинковой дощечке; другие почти растеряли свои очертания и напоминали картинки из жизни богов, намалеванные на плафоне храма мягкой кистью подмастерья, расписавшего, вопреки наставлениям мастера, не просохшую до конца штукатурку.

Рассказ Нумедидеса, сбивчивый и путанный, такой искренний и неуловимо лживый, растревожил душу государя, как если бы кто-то взбаламутил палкой отстоявшийся раствор мела, взвив выюжистым вихрем мелкие частички, до того тихо лежавшие ровным илом на дне лохани. Он понял, что не найдет в себе сил вернуться в пиршественный зал, предстать перед двором, делая вид, что не замечает любопытных взглядов и злых насмешек, не сможет притворяться, что в королевстве его по-прежнему царит мир и покой, тогда как в душе властелина — мрак, тоска и опустошенность. И потому он покинул племянника, оборвав того едва ли не на полуслове, ничего не сказав ему, оставив гадать, какое решение примет; покинул и вернулся в свои покои, выпроводив слуг, мед-

ленно и устало опустился на неудобный стул с высокой резной спинкой и в неподвижности застыл, отдавшись во власть грез и горестных видений.

Закрыв квадратными, почти мужицкими ладонями, лицо, король вспоминал. Перед ним стройной чередой проходили те, чьи души уже много зим восседают у изножия трона Митры. Вот маркиграф Серьен, его брат, скончавшийся от разрыва сердца в своих покоях, не успев даже испытать перед смертью воды — чеканный кубок лежал рядом с его остывающей рукой. Вот супруга его, мать Нумедидеса, веселая толстушка, в чьих глазах огонь навсегда угас со смертью мужа... и она постепенно потеряла рассудок. А вот статный широкоплечий герцог Орантис, муж его сестры Фредегонды, что погиб, защищая форт Венариум от орд диких киммерийцев — тех самых, что, по слухам, вдыхают споры ядовитых грибов, дабы обрести бесстрашие в бою и презрение к смерти.

Вдова герцога ненадолго пережила мужа. Волоокая статная красавица, светловолосая Фредегонда утонула во время весеннего половодья, когда разлился неожиданно Тайбор, затопив мирно спящий Шамар. Немалый урожай душ людских собрали в ту пору легкоструйные зильхи — волшебные девы рек и озер; и теперь, как гласят предания, суждено их жертвам до конца времен прислуживать грозной Секване, их матери, что выезжает в канун новолуния на узорной ладье с носом в виде головы лебедицы... Тело Фредегонды так и не было найдено, но подобная участь постигла десятки несчастных — и, выждав полагавшийся по обычаю год, имя ее занесено было на храмовые скрижали, а жрецы получили наказ помянуть королеву в числе усопших, взывая к милосердию Солнцеликого Митры. Вилер, с трудом примирившийся с утратой, всю свою неистраченную братскую любовь перенес на ее сына, желтоволосого принца Валерия.

Вилер не мог заставить себя принять то, что Валерий, его Валерий, некогда рослый голенастый мальчик с врожденным благородством в голосе и жестах, возвратившись, покрытый рубцами шрамов — нажитыми доблестью или злодейством? — после почти десяти зим отлучки превратился в хладнокровного убийцу, способного резать немощного жреца лишь за то, что тот, опираясь на мудрость старости, посмел воспротивиться его намерениям. Король не сомневался, что Нумедидес чего-то недо-

говаривал, был с ним не до конца откровенен, однако проверить его слова, увы, не представлялось возможным — из сбивчивых противоречивых речей неудачливых охотников он уже понял, что никто из них не сумел понять, что же произошло на поляне в действительности: все внимание придворных было поглощено внезапным появлением зловещего валузийского демона, восставшего от многовекового сна из тайной пещеры в корнях неохватного дуба.

Усталым жестом отняв руки от лица, Вилер притянул к себе кувшин, налил вина и долил в бокал из отдельного сосуда немного бодрящего отвара целебных трав, которым вот уже несколько лун усиленно потчевали его мнительные придворные целители. Обескураженный тем, что довелось ему выслушать от Нумедидеса, король не стал даже призывать нажа, дабы тот отведал напиток, как полагалось по обычаю, во избежание опасности отравы.

Густой отвар согрел кровь, и тупая боль, весь вечер терзавшая грудь короля, медленно угасла. Он рассеянно погладил священный талисман, висевший на груди — золотой солнечный круг с человеческим ликом, окаймленный пламенными протуберанцами, попеременно прямыми и искривленными, выкованный, если верить легендам, еще в те незапамятные времена, когда воздух был густым, подобно меду, по багровеющим небесам величественно громыхали колесницы древних богов, а молотом по наковальне в тайных кузнях орудовали не человеческие руки, но чешуйчатые скользкие конечности нелюдей, властителей древней Валузии.

Однако не древняя история интересовала сейчас короля, и даже в воспоминания погрузился он в поисках не примера или руководства, но лишь забвения. Всей натуре его, простой и прямодушной, претило оставлять безнаказанным совершенное преступление, да еще столь чудовищное, как убийство Верховного жреца — и все же у него не было иного выхода. Кто-то, возможно, упрекнул бы короля в малодушии или в том, что любовь к племяннику оказалась сильнее любви к справедливости... он готов был принять эти упреки. Но Вилер Третий ни перед кем не собирался держать ответа. Его решение было непоколебимо.

Он скажет всем, кто пожелает услышать, и будет до конца стоять на своем, что жрец Митры, достойный

Гретиус, скончался собственной смертью, от разрыва сердца, не вынеся вида чудовищной твари — ибо это единственный путь избежать смуты в мирной державе; один Митра ведает, что случится, обвини он повелителя Шамара в предумышленном убийстве священной особы, не имея достаточных доказательств, кроме бессвязного лепета Нумедидеса.

И, помимо того, сказал себе Вилер, будет спокойнее для всех, если о жреце позабудут как можно скорее, чтобы никому и в голову не пришло доискиваться, как мог попасть к злополучному служителю Митры тайный талисман покойной сестры короля, Фредегонды.

ОБРАЗ КАРНАВАЛА

В пиршественной зале переливались мелодичные аккорды серебряных струн приглашенных менестрелей: Альгозо из Нейштреи, коему была доверена партия Его Величества короля Аквилонии, и Кольвига Лотанского, чьими устами вещал Главный Охотник. Примечательно было то, что впервые за много лет (даже самые пожилые из гостей не могли припомнить ничего похожего) на заключительной части праздничного пира не присутствовал ни один из упомянутых персонажей; посему короля представлял сенешаль Тарантии, герцог Ольваго из Котдэора, а принца Нумедидеса — жеманный граф Аскаланте, правитель Туны.

Принц Валерий почти не слушал медоточивые баллады певцов, он никогда не был охоч до искусства плетения словес, ничего не понимая в вызывавших восхищение полупьяных гостей многочисленных повторях одного и того же звука в строке, изощренных переключенных рифмах, которые почему-то находились не в конце, как в старых добрых шамарских *ронделлах*, к которым он привык с детства; а в середине, и даже в начале стиха. Иногда обе половины строчки также звучали в унисон, и это почему-то вызывало особенное одобрение благородных аквилонских нобилей и их шушукающихся спутниц, которое они подкрепляли топотом и свистом, порой заглушающим пение позолоченных арф.

Валерию казалось, что лишь один человек в этой толпе разделяет его неприязнь к сладконапевным рифмоплетам,

упивающимся своим никчемным ремеслом, подобно теревам на току, — это Ринальдо, его придворный писец и поэт. Кроме глумления над надоевшими гостями, в честь которых у него всегда был наготове ядовитый панегирик, в обязанности Ринальдо входило также исполнять роль герольда Шамара: он наводил порядок в запутанной родословной Валерия, часами просиживая в библиотеке родового замка; приглядывал за пажами, проверяя полноту и правильность вооружения, перед боем или турниром; и обучал ювелиров и художников всем тонкостям изображения герба шамарских правителей — красного единорога на золотом квадрате, нашитом на синем фоне.

Стоило прозвучать новому аккорду, извлеченному ловкими пальцами трубадуров из четырех десятков струн, окрашенных для удобства исполнителя в синие и красные цвета, как Ринальдо начинал морщиться, кашлять, сопеть; иногда нарочито хватался за голову, желая тем самым подчеркнуть проскочившую, по его мнению, фальшивую ноту в игре приглашенных знаменитостей или плохо сложенную строку стиха; всем своим видом показывая, что если бы его упростили участвовать в этом поэтическом турнире — он бы смог продемонстрировать умение куда более изысканное, идущее из самых глубин души, нежели надрывные вопли этих надушенных комедиантов, которые оскверняют талант, даруемый им Митрой, продавая его за деньги для развлечения бестолковой черни, несправедливо отягощенной титулами и званиями.

Валерий тихо потешался над ревностью Ринальдо к триумфу своих собратьев по поэтическому цеху, но старался всеми силами сохранять на своем лице восторженное выражение — под стать прочим гостям. Но вот, к большому облегчению принца, менестрели закончили прославлять мудрость короля Вилера и отвагу принца Нумедидеса, и в зал наконец внесли набитую опилками голову огромного белого изюбря, охотничий трофей наследника престола; всю увитую ленточками и изукрашенную сухими цветами. Гости восхищенно загудели, а Валерий облегченно вздохнул — оставалось потерпеть самую малость — через несколько мгновений можно будет выйти из душного помещения в прохладу двора, на котором, по традиции, установленной еще королем Веллом, подгулявший люд устраивал потешное представление.

Но вот торжества завершились, и поток придворных, растерявших после нескольких чарок вина всю былую чопорность, хлынул наружу, туда, где уже плясали раскрасневшиеся крестьяне, топая огромными ножищами по брусчатке; где страшные маски злобных демонов — вырезанные из дерева, грубо размалеванные, с привязанной паклей, изображавшей гриву нечисти, — скалились клыкастыми пастьми; а рядом с ними сверкали огни иллюминации: огненные солнцевороты, знак Великого Митры, перемежались с изображениями Звезд и Луны; неподалеку шипели и брызгали пламенем разноцветные фейерверки — искрящиеся колеса, пламенные столпы, яркие шутихи, рассыпающиеся колочими искрами. Вверх взлетали горящие стрелы, чертя на ночном небосводе причудливые вензеля. Тут и там звучала музыка — переливчатые трели пастушьих рожков пытались заглушить голосистые цевницы кувыркающихся акробатов; а стоны мелодичных дворцовых цитр смешивались с гулками ударами тамбуринов. Вся эта какофония дополнялась восторженными криками, звоном бубенцов, ржанием коней и веселой незлобивой перебранкой замковой челяди, лица которой были выкрашены бронзовой краской.

Валерий стоял, скрестив на груди руки, и скучающе обозревал шумные игрища ежегодного Карнавала. Вдруг от пестрого хоровода отделилась женская фигурка в яркой цветастой юбке, уцепила его за руку и потащила за собой в хохочущий водоворот веселья. Валерия тотчас же облили пивом — на празднике Осеннего Гона не делали различий между простотолудинами и знатью, — нацепили ему на голову высокую красную шапку канатного плясуна, накнули на шею гирлянду и сунули в руки трещотку. Сумрачный принц неожиданно развеселился и пустился в пляс, пытаясь подражать ярмарочным танцовщицам Хорайи. Он обычно чурался веселья, но огнистое марево всеобщего ликования заставило его на мгновение забыть о своих безотрадных думах, о ночных кошмарах, о преданной Игве, брошенной им на произвол судьбы в далекой столице Хаурана; о позоре унижительных лохмотьев нищего, собирающего отбросы на свалке; о мимолетном поцелуе королевы Тарамис, после битвы при Корвеке; о мече, пронзившем тело ведьмы Саломеи; о смрадном дыхании демона Хауга за спиной.

Когда он, вспотевший, с хлопьями нива на шелковой рубашке, выбрался наконец из круга плясунов, то столкнулся с графом Троцерио Пуантенским, который, как ему показалось, весьма обрадовался этой встрече. Он дружески хлопнул юношу по плечу и запрокинул голову от раскатов басистого смеха:

— Я вижу, гордый владетель Шамара не чурается танцев в кругу крутобедрых крестьянских молодцов! Что ж, отродно видеть, что возвращаются бывшие времена, когда благородные нобили не гнушались померяться силой с окрестным кузнецом на празднике Летнего солнцестояния. Не думал я, что доживу до того мгновения, когда мне будет радостно за успехи моей державы, обретшей прежнее веселье и простоту. — Хвала королю Вилеру, да дарует ему Митра долгие годы пребывания под Солнцем.

Валерий оттер пот со лба кружевным рукавом и жестом поздравил служку с бокалом вина, желая как можно скорее промочить пересохшее горло.

— Приятно слышать такие слова, граф, — произнес он, запыхавшись. — Немногие могли бы присоединиться к ним, ведь для того нужно иметь столь же светлый ум, как у вас, такое же мужество и гордость. А это редкая роскошь в наши дни. Многие недовольны тем, что Аквилония стала мирной страной. Они тоскуют по жестокой сече, по предсмертному хрипу, по огню пожарниц и воронью, наклевавшимся падали. Мало кто из этих лукавых кашлунов, — он кивнул в сторону веселящихся придворных, — знает хотя бы как держать в руке меч. Но спросите их, и они все как один будут ратовать за боевые успехи, роптать на мягкосердечную власть, желающую жить в мире с соседями, и бряцать оружием, которое покрылось ржой в их фамильных чуланах.

Троцерио насмешливо хмыкнул, но взгляд его посуровел:

— Увы, мой принц! Я рад бы опровергнуть твои слова, но только слепец не увидит того, о чем ты только что сказал с изяществом, присущим подлинному аквилонскому дворянину. Мои пуантенцы тоже не рады, что мы заключили мир с Тарантией. Они говорят, что золотой леопард не должен превратиться в домашнюю кошку, ублаженный аквилонским змеем. Им всем подавай звук сигнальных рожков... Но если тарантийцы точат зубы на земли Немедии или Офира, то мои молодцы спят и

видят, как бы водрузить наш стяг над дворцом твоего дяди. Мне стоит больших трудов поддерживать порядок в графстве.

Валерий отмахнулся от очередной плутовки, которая тянула его потанцевать, приправляя свое приглашение соблазнительным влиянием бедрами, и сделал шаг к властителю Пуантена.

— Так почему же, граф, — он заметно сбавил тон, стараясь говорить как можно тише в шуме оголтелого двора. — Вы подписали эдикт о мире с Его Величеством Вилером Третьим? Почему вы пошли против своего народа? Ведь в их глазах вы превратились в прислужника Тарантии. — Заметив, как нахмурился старый воин, он поспешил загладить невольную дерзость. — Прошу простить, если слова мои показались вам обидны. Когда речь заходит о судьбах государства, я забываю об изящном слоге и поневоле перехожу на язык воинов...

Граф задумчиво погладил свою остроконечную бородку, подстриженную на южный манер. Валерий поневоле залюбовался его изящными жестами, сухощавым станом, крепкими мускулами на плечах, которые не скрывало просторное бархатное одеяние, и маленькими изящными руками — знаком *истинной* породы. Троцero Пуантенский относился к той разновидности аквилонской знати, в которой исконная свирепость воинов, привыкших отражать набег диких пиктских племен и укрощать необъезженных гандерландских скакунов, сочеталась с ненавязчивой изысканностью, выпестованной многочисленными поколениями его образованных предков. Его родина, славная кожевенными мастерскими и сыроварнями, издавна считалась местом, где покровительствуют всяческим искусствам. При дворах пуантенских вельмож испокон века привольно жилось живописцам, ваятелям, музыкантам и поэтам. В библиотеках Тулуша, Бордонии, Марманда и Ларочена хранились бесценные свитки, сравнимые по редкости с Железными Книгами Склоса; протяженные лоджии просторных пуантенских дворцов, построенных по проектам знаменитых зодчих, были украшены фресками кисти лучших художников, везде звучала музыка; в ухоженных, опрятных садах цвели диковинные цветы, привезенные из далекого Турана, источая невиданное благоухание. Однако любовь к изящным искусствам и наукам отнюдь не смягчала свирепые нравы хозяев этих мест,

не мешая им сжигать на кострах ведьм, заподозренных в чернокнижии, умерщвлять больных и слабых младенцев, оберегая чистоту расы, и казнить каждого десятого ратника в тех отрядах, которые не сумели уберечь свой штандарт на поле боя.

Владыка Пуантена всегда носил светское платье изящного покроя, в отличие от большинства своих соотечественников, которые предпочитали появляться в миру в военной амуниции, считая, что настоящего мужчину ничто так не украшает, как начищенные доспехи. Многие могли бы гордиться ими по праву, однако хватало и тех, кто превратил эти знаки воинской доблести в бутафорский наряд, лишь для того, чтобы щеголять перед раскрашенными придворными шалунями, пожиная легкий урожай их восхищенных взглядов.

На королевском пиру граф предстал миру в длинном черном одеянии до щиколоток, украшенном продольными зелеными полосами, широкие рукава которого были оторочены рысьим мехом. Троцero славился своей скромностью, поэтому не носил драгоценностей, лишь на груди мерцала золотая цепь с маленьким смарагдовым леопардом — символом графской власти, — да на запястьи в разрезе рукава мелькал витой браслет, на котором качался кинжал в красных сафьяновых ножнах. Маленькие ноги были обуты в мягкие башмаки с острыми, но не длинными носами. На плечи был накинут длинный черный плащ в тон костюму с вышитым на спине гербом. Седины графа скрывал мягкий подшлемник, чуть прикрывавший уши; в правой мочке висела длинная каплеобразная серьга из горного хрусталя. Повелитель Пуантена был безоружен, Валерий догадался, что свой широкий пояс с украшением из чеканных пластин, к которому был прикреплен широкий боевой меч, остался в его гостевых покоях — на королевский пир никому не позволялось проходить с оружием, кроме солдат дворцовой гвардии. Поэтому старый воин явно чувствовал себя неуютно с декоративным кинжальчиком на запястьи.

Слава о ратной доблести графа шагнула далеко за пределы Пуантена. До сих пор менестрели слагали в его честь баллады, прославляя отвагу и мужество, которыми Троцero превзошел своих воинственных предков. Многим памятно было, как в суровые дни мятежа в Монтевано он сумел навести порядок в обезумевшем от страха городе,

не пролив ни единой капли крови; выйдя в одиночку к одержимым демонами заговорщикам, — именующим себя Детьми Волка и, действительно, по-волчьи загрызавшим свои жертвы, — безоружным и сломил их сопротивление, противопоставив клинкам лишь твердость духа и здравость речей.

Не меньшую славу Троцero снискал себе и при обороне Венариума, участвовав помимо своей воли в написании этой скорбной страницы аквилонской истории. В том же бою сложил голову и молчаливый герцог Орантис, отец Валерия, павший от отравленного арбалетного болта, пробившего его грудь. Троцero сумел тогда сплотить остатки наголову разбитых западных воинов и вырваться из окружения одержимых орд варваров-северян. Валерий, как любой аквилонец, скорбел о печальной участи Венариума, когда попытка расширить державные земли на севере стоила бесчисленных жизней лучших сынов наследницы Валузии. В последний раз, на его памяти, судьбы разгромленного форта касался в разговорах за кубком вина его хауранский знакомец капитан Конан, который еще мальчишкой принимал участие в этой постыдной для знаменитых тарантийских латников и боссонских стрелков операции. Но варвар, естественно, сражался на стороне своих соплеменников и не мог понять имперских притязаний Вилера Третьего, поэтому в его скупых рассказах, к вящему негодованию Валерия, аквилонцы всегда выступали жестокими, тупыми мясниками, годными лишь на то, чтобы бесчестить полоненных женщин и затравливать собаками детей.

После рассказов киммерийца Валерий долго не мог прийти в себя, ибо все то, что говорил варвар, сильно отличалось от наивных юношеских представлений, которые принцу внушались с детства. Он понял, что придворные менестрели в своих балладах о штурме Венариума открывают лишь *часть* правды. Однако он почти ничего не знал о последних часах своего героически погибшего отца, ведь он с малолетства воспитывался в сумрачных чертогах тарантийского замка, в окружении молчаливых прислужников, куда он был доставлен после гибели своей матери, царственной Фредегонды, нашедшей свою смерть вместе с сотнями соплеменников в темных водах взбунтовавшегося Тайбора. Она ушла в чертоги Митры, когда

мальчику исполнилось от роду восемь зим, ровно через год после гибели мужа.

Теперь же Валерию предоставлена была редкая возможность расспросить об отце человека, который был одним из ближайших его друзей... чья рука закрыла глаза павшему на поле боя. Однако его природная застенчивость мешала начать разговор, и он решил зайти издалека.

— Я слышал, вы скоро покидаете нас, граф, — заметил он как можно более непринужденно. — Должно быть, два дня непрерывной скачки могут утомить любого, кроме прославленного конника Пуантена.

Троцero улыбнулся, польщенный.

— Да, в мое время молодежь куда больше времени проводила в седле, чем на балах да пирушках, а умение, приобретенное в юности, не утрачивается с годами.

В голосе его не было ни ностальгии по прошлому, ни осуждения настоящего, лишь едва уловимая насмешка, словно он сказал нечто такое, что сказать полагалось и чего ждал от него собеседник, но собственное мнение на этот счет позволил оставить при себе. Как ни странно, это ничуть не задело Валерия. Должно быть, он понимал чувства стареющего придворного лучше, чем кто бы то ни было в замке, включая даже и самого короля.

Пуантен, из всех провинций Аквилонии, оставался единственной, где вельможи не разучились держать в руке меч и предпочитали охоту с рогатиной на кабанов и туров танцам в саду под звуки мелодичных цитр, — постоянные стычки с зингарцами не давали развежиться духу. Троцero, подобно Валерию, был воином до мозга костей, и это роднило их, несмотря на разницу в возрасте, и молодой принц ощутил внезапную теплоту по отношению к своему собеседнику. Это поразило его: он полагал, что после всего, что пережил в Хауране, человеческие страсти навек уснули в его израненной душе.

— Да, — заметил он чуть слышно, скорее в ответ собственным мыслям, чем отзвываясь на реплику графа. — Современные отроки не желают нести тяготы воинской жизни. Они, видно, надеются встретить старость, так ни разу и не сев на боевого коня. Однако в мире становится все тревожнее, словно какие-то темные силы мешают вареву в адском котле, не давая нам обрести покой. — Он тяжело вздохнул и швырнул кубок, который до того

вертел в руках, пробежавшему мимо службе в коротком красном камзоле. — И кое-кто приветствует их... Глупцы!

Это вырвалось у него с горечью, неожиданно страстно, и он испугался, что Троцero может счесть недостойным подобное проявление чувств, однако граф Пуантенский лишь задумчиво кивнул в ответ.

— Ты прав, Валерий. Вспомни, о чем мы говорили вначале: тех, кого ты называешь глупцами, становится все больше. Все больше тех, кому не по душе порядок, заведенный Вилером; тех, для кого жажда наживы и воинской славы сильнее здравого смысла...

Обрадовавшись, что наконец нашелся кто-то, способный понять его сомнения, Валерий неожиданно распалился, позабыв о своем первоначальном намерении по-расспросить Троцero об отце:

— Они глупцы! Для них война — лишь забава или путь к обогащению. Они окрашивают ее в розовый с золотом цвет, расписывают, как детскую игрушку, любят ее, наслаждаясь собственной мужественностью! — Последнее слово он выплюнул с нескрываемой насмешкой и презрением. — Но вам-то, как никому другому, граф, известно, что это не так — вы испытали все на себе... В ремесле воина нет красоты. Война — не развлечение, а работа, кровавая, отвратительная, необходимая порой, но... работа... Как бы рад я был, если бы мог навсегда забыть о ней!

Троцero пожал плечами и замолчал, предавшись воспоминаниям. В его золотистых глазах отражались огни фейерверка, но казалось — это зарева пожаров залитых кровью городов. Прошло немало времени, прежде чем он продолжил:

— Отчасти ты прав, — отозвался он чуть подсевшим голосом. — Отчасти же в тебе говорит горечь и боль незалеченных ран... Однако это не мое дело. Придет время, и ты, возможно, расскажешь мне о пережитом.

Теплота, исходившая от этого подтянутого, сдержанного в проявлениях своих страстей вельможи была столь значительна, что впервые за долгое время Валерий ощутил, как почти забытый покой нисходит на его израненную душу; он уже почти готов был просить Троцero выслушать его историю, страдал поделиться с ним невысказанным, как вдруг его суровый собеседник неожиданно сменил тон, и все очарование, вся аура *доверитель-*

ности мгновенно пропала, словно теплоту летнего утра встревожил раскат грома, первозвестник надвигающейся бури.

Валерий мгновенно насторожился, вспомнив, что в тарантийском дворце нужно держать ухо востро и следить за каждым словом и жестом. Он почуял, словно гончая, унюхавшая зайца, что все разговоры об утерянной доблести изнеженных сынов Аквилонии предваряют нечто важное, и не ошибся. Троцero повернулся к нему и спросил как бы небрежно, но небрежность эта была нарочитая, намеренная, и Валерий со всей отчетливостью понял, что ради одного этого вопроса Троцero, должно быть, и затеял с ним беседу.

— Не таких ли признаний о неразумности некоторых деяний наших властителей... — (Принц отметил про себя, что искусный в придворных речах граф за весь разговор не назвал ни одного аквилонского имени) — домогался от тебя барон Торский во время пира? Я заметил, вы говорили с ним?

«Я бы мог поклясться, что за весь вечер ты и двух раз не взглянул в нашу сторону, старый лис», — усмехнулся про себя Валерий, однако вслух предпочел отозваться со сдержанной деликатностью:

— Я восхищен вашей наблюдательностью, месьор. Действительно, бельверусский дуайен выражал озабоченность положением дел в королевстве. Однако за всеми его осторожными порицаниями государя за бездействие, тонкими намеками о нужности сильной руки, в которой, якобы, нуждается Аквилония, похуже, стоят его собственные размышления, рождением своим обязанные доброму аргосскому вину. Не думаю, чтобы устами Амальрика говорил его сюзерен, — а какое нам дело до нелепых измышлений самого немедийца.

Троцero с сомнением покачал головой, однако, не желая спорить с Валерием, повернулся туда, где по-прежнему вихрилось шумное веселье?

— Посмотри-ка, — произнес он оживленно, — кажется, сейчас будут показывать живые картины. Я с детства был охоч до этого зрелища...

Валерий перевел взгляд на многоцветное буйство карнавала, где придворные шуты выкатили в центр двора огромные сани: на них была установлена шатровая мель-

ница, искусно сделанная из реек и холстины. Ее фасад напоминал чудовищную личину, четыре огромных крыла непонятным образом вращались, а на верхушке красной крыши виднелось гнездо аиста. К нелепому ветряку, под хохот и улюлюканье толпы, толстые шуты, в чьих глянце-вых лысинах отражались плюющиеся огни шутих, подтащили упирающегося осла, нагруженного мешками с зерном. Тот ревел, махал хвостом, прижимал развесистые уши и явно не желал участвовать в представлении. Валерий догадался, что картина показывала знаменитую мельницу глупцов, которая ловит и перемалывает межеумков, превращая их в достойных аквилонцев, и не смог сдерживать улыбки:

— Ах, если бы этот ветряк и в самом деле лечил от глупости, ему, воистину, нашлось бы немало работы в нашем королевстве...

Но Троцero, казалось, не расслышал его реплики, и как ни в чем не бывало продолжил разговор, не сводя, однако, глаз с представления. Со стороны казалось, что оба всецело поглощены красочным зрелищем, и вероятным соглядатаям пришлось бы подкрасться достаточно близко, чтобы заметить, как шевелятся их губы:

— Что касается Амальрика, то я предполагал нечто подобное, — заметил граф вполголоса. — Не удивлюсь, однако, если ты умалчиваешь о том, что он еще говорил тебе, ибо знал твоего отца, который также отличался завидной скрытностью, а норовом и статью ты явно удался в него. — Он вдруг вздохнул тяжело, с видом человека, несущего на плечах своих огромную тяжесть. — Но я не враг тебе, Валерий, и посему не стоит прятать свои мысли. Боюсь, что за словами барона стоит нечто большее, чем пьяная болтовня. Ведь не зря в городе семь дней подряд видели беркута, что клекотал на шпиле гарантийской ратуши, а это предвещает большую смуту и раздоры в стране. Так что постарайся, мой друг, сколь возможно подробнее передать мне слова сына Тора. Быть может, мы еще сумеем искоренить зло, которое, как мнится мне, сеет этот немедийский волк, точащий клыки на доверчивых аквилонских агнцев.

Валерий внимательно посмотрел в глаза хозяина Пуантена и, не найдя в них ничего, кроме тревоги и напря-

женного внимания, постарался как можно точнее воспроизвести ему давешний разговор. Троцero озабоченно погладил лезвие стилета через сафьяновые ножны на своем запястьи.

— Не могу понять лишь одного, — протянул он. — Отчего вдруг такие разговоры ведет именно немедиец? Я бы понял еще, если бы то был ты, принц, или твой брат, но Амальрик — что ему за корысть?

— Потому мне и кажется, что страхи ваши беспочвенны, граф. Немедиец ничего не выиграет, если более воинственный государь воссядет на трон Аквилонии, ибо Немедия будет первой, куда устремятся его взоры. — Валерий утомленно вздохнул, не чувствуя в себе сил разбираться в хитросплетениях аквилонской политики. — Так что оставьте тревоги, граф, и не терзайте себя понапрасну. Это ночь так действует на вас. Ночные страхи и усталость...

— Сомневаюсь, — натянуто отозвался Троцero, обескураженный тем, что опасения его не встретили должного отклика у младшего друга. — И боюсь, придет час, когда ты вспомнишь наш разговор, Валерий, и пожалеешь, что не поверил мне...

Принц не ответил, но внезапно дрожь пробрала его, несмотря на теплый осенний вечер, и, подобрав сброшенный перед пляской шерстяной плащ, окрашенный мареной, он резким жестом накинул его на плечи.

Внезапно крупные капли холодного дождя забарабанили по каменной кладке двора, вмиг спугнув жаркие хороводы крестьян и вельмож, спутав музыку и заставив завизжать и рассмеяться пестрый выводок благородных аквилонских дам, веселившихся наряду со всеми.

Валерий закутался поплотнее и поднял голову вверх, — холодные капли разбились о лоб, забрызгав глаза, и потекли по щекам.

— Гроза... — произнес он медленно, думая о другом. И обернулся к посуровевшему графу: — Полагаю, стоит вернуться в замок, иначе мы вымокнем насквозь.

— Да, гроза приближается, — подтвердил Троцero, также погруженный в свои мысли. — И горе тому, кого она застигнет врасплох...

ОБРАЗ КРОВИ

Неспешно, зорко глядя по сторонам, небольшой отряд наемников спустился с холма и, миновав наполовину сжатые поля, подъехал к деревне. Конан, нахмурившись, покосился на вывороченный с корнем частокол. Какая же сила, подумалось ему с невольным уважением, способна так расправиться с толстыми стволами деревьев в человеческий рост вышиной и толщиной в пол-обхвата. Заостренные сверху, на полроста вкопанные в землю, бревна частокола должны были служить надежной защитой укрывшимся за ним крестьянам от любой напасти, однако нападавшим, кто бы они ни были, удалось невероятное. Всюду, куда ни глянь, валялись выдернутые из земли колья, иные разбитые в щепы, иные переломленные пополам. Конан знал, что, даже несмотря на всю его необычайную физическую мощь, он едва ли сумел бы сделать что-либо подобное.

Жестом приказав своим спутникам удвоить осторожность, он тронул пятками коня, направляя его на главную улицу селения.

Нервы киммерийца были напряжены до предела. Всюду, за каждым углом, в каждом шорохе чудилась неведомая опасность. Однако пока вокруг царила тишина. Насколько он мог судить, в деревне не осталось ни души. Пустующие дома вдоль широкой дороги зияли раскрытыми ставнями и провалами дверей. Большая часть строений была нетронута, лишь где-то на задворках валил клубами густой черный дым, который и привлек внимание наемников, — должно быть, там занялся пожар.

Опытным, ко всему привычным взглядом киммериец мгновенно отметил две странности: куда ни кинь взгляд, окрест не было видно ни единого трупа, и лишь кое-где почерневшая, прибитая к земле пыль указывала, где пролилась кровь обреченных защитников деревни. А кроме того, как ни старался, он не мог заметить следов грабежа.

Между тем, если на селение был совершен налет — будь то грабители, ищущие легкой поживы, или местный нобиль, затаивший зло на крестьян, эти следы непременно бросались бы в глаза. Привычки и тех и других были ведомы Конану лучше, чем кому бы то ни было: мародеры или вольная дружина не ушли бы без добычи, сколь бы скудной та ни была в нищей деревеньке на окраине

королевства. Здесь же — осторожно, предусмотрительно обнажив меч, он подъехал к одному из домов и заглянул в окно, — все казалось совершенно нетронутым. Точно хозяева, невесть зачем прихватив всех домочадцев, домашний скот и даже птицу, попросту покинули родные места, не утруждая себя никаким скарбом. В это почти можно было поверить — если бы не частокол. Но, вспоминая чудовищную силу, что переломала, точно лучинки, огромные бревна, киммериец не мог сдержать дрожи. Его не оставляла мысль, что разгадка — если им суждено узнать ее — окажется куда более мрачной и отвратительной, чем все, что рисовало ему воображение.

Четверо наемников неспешно трусили следом за ним, такие же настороженные, готовые в любую минуту дать отпор грозящей опасности, как и их предводитель. Ехали молча, — лишь Невус ровным, невыразительным шепотом сыпал проклятиями, поминая все черное воинство, от Нергала, до Сета и Эрлика. Конан хотел было велеть ему заткнуться, но раздумал. Пусть отводит душу, коли это ему поможет. Лишь бы в бою рука не дрогнула...

Барх, еще один седовласый ветеран, опытный, закаленный в битвах, много чего повидавший на своем веку, указал на черное пятно у дороги.

— Парень, которого тут ранили, не мог далеко уйти. Столько крови потерять — это верная смерть.

Конан согласно кивнул.

— Вот и я так думаю. Но куда же тогда он подевался? Куда все они подевались, Эрлик их поberi?!

Невус, выехавший чуть вперед, пожал плечами. Этот, если и чувствовал что-то неладное, не желал обременять себя излишними заботами. Беспокоиться — дело атамана; его работа — исполнять приказы. Двое других также молчали, озадаченно и слегка испуганно. Барх сплонул под ноги коню.

— Нечисто тут дело, капитан. Надо бы уходить. Нутром чую — неладно здесь.

Один из наемников помоложе, офирец по прозвищу Жук (настоящего имени его никто не знал), презрительно хохотнул:

— Тебе бы за мамкину юбку держаться, Барх, а не мечом махать. Каждой тени боишься! — Однако голос его звучал не слишком уверенно, и он явно старался придать себе бодрости, поднимая на смех приятеля. —

Отдохнуть же хотели... А тут тебе пустая деревня — живи не хочу! Небось, пошарить если, так и пожрать отыщется.

Однако он не сделал и шагу от остальных, чтобы исполнить свое намерение, и Конан, дабы пресечь дальнейшее бахвальство, рывкнул зло:

— По сторонам смотрите лучше — а то как бы навек не наотдыхаться со стрелой в глотке!

Наемники с тревогой покосились на капитана. Им редко доводилось видеть его таким встревоженным, и они уже приучились бояться его гнева, хоть и непродолжительного, но неукротимого.

— Да я-то что... — примирительно пробормотал Жук. — Я только говорю, что в деревне, кажется, пусто. А жрать хочется так, что аж желудок к хребту прилип. Вон, чуете — мясом жареным потянуло...

И правда, порыв ветра донес до них чудесный, ни с чем не сравнимый, сладостный для усталого, оголодавшего путника, аромат готовящегося на углях жаркого. Вмиг позабыв об осторожности, наемники поскакали вперед.

Конан хотел было окликнуть их, — но и ему запах пищи на мгновение вскружил голову. Пахло так сказочно, восхитительно, что он не мог не пустить коня вскачь, следом за приятелями. А те уже что-то горланили во весь голос, Барх зычно хохотал, Жук, обернувшись, кричал, чтобы он поторапливался...

Лишь в последний момент осторожность возобладала, и варвар, обостренным чутьем своим ощутив неладное, заорал своим парням:

— Стойте!

Но они и без того уже застыли, как вкопанные, едва завернув за угол, на улицу, что вела к главной площади деревни. И когда Жук обернулся вновь, смуглое лицо офира казалось почти серым, и губы шевелились беззвучно, и ни единого звука не слетало с них.

Киммериец подъехал ближе. И даже он, повидавший на своем веку множество такого, что могло бы любого обычного человека превратить в слюнявого, боящегося собственной тени идиота, замер при виде открывающегося зрелища, не в силах поверить собственным глазам.

— Кром всемогущий... — прошептал он чуть слышно. Площадь была полна трупов.

Их было много. Очень много. Должно быть, несколько сотен, ибо именно столько народу, вместе с детьми, женщинами, седыми старцами и взрослыми мужчинами, проживало в селении. И все они были здесь. Сложенные аккуратными штабелями вокруг трех гигантских костров, — отдельно мужчины, младенцы, старики, женщины... В багровых отсветах пламени Конан видел, что почти все они изуродованы, в крови, у многих не хватает рук или ног, или зияют на теле ужасные раны. Ужаснее же всего было видеть детей... но даже киммериец отвернулся поспешно, не в силах вынести подобного зрелища.

Отдельной грудой свалены были туши животных, — козы, коровы, даже собаки и птица. И Конан вновь поразился той невероятной сйлице, которой должен был обладать тот, кто сотворил все это. Но он не успел сказать об этом своим спутникам, ибо в тот самый момент Невус вдруг прошептал, дрогнувшей рукой указывая куда-то вперед:

— Митра милосердный! Смотрите, там, над костром...

Они сперва не заметили этого, ибо уже сгущалась тьма. И глаза их не желали видеть подобного, а мозг не в состоянии был воспринять такую картину. Но теперь — теперь они смотрели, не в силах отвести взор, точно прикованные цепями. Смотрели вперед, туда, где над дальним из костров, насаженное на грубый вертел, поджаривалось, шипя и скворча, испуская изумительное благоухание готовящегося на углях жаркого, тело человека.

Жук захлебнулся. Его начало тошнить. Второй офирец, его приятель, немой Сабрий, перегнувшись с седла, последовал его примеру; более закаленные бойцы также с трудом удерживали позывы к рвоте.

— Мясом жареным потянуло... — со свистом втягивая сквозь зубы воздух, пробормотал Невус. — Да что же здесь творится такое, Нергал их всех разбери?!

Конан ничего не ответил. Несколько мгновений понадобилось ему, чтобы преодолеть дурноту, — и он всадил своей лошади пятки в бока, направив ее прямо к костру. Наемники что-то закричали ему сзади... он не слышал их. Даже связно думать он был не в состоянии — но этот человек над костром... видеть это было невозможно. Даже если несчастному уже ничем не поможешь, — киммериец не мог оставить его так. Во весь опор подлетев к огню — омерзительный запах крови и горелого мяса ударил ему

в нос — он осадил испуганно храпящего, упирающегося скакуна, и ногой попытался свалить наземь чудовищный вертел. Тот не поддавался, и Конан, соскочив с седла, обеими руками обхватил вбитую в землю огромную рогатину, на которую тот опирался, — но в этот миг сзади донесся истошный, полный дикого ужаса, нечеловеческий крик. Конан обернулся рывком.

Кричал немой. Точнее — он мычал, из самых глубин существа своего исторгая утробный вопль, непохожий ни на что, слышанное варваром доселе. Тот был настолько поражен, что сперва даже не разглядел во тьме, что привело несчастного офира в такое иступление; а, заметив, ринулся вперед, позабыв и о трупе над огнем, и о перепуганной, гарцующей среди огней лошади.

Когда-то он слышал о подобных чудовищах. На далеком севере обитали они, в стране ванов, или еще дальше, в ледяных горах, среди вечных снегов. Трольхами именовали их легенды. Трольхами трехглавыми. И сейчас один из них был перед ними.

Огромное, в два человеческих роста чудовище двигалось тяжело, опираясь невероятно длинными передними лапами о землю, помогая ими при ходьбе, и Конану это невольно напомнило огромных обезьян-людоедов, которых доводилось ему встречать на далеком юге. И в остальном, если не считать размеров, трольх походил на них: такое же мощное, поросшее клочковатой рыжей шерстью тело, те же кривые ноги, тот же злобный оскал... Вот только скалилась на него не одна, а одновременно целых три головы.

Были они гигантскими, каждая — с низким лбом и крохотными, глубоко посаженными глазками, горевшими красным в отблесках костра, с выдающейся вперед челюстью и выступающими обломанными клыками; головы эти на мощных коротких шеях, фыркая и всхрапывая, озирались во все стороны, и длинные желтые языки по очереди облизывали черные губы.

Но вот трольх заметил добычу. Одним прыжком он оказался рядом с остолбеневшими от ужаса наемниками. Мощные руки с острыми, с хорошим кинжал длиной, когтями, сжались на шее у лошади Барха. Животное истошно заржало. Наемник потянулся было за мечом — но трольх дернул коня к себе, и он вылетел из седла и растянулся на земле. Чудовище же неторопливо, словно

и не замечая суеты вокруг, подтащило упирающуюся всеми ногами лошадь и одним точным, уверенным движением переломило ей шею. С такой легкостью, как человек мог бы скрутить голову, к примеру, цыпленку...

Так же неспешно трольх отволол труп коня чуть в сторону, туда, где свалены были туши остальных животных — похоже, чудовище отличалось завидной методичностью, — и медленно, словно бы в предвкушении, обернулось к остальным наемникам. Видно было, что с этими невесть откуда взявшимися людьми трольх намеревается расправиться столь же хладнокровно и неумолимо, как с обитателями деревни...

И тогда Конан бросился вперед.

Он сделал это почти инстинктивно, не раздумывая, как делал многое в своей жизни, в чем позже раскаивался, упрекая себя за излишнюю горячность. Но эти горы окровавленных трупов, этот несчастный на костре, это пронзительное ржание убитой лошади, — он не мог этого вынести спокойно. Ярость, бесконтрольная, огненная, полыхнула в нем, затмевая рассудок.

—Йо-хааа-аа! — издал он воинственный клич киммерийцев и бросился на трольха сзади.

Тот, как видно, не заметил приближения противника, и атака киммерийца застала его врасплох. Острый меч, просвистев дугу в воздухе, полоснул его по лопатке... и истошный вопль, полный ненависти и боли, вырвался сразу из трех глоток.

Трольх развернулся к нему. Огромные руки протянулись к варвару, и тот едва успел отскочить прочь, так что когти лишь слегка зацепили сапог. Не давая чудовищу опомниться, едва приземлившись, Конан прыгнул вновь и нанес колющий удар сбоку. Трольх вновь зарычал, — однако варвар заметил в отчаянии, что ни первый, ни второй его удар, несмотря на то, что он вложил в них всю силу, не нанесли чудовищу особого вреда. Кожа его, заглубевшая, была подобна коре тысячелетнего дуба, а под ней был настоящий панцирь мускулов, — так что почти невозможно было достать клинком жизненно важные органы, и Конан понял, что может лишь разъярить чудовище мелкими порезами, но, если не найдет иного способа, никогда не сумеет расправиться с ним.

Он вновь увернулся от удара огромных лап, но уже с трудом. Чудовище было слишком велико, и размах более

чем вдвое превосходил длину руки киммерийца, даже вместе с мечом. Силы были слишком неравны. И, тщетно попытавшись ударить трольха по одной из трех шей, Конан вынужден был вновь отступить.

— Нергал вас побери, дармоеды! — заорал он наемникам. — Да проснетесь вы наконец?

«Возможно, впятером им удастся одолеть чудовище...» — мелькнула мысль.

Но, хотя бойцы его, очнувшись наконец от оцепенения, в которое повергло их появление чудовища, поспешили на помощь командиру, толку от них оказалось немного.

Жук с Невусом налетели на трольха сзади, размахивая мечами. Конан хотел крикнуть им, чтобы не тратили силы зря и били только в шею или по глазам, — но предупреждение его опоздало. Их удары лишь раздражили чудовище, не причинив особого вреда, но когда в слепой ярости оно развернулось к обидчикам, у тех не осталось почти никаких шансов. Лошадь Невуса, заржав, взметнулась на дыбы... левой лапой трольх поймал ее за переднюю ногу и, не обращая внимания на удары копыт, дернул и переломил, точно щепку. Несчастное животное рухнуло оземь и забилося в судорогах, придавив собой всадника. Конан видел, что Невус еще жив — он отчаянно извивался, пытаясь выбраться на свободу, — но помощи от него ждать было нечего. Барх, сброшенный с коня еще ранее, до сих пор не пришел в себя. Так что это оставляло лишь Жука и Сабрия.

Но теперь лошади стали им только помехой. Верный скакун Жука успел вернуться от трольха, но теперь кони совершенно обезумели от ужаса и не слушались ни узды, ни хлыста. Киммериец видел, как всадники тщетно пытаются совладать с перепуганными животными. От них ему напрасно было бы ждать помощи.

Однако Конана это смутило не более чем на мгновение. Ему столько раз приходилось в одиночку идти в бой с самыми грозными противниками, что он давно привык рассчитывать лишь на свои силы и не ждать никогда помощи со стороны. Стоит только положиться на кого-то, как ты пропал. Неминуемо утратишь бдительность, оступишься, а того, кто должен был подстраховывать, именно в этот миг не окажется рядом... вот и пиши пропало. И потому, осознав, что остался с трольхом один на один, Конан, вместо отчаяния, испытал лишь мстительную,

злую радость, упоение битвой истинного берсерка. То была его стихия, и он знал, что победит.

Развернувшись, северянин с криком побежал назад, к кострам, увлекая за собой чудовище. Трольх последовал за ним, тяжело ступая, так, что от шагов его шел гул по земле. Но когда он настиг человека, тот был уже во всеоружии.

Костер, разведенный трольхом (должно быть, благодаря трем головам, он все же соображал несколько лучше, чем простое животное), был сложен из огромных поленьев, в которых Конан без труда узнал обломки частокола. И теперь, когда огромное чудовище, вытягивая вперед лапы с топорщащимися, точно десяток кинжалов, когтями, приблизилось к нему, он поднырнул вниз и, ухватив в прыжке огромную головню, ткнул горящим концом прямо в живот трольху.

Тот завопил так истошно-пронзительно, что у киммерийца невольно заложило уши, но, не обращая внимания на судорожно молотящие воздух лапы, мелькавшие перед самым лицом его — так что лишь невероятная ловкость и подвижность спасали от гибели — боец сделал еще один выпад. На сей раз удар пришелся по глазам правой головны. И новый яростный вопль сотряс густую ночь, застывшую над миром.

Ударом лапы у Конана вышибло из рук факел. Когти зацели его запястье, глубоко вспоров кожу, но он даже не заметил этого. Безумие битвы овладело им — то самое невероятное состояние, когда воину кажется, будто само время замедлило бег, движения противника делаются тягучими и предсказуемыми, и каждый шаг его известен наперед, точно в прекрасном, полном глубинного смысла танце. Ничто тогда не может повредить берсерку, ничто не может причинить ему вреда, и нет такой силы, что способна заставить его отступить... Не глядя ухватив новую головню из костра, не обращая внимания на языки пламени, жадно лизнувшие кулак, Конан вновь перешел в наступление.

Он знал, что так будет. Что в руках у него окажется совершенное оружие, которое и требовалось ему сейчас — длинный, остро отточенный кол, подобный тому, на который насадил трольх несчастного над огнем. В этом был смысл. Была высшая справедливость.

Взмахнув полыхающим факелом прямо перед двумя уцелевшими мордами чудовища, киммериец вновь заставил того отступить. Он уже научил тролля бояться огня, и теперь тот даже не пытался сражаться, лишь оглашал хриплым воем окрестности, отчаянно, не глядя бил по воздуху лапами и отступал... отступал...

Незаметно, ловко орудуя полыхающей головней, Конан заставил чудовище описать круг. И вот уже оно стояло спиной к костру. Еще выпад — и, отпрыгнув, тролль угодил прямо на середину огненного круга. Омерзительное зловоние паленой шерсти заполнило все вокруг. Монстр попытался выскочить из огня, но в этот миг Конан вновь нанес удар. Не удержавшись, тролль рухнул прямо в костер.

В тот же миг киммериец, не думая об опасности, вскочил ему на грудь. Огромные руки взметнулись, но было поздно. С оглушительным хрустом заостренный кол вошел меж ребер чудовища. Конан с силой налег на огромное копьё, вонзая его все глубже и глубже, пока не почувствовал, что острие его дошло до самого сердца. И, дернувшись в последний раз, трехглавый тролль затих под ним.

Конан спрыгнул на землю и двинулся к своим спутникам; ноги его дрожали. Наемники не сводили с него глаз, точно не их капитан и предводитель, с которым столько раз они делили воду и хлеб и ночевали у одного костра, шел им навстречу, но некое существо иного порядка, полубог или демон, перед которым возможно было лишь трепетать, испуганно опуская глаза. Киммериец обвел их тяжелым взглядом.

— Вам бы детей в люльке качать, — сплюнул он презрительно. — Вояки... — И, свистом подзвав свою лошадь, вскочил в седло. — С завтрашнего дня буду гонять вас, пока не спущу лишний жир, иначе проку не будет! А теперь давайте-ка убираться отсюда!

Пристыженные, наемники оседлали по двое уцелевших лошадей — Жук с Невусом, и Сабрий с Бархом — и последовали за своим капитаном. Отъехав на пару шагов, Конан остановился и обернулся, дожидаясь. В конце концов, они были его отрядом. И он отвечал за них.

Гроза прекратилась так же внезапно, как и началась — глухие перекаты грома, далекие зарницы и крупный косой дождь недолго питали взопревшую аквилонскую землю, — и на Охотничий двор осторожно потянулись вельможи, а за ними последовал простой люд. Крикливые арлекины быстро наверстали упущенное, заставив рыдать от смеха изрядно подогретых вином зрителей, а челядинцы вновь запалили огненные фейерверки, — карнавал восстанавливал свои силы, словно ящерица хвост, оторванный сорванцом.

Но Валерию не хотелось продолжать разговор с Троццо в маскарадной сутолке, где на них то и дело налетали хохочущие хороводы и сновали вокруг спящие слуги в светлом, разнося яблочный сидр со льдом, звенела музыка, фыркали и шипели фонтаны шутих.

Валерий пригласил графа к себе, и они ушли, никем не замеченные.

Принцу Шамарскому во дворце отведены были покои в Алых Палатах, — небольшие, состоящие всего только из спальни, кабинета и двух гостиных, — далеко не столь роскошные, как, скажем, апартаменты Нумедидеса, однако Валерий был даже рад этому, довольный сравнительной уединенностью своего жилища, коей не так легко было достичь, обитая во дворце.

Основные же, парадные чертоги нагоняли на него тоску: не радовали взор ни бесконечные коридоры дворца, прямые, извилистые, кольцеобразные, выходящие в сумрачные галереи и лоджии, такие безлюдные, что, казалось, они населены призраками; ни просторные гостиные с огромными каминами, где пузырилась смола на поленьях и пахло зимой; ни светлые залы, похожие на хрустальные стигийские кубы; ни темные, мореного дерева стены библиотеки, шуршащие шелковистыми шторами; ни мерцающие металлом оружейные; ни желтые, красные, белые и смарагдовые столовые, обитые кхитайскими шпалерами с узорами, словно навеянными полуденным сном в фарфоровом павильоне. Привыкший к скромному уюту родового гнезда, принц Шамара чурался простора и навязчивой роскоши Тарантии.

Никто не встретился им на пути, лишь у входа в покои Валерия стояли два охранника в одеждах Антуйского

Дома, — опытный воин не слишком доверял Черным Драконам, считая, что личная гвардия его венценосного дядюшки больше годится для праздничных парадов, чем для кровавого боя, и потому предпочитал иметь небольшой эскорт *шамарцев*, которых лично отобрал из числа ветеранов офирских войн.

Завидев своего повелителя, часовые опустили алебарды и склонили головы в знак приветствия. Валерий кивнул им в ответ и отворил тяжелую резную дверь, пропуская вперед Троцero.

Они прошли в небольшую гостиную, — наименее парадную из двух, — где, несмотря на теплую ночь, был разложен камин, и принц любезным жестом пригласил Троцero занять место в предназначенном для почетных гостей громоздком кресле на крепких львиных лапах, с прямой спинкой и подлокотниками, украшенных волютами; сам же, подойдя к изящному дрессуару аргосской работы, наполнил два кубка шамарской медовухой из кувшина, предусмотрительно наполненного слугами в ожидании господина.

— Я полагаю, граф, вы не откажетесь от доброго напитка, который лучше всего делают в нашей провинции, — сказал он, протягивая графу кубок. — Возможно, он и не столь изыскан, как знаменитые пуантенские вина, но зато превосходит их в крепости.

Троцero одобрительно усмехнулся в седеющие усы.

— Приятно, когда молодежь чтит традиции и край отцов. Что до меня, то самое кислое вино Ларочена мне милее любого нектара гарантйских погребов. Только сок виноградной лозы, что выросла под родным солнцем, и способен еще разогнать холод в жилах и заставить позабыть про старость...

— Вам рано говорить о старости, — улыбнулся Валерий, — Не зря говорят, что вы не только лучший наездник в Аквилонии, но и лучший фехтовальщик. Достаточно послушать вашего друга Просперо — он рассказывал как-то, что однажды вам удалось справиться с пятью головорезами одновременно и самому остаться невредимым. Вот пример, который многим стоило бы взять за образец для подражания!

В глазах пуантенского владельца промелькнула грусть, он встал и подошел к очагу, любуясь деревянными статуэтками на каминной полке, что Валерий вырезал в часы

досуга из душистой липовой древесины. Конечно, умение его сильно уступало искусству опытного краснодеревщика, который мог из небольшого бруска выточить сцену битвы, где две дюжины рыцарей на конях сражались с таким же числом врагов, причем у каждого человечка читалось особое выражение на лице и были в точности воспроизведены все подробности, вплоть до кистей на конском чепраке или адаманта на рукояти кинжала, — и все же каждая фигурка, выходявшая из-под трудолюбивого резца принца, несмотря на свои малые, не более ладони, размеры, имела явное портретное сходство со своим прототипом и несла отпечаток отношения художника. Чувства и страсти принца были выставлены здесь напоказ с опасной небрежностью.

Троцero повертел в руках деревянную фигурку Нумедидеса, дивясь сходству портрета с тучным, капризным принцем; щелкнул по завитым локонам Феспия; задумчиво тронул осанистое изваяние короля Вилера и задержался взглядом на парном изображении Орантиса графа Антуйского и некоей женщины без лица, в которой лишь по парадному платью и короне можно было признать Фредегонду, покойную мать Валерия.

— Ты весьма преуспел в этом непростом искусстве, — одобрительно заметил он. — ...Хотя иные, возможно, и сочли бы его неподобающим твоему высокому сану. — И, заметив, что принц собрался было возразить, махнул пренебрежительно рукой, показывая, что отнюдь не разделяет столь нелепых предрассудков. — Однако скажи, почему ты не стал изображать прекрасных черт своей матери на портрете?

Валерий вздохнул, отпивая из бокала медовухи.

— Резец мой оказался бессилён запечатлеть в дереве то, что не удержала память. Ведь мне не исполнилось и восьми зим, когда ее унесло наводнение, принесшее столько бед всему Шамару. Дымка времени затуманила дорогой сердцу облик обоих родителей, — однако если черты отца мне удалось скопировать с парадных портретов, то изображений матери отыскать так и не удалось.

Прищурившись, Троцero внимательно всматривался в гладкий лик Фредегонды, точно силясь обнаружить какой-то намек на миндалевидные глаза, прямой тонкий нос, полные губы и высокие скулы, что некогда преисполняли душу благоговейного трепета, однако стареющая

память упорно отказывалась заполнять прекрасными чертами лакированную поверхность деревянного истукана. Он посмотрел на Валерия, пытаясь отыскать сходство с матерью, но принц Шамарский явственно унаследовал черты Антуйского Дома, и внешне ничто не роднило его с покойной королевой. Он был высок, худощав и узкогруд; длинные чувствительные пальцы с овальными ногтями скорее годились для того, чтобы пощипывать струны лютни, чем держать тяжелый боевой клинок с обмотанной сыромятными ремнями рукоятью, — однако бесчисленные белесые шрамы на тыльной стороне ладоней, загрубевшие, некогда сбитые до мяса костячки пальцев и сухая, потрескавшаяся кожа говорили об обратном. Троцero покачал головой в такт своим мыслям — да, судьба и впрямь бывает подчас жестока и неразумна, превращая философа в воина, артиста в царедворца, губя природные задатки и все же не достигая своих целей.

Лицо Валерия также опровергало все то, о чем шушукались бесчисленные дворцовые кумушки, когда принц проходил мимо них своей торопливой, неуверенной походкой. Его узкое вытянутое лицо напоминало лики мучеников-митрианцев на старинных гобеленах: длинные жесткие волосы цвета выгоревшей соломы, блеклые, туманные, чуть навекате глаза, тонкий безвольный рот и прямой заостренный нос. Весь облик шамарского принца говорил о натуре нервной, неуравновешенной, способной на непредсказуемые поступки.

Валерий перехватил взгляд Троцero и отвел глаза: он не выносил, когда его разглядывали вот так, бесцеремонно и оценивающе, точно опасался неостенных суждений, что может вынести о нем другой человек.

— Вы, кажется, говорили о королеве, граф? — спросил он, лишь бы прервать затянувшееся молчание.

Троцero замялся, прежде чем ответить, и колебания его не ускользнули от принца. Он насторожился, сам не зная, что опасается услышать.

— Все дело в том, Валерий, что твоя мать намеренно отказывалась позировать резчикам и живописцам, и, поверь, у нее были на то причины.

— Причины — но какие же? — Валерий был поражен. — Чего она могла бояться? Ей грозила опасность? — И, словно осознав, что подобный взрыв эмоций может вызвать недоумение пуантенца, понизил голос и пояснил

уже спокойно: — Я слишком мало знаю о своих родителях, граф, и всегда страдал от этого. Мне кажется, в их жизни была какая-то тайна. Но Митра призвал их в свои чертоги, когда я был еще слишком мал, чтобы что-то понимать, и лишь смутные подозрения терзают мою душу с тех пор, не находя выхода. После же их кончины мне не с кем было поговорить об этом — в Тарантии не слишком-то охочи до подобных разговоров. Даже король никогда не вспоминает сестру, словно ее и не было на свете... — Губы его скривила горькая усмешка, но затем он неуверенно взглянул на Троцero. — Сказать по правде, граф, именно поэтому я решился отнять у вас столько времени сегодня: я надеялся, может быть, вы сумеете развеять мрак тайны над этой историей. Вы ведь были дружны с ними обоими... Говорят, отец умер у вас на руках... Расскажите все, что вы помните о них, и клянусь Митрой, граф, я не забуду вашей доброты!

На лицо Троцero легла тень.

— Это старая печальная история, Валерий. И я боюсь, после того, как ты выслушаешь ее, ты не будешь говорить о *доброте* с моей стороны. Прошло почти тридцать зим, но до сих пор я порой не сплю ночами, вспоминая то, что давно пора предать забвению.

Не в силах больше сдерживаться, Валерий вскочил с места, и его огромная тень от пламени камина заметалась по выцветшим шпалерам.

— Я хочу знать правду, граф, какой бы она ни была!

При этих словах его Троцero как-то разом обмяк, плечи его поникли, но в глазах читалась печальная решимость.

— Хорошо. Я всегда знал, что рано или поздно час этот придет, хотя и надеялся, что не доживу до него — однако дал клятву светлому Митре, что расскажу тебе все, как было, ничего не утаивая. Даже если после этого ты навсегда перестанешь считать меня своим другом... Однако запасись терпением, мой принц, ибо слушать придется долго.

Слегка встревоженный столь мрачным началом, Валерий вновь опустился в кресло. Смутные опасения таились в душе его, и отчасти, сам не зная почему, он уже не рад был, что затеял весь этот разговор, — однако возбуж-

дение при мысли, что нашелся наконец человек, готовый отдернуть для него завесу прошлого, оказалось сильнее, и он приготовился внимать пуантенцу.

* * *

«Ты, конечно, знаешь, Валерий, — начал Троцери неспешно, считая, как видно, что, подобно летописцам прошлого, должен вернуться к самому началу времен, дабы достойно описать настоящее, — ...что Пуантен — совсем небольшая провинция. С юга она граничит с Зингарой и Аргосом, с севера — с Таураном и Боссонскими Топями, с запада же ее омывают воды реки Хорот, что разделяют Шамар и Центральную Аквилонию. Я унаследовал престол Пуантена после смерти отца, герцога Антуаня Тулушского, который умер от ран в Год Вепря, восьмидесятый от Восшествия Митры. В наследство мне достался разоренный край, изможденный бесконечными войнами с Аквилонией, раздираемый дворянскими распрями, где постоянный недород обрекал крестьян на нищету, а отсутствие единой веры, — ибо северные земли поклонялись Митре, а южные приносили жертвы Асуре, — грозило обернуться кровавой резней.

Я родился слабым младенцем, настолько хилым, что не мог даже сосать грудь кормилицы, — меня поили из рожка разведенным козьим молоком; и по жестокому закону, который свято соблюдался в наших краях, должен был быть брошен в лесу на съедение волкам, ибо в Пуантене истари превыше всего почиталась крепость и сила воинов, и немощным и больным там не было места. Однако отец мой в ту пору был уже слишком стар и боялся не дожидаться новых наследников, и потому я уцелел, — хотя впоследствии не раз вынужден был доказывать свое право на Тулушский престол.

С младых ногтей меня приучали рассчитывать только на себя и достигать цели, не считаясь со средствами. Отец скончался, когда мне было восемь зим, и все отрочество мое омрачено было зловоением дворцовых интриг, ибо вскоре моя мать, ставшая регентшей Пуантена, приблизила к себе коварного маркграфа Алоизо, выходца из Зингары. Тот жаждал моей смерти, чтобы затем, женившись на матери, сделаться правителем края, — мать же моя, женщина властолюбивая и холодная, также видела в

сыне лишь преграду на пути к трону, и хотя сама не подняла бы руку на единственного отпрыска, однако и не помышляла защитить меня от козней фаворита, так что уцелел я лишь чудом и милостью Митры. Никогда не забуду, однако, как каждую ночь ложился спать с чувством, что уже не увижу света дня... Единственным спасением были поездка в Аквилонию с посольством, куда я отправлялся так часто, как только мог, и там, при дворе, встретил я девушку, к которой привязался со всем пылом юности, и которая, к моей радости, отвечала мне взаимностью. То была юная принцесса Мелани, дочь короля Хагена. О любви нашей, однако, вскорости донесли государю, — боюсь, и здесь не обошлось без Алоизо, — и Хаген, которому наш союз казался нежеланным и опасным, поспешил отправить дочь в отдаленную провинцию Аквилонии. Мы оба были безутешны, и, несмотря на все пылкие клятвы, что она мне давала, сердце мое разрывалось от боли.

И все же Митра даровал мне стойкость. Через восемь зим я достиг возраста мужчины и занял престол, принадлежащий мне по праву. Для этого, однако, прежде пришлось отравить ненавистного Алоизо — все вокруг сочли, что его покарал Пресветлый, — но я и по сей день не раскаиваюсь в этом поступке. Одна лишь мать обвиняла меня в убийстве, — но ее я повелел заточить в горный монастырь, ибо в те дни сердце мое не ведало жалости. Опираясь на военачальников, что были преданы моему отцу, железной дланью я навел порядок в стране — искоренил скверну культа Асуры, заставил вассалов почитать своего сюзерена, заключил мир с Аргосом и Зингарой. Положение в стране понемногу стало выправляться, наладилась торговля с соседями, и лишь могущественная Аквилония терзала мое маленькое королевство, как хищная пантера терзает оленя. Монарх Хаген не желал мира, — мир для него был возможен лишь в тот день, когда он прибьет свой щит на вратах Тулуша.

Но, слава Митре, — прости, что я говорю так о твоём предке, — Хаген почил в бозе, и Аквилония разделилась на трое. Это было на руку Пуантену, ибо каждой из провинций в отдельности нам не стоило труда противостать, — до тех пор, пока они бы не объединились.

В ту пору наместником Шамара был твой отец, Орантис Антуйский, достойный нобиль, отважный, честный и

справедливый. Его государство было первым из аквилонской триады, с кем мы заключили перемирие. Я стал частенько гостить в аквилонской столице и наконец удостоился чести быть представленным королеве Фредегонде. Когда я, после почтительного поклона, поднял глаза на супругу светлейшего герцога, то обомлел — передо мной стояла Мелани, моя Мелани, которая после вступления в брак и коронации приняла, как велит обычай, новое имя, данное ей жрецами Митры.

Она тоже узнала меня, но не подала виду. Потом я, улучив момент, встретился с ней в тайной комнате Шамарского дворца — ее слезы и объятия лучше всяких слов доказали, что она по-прежнему любит меня. Однако Хаген устроил ее брак с Антуйским герцогом, и у нее не достало сил противиться воле отца, хотя о чувствах в этом союзе — прости за откровенность, Валерий, — не могло быть и речи. Я был в отчаянии, сердце мое разрывалось на части — я был без ума от Мелани-Фредегонды, но долг гостеприимства и политические соображения заставляли меня подавлять мою страсть и стараться держаться подальше от королевы Шамара.

Но мы продолжали тайно встречаться, не в силах погасить жар сердец. Мелани, ибо для меня она навсегда останется Мелани, безраздельно царствовала в моей душе. Но мы оба понимали, что так дальше продолжаться не может — наша тайна могла открыться в любой момент, и тогда... страшно подумать, что могло бы случиться тогда.

В один вечер Мелани была возбуждена более обычного. В ответ на мои расспросы она призналась, вся в слезах, что согрешила перед Митрой и передо мной, обратившись к колдуну, о котором ей рассказал брат, маркграф Серьен Гандерландский, гостивший в ту пору в Шамаре. Маркграф возглавлял полусветское, полумитрианское сообщество, чьей целью было истреблять клеветников Тьмы на просторах солнечной Аквилонии. Мелани, чьи сердечные порывы порой оказывались сильнее всех доводов рассудка, тайком пробралась к колдуну и предупредила его о готовящейся над ним расправе. В благодарность, тот научил ее неким заклинаниям, что должны были избавить ее от наваждения любви ко мне. Бедняжка полагала, что тем самым она отдала свою душу Сегу, но она не в силах была более разрываться между мной и законным супругом.

Прознав о ее «вероломстве», как назвал это Серьен, охотник за колдунами пришел в ярость и в сердцах рассказал Орантису Антуйскому, что жена его якобы вступила в сношение с силами Тьмы. Герцог, разумеется, не поверил нелепым обвинениям, разразился грандиозный скандал, и разгневанный Серьен удалился в свое королевство. Не минуло и двух лун, как он скончался от разрыва сердца. Поговаривали, впрочем, что не обошлось там без чернокнижия. Возможно, это отомстил непримиримому маркграфу один из тех, кого он преследовал с таким ожесточением...

Однако отъезд Серьена Гандерландского не принес нам облегчения. Не знаю, помогли ли заклать колдуна, или это сама жизнь сыграла с нами злую шутку, однако Мелани резко охладела ко мне. Она избегала моего общества, подолгу не выходила из своих покоев и, как я впоследствии узнал, не на шутку увлеклась черной магией.

Сердце мое разрывалось на части, хотя рассудком я понимал, что разрыв наш необходим, ибо моя с Мелани любовь не имеет права на существование. Никто из нас — и тебе, Валерий, известно это не хуже, чем кому бы то ни было — по долгу рождения не волен жить сообразно своим желаниям. И все же томление безответной страсти испепеляло душу, и порой мне казалось, я лишаясь рассудка.

Я уехал из Шамара... правильнее будет сказать — я бежал оттуда, как дикий зверь. Восемь лун я провел в добровольном заточении, никому не показываясь на глаза. Все государственные дела вели за меня доверенные вельможи. Вскоре я узнал, что у королевы родился сын, его назвали Валерий, и поверь мне, мой принц, я искренне желал счастья этой достойной семье и, Митра свидетель, сделал все, чтобы не мешать этому счастью. И наконец, спустя год или два, отважился вновь посетить Шамар, дабы удостовериться, что полностью излечился от пагубной страсти.

Когда я вновь предстал пред светлые очи королевы, то понял, что прошедшие зимы лишь укрепили мою любовь. Мне удалось увидеться с Фредегондой наедине, однако не о любви был наш разговор. В порыве откровенности она поведала мне вещи, которые мой разум и по сей день не в силах вместить в себя. Я дал королеве клятву, что никогда, покуда смерть не вырвет ее из подлунного мира,

не открою ее тайну ни одной живой душе, и потому, мой принц, я ничего не скажу тебе об этом. Ты скажешь, что твоя мать погибла. Что ж, пусть это так, но я не присутствовал при ее смерти, а посему не вправе нарушить данное ей обещание, ибо в час своей кончины она не дала мне позволения сломать печать молчания, наложенную на мои уста. Скажу только то, что после той ночи я совсем помешался с горя и одно время даже помышлял убить Орантиса Антуйского, в надежде, что после его гибели мы сможем соединиться с моей возлюбленной. В порыве отчаяния я рассказал ей о своих планах, но она запретила мне даже думать об этом, пригрозив, что если я решусь на такое злодейство, она отомстит мне страшной карой.

В ту пору, все лучшие силы Аквилонии объединились, чтобы дать отпор воинственным киммерийцам, посягнувшим на наши северные границы, и защитить форт Венариум, недавно возведенный нашими доблестными пионерами. Мы должны были встретиться там с герцогом, и я хотел после штурма вызвать его на дуэль, дабы кровью его или своей разомкнуть порочный круг.

Но мне не дано было привести свой замысел в исполнение, ибо отец твой пал, защищая Венариум. А перед той страшной ночью герцог поделился со мной своей горестью: он потерял или у него похитили фамильный оберег — изображение Пресветлого. Этот талисман, который, как ты знаешь, выкован был еще при валузийском короле Кулле, дарует своему владельцу неуязвимость в бою, — его не может поразить металл, будь то железо, бронза или медь, или даже золото, серебро и платина. Злые языки говорили, что всем своим многочисленным победам на поле брани Орантис Антуйский обязан магии амулета. Я не верю этому: герцог был отважен, как тауранский тур, которому неведомо чувство страха. Его ничуть не пугало то, что придется идти завтра в бой без защиты талисмана, — и все же, с той самой минуты, как он обнаружил пропажу, его терзали дурные предчувствия. А ты сам знаешь, Валерий, как суеверны бывают воины... И оказалось, страхи его были не напрасны. Твой отец, принц, пал от арбалетной стрелы, которая пробила его сердце.

Ты прав, он испустил последнее дыхание у меня на руках. И потому мне известны вещи, которые я не открыл никому, но с того давнего дня они ни на миг не перестают

терзать меня. Прежде всего, герцог был убит выстрелом в спину, а зная его, как знал я, нельзя допустить и мысли, чтобы сей отважный воин повернулся спиной к неприятелю. Во-вторых, само оружие — арбалет. Никто никогда не слышал, чтобы киммерийцы пользовались ими; всем, кто когда-либо сталкивался с этими воинственными племенами, известно, что они предпочитают мечи и луки. И наконец, сама стрела. Мало того, что наконечник болта был из обсидиана, а не из меди, что само по себе, по меньшей мере, необычно, но еще и оперение было трехцветным — черным, пурпурным и зеленым. Черный же, по древнему обычаю, означает исполненную месть.

Все это наводит на мысль, что кто-то заранее задумал убийство твоего отца, Валерий, и хладнокровно осуществил его, пользуясь сумятицей сражения. И этот кто-то не знал, что у Орантиса нет амулета, иначе зачем утруждать себя в прилаживании обсидианового наконечника на арбалетный болт, когда проще воспользоваться обычной стрелой.

Много позже я перерыл бесчисленное количество манускриптов по геральдике, пытаясь отыскать того, на чьем щите сочетались бы зелень с пурпуром, но тщетно — они не принадлежали ни одному из аквилонских Домов. Мои надежды отыскать убийцу не увенчались успехом, и мне оставалось лишь возносить молитвы Богу Солнечной Справедливости, дабы тот достойно покарал злодея.

Но более всего, мой принц, меня печалит то, что твоя достойная мать, сохрани Митра ее душу, захлебываясь в бурных водах Тайбора, должно быть, до последнего мгновения проклинала мое имя, ибо была уверена, что именно я повинен в смерти герцога. Ибо, когда я предстал перед ее светлые очи, весь в дорожной пыли, еще не смыв кровь венарийского побоища, дабы сообщить о кончине ее доблестного супруга, она первым делом устремилась к потайному кипарисовому ларцу, дабы удостовериться в справедливости моих слов. Но — о, ужас! — талисман был на месте. Она показала мне эту удивительную вещь — золотой солнечный диск, окаймленный попеременно искривленными и прямыми лучами. После чего, задыхаясь от гнева, вскричала, что должно быть, герцог, проведая о моих грязных замыслах, *умышленно* не стал брать с собой священную реликвию, ища смерти на поле битвы. Да простит меня Митра, большей нелепости трудно было

и вообразить, но кому под силу спорить с разъяренной женщиной...

Она велела мне убираться прочь и больше никогда не осквернять ее взор своим присутствием. А когда я покинул Антуйский Дом, в вечерней темноте меня поджидали пятеро... Я принял неравный бой, в каждый удар клинка вкладывая всю ярость, боль и отчаяние, которыми была наполнена моя душа. Я убил всех, хотя порой и жалею о том. Лучше мне было пасть тогда на пыльные камни мостовой. Ведь до сих пор истина сокрыта от меня, но одно я знаю точно — проклинать следует не меня, но того подлого предателя, чья черная рука лишила герцога его святыни и спустила предательскую стрелу боевого арбалета...

* * *

Последние слова отзвучали в сумраке гостиной, замерли, опустившись в полумрак, мягко и раздумчиво, подобно кружащимся осенним листьям, лежащим на пожелтевший мох. Граф Пуантенский замер, ожидая реакции принца на свой рассказ, ожидая принять хулу и попреки стойко и с достоинством... однако Валерий Шамарский молчал, а когда наконец поднял голову, в глазах его читалась неподдельная мука.

— Прошу вас, граф... Оставьте меня одного. — Голос его был почти неузнаваем.

Троцero согласно кивнул, с усталостью, порожденной не только нынешней ночью, но бесконечной чередой подобных ночей, мучительных и бессонных, полных страданий и запоздалых сожалений..

— Я понимаю твои чувства, мой принц. Вспомни, о чем предупреждал тебя, прежде чем начать рассказ. Увы, я оказался прав. И теперь моя откровенность уничтожит нашу приязнь, как ржа разъедает железо, ибо, я вижу, ты также счел, что я повинен в гибели твоих родителей. Клянусь тебе, принц, Митрой Пресветлым клянусь, что это не так. И никто, Валерий, слышишь — никто не вправе судить меня, даже ты, ибо вся моя жизнь после этого стала бесконечным искуплением вины перед Фредегондой и Орантисом.

Граф облачился в подшлемник, и гордой походкой, расправив плечи, прошествовал к двери. Перед тем как уйти, он обернулся в последний раз.

— Там, на карнавале, ты спрашивал, почему я присоединил Пуантен к Аквилонии, нарушив заветы предков и пойдя вопреки воле двора и вассалов... Так знай же, принц: я это сделал потому, что поклялся твоей матери — она, как никто другой, желала процветания нашей державе. И именно потому вручила, после смерти мужа, свой скипетр Вилеру, отказавшись ради блага Аквилонии от благ и привилегий сана. Возможно, она чувствовала, что жить ей осталось недолго... Как бы то ни было, разве мог я сделать меньше, когда пример Мелани стоял у меня перед глазами?! И теперь я говорю тебе прощай, мой принц. Совесть моя чиста, ибо я открыл тебе все...

Дверь бесшумно затворилась за графом, и Валерий в бессилии рухнул на кресло, подтягивая к себе кувшин с медовухой.

Единственной мечтой его сейчас было утонуть в хмельном забытии, стереть из памяти воспоминания, что, сам того не ведая, растревожил пуантенский вельможа. Вещи, почти забытые за давностью лет, — Митра! сколько ему было тогда? Семь? Восемь зим? — медленно всплывали на поверхность сознания, подобно мутным пластам болотного ила.

«Нуми, пойдём охотиться на вервольфа... Пойдем, Нуми, мы же рыцари и должны совершить подвиг... Пойдем, Нуми...»

Валерий поднял кубок, надеясь, что последние капли драгоценной влаги упадут в его иссушенное, несмотря на второй кувшин вина, горло. Но потир был сух, как солончаки Хаурана, и Валерий в ярости грохнул тяжелой серебряной посудиною о стену. Кубок зазвенел и, отскочив, покатился по мозаичному полу. Дверь осторожно отворилась, и внутрь просунулось усатое лицо стражника:

— Все в порядке, мой господин?

— Все в порядке! — рявкнул принц. — Разве ты не видишь, ублюдок Нергала — все в порядке! Пошел вон, пока я не расшиб твою дурацкую башку!

На лице караульного отразилось неподдельное изумление — Валерий был известен как человек выдержанный и вежливый со всеми, до последних челядинцев. Что ж, у господина, видно, плохое настроение. И он аккуратно притворил дверь, стараясь, чтобы она не скрипнула ненароком.

Валерий подошел к окну. Снаружи светало — серые предрассветные сумерки затопили Охотничий двор, где теплились еще останки ночного пиршества. Принц окинул взором темный силуэт замка, высокие дымоходы, разрезающие просыпающееся небо, и ощутил слепую безысходность от того, что не мог как все наслаждаться бесхитростными радостями бытия, словно что-то в нем перегорело, сломалось — и он вынужден всей жизнью своей замаливать тот грех, который совершил так давно, что память уже не могла удержать всех деталей...

«Нуми, пойдем охотиться на вервольфа... Пойдем, Нуми, ну что ты боишься... Пойдем, Нули... Мы возьмем мечи и кинжалы, и остроги, и рогатины, а еще мы возьмем... Но это тайна, Нуми, поклянись, что никому не скажешь...»

Валерий обхватил голову руками и зарыдал.

«А если вервольф нас укусит?»

«Не укусит, мы защитимся от него».

«Как?»

«А мы возьмем у моего отца волшебный талисман. Тот, кто его носит, с тем ничего не может случиться. Потому что он волшебный...»

«Как же ты возьмешь талисман, Валь? Он наверняка прячет его в потайном месте!»

«Не беспокойся, Нуми. Я видел, как матушка доставала его из ларца. Мы возьмем его потихоньку, а потом положим на место. Никто ничего не заметит...»

Никто ничего не заметит.

Никто.

Вот уже двадцать пять зим...

ОБРАЗ ТАЛИСМАНА

Весной, когда разливается бурный Тайбор, вода покрывает луговые поймы и так щедро насыщает влагой плодородную почву, что уже через несколько лун дремучие заросли огромных, в рост человека, трав расписывают шамарские просторы всеми мыслимыми оттенками зеленого. В это время года, кажется, нет других цветов — куда ни брось зрак, салатные, фисташковые, смарагдовые и малахитовые оттенки зелени даруют отдохновение глазу, укрепляют веру в вечное блаженство.

Лишь алые всполохи фламинго, в изобилии гнездящихся тут, да переливчатое оперенье диких селезней нарушают одноцветие этого благословенного края. Когда поднимается ветер и по былью пробегают волны, чудится, будто перед тобой бескрайнее муравное море, что катит свои зеленые душистые валы туда, где за зыбкую черту окоема нисходит под вечер багровая колесница Митры.

Герцог Антуйский со своей супругой Фредегондой любил проводить лето в Валензе, в родовом поместье, предпочитая тишь этого отдаленного уголка Шамара бесконечной столичной суете. Царственная чета развлекалась охотой, верховыми прогулками, но это быстро наскучило взбалмошной прелестнице, и она захотела выстроить в глухой части придворцового парка настоящую деревушку с мельницей, сыроварней, голубятней и овчарней. Вскоре все было готово, и вот уже черепичные крыши уютных домиков, увитых плющом, умиротворяли небесный взор владычицы Шамара. Она полюбила приезжать сюда, чтобы погладить чистых беленьких барашков, украшенных бантиками и колокольчиками, задумчиво понаблюдать за вращением тяжелого колеса водяной мельницы, перекинуться несколькими словами с румяными подстриженными крестьянами, вывезенными на лето для княжеской потехи из окрестных сел, и вкусить прочих прелестей бесхитростной и такой приятной сельской жизни.

Валерий, а в ту пору просто Валь — ему едва минуло восемь зим — постоянно бегал в деревушку, которую его мать нарекла Пайсония, что на шамарском патуа означало «тишайший уголок», вместе со своим кузенком Нуми, сыном Серьена Гандерландского и Госвинты, гостившим в летней резиденции Антуйского Дома. Частенько за ними увязывался и Жамес, придворный ювелир и художник, чудаковатый, вечно растрепанный старик, который все время что-то рисовал угольком на тонких сосновых дощечках; в ответ же на расспросы юных принцев шумно вздыхал, сопел и сетовал на то, что капризная королева принуждает его расписывать одну из стен гостевой залы живописными ландшафтами и видами деревушки и от того-де ему приходится рисовать игрушечные домики Пайсонии, вместо того чтобы заниматься *настоящим делом*. Под «настоящим делом» Жамес подразумевал работу с золотом или драгоценными камнями — и тут ему

воистину не было равных, — водить же разбухшей кистью по сырой штукатурке ему было невыносимо скучно.

Как-то раз Валерий и Нумедидес застали жителей деревни в странном состоянии — женщины утолками платков украдкой вытирали слезы, мужчины угрюмо молчали, а на все попытки что-то прояснить лишь отнекивались да чертили в воздухе знаки, отгоняющие демонов.

Вечером, по дороге во дворец, Жамес объяснил юным принцам, в чем причина столь непривычного поведения всегда радужных селян. Оказывается, как по секрету рассказал ему Нирк-хлебопек, по ночам в деревню повадился вервольф — огромный волк-оборотень. Бесшумно он проникал в овины и бессовестно задирает скот, а нынче ночью обнаглел до того, что утащил малолетнюю Малику, дочь Виланиса-мельника. Крестьяне бессильны что-либо сделать: считается, что зверя не берут ни стрелы, ни рогатины, но скорее всего они просто дрожат за свою шкуру, предпочитая каждую ночь трястись в темноте своих игрушечных домиков, сложенных из легкого, пористого камня и покрытых декоративной черепицей, и гадать, кого нечисть унесет на этот раз. А во дворец пожаловаться страшатся — как бы их за то, что привадили нежить, не погнали из сытной, хлебной деревеньки, в голод и нужду.

Ночью, когда все уснули, Валь прощлепал босыми ножонками по лакированному полу дворцовых коридоров в опочивальню к Нумедидесу: брат был выше его на целую голову и значительно сильнее — мог в кулаке запросто раздавить большой лесной орех — стоило посоветоваться с ним о том, что предпринять, чтобы защитить кротких селян.

И при колеблющемся пламене свечи Валь заканючил, тряся за рукав ночной рубашки своего кузена:

«Нуми, пойдем охотиться на вервольфа... Пойдем, Нуми, ну что ты боишься... Пойдем, Нуми... Мы возьмем мечи и кинжалы, и остроги, и рогатины, а еще мы возьмем... Но это тайна, Нуми, поклянись, что никому не скажешь...»

«А если вервольф нас укусит?» — Гандерландский наследник боязливо покосился на темноту безлунной ночи за окном, кутаясь в меховое покрывало.

«Не укусит, мы защитимся от него», — рассмеялся мальчик.

«Как?»

«А мы возьмем у отца волшебный талисман. Тот, кто его носит, с тем ничего не может случиться. Потому что он волшебный...» — Шамарский принц прыснул в кулачок. До чего же здорово все получалось!..

«А как ты возьмешь у отца талисман, Валь? Он наверняка прячет его в потайном месте?» — заерзал на ложе Нумедидес.

«Не беспокойся, Нуми. Я видел, как матушка доставала его из ларца. Мы возьмем его потихоньку, а потом положим на место. Никто ничего не заметит...»

Это стало решающим доводом, и охота на оборотня была назначена на следующий день. В обязанности Нумедидеса входило выкрасть два больших жайбарских ножа, которые в маленьких детских ладошках казались мечами, острую рогатину, которой так удобно поразить вервольфа прямо в сердце (на дворцовых gobelenaх древний герой Альхантий именно так расправлялся с драконом), и крепкую веревку, чтобы связать зверю ноги и приволочь во дворец. Валерию же оставалось потихоньку взять драгоценный амулет, а потом, когда все уладится и волколак будет повержен, так же незаметно положить на место.

Мальчику удалось, улучив момент, незаметно пробраться в матушкины покои, однако когда он, блаженно улыбаясь, гордый собственным хитроумием, осторожно притворил тяжелую резную дверь и проскочил в полутемную галерею, чья-то крепкая рука проворно ухватила его за локоть и он услышал скрипучий голос: «Можно узнать, куда это так торопится юный принц?»

Неудачливый похититель втянул голову, приготовился к наказанию и обреченно обернулся, ожидая наткнуться на строгий взгляд гофмейстера, но вместо сурового домоуправителя перед ним стоял Жамес, красноватые глаза которого ясно говорили о том, что он уже, несмотря на полуденный час, успел наведаться на дворцовую кухню и пропустить стаканчик крепкой шамарской настойки.

Юный принц сделал невинные глаза и мило улыбнулся:

«Я думал, что королева у себя, и хотел рассказать ей о жеребенке, с белым пятном на лбу, что родился вчера вечером...»

«Хм-м, — старик почесал затылок. — О жеребенке, конечно, стоит рассказать Ее Величеству, ей будет необы-

чайно интересно послушать. Но скажи на милость, если ты заходил по такому важному делу, то что это ты там прячешь за пазухой?»

Запас выдумки у Валерия истощился, и он, потупившись, протянул старику злосчастную вещичку.

«Я только хотел немножко поиграть, месьор, — склонив голову, пролепетал он, — я сейчас же положу ее на место».

Но старик, казалось, не услышал ответа. Глаза его заблестели, и хмель мгновенно улетучился.

«Митра Всемогуший, это же Оберег Кулла, — прошептал он, стискивая дрожащими руками талисман. — Я всю жизнь мечтал взглянуть на него хотя бы одним глазком. Ты видишь — это древняя валузийская работа, считается, что человеческие руки не в силах сотворить такое совершенство. Взгляни, как извиваются солнечные лучи — словно кольца змеи, приготовившейся к броску... а лик Пресветлого ослепительно сияет и излучает такой жар, что хочется подуть на пальцы. Тебе повезло, отрок, ибо ты узрел последнюю вещь, уцелевшую с того времени, когда Атлантида еще не была поглощена морской пучиной; в которой слились воедино Черная Красота Сета и Светлое Благолепие Митры. Несколько зим назад шамарский ювелир Илений после нескольких чарок вина под большим секретом поведал мне о том, что изготовил по приказу неизвестного посетителя точную копию этой священной реликвии. Я не поверил тогда кривому Илению — его толстые пальцы не способны сладить такую красоту, он годен лишь на то, чтобы дешевую медь покрывать золотой пылью и сплавлять эти поделки тучным женам купцов и рыночных менял...

Мальчик слушал безумного ювелира вполуха, нервно оглядываясь по сторонам — не приведи Митра, кто-нибудь пройдет мимо и заметит их.

«Послушай, Валерий, — склонился к нему старик, и юный принц приосанился: не часто взрослые величали его полным именем. — Послушай, Валерий, мне нет дела, как талисман попал к тебе и почему ты прятал его за пазухой, как ярмарочный воришка, укравший булку. Я никому не расскажу о том, что встретил тебя, но ты должен хотя бы ненадолго одолжить мне эту штуку... — Он облизнул острым языком пересохшие губы. — Клянусь Митрой, я ничего не сделаю с ней, только перенесу

углем на дощечку ее божественные очертания, потому что не смогу умереть спокойно, не бросив вызов колдовскому искусству древних. Я должен доказать себе и всем остальным, но в первую очередь себе, что мой резец ничуть не хуже валузийских. Сделай это для меня, и я навек благославию твою щедрость и великодушие, и буду перед тобой в неоплатном долгу».

Мальчик, радуясь про себя, что все обернулось так хорошо, согласно кивнул.

«Только не выдавай меня, Жамес, — срывающимся голосом сказал он. — Ты можешь до вечера держать ее при себе, но умоляю, не говори ничего Ее Величеству, и всем остальным».

«Хорошо, — серьезно ответил старик. — Я буду нем как карп, что плещется в прудах Валенза, и тотчас забуду, что встретил тебя здесь. Приходи ко мне вечером, и ты получишь Оберег Кулла целым и невредимым».

Весь день Валерий был сам не свой. Ему казалось, что все знают о том, что он выкрал амулет из кипарисового ларца, и оттого он нервничал, отвечал невпопад, а за обедом был так неловок, что пролил соус на камзол, и, вставая из-за стола, опрокинул тяжелый стул. Но вот наконец наступил дождянный вечер, и мальчик крадучись пробрался в мастерскую художника.

Жамес работал в небольшом павильоне, находившемся в глубине парка. Когда-то это строение служило сластолюбивым предкам Валерия для тайных свиданий, но затем о нем позабыли, и так продолжалось до той поры, пока в замке не появился ювелир, который облюбовал уединенный домик и сделал из него мастерскую.

Жамес сидел за огромным дощатым столом, заваленным бесчисленными набросками. Перед старым ювелиром стоял глиняный кувшин с вином, и он не забывал подливать себе щедрой рукой драгоценную влагу. Увидев принца, он рыгнул и пошатываясь приподнялся, держась рукой за стол, чтобы не потерять равновесие.

«Приветствую тебя, мой до-дорогой Валерий. — Он скорчил потешную гримасу, отчего-то высунул язык и, дыхнув по-собачьи, пьяно захрюкал, что должно было изображать смех. — Ты не пред-д-ставляешь, как я благодарен тебе. Не подумай, что хмель ударил мне в голову. Я сов-в-вершенно трезв. А благо-го-дарен я тебе не за то, что ты одолжил мне эту безделицу, — Он кивнул в

сторону талисмана, покоившегося на чистой льняной тряпиче, — а за то, что помог понять Жамесу, что он бездарь... Да, мой юный друг, я бездарь, ничтожество, жалкий мазила, которого обошел даже кривой Илений, хоть он и кривой, да видит одним глазом лучше, чем я д-д-двумя. Потому что я не смог...

Видя непонимание в глазах принца, он плюхнулся на стул и налил себе еще вина.

«Все это мертвечина. — Он обвел руками бесчисленные рисунки валузийского Оберега. — Ничего стоящего. Я не могу... — Он захлопал носом, — ...не могу даже приблизиться к этому совершенству. Сколько ни пытался я изобразить языки солнечного пламени, п-п-посмотри, какой божественный изгиб, у меня ничего не вышло. То, что там блестит и струится, у меня получается вислым и вялым, словно это не лучи светила, а скользкие, протухшие водоросли. Я могу сделать точную копию, но она будет также походить на оригинал, как статуя на живого человека. И я не ж-ж-желаю этого... Жамес не жалкий ремесленник, Жамес — мастер, но перед руками, лапами, щупальцами, или что там было у этих, Эрлик их разбери, безвестных мастеров, я так же ничтожен, как пылинка перед горным кряжем».

Он заплакал и уронил голову на стол.

Валерий осторожно подошел к старому художнику, стараясь не угодить сапожком в лужи олифы, и робко погладил по волосам, пахнувшим льняным маслом и красками.

«Не плачь, Жамес. — Ему действительно было жаль старика. — Ты великий мастер, просто надо еще немножко постараться и не стоит отчаиваться. Хочешь, я для тебя опять возьму талисман, не сейчас, потом как-нибудь, после — и принесу тебе, чтобы ты мог еще попробовать... Хочешь?»

Жамес покачал головой, вытирая пьяные слезы, и широким движением руки смахнул со стола плоды своей работы. Сосновые дощечки застучали о пол, словно крупные градины.

«Нет, мой мальчик. Я не смогу сотворить ничего подобного, рисуй я его хоть сто зим подряд. Оставь меня, принц, не трать время на больного бездарного старика. Я лучше пропущу еще стаканчик и пойду навещу пухлень-

кую Фильету, что служит на кухне — она уж как-нибудь сумеет утешить меня...»

Когда Валерий наконец добрался в уголок сада, где они с Нумедидесом условились о встрече, уже смеркалось. Священный оберег он повесил на шею — на тот случай, если кто-нибудь встретится ему по дороге. Кузен уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу, начиная терять терпение. Увидев брата, он накинулся на него:

«Ну, где ты бродишь?! Видишь, солнце уже садится. Пора идти в деревню».

На Нуми были новехонькие кожаные латы: он похвастался, что их подарил ему один боссонский вельможа, приятель его отца; в руке уверенно сверкал отточенный жайбарский нож, на спине крабовался ребяческий лук с натянутой тетивой, — пришлось ограничиться таким: слабым мальчишеским рукам не под силу натянуть тетиву взрослого лука или повернуть рычаг арбалета; на бедре висел мягкий колчан с острыми стрелами. Валу досталась огромная неуклюжая рогатина, второй нож, поплотнее, со слегка выщербленным лезвием, — ну ладно, Нуми, ладно, потом тебе это вспомнится... — а его синий бархатный костюм годился скорее для прогулки, чем для охоты.

Нумедидес оценивающе посмотрел на Валерия и презрительно хмыкнул: «Эх ты, вояка, вырядился, как на праздник. Что ж, придется тебе быть моим оруженосцем. Договоримся так: отдашь мне амулет — эта вещь для благородного месьора! — а за это я дам тебе стрельнуть в оборотня из лука».

Мальчику очень хотелось пострелять, но он нахмурился, поджал губы и отрицательно покачал головой, — еще не хватало! Столько пережить из-за этого талисмана, чтобы теперь отдать этому выскочке, — ничего не выйдет. Пусть у него нет таких красивых кожаных лат, как у брата, зато есть кое-что получше. Недаром Нуми завидует оберегу. Завидует, завидует, только показать не хочет...

Уже смеркалось, когда они вышли на лесную поляну, неподалеку от Пайсонии. Свет в деревенских домиках был погашен, кругом царил тишина, лишь порой из овчарни доносилось блеяние барашков, да мельничное колесо шлепало лопастями по воде. Чувствовалось, что крестьяне сидят сами не свои от испуга, замкнув ненадежные засовы и вздрагивая от каждого шороха, в котором им чудится осторожная поступь свирепого оборотня.

Мальчики остановились и положили свой охотничий скарб на траву. Становилось прохладно. Валерий поежился — охота, представлявшаяся простой и удачливой в теплых дворцовых покоях, теперь уже таковой не казалась. Мальчик задумался, а как собственно им удастся выманить волколака из чащи, и, словно в ответ на одолевавшие его сомнения, услышал под ухом горячий шепот Нумедидеса:

«Послушай, Валь. Надо сидеть здесь. Оборотень увидит нас и не захочет идти в деревню. Зачем ему туда идти, когда вот мы тут, сами просимся ему на ужин. Давай так, ты останешься на поляне и будешь приманивать волколака. Будь настороже, в случае чего, постарайся ударить его рогатиной. У тебя амулет — он не сможет укусить тебя. А я спрячусь в засаде, за деревом и буду стрелять, как только он появится. Не бойся, я метко стреляю и сразу уложу нежить наповал».

С этими словами принц деловито наложил стрелу на тетиву и скрылся в сумерках. Валерий остался один, и ему вдруг стало страшно, он почувствовал, как соленный ком слез подступает к горлу, но сжал зубы и запретил себе распускать нюни. Прошло немного времени, и мальчик начал успокаиваться. Вокруг было по-прежнему тихо, лишь комары зудели над головой, и вроде бы ничего не предвещало появление свирепой нечисти.

Должно быть, он задремал, потому что подскочил от дикого визга кузена.

На поляну неспешно выходил вервольф.

Жалобно тренькнула стрела и исчезла в густом кустарнике.

Оборотень показался огромным онемевшему от ужаса Валерию. Жесткая шерсть, стоявшая дыбом на холке, серебрилась в зыбком лунном свете, сильные мохнатые лапы неслышно ступали по молодой майской траве, желтые глаза с жуткими точками зрачков не мигая смотрели вперед. Позже, когда мальчик пытался припомнить подробности этого кошмарного вечера, то он признавался себе, что заметил только острые, в три ряда зубы и темную влажную пасть, из которой разило мертвечиной. Вервольф молча, точно демон возмездия, приближался к сжавшемуся в комок ребенку.

Свистнула вторая стрела, глухо стукнула в бок зверю и отскочила, не причинив вреда, — казалось, он обратил на нее не больше внимания, чем на укус мошки.

Валерий явственно ощутил приближение смерти. Сейчас беспощадные челюсти сомкнутся на его тонкой шее, раздастся хруст и наступит наконец блаженная тьма, которая укроет его от наступающего клыкастого ужаса.

Желтые глаза неумолимо приближались.

Он почувствовал, как дурманивший аромат весенней травы, зацветающих деревьев и речной сырости перебивает тяжелый смрад шерсти и чего-то, напоминающего скотобойню. Мальчик догадался, что это запах крови.

Вжи-и-ик. И третья стрела ушла в кусты. Кузен Нуми и не думал отвлекать зверя на себя, а лишь неумело стрелял из своего игрушечного лука, стараясь не высываться из укрытия.

Валерий понял, что помощи от брата ждать не придется, и если он не хочет быть разорванным в клочья, то ему лучше всего не двигаться. Мальчик припомнил, что слышал от охотников — вроде бы дикие звери не нападают на неподвижные предметы. Кто знает, может, ему повезет, и страшный оборотень пройдет мимо.

Хищник остановился и припюхался.

Окаменевший от ужаса принц забыл про рогатину, которая лежала у его ног, забыл даже про свой жайбарский нож, хотя крепко сжимал ладошками неудобную деревянную рукоять. «Митра, всемогущий, — молился он про себя, — отвори от меня чудовище. Клянусь, я всегда буду слушать матушку, не стану огорчать отца и принесу тебе в жертву самые красивые разноцветные камешки, которые набрал у речки. Я положу на место Оберег и никогда не буду брать без спроса чужие вещи...»

Зверь облизнулся и сел.

«У тебя амулет, — вспомнил он слова кузена, — оборотень не тронет тебя». Это придало ему сил, но радость тут же сменилась отчаянием, он припомнил, что слышал от отца: таинственный оберег защищал от *металла*, а не от зубов хищника. «Митра Благословенный, помоги мне, сделай так, чтобы я оказался далеко-далеко отсюда, в своей теплой постели. Сделай так, чтобы все это было понарошку. Чтобы я спал и видел сон. Митра, Бог Солнечной Справедливости, унеси меня отсюда, Митра Огромноликий...»

Нумедидес больше не стрелял: то ли кончились игрушечные стрелы, то ли просто боялся привлечь к себе внимание хищника. Может быть, его уже и нет там вовсе, и сейчас он несется во всю прыть к замку, чтобы укрыться за его толстыми стенами от лесного ужаса...

«Митра Податель Жизни, сделай так, чтобы зверь забрал кого-нибудь из крестьян, а еще лучше овечку, можно даже не одну. Прошу тебя, Митра! Клянусь, что буду свято соблюдать все, что велит мне наставник Гретиус, буду окроплять можжевеловым соком твой алтарь, буду петь гимны и сплету тебе большой венок из дубовых листьев, очень большой, размером с колесо телеги... или нет, с мельничный жернов... Только сделай так, чтобы он ушел...»

Зверь встал. Зевнул. Встряхнулся. И вдруг завыл на луну. Протяжный заунывный вой разрезал сгустившиеся сумерки, от него заложило уши, засвербило под ребрами и похолодело в животе, а суеверные крестьяне впотьмах подкрались к дверям хижин проверить, надежно ли замкнуты засовы. Услышав вой, заметались и заблеяли овечки, забренчали колокольчиками на шее. В замке залаляли собаки и послышалось нервное конское ржание. Волк выл, выводя рулады, словно огромный зловецкий соловей, а когда он вдруг смолк, так же неожиданно, как и начал — Валерий без чувств рухнул на молодую траву.

* * *

Тишина. Теплая тишина. Соленый вкус во рту. Приглушенные голоса. Как будто кто-то говорил через войлок. Что-то мягкое под пальцами. И глухие удары.

Тук.

Тук.

Тук.

Тук-тук. Это бьется сердце.

Значит он еще жив...

Мальчик с трудом разлепил непослушные веки. Над ним склонилось чье-то огромное лицо. Видно, все же он умер, и сейчас, должно быть, в чертогах Пламенного. Но почему тогда бог так похож на мастера Жамеса? Или тот тоже умер и попал в Солнечный Дворец... И почему так холодно, ведь на небе должно быть тепло... И пахнет протравой и льняным маслом...

Потом ему приснули в лицо чем-то холодным.

«Слава Митре! Очнулся!» — услышал он взволнованный старческий голос и понял, что лежит на низком ложе, устланном грудой грязных меховых накидок со свалывшейся шерстью, в мастерской художника. Из-за спины ювелира выглядывал взъерошенный Нумедидес с заплаканным лицом и в перепачканных кожаных латах, с царапиной на щеке.

Мальчику вдруг стало обидно, что он, оказывается, не в просторных Солнечных Чертогах, а в тесной каморке придворного искусника, и он разразился рыданиями. Валерий плакал навзрыд, сотрясаясь всем своим маленьким, худым тельцем, чувствуя, как слезы приносят ему облегчение, вымывают остатки пережитого страха, боли и стыда за свою трусость.

«Ну-ну, перестань. — Жамес погладил его по растрепанному соломенному вихрам, — Слава Митре, все обошлось, а за это надо выпить». Старик, шаркая, подошел к маленькой кладовке, порывшись в сухой траве, откуда торчали широкие горла кувшинов, достал новый сосуд, откупорил его и налил полный кубок.

Поймав затравленный, полный слез взгляд Валерия, он протянул ему потир — мол, хочешь? Тот отрицательно помотал головой: по молодости лет ему разрешалось пить только сильно разбавленное вино, но он не любил этот напиток, предпочитая ключевую воду или молоко.

«Зря, — вздохнул Жамес. — После такого не грех и побаловать себя, хоть я пришел уже к самому концу и то вон до сих пор успокоиться не могу. Надо же, не побояться такую здоровенную зверюгу. След его лапы размером не меньше моей ладони».

«Это я его спугнул своими стрелами, — похвастался Нуми, искоса поглядывая на брата, — Эх, если бы у меня был талисман, то я бы точно стукнул его кулаком по башке...»

Талисман. Эта мысль обожгла Валерия, как кипятком. Где его талисман? Он провел рукой по шее, но там ничего не было.

«Талисман. Где талисман? — взвизгнул он, роясь в складках мехового покрывала. — Может, он упал на пол?» Мальчик соскочил с постели и на четвереньках стал ползать по полу, надеясь, что священная реликвия блеснет в стружках, кусках пергамента, разноцветных порошках

краски и мотках серебряной проволоки, которыми был усеян пол.

«Да не ищи ты его, — сказал Нумедидес. — Когда мы с Жамесом прибежали на поляну, у тебя его уже не было, я нарочно посмотрел. Там были только мы с Жамесом, да еще наставник Гретиус. Я сбегал за ним — нам вдвоем ничем тебя было не дотащить».

«Гретиус... — насторожившись, Валерий и сел на полу. В волосах его запуталась стружка. — Но он же все расскажет отцу».

«Ну уж, — хмыкнул гандерландский наследник, — Ничего он не расскажет. Я подсмотрел, как он водит к себе на ночь молоденьких крестьянок из деревни. Как-то раз он меня застучал и очень испугался, что я пожалуюсь твоим родителям. Подожди, он пошел за настойкой из можжевельника, хочет лечить тебя от лихорадки. Скоро, наверное, явится. Может, это он взял амулет. А на траве его не было, правда, Жамес?»

«На траве-то точно не было», — подтвердил старик и внимательно посмотрел на Нумедидеса. Тот сделал вид, что не заметил его взгляда. Старый ювелир вздохнул и закусил вино луковицей.

«Как так — не было?! — воскликнул Валерий, так и оставшись сидеть на полу, залитым олифой. — Как не было! Я же не снимал его...»

«Должно быть, его унес оборотень. — Нуми потупил взгляд. — Во всяком случае, я его не видел, и на земле, кажется, ничего не валялось, кроме рогатины и ножа, правда, Жамес?»

«Да, — пьяно согласился мастер. — На земле было пусто, как в кошельке бродяги». И он налил себе еще вина.

«Что же теперь будет, что же будет, — запричитал мальчик, размазывая слезы по лицу. — Отец убьет меня, когда узнает...»

«Вот это вряд ли, — довольно захрюкал старик. — Благородный месьор отбыл сегодня вечером в столицу. Болтают, будто бы союзники призвали его вместе с дружиной участвовать в обороне форта Венариума. И матери вашей, благослави ее Митра, тоже нет — она отъехала, как говорят, на встречу с графом Троцерио». — Он опять фыркнул, поперхнулся и закашлялся.

Валерий пристально посмотрел на старого мастера. В глазах его промелькнула надежда. Он подошел к Жамесу и потянул его за рукав.

«Жамес, миленький, — прошептал он едва слышно, — Только ты сможешь меня выручить. Я принесу тебе много-много золотых монет, и ты сделаешь талисман, совсем как настоящий. Никто не сможет отличить его от того, что был. Ну пожалуйста, Жамес, помоги мне... Помнишь, ты утром сказал мне, что сделаешь все, что я попрошу...»

Старик посмотрел на принца своим безумным взором и дрожащей рукой поднес кубок ко рту. Вино расплескалось и багровой лужей растеклось по столешнице. Валерий вздрогнул, увидев, как его руку залила красная жидкость, и на мгновение ему почудилось, что пальцы его в крови. Мастер, видимо, подумал о том же, потому что отодвинул локоть от его ладони и хрипло вздохнул.

«Жамес поможет тебе, — пробормотал он утрюмо, — Жамес сумеет изготовить фальшивую вещьцу, которую не отличить от подлинного Оберега Кулла, но ответь мне, принц — кто защитит твоего отца, когда он пойдет в бой с бесполезной безделушкой на груди?..»

ОБРАЗ КРЕЧЕТА

Ночное празднество успокоилось лишь под утро, и усталый замок стал постепенно отходить ко сну: одно за другим гасли окна, смурные, полусонные слуги тушили закопченные светильники, убирали посуду, скребли длинными железными ножами столы, стараясь отчистить застывшие капли воска и жира, а затем обливали их кипятком, черпая его из больших дымящихся чанов, принесенных с кухни. Неподалеку, чумазы повара собирали объедки, попутно лакомясь вкусными кусочками, и сердито пинали скулящих собак, которые прыгали, юлили, пытались привстать на задние лапы, силясь выхватить из тарелки мозговую косточку с остатками мяса, чтобы затем, утробно урча, разделаться с ней в углу залы.

На дворе замка еще дымились уголья догорающих костров, полоскались по ветру длинные разноцветные ленты, кое-где, точно в агонии, вспыхивали умирающие

шутихи. Ночные дозорные вполголоса бранились, то и дело спотыкаясь о грузные, переевшие тела, лежащие вповалку — кто-то не сумел устоять на ногах и, недопьясав — рюхнулся на ровную брусчатку, чтобы тут же захрапеть, наполняя свежий воздух серого пасмурного утра нутряным перегаром, запахом полупереваренной луковой подливки и кислого вина.

Царство сна завораживало; казалось, что уже никто не откроет глаза, не потянется, не спустит ноги с высокого одра и не приподнимется с жесткой каменной кладки. В предутреннюю дрему погрузились с тем же упоением, в котором дотоле отдавались гульбе, и перед тем уже никто не помышлял о любовной возне, не оставалось сил даже вознести молитву Пресветлому — хотелось только одного — опустить свое взбудораженное тело, уложить булькающий живот, смежить набрякшие вежды и уплыть, мерно покачиваясь в легкой безмолвной ладье, в Долину Грез.

Молодой безусый гвардеец перешагнул через тушу очередного бедолаги и, толкнув локтем в бок своего напарника, клевавшего носом на ходу, кивнул в сторону ворот:

— Посмотри-ка, Барвиль, оказывается, не всем спится в замке...

Сырую утреннюю тишину раздробил стук подков, и темный скакун, на котором восседала высокая фигура, закутанная в поношенный бурый плащ, без украшений, протрусил через мощеную площадь. Под плащом угадывалась куртка на шнуровке, кожаные штаны и стоптанные походные сапоги. Тяжелый меч на боку довершал снаряжение всадника, и одного мимолетного взгляда на него было достаточно, чтобы усмирить прыть любого разбойника — красноречивее слов он говорил, что хозяин его человек серьезный, с которым лучше не связываться без надобности. Выезжая из замка, верховой чуть замешкался, проверяя кожаные седельные сумки, но они были закреплены надежно и набиты до отказа непонятным добром. Он пощупал их и, убедившись, что все на месте, довольно улыбнулся каким-то своим мыслям, стегнул скакуна и погнал его во весь опор.

Он не поехал кратчайшим путем, что вел к Южным воротам, предпочтя более длинную дорогу через весь город, и в рассветной тишине стук лошадиных копыт эхом отдавался на узких улочках, отражаясь от глухих

стен домов с закрытыми ставнями. На пути ему не попалось почти ни души, — лишь служанки, вставшие пораньше, чтобы успеть растопить очаг и натаскать воды до пробуждения хозяев, испуганно жались к заборам, заслышав конский топот, да праздные гуляки, возвращавшиеся после затянувшегося ночного кутежа, провожали затуманенным взглядом, без особого интереса, крупную гнедую кобылу с черным хвостом и гривой и ее неприятного всадника.

Ездок выбрал кружной путь, чтобы случайно не встретить знакомых, да и откуда им было взяться в прокопченных переулках Башмачников и Скорняков; однако он не показывал лицо за высоким воротом плаща, ибо осторожность давно уже стала его второй натурой. Впрочем, всадник прекрасно сознавал, что даже попадись ему на пути кто-то из тех, что пировал вчера в королевском дворце, едва ли бы он признал в этом суровом, деловитом ездоке, похожем на наемника или доверенного слугу знатного господина, давешнего разряженного в шелка, довольного жизнью, вальяжного немедийского посла.

И хотя у барона Торского не было особых причин таиться, он старался ни на миг не забывать, что находится во враждебном государстве, справедливо полагая — чем меньше здесь будут знать о его делах, тем спокойнее он сможет спать, не трогая от каждого шороха снаряженный арбалет, спрятанный под кроватью.

Машинально подгоняя коня по улочкам, ведущим на окраину, на которых становилось все больше народу; город просыпался, начинал жить своей будничной суетной жизнью — уже стали слышны выкрики зазывал на рыночной площади, брань мясников, отгоняющих мух от кровавистых багровых кусков, гомон молочников, выкатывающих из телеги огромные кувшины, заботливо переложенные соломой, — Амальрик погрузился в свои мысли, пытаясь в мельчайших деталях проиграть еще раз разговор с Валерием, случившийся накануне вечером на пиру, что разочаровал и порадовал его в равной степени. Неплохо зная двух основных претендентов на престол, он не скрывал, что наибольшую симпатию питает именно к принцу Шамарскому, который был отважен, прям и честен, как подобает воину, закален в битвах, решителен и отнюдь не глуп. Однако именно эти черты делали его непригодным для той роли, что уготовил бы ему Амальрик. Принц

не был создан для дворцовых интриг и заговоров, — и сам прекрасно понимал это, поскольку пожелал в свое время удалиться от двора и вести жизнь обычного наемника. Он не стремился к власти — вчера вечером немедиец лишний раз убедился в этом.

Пожалуй, отчасти именно это его и раздосадовало. Ему доставило бы куда больше удовольствия иметь дело с разумным союзником, к которому он питал уважение, нежели с дерзким глупым щенком вроде Нумедидеса. Однако выбирать не приходилось — гончар вяжет кувшин из скользкой глины, и руки его не могут остаться чистыми. Амальрик вынул флягу, глотнул воды и подумал, что узнал вчера совсем не мало. По крайней мере, стало ясно, что Валерий не желает принимать деятельного участия в жизни двора, а следовательно, не сможет стать помехой планам немедийца.

Что же до Нумедидеса... Амальрик, пожившись, плотнее завернулся в плащ, то ли от холода, то ли от внутренней дрожи. Дурные предчувствия одолевали его, и втуне он пытался откинуть их прочь, твердя себе, что повода для беспокойства нет, и его хитроумные планы обречены на успех, да поможет им сбыться Пресветлый Митра. Молодой принц — странно, что он так называл его про себя, сам будучи на каких-то три-четыре года старше, — был точно мягкий воск в умелых пальцах. Судя по тому, с какой жадностью этот жирный гусь заглотил наживку, он будет шагать по трупам, но возложит венец на свою пустую голову, особенно если ему помочь в этом... И все же...

Задумавшись, он не заметил, как выкатилась из-за угла, ему наперерез, скрипучая тележка зеленщика. Его кобыла, скакавшая бойкой рысью, не успела обогнуть неожиданное препятствие и, неловко застопорившись, боком налетела на деревянную повозку — всхрапнула от испуга и шарахнулась в сторону, чудом не сбросив седока. Тележка перевернулась, и чистые, сбрызнутые водой овощи покатались по пыльной, еще не метеной мостовой, под улюлюканье и свист местных растрепанных сорванцов, которые не теряя времени бросились подбирать неожиданную добычу, судорожно запихивая себе за пазуху прозрачные гроздья длинного желтого винограда, бархатистые шары персиков и коричневые кругляши орехов. Лошадь Амальрика нервно перебирала ногами по мосто-

вой, кроша фиолетовые баклажаны, давя бурые томаты, расшвыривая кружевные листья салата, превращая в зеленое месиво пучки петрушки и укропа.

— О, горе мне! — истошно завизжал кто-то под стремением кобылы ошеломленного барона, растерянно озирающегося по сторонам. Он поглядел вниз, он увидел тощего плешивого старика с длинным сизым носом, беснующегося у его ног, размахивая вязаным беретом и брызгая слюной, в котором нетрудно было узнать хозяина повозки.

— Грязный ублюдок, отродье Нергала! — Он пытался пнуть перепуганную лошадь, но не мог высоко поднять ногу, отчего его гневные жесты напоминали какой-то нелепый танец. — Разуй свои глаза, мерзкая тварь, прежде чем нестись, не разбирая дороги! Сын свиньи, зачавшей в куче навоза!

Старик воздел к небесам заскорузлые руки, призывая в свидетели всю улицу. Вокруг них собиралась толпа, которая начала угрожающе ворчать и выкрикивать непристойности в адрес вонючих лакеев, давящих честный люд. Амальрик, принявшийся было нащупывать в кармане куртки пару медяков, чтобы швырнуть их этому скандальному хрычу, недобро нахмурился. Ему отнюдь не улыбалось привлекать к себе внимание, однако если этот старый мерзавец докричится до стражи, его неминуемо опознают, затем пойдут кривотолки... и кого-то неминуемо заинтересует, куда направлялся немедийский посол в столь неурочный час, да еще и выраженный в платье простолодина.

Тем временем несносный старик, приободренный кажущейся нерешительностью всадника, принялся разоряться нуще прежнего: ругательства одно другого хлеще посыпались на голову Амальрика с новой силой. Мальчишки принялись свистеть и топтать ногами, радуясь предоставившейся возможности побузить. Вдалеке послышалось бряцание копей, — это приближалась утренняя стража.

Немедиец вскинул голову — медлить было нельзя.

— Прочь с дороги, пес! — рывкнул он во весь голос и поднял лошадь на дыбы. Толпа ахнула и отшатнулась.

Воинственный плешивец на мгновение опешил, не ожидая такого напора от столь невзрачно одетого и явно

робкого противника, но тут же пришел в себя и попытался уцепиться за упряжь.

— Э-э нет, клянусь Митрой! Далеко не уйдешь! Ты сначала заплатишь мне за все! Сорок серебряных марок и не монетой меньше, клянусь Митрой!

— Так его, — вновь взроптала толпа. — Держи, папаша Севен, вон идут стражники — они живо собьют спесь с этого выскочки.

Севен дернул барона за полу плаща, и тот распахнулся, открыв лицо ездока. Амальрик попытался закрыться рукавом, но было поздно.

— Эге, да это непростая птичка! — раздался чей-то бас. — Давайте-ка ребята, стащим его с коня и посмотрим, чего это благородный вельможа нарядился в одежду поденщика! А может, он душегуб и скрывается от возмездия?

— Ничего, — вторил ему визгливый голос, принадлежащий краснощекой девахе, от которой за лигу разило свежей рыбой, а промасленный передник, сверкавший блестками приставших чешуек, красноречиво говорил о роде ее занятий. — Отдадим его в руки месьора Верина, он живо разберется, что к чему...

Зеленщик, стоявший ближе всех, вперил безумный взор своих вытаращенных глаз, сияясь разглядеть черты лица Амальрика, а когда это ему наконец удалось, отшатнулся, сделав жест, отвращающий демонов.

— Люди добрые! Да он, похоже, немедиец, — охнул Севен, разглядев правильный нос барона и его полные губы. — Точно, немедиец, я навидался их брата, когда в молодости торговал в Нумалии. Что делает бельверусская собака в столице Аквилонии? Хватайте его, люди добрые, нам щедро заплатят, если мы сумеем задержать лазутчика!

Но барон Торский не стал дожидаться, когда толпа внемлет стенаниям старого мерзавца. Он вздыбил коня и направил его прямо на торговца. Тот, до последнего мгновения не веря в серьезность намерений Амальрика, и не подумал отойти с дороги. Лошадь налетела на него широкой грудью, сбивая с ног. Вредный старик не растерялся и, быстро вскочив, попытался уцепиться за повод. Немедиец вскинул руку, в которой была зажата его любимая плетка, из тонких кожаных ремешков, со свинцовыми грузиками на конце, и с силой хлестнул торговца.

— Прочь с дороги! — прорычал он, — Прочь с дороги, пока цел!

Старик взвизгнул и плюхнулся на брусчатку, словно куль с мукой. Толпа охнула и мгновенно затихла, оторопело воззрившись на всадника. На их тупых, заспанных лицах отразился страх — они поняли, что странный всадник отнюдь не так безобиден, как им казалось поначалу.

Амальрик не торопясь убрал плетть, порылся в кармане, достал горсть медяков, и с размаху швырнул их в гущу толпы, целясь в лица стоящих в первых рядах. Его черные рысьи глаза обвели притихших людей, словно он пытался запомнить каждого из них в лицо. Под тяжелым взглядом горожане невольно сжались, втянув голову в плечи. Старый торговец тихонько скулил, на серой рубаше его полосами проступила кровь. На щеке, куда хлестнул один из концов плети, вспухал, наливаясь багровыми каплями, уродливый рубец.

— Это вам на память, аквилонская чернь! — процедил барон, изо всех сил стараясь обуздать обуявший его гнев. — Запомните эту плетть! Она еще погуляет по вашим спинам, когда над тарантйской цитаделью будет реять знамя с Золотым Драконом!

С этими словами он прищипорил лошадь, и частый стук копыт огласил затихшую улицу.

Вскоре он выехал из города.

* * *

Ближе к полудню усталая гнедая Амальрика, вяло отмахиваясь длинным хвостом от надоедливых серых слепней, миновала убранное наполовину поле, где трудились, не разгибая спины, крестьяне благородного Тиберия Амилийского.

Немедиец задержался взглядом на обнаженных до пояса согбенных фигурах, следя за равномерными взмахами бронзовых серпов, сверкающих на солнце, перевел глаза на видневшийся чуть дальше на пригорке дом. Приземистый, словно вросший в землю, с крохотными оконцами, он был сложен из грубо обтесанных каменных блоков, и оттого казался мрачным и неприглядным. Его хозяин, сухой и молчаливый Тиберий Амилийский славился своей бережливостью; он явно был не из тех, кто готов выложить целое состояние на постройку замка, приличе-

ствующего его достоинству, заполнить его палаты баснословно дорогой обстановкой, выкопать пруд, развести в нем форель, насадить аллеи из декоративных каштанов и кедров, обнести все это изящной кованой оградой и — принимать паланкины и экипажи охающих от такой роскоши соседей. «Пристанище моих предков хорошо и мне», — ворчал он в ответ на робкие возражения собственных детей.

Старый упрямец... Барон Торский усмехнулся себе под нос. Ничего, его потомки, наверняка, не засидятся в отчем гнезде: старшие сыновья, горячие головы, лихие рубаки, были одними из тех, кто втайне жаждал твердой руки, им обоим не терпелось посражаться за пределами Аквилонии, завоевать собственные владения и покрыть себя неувядающей славой. А дочь, ветреная красавица Релата, с младых ногтей знала себе цену, искусно потешаясь над своими многочисленными воздыхателями, в числе которых, как болтали злые языки, был и сам принц Нумедидес. Юная кокетка не отдавала предпочтение никому, понимая — стоит приветить одного, как, глядишь, остальных и след простыл. Девушка явно выбирала мужа получше, проявляя в этом вопросе недюжинную смекалку, рассуждая про себя, что ее негрнутая красота является неплохим товаром и стоит подождать покупателя побогаче и познатнее, который навсегда избавит ее от отцовских придирок и суровых устоев, царящих в доме старого брюзги.

Улыбка немедийца, чуть скошенная на один бок, придавала лицу его выражение недоброго лукавства. Чуть позже, сказал он себе, надо будет заехать навестить Тиберия...

Однако сейчас путь его лежал дальше, за поле, вдоль лесной опушки, в деревню, что притулилась под холмом у реки. Настороженно посмотрев по сторонам, Амальрик выехал на большак, стараясь не поднимать пыли, чтобы ненароком не привлечь к себе любопытного взгляда случайного крестьянина, решившего провести хозяйское поле в поисках несжатых колосьев. Красноватая почва, давно не знавшая дождя, растрескалась и напоминала черепки тысячи кувшинов, разбитых чьей-то неведомой рукой и разбросанных на многие лиги вокруг; трава у обочины пожелтела и пожухла, так и не дождавшись живительных дождей.

Осень была сухой и жаркой, но ушедшее лето выдалось на славу, и селяне собрали добрый урожай, доверху наполнив пшеницей и ячменем амбары Тиберия... При мысли о плодородных землях благословенной Аквилонии, Амальрик ощутил знакомую горечь в душе. Его родная Тора была суровым каменистым краем, где даже в лучшие времена зерна не хватало до весны, и его приходилось покупать у ненавистных западных соседей, чьи нивы никогда не оскудевали, на зеленых лугах паслись тучные стада, борты были полны душистого гречишного меда, а в пузатых бочках плескалась янтарная виноградная влага. Словно рука Митры, несущая в начале времен богатства недр, лесов и рек высыпала их все на бескрайние Аквилонские уголья, стряхнув лишь жалкие крошки в мглистые немедийские земли. Это было несправедливо, и боги должны исправить свою оплошность, а он — скромный бельверусский посланник, призван стать их карающим мечом!

Амальрик, барон Торский, был младшим сыном славного немедийского рода, издревле привеченного суровыми королями. С детства мальчику твердили: твоя судьба — беззаветное служение государю и отечеству; и, если понадобится, ты должен умереть за отчизну с мечом в руках и отвагой в душе. И наследник воинской славы отцов прилежно готовил себя к такому жребию, ни на мгновение не помыслив об иной доле: ограничивал себя в пище, приучал тело к боли, закалял дух одиночеством. Раз, когда ему исполнилось двенадцать зим от роду, его отец Гундер, граф Бренненский, оттолкнув стенающую жену, отдал дань старинному обычаю — отвез отрока в зимний Пфальцский лес и оставил там сроком на две луны, разрешив взять с собой лишь меч, рогатину и огниво. Он выжил — ибо не имел права не выжить, зная, что оскорбит тем самым память своих пращуров-меченосцев, он выжил — хотя ему пришлось спать в колючем снегу, пить ледяную воду из полыньи, есть жесткое рысье мясо и прятаться на ветках заиндевелых кедров от лютых волчьих стай, исправно выслеживающих его по ночам. Он выжил, но немедийская зима, казалось, навсегда поселилась в его сердце, выстудив остатки душевной теплоты. Он выжил, и отец самолично посвятил его в воины, в парадной зале утрюмого Торского замка, в присутствии своих молчаливых краснобордых вассалов, накинуд на его худые острые плечи плащаницу,

на которой серебром была выткана свастика солнцеворота и кречет с расправленными крылами.

Ему казалось, что все трудности позади, что нет ничего, способного смутить его душу, утратить закаленную лишениями плоть. Но судьба жестоко посмеялась над ним — в тот час, когда брат отца, барон Гвендер Мангдальский подарил ему смешного пятнистого щенка легавой. Мальчик назвал его Остерхайм, что значит Быстролетный, и очень привязался к тявкающему, теплому комочку, который так и норовил лизнуть его в нос маленьким розовым язычком. Амальрик не расставался со своим единственным другом, и песик, смешно переваливаясь, бегал за ним по пустынным покоем Торской цитадели. Минуло две луны, и барон Гвендер приехал с новым визитом к своему брату. Когда радостный Амальрик подбежал к дяде, чтобы показать, как вырос его подопечный, тот молча вынул кинжал и протянул его мальчику. «Убей! — сказал он. — Покажи всем, что ты настоящий воин, в сердце которого нет места жалости!» Амальрик до сих пор не мог забыть того отчаяния и пустоты, которые воцарились в его душе, когда он осознал до конца слова жилистого, увенчанного шрамами воина и перевел непонимающий взгляд на своего отца, надеясь, что тот скажет, что дядя пошутил, но натолкнулся на холодную стену его взгляда, в котором читался беспощадный приговор.

«Ты немедиец!» — сказал потом отец, когда он всем своим юным худым тельцем сотрясаясь от рыданий на жесткой койке в своей нетопленной спальне, не понимая, как смог перепилить горло своему любимцу, как не умер от жути его предсмертного хрипа, от укоризненного взгляда утасаживающих глаз, коричневых в желтую крапинку. «Ты немедиец, а это значит, ты сын высшей расы, призванной править миром. Сейчас наша страна вынуждена мириться со своим унижительным положением, но верь — придет час, когда Золотой Дракон Немедии огнем и мечом завоюет весь мир. Наши легионы пройдут железной пятой от ледяных пустошей Асгарда до зловонных джунглей Кхитай, а жалкие ублюдки всех земных племен, рожденные для того, чтобы стать рабами, будут лизать сапоги немедийских владык! Помни: ты, как и все мы, должен радеть за то, чтобы страна древнего героя Брагораса обрела свое подлинное величие!»

Он запомнил, навек запомнил этот урок и многие другие, которые превратили податливую душу подростка в острый клинок, предназначенный для того, чтобы без пощады разить врагов. Старые бароны довольно поглаживали свои поседевшие бороды, видя, как набирает силу молодой волчонок, но они не учли одного — взрослый зверь должен загрызть своего жожака, когда тот станет дряхл и немощен, и зубы его не смогут рвать плоть и кости добычи.

Когда Амальрик вырос, он по-своему переименовал заповеди отцов, накрепко усвоив, что в жизни стоит полагаться только на самого себя. Оттого он не имел друзей, никому не доверял и был одержим только одной страстью — жадной власти над миром. Когда ему исполнилось двадцать зим, он уже успел приобрести немалый ратный опыт в тайной немедийской войне против Офира, Коринфии и Аквилонии. Молодого, подающего надежды рыцаря приметил король Гариан, сын ушедшего в чертоги Митры Гефениса. Он принял его в свою гвардию Золотых Леопардов и, в качестве первого задания, поручил очистить Бельверус от чернокнижников, которых люто ненавидел и боялся.

Семь дней пылали костры над Немедией, и плахи палачей пропитались кровью насквозь. Амальрик Торский добросовестно выполнил наказ своего владыки, разя врагов Трона Дракона не знающей промаха рукой, оставив в памяти народной весь этот кошмар, как Ночь Избиения Волхвов, после чего был обласкан при дворе и отправлен тайным надсмотрщиком за Посланником в Британию. Оттуда он приехал уже в новом звании — прежний дуайен был задушен за измену родине, по личному приказу Гариана, в собственной постели. Позже Амальрик посетил Зингару, Аргос, Замору, побывал в Хорайе, Туране и Вендии. Везде его миссии оканчивались победой, словно какой-то демон покровительствовал ему, отгоняя невзгоды своей когтистой лапой. Барон Торский стал иметь при дворе достаточное влияние, но судьба впервые повернулась к нему спиной, когда Гариан неожиданно скончался, а на трон Бельверуса сел король Немед.

Политика страны стала меняться на глазах: был заключен мир с сопредельными государствами, в том числе и со злейшим врагом — Аквилонией, чему немало способствовала миролюбивая позиция Вилера Третьего. И

тогда Амальрик понял, что если сейчас он собственными руками не повернет колесо истории, то ему остаток жизни придется скоротать в своем Торском поместье, довольствуясь лисьей охотой и потешая досужих соседей рассказами о своем славном прошлом.

«Цель оправдывает средства!» — сказал он себе и стал ожесточенно оттачивать свой разум и совершенствовать тело. Он отошел от службы при дворе и испросил соизволения короля Нимеда удалиться в Торский замок, сославшись на пошатнувшееся здоровье, где и провел целый год, покидая библиотеку только для того, чтобы спуститься в тренировочную залу.

Он прилежно изучал хайборийские языки, а также обычаи большинства западных стран, до боли в глазах вчитываясь в угловатые северные руны и перевернутую вязь шемской скорописи. Длинными зимними ночами, холодея от ужаса, он разбирал кабалистические знаки манускриптов некромантов Ахерона; которые бережно припрятал в Ночь Избиения Волхвов, и тени неведомых существ начинали шелестеть в темных углах дворцовых покоев. Он постигал науку составления ядов, практикуясь на собственных рабах, совершенствовался в искусстве тайнописи, часами упражнялся с холодным оружием, доведя до совершенства свое умение фехтовать всеми мыслимыми способами и научился стрелять из лука и арбалета не хуже какого-нибудь бритунского йомена.

Ровно через год его демон-покровитель, как видно, вспомнил о нем, поскольку примчался гонец из Бельверуса с подписанным указом короля — барон Торский назначался главой посольства в Аквилонию. Амальрик воскурил жертву Митре, считая, что сам Бог Солнечной Справедливости помогает ему в задуманном. Но удача не была последней, через пару лун он познакомился на каком-то приеме со смутным надменным коротышкой, который называл себя принцем Тараском, был в родстве с царствующей фамилией и страстно мечтал о короне Немедии, хотя между ним и ей стояли не только Нимед, но и три его сына. Опальный принц строил далеко идущие планы, и Амальрик рассудил, что Митра послал ему неплохого помощника для достижения его собственных целей.

План Амальрика был прост и, как ему казалось, безотказен. Между Вилером и Нимедом был подписан пакт о взаимном ненападении и вечной дружбе. Прозорливый

король не зря заигрывал с могущественным западным соседом, понимая, что его собственное благополучие во многом зависит от Аквилонии, ибо пока Вилер правит в Тарантии, он сам сможет наслаждаться негой и покоем, не помышляя об усилении армии и изменении границ, — войны не будет. Но барону Торскому позарез нужна была война: это позволило бы нанести серьезный удар по правлению Нимеда, который поостережется дать должный отпор завоевателям, и, пользуясь поддержкой воинственной немедийской знати, посадить марионетку Тараска на Трон Дракона, где он пробудет ровно столько, сколько нужно Амальрику, а когда он станет ненужным... В конце концов Бельверус будет иметь *настоящего* владыку — Амальрика Торского.

А пока... Пока он вынужден прятаться под личиной недалекого, жизнерадостного Посланника дружественной державы.

Но только *пока*... Пока жив король Вилер...

ОБРАЗ МАСКИ

Выехав за околицу деревеньки, совершенно обезлюдевшей в часы полуденного зноя — лишь далекая песня жнецов в поле, да шум крыльев ветряной мельницы нарушали тишину этого царства мертвых — барон Торский направил лошадь к лесу. Несколько шагов, лениво потягивая, за ним протрусила шелудивая собачонка, но и она вскоре отстала. Больше же никто не попался ему на пути.

Не спеша он подъехал к лесной опушке и чуть осадил свою гнедую, смакуя живительную тень, которая даровала блаженство его разогретому, напитанному теплом телу. Взмыленная кобыла строптиво косила глазом и мотала головой, требуя отдыха, но немедиец, постояв немного, сурово прищипорил ее, заставляя свернуть на лесную тропинку.

Здесь, под сенью вековых дубов и грабов, царил полумрак. Земля была влажной, и копыта коня негромко чавкали по грязи, баламутя ровную поверхность мелких луж, синих от утонувшего в них неба. Казалось, лес живет собственной жизнью, и суровая сушь, царившая вокруг, опасалась вторгнуться в зеленые дубравы, еще не успев-

шие покрыться разноцветным осенним убранством. Амальрик был рад возможности насладиться прохладой, — путь по выжженной солнцем равнине утомил его, и он с грустью вспоминал вчерашнюю недолгую грозу, которая спутала ночное веселье. «Жаль, что Митра не даровал хотя бы немного влаги этим несчастным землям, — подумалось ему, — Как было бы хорошо скакать по дороге, когда извечная пыль прибита крупными дождевыми каплями, а в воздухе чувствуется свежесть, словно ты приближаешься к морю». Посланник вспомнил жалобы одышливого Нумедидеса, всегда страдающего от жары, и расхохотался, спугнув раскатами смеха желтую иволгу, которая до того, вцепившись коготками в хрупкую ветку, недоуменно вертела головой, разглядывая диковинное существо, передвигающееся по заповедной тропке.

Чуть дальше дорожка стала совсем незаметной, и Амальрик, спешившись, повел лошадь в поводу, опасаясь, что сидя в седле может сбиться с пути. Пот, что градом катил по телу на солнцепеке, постепенно высыхал, и немедийца начал пробирать озноб. В этих сумрачных даже в яркий погожий день засеках ему всегда делалось не по себе, и он начинал тосковать о просторах, залитых солнечным золотом, не переставая дивиться переменчивости человеческой натуры, совсем недавно мечтавшей о сени еловых лап как о недоступном благе, стремясь укрыться под тенистым пологом от нестерпимого зноя.

Наконец путь окончился у небольшого лесного озерца, щедро усыпанного крупными белыми кувшинками, где посланник напоил лошадь и стреножил ее, предоставляя ей возможность попасться. Гнедая кобыла не заставила себя ждать и тут же принялась щипать траву, потеряв всякий интерес к окружающему. Амальрик снял тяжелые седельные сумки, аккуратно положил их на землю, сам уселся рядом, опершись спиной о ствол дуба. Достав флягу, он отпил немного воды и расслабился, блаженно прикрыв глаза, не переставая, впрочем, прислушиваться, в ожидании. Должно быть, Марна уже *знает* о его приезде и скоро выйдет к нему.

И точно, прошло совсем немного времени, как слева от отдыхающего посланника раздался едва слышный шорох, который бы любой, менее тренированный, чем у немедийского воина, слух не отличил бы от тысячи крохотных шумов, составляющих лесную тишину: шелеста

листвы, цоканья белок, стрекотанья кузнечиков, криков перепелов, редких всплесков от какой-то водоплавающей живности, шуршанья озорных белок по сосновым стволам. Но этот звук был ни чем иным, как осторожными шагами, приближающимися к Амальрику.

Барон неслышно положил руку на маленькие булавы, похожие на лекарские пестики для растирания снадобий, которые висели на его поясе. Он знал, что и четверти мгновения будет довольно, чтобы метнуть их в невидимого врага и мгновенно оборвать нить его жизни. Этим оружием дикие племена загадочной страны Дарфар убивали на скаку быстроногих газелей, мчащихся со скоростью ветра.

Немедиец знал и то, что кроме ведьмы прийти сюда некому — окрестные жители за несколько лиг обходили владения чародейки, не забывая осенять себя знаками, отвращающими демонов; но все же вздохнул с облегчением, когда увидел среди деревьев неспешно приближающуюся фигуру, и, встав, поклонился низко, как мало кому кланялся и при дворе короля.

— Рад видеть тебя, госпожа Марна.

Та коротко кивнула в ответ, не удостоив его ни единым словом.

Осанистая высокая фигура колдуньи выделялась багровым пятном на фоне зеленой хвои. Она была одета в просторную рубаху из льняного полотна, окрашенную соком корня марены в цвет запекшейся крови, богато украшенную вышивкой, в которой преобладали черные и темно-синие тона, с вкраплениями желтого и травяного. Рубаха была заправлена в длинные просторные шаровары, которые тоже были окрашены, но уже не мареной, а отваром ягод волчьего лыка и плавунца, и оттого являли собой дикую смесь серо-зеленого и охристого. Низкая, сильная талия была перехвачена широким малиновым кушаком с медными бляшками, позументом и шерстяными кистями на концах. Крепкие ноги, обернутые черными онучами, перекрещивались оборонами, что подчеркивало их еще сохранившуюся стройность. Поверх рубахи был надет короткий суконный жилет с высоким стоячим воротником, тоже красно-бурый, на котором маленькими светлыми бусинками, именуемыми в гирканских странах бисером, был вышит затейливый орнамент, состоящий из мелких ромбов, перемежающихся косыми крестами.

Ведьма не носила украшений, лишь на ее плечи был накинута широкий холщовый пояс с таким же, как и на жилете, рисунком, да трапецевидная нагрудная застежка с непонятными символами закалывала ворот жилета.

Ничего похожего на ее наряд Амальрик не видел за время всех своих многочисленных странствий, хотя чем-то ее причудливое одеяние напоминало облачение магов загадочных обитателей Карпашских гор. От ее убранства веяло чем-то варварским, диким и необузданным, оно привлекало внимание и уже не отпускало, насмехаясь каждой складкой и швом над убожеством хайборийских покровов, ибо самый вычурный костюм любого щеголеватого вельможи от Аргоса до Коринфии показался бы блеклым и скучным рядом с первозданной красотой этого многоцветного разукрашенного платья.

Но на этом странности облика Марны не исчерпывались. Когда случайный прохожий, которому бы не посчастливилось встретить ее на пути, отвел бы глаза от сложного орнамента и перевел взгляд на ее лицо, то кровь застыла бы в его жилах и он отшатнулся бы, не в силах скрыть отвращение.

У ведьмы не было лица.

Ее круглую голову полностью закрывала маска из грубо выдубленной коричневой свиной кожи, такой толстой, что напоминала деревянную. Чудовищное забрало с двумя прорезанными овалами на месте ноздрей и рта было лишено отверстий для глаз и держалось посредством двух широких, перекрещенных на затылке ремней, наглухо притороченных к заскорузлой коже, было ясно: она никогда не снимает своего жуткого украшения. Амальрик не знал того, что скрывалось за ним, и подозревал, что ни один смертный не мог похвалиться тем, что видел истинный лик колдуньи, и мог лишь довольствоваться собственными предположениями на этот счет, считая, что ведьма — не человек, и за страшной личиной скрывается ужасный демонический образ. По-видимому, Марна была слепа, иначе зачем ей было прятаться от лучей солнца, но все ее уверенные движения говорили об обратном. Казалось, чернокожицу ничуть не стесняло то, что она вынуждена жить в постоянной тьме — ее сновидения и легкой походке мог позавидовать любой зрячий.

Кроме того, было в ней что-то странное, то ли в повадке, то ли в медленном, чуть тягучем выговоре, а

может, в неторопливых плавных жестах, похожих на отточенные движения кхитайских мимов, улаживающих прихотливые взоры изнеженных златолицых богдыханов, плавающих в тяжелых клубах опийного дыма; нечто, постоянно тревожившее подозрительного немедийца. Несмотря на весь свой огромный опыт, он не в силах был даже точно определить, откуда Марна родом. В ней ощущалась какая-то древняя мощь, до поры мирно дремавшая в ее копающем теле, и тогда Амальрику казалось, что в ней есть что-то от стигийцев, хотя она ни в чем и не походила на них. Другой раз он убеждал себя, что она уроженка севера, — только во вьюжной Гиперборее, краю ледяных пустошей, где властвовали таинственные колдуны Белой Руки, могла родиться женщина с такой застылой душой, в которой не было места человеческим чувствам.

Раз, прочитав древний манускрипт о таинственной Лемурии, погрузившейся на океанское дно, Амальрик вообразил, что Марна — лемурийка, невеста как уцелевшая после гибели своей расы, но потом понял, что и это далеко от истины. Барон чувствовал всей своей малой магической силой какую-то зловещую ауру, исходящую от нее, подобную той, что, как гласят предания, окружала некромантов Ахерона, кошмарной Империи Зла, стертой с лица земли дикими хайборийскими племенами. Впечатление усугублялось и ее неторопливо-надменными манерами и властным голосом, который не умел просить.

Ясно было одно: ни отшельнический образ жизни, ни скромное лесное жилище совершенно не подходили ей, как не подошли бы тонконогую гирканскому скакуну чистых кровей тяжелый плут или мельничное колесо, вздумай кто-то впрячь его туда.

Однако, хотя Марна была всегда ровно любезна с немедийцем — а их знакомство, так неожиданно начавшееся, длилось уже не один год, ему так и не удавалось выведать ее тайну. В конце концов, он просто оставил все попытки, рассудив, что стоит пользоваться помощью, пока ему предоставляют ее столь щедро, и не задумываться о последствиях. Однако это не мешало ему держаться настороже. Его собственные магические знания были ничтожны перед тем могуществом, которым обладала чародейка. В ее присутствии Амальрик ощущал себя жалким невеждой, годным лишь на простое то, чтобы

напустить порчу на соседскую скотину или сквасить молоко в крынке суеверной селянки.

Тем временем, по-прежнему не произнося ни слова, лесная ведьма сделала несколько шагов в сторону чащобы и, обернувшись, поманила Амальрика рукой. Он было двинулся за ней следом, не переставая дивиться, как она ухитряется так хорошо ориентироваться, не видя ничего вокруг, но вдруг остановился.

— А лошадь, Марна?

— Ах, да...

Это тоже было частью ритуала. Колдунья никогда не позволяла гостям самим приближаться к своему жилищу и не терпела рядом животных, хотя и не отказывалась позаботиться о лошади немедийца.

Сунув руку в складки своих просторных шаровар, она достала крохотный мешочек, из которого извлекла щепотку синего порошка и, приблизившись к тому месту, где паслась стреноженная кобыла, сдула в ее сторону снадобье. Пыльцу подхватил непонятно откуда налетевший ветерок и домчал ее до ноздрей животного. Лошадь нервно повела ушами, чихнула... и все успокоилось. Однако Амальрик знал, что отныне гнедая, пока ведьма не снимет заклятье, останется невидимой для чужих глаз, и ни один дикий зверь ее не учует.

По лесу они шли молча, быстрым шагом, Марна — впереди, выбирая дорогу по незримым приметам, Амальрик чуть поодаль стараясь ступать за ней след в след, чтобы не споткнуться о предательскую корягу, не распороть платье об острый сук и не исцарапаться об колючий кустарник. Тяжелые седельные сумки, которые он потащил с собой, сковывали его движения, но Амальрик все же попытался играть в привычную игру, силясь запомнить путь. Это стало *игрой* с тех пор, как он понял всю тщетность своих усилий, должно быть, и здесь не обошлось без колдовства, — ибо когда он пытался восстановить в памяти дорогу, все туманилось в его сознании, дробилось и кружилось, отказываясь сложиться в стройную картину. Он не знал, доверяла ли ведьма хоть кому-то тайну своего жилища.

Тем временем они вышли на небольшую поляну, где журчал прозрачный ключ с ледяной водой. Там, среди огромных, в три обхвата толщиной, буков, располагалась хижина колдуньи, напоминавшая больше землянку. Перед

входом находился очаг, заботливо обложенный круглыми белыми камнями, Амальрик никогда не видел, чтобы Марна разводила огонь, и мог только догадывался о его истинном назначении, единственное, что он мог утверждать наверняка — очаг этот явно служил не для варки похлебки.

Для того, чтобы войти внутрь, ему пришлось согнуться почти пополам: дверь была очень низкой. Внутри пола не было, его заменяла свежая душистая кошенина, в центре маленькой комнаточки стоял приземистый табурет, у стены — грубый деревянный стол, напротив — большой кованый сундук, покрытый медвежьей шкурой, который, по всей видимости, служил чернокнижнице ложем. В домике царила полутьма, окон не было, да и к чему они были ей, окруженной непреходящей тьмой; свет падал только из отворенной настежь двери; было прохладно, пахло сушеными травами, сырой землей и какими-то сладковатыми благовониями, от которых кружилась голова и хотелось плакать.

Марна опустилась на низкий сундук и жестом указала Амальрику на табурет. Он сел, нервничая оттого, что молчание затягивалось, — здесь почему-то не было слышно пенья птиц, трещотки дятла, шороха веток. В жилище колдуньи висела вязкая гнетущая тишина, которая, как мерещилось посланнику, давила на виски, заставляла быстрее биться сердце, студила кровь в жилах.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Марна, — прокашлявшись, произнес немедиец, который был готов говорить что угодно, любую чушь, лишь бы распороть это гнетущее безмолвие. Здесь, в жилище ведьмы, он напрочь лишился всей своей гордыни и ощущал постыдную робость. Взгляд его, не отрываясь, следил за танцем пылинок в золотистых лучах, что падали из дверного проема, разделяя полумрак надвое, так, что он и чародейка находились в разных половинах.

Но ответа не последовало.

Тогда Амальрик стал возиться с тяжелыми седельными сумками, что привез с собой.

— Вот, посмотри. Здесь кое-что для тебя. Снадобья, что ты просила. Хрустальная пирамида — я купил ее у стигийских пилигримов, так что в подлинности можешь не сомневаться... — Колдунья сдержанно хмыкнула. — ...одна из книг, что была тебе нужна. За второй пришлось

послать в Немедию — здесь ее не сыскать, но слава... — он запнулся, чуть не ляпнув привычное «слава Митре», но вовремя прикусил язык — мало ли каким богам или демонам поклоняется Марна, — я хотел сказать, слава судьбе, что я сохранил все то, что мои гвардейцы отняли у колдунов во время тогдашнего погрома в Бельверусе. Я ничего не смог разобрать в этих письменах, но ты, ты ведь другое дело — ты сможешь... — заискивающе закончил он и замолчал на мгновение, словно ожидая благодарности, но колдунья сидела недвижно, словно мраморное изваяние. Поняв, что ответа не будет, барон продолжил: — А во второй сумке — съестное. Я подумал...

— Не стоило, — впервые за все время подала голос ведьма. — Ты же знаешь, немедиец, эти деревенские болваны приносят нам все, что нужно. Да и Тиберий не забывает Марну...

Амальрик хмыкнул. Еще бы тот забыл! У многих в памяти, должно быть, навсегда останется мор, что наслала три лета назад на скот ведьма, разгневавшись на какую-то мелкую обиду. С тех пор местные жители почитали за счастье удовлетворить любую прихоть колдуньи, произнося ее имя благоговейным шепотом.

Марна почему-то никогда не называла барона по имени, как будто ей это было неприятно, лишь сдержанное «немедиец» вырывалось из ее уст, когда она обращалась к посланнику. Амальрик убил бы любого, кто посмел бы столь дерзко вести себя с ним, но из уст колдуньи это звучало как похвала или громкий титул.

— Но довольно, — бросила наконец ведьма, не обратив никакого внимания на солнечные блики, которые забегали по темной поверхности маски, высвечивая ее крупчатую фактуру, хотя любой, имеющий глаза, не выдержал бы яркости лучшей осеннего светила. — Так расскажи нам, немедиец, насколько ты преуспел за то время, что не виделся с Марной.

Амальрик кивнул, скривившись на мгновение от обычного «нам» — можно подумать, что она здесь не одна и есть кто-то третий, кто слушает их речи. Ну что ж, право ему, есть чем удивить старую ведьму. И не спеша, сдержанно, стараясь не давать волю лишним эмоциям, он принялся пересказывать свой разговор с Нумедидесом и вечернюю беседу с Валерием.

— В общем, — заключил он с довольной успешкой, — старший щенок твякает и рвется в бой. Младшему же, похоже, ни до чего нет дела. Он не встанет у нас на пути. А кроме того, — добавил он уже напоследок, — большинство молодых дворян также за Нумедидеса. Они пойдут за ним. Остается лишь их направить в нужную сторону...

Лицо Марны посуровело.

— Почему же ты не сумел убедить принца Валерия, немедиец? Зачем нам пес на аквилонском троне, когда молодой лев рыкает и хлещет хвостом... Ты своевольничаешь, немедиец, и это может погубить тебя!

С этими словами Марна повернула свою жуткую личину в сторону Амальрика, и тот почувствовал, что незрячий взор, просочился сквозь бурую свиную кожу и проник ему прямо в душу, высасывая жизненную энергию. Мелькнула мысль об оружии, но быстро погасла, не было сил даже поднять руку, да что там поднять, не было сил даже подумать об этом. Он понял, что ледяной холод пронзивший его члены, скоро дойдет до сердца, и Амальрик, барон Торский, навсегда останется в этом угрюмом лесу.

Он с трудом разлепил непослушные губы.

— Подожди, Марна, — прошептал он, и каждое слово давалось ему с таким трудом, будто он вкатывал в гору огромный камень. — Подожди,пусти меня... я еще не все тебе рассказал...

Чернокнижница медленно отвернула жуткую личину, и Амальрик едва не задохнулся от волны живительного тепла, опалившего изнутри его измученное тело. Он пошевелил затекшими конечностями и возблагодарил Митру, что на этот раз все обошлось, пообещав себе, что лично поднесет факел к вязанкам хвороста, когда проклятая ведьма за все свои делишки попадет наконец на костер. Он проигрывал в уме сцены всевозможных пыток, которым подвергнет колдунью, когда свершится задуманное, но на губах его играла почтительная улыбка, а глаза были опущены долу.

— Я вижу, ты забыл, немедиец, — вполголоса пробормотала чародейка. — Но теперь — ты вспомнил...

Конечно, он вспомнил, хотя колдунья ошиблась — он никогда и не забывал. Не забывал того страшного случая, который едва не стоил ему жизни и свел его с слепой отшельницей.

Это было две зимы назад. Тогда барон Торский только что прибыл в Аквилонию и пытался завести нужные знакомства, понравиться при дворе Вилера, чтобы затем, без помех приступить к исполнению своей опасной миссии. В свободные часы Амальрик неистово предавался прежним занятиям — без конца упражнялся в различных боевых искусствах, по-прежнему усердно корпел в библиотеке и продолжал осваивать опасное ремесло черного мага.

Раз, поздно ночью, ему, наконец, после долгих неудач, удалось вызвать у себя колдовское зрение. Он сам не понимал, отчего получилось именно на этот раз, вроде бы он всегда педантично выдерживал все необходимые ритуалы, но удача доселе не сопутствовала ему. И вот, вцепившись в полокотники кресла, барон восторженно обозревал привычные предметы, еще мгновение назад — такие знакомые и понятные до мельчайшей детали, до каждого завиточка и черточки, которые неожиданно обрели новые, немыслимые качества и превратились в нечто странное, причудливое, но вместе с тем притягательное. Амальрик захмелел от неожиданного могущества, видя то, что обычному человеку узреть не дано. Его пустая, как ему мнилось раньше, гостиная, оказалась населена какими-то странными существами и непонятными субстанциями: мохнатые зверушки, похожие на пушистых котов, сидели в углу комнаты и ожесточенно жестикулировали — хозяин Торы догадался, что это духи очага; над раскрытой колдовской книгой, в переплете из человеческой кожи, мерцало черное облако, в котором вспыхивали багровые искры; собственная рука Амальрика стала почему-то прозрачной — он видел все вены, сухожилия, кости и видел, хотя видеть это было невозможно, но он все же *видел*, что через пол-луны он вывихнет кисть во время учебной схватки с графом Ауланом.

Как зачарованный, переводил он взгляд с одного предмета на другой, метался по комнате, выглядывая через окно на пустынный двор, который, как выяснилось, только казался таковым, на самом деле по нему сновали безмолвные призрачные фигуры в просторных одеяниях, — садился, вскакивал и снова садился, не в силах справиться с восторгом, переполняющим все его существо. Он почувствовал жажду, схватил кувшин с водой — и узрел колодец, из которого ее зачерпнули, и подземный ключ, ко-

торый питает этот колодец, и озеро в котором берет начало ключ — жадно отпил и вдруг ощутил, как нечто страшное, ледяное и острое, наваливается на него сверху, подминает под себя, заставляет затаить дыхание, приказывает не биться сердцу. Это было столь ужасно, столь неожиданно, после блаженных мгновений наслаждения новым знанием, что Амальрик рухнул на пол, закутывая голову плащом, зажимая уши ладонями и зарываясь под полосатый афгульский ковер. Краем глаза он успел заметить, как в углу заволокло духи и заметались мохнатыми комками по всей комнате, пронзительно пища.

В глубине сознания мелькнула догадка — он не стал чертить охранительную пентаграмму, не рассчитывая на положительный исход своего опыта, и теперь оказался беспомощным перед чьей-то злобной колдовской силой, беспощадной и свирепой, словно северная метель. Некто полонил его сознание, растворил его личность, иссушил мозг и свернул мышцы в судорогах за считанные мгновения. Амальрик слышал о могущественных колдунах Черного Круга, о зловеющих гиперборейских шаманах Белой Руки, о таинственных аколитах хитайского Красного Кольца, но не мог и помыслить, что его жалкие школярские потуги могут привлечь внимание магов столь высокого ранга. «Отпусти, отпусти меня, кто бы ты ни был, отпусти», — шептал насмерть перепуганный немедиец, пытаясь сделать пассы, отводящие демонов. Через несколько мгновений, которые показались ему часами, некто, по-видимому, выслушал отчаянные мольбы — неожиданный напор иссяк так же неожиданно, как и появился.

Посланник, весь в холодном поту, дрожащей рукой начертил-таки зеленым мелом на полу пентаграмму, замкнул ее вокруг себя и, пробормотав необходимые заклинания, — выключил колдовское зрение. Мир вокруг мгновенно потускнел и стал казаться пресным, словно полинявшим, но дыхание постепенно восстановилось, сердце перестало скакать как испуганная лошадь, судороги в конечностях помаленьку начали проходить. Он уже готов был приписать все случившееся собственному расстройному воображению, но вдруг услышал как бесстрастный гулкий голос произнес:

«Мы приветствуем тебя, немедиец!»

Амальрик подскочил, как ошпаренный и заозирался по сторонам, сердце опять забухало как кузнечный молот, по коже побежали ледяные мурашки. Но комната была совершенно пуста.

«*Мы приветствуем тебя, немедиец!*» — повторил голос, и барон понял, что глас этот звучит у него в голове. Это открытие отнюдь не обрадовало его; за долгие годы своей жизни, дуайен поимел привычку разговаривать как все нормальные люди, с помощью языка. Слушать же собеседника он предпочитал ушами, и его новые свойства ему совсем не нравились, поэтому неудачливый маг стал ползать по полу, ища изъян в пентаграмме, то маленькое отверстие, через которая неведомая сила проникала в его укрытие.

«*Твоя пентаграмма совершенна, немедиец. Но ты не сможешь теперь оборониться от нас, — продолжил голос, — пока ты был беззащитен, мы успели поймать твою душу и теперь ты в нашей власти. Ты сделаешь то, что мы велим, иначе сущность твоя будет уничтожена и ты превратишься в животное, а после смерти попадешь в преисподнюю Зандры!*»

— Кто ты? — вслух спросил Амальрик, пытаясь не растерять остатки достоинства.

«*Зови нас Марной...*»

— Но кто ты, Марна?

«*Мы — та, кто поможет тебе в задуманном! Мы давно ждали тебя — и вот ты пришел... Поутру ты должен взнуздать лошадь и приехать ко нам...*»

— Но куда? Где ты, Марна?

«*Ты отыщишь путь...*»

И действительно, Амальрик ехал так, будто бы дорога была ему хорошо знакома. Так они познакомились с колдуньей.

Нельзя сказать, что барон жалел о том, что все так получилось, напротив, он, как велит обычай, приколот острием кинжала мешочек с солодом, мукой и хмелем к балке на потолке гостевой башни тарантийского дворца — в знак своего обещания принести обильную жертву Митре за его доброту и мудрость. Марна оказалась полезной помощницей — она люто ненавидела короля Вилера и страстно жаждала его смерти, немедиец строил разные догадки, чем же ей так насолил самодержец, но все они, как он сам понимал, были весьма далеки от истины. На

смену Вилеру Третьему ведьма прочила принца Антуйского Дома, самонадеянно считая, что сумеет подчинить своей воле Суд Герольда, чтобы он принял надлежащее решение. Вот тут они с Амальриком не совпадали, тому было безразлично, кто из принцев сядет на Рубиновый Трон, лишь бы Аквилония вышла из спячки и вступила в кровопролитную войну с его отчизной. Но так или иначе, раз в луну барон навещал Марну, сообщал ей последние дворцовые сплетни, рассказывал то, что считал нужным, о своих собственных делах. Амальрик не понимал, какая корысть Марне в нем, но благоразумно держал язык за зубами, до поры до времени.

ОБРАЗ МРАКА

Так говори, немедиец, — сказала ведьма, — и горе тебе, если твой лживый язык захотел обмануть Марну.

— Нет, нет! — Амальрик потер горло. — Я хочу рассказать тебе о случае на королевской охоте, когда крики егерей и загонщиков, подняли ото сна огромного валузийского демона, который на тарантийском патуа величается Цернуносом, хотя у меня на родине Бог-Олень зовется Кирнуном...

И он, подробно, стараясь не пропустить ни единой детали, пересказал колдунье вчерашний случай, с опаской поглядывая на застывшую фигуру чернокнижницы, не зная, как она может отреагировать на его рассказ. Но Марна сидела недвижно, лишь иногда слегка покачиваясь, как сухой тростник на ветру.

Когда он закончил, в хижине опять стало тихо, казалось, Марна уснула. Солнце успело пройти четверть небосвода, когда она, наконец, нарушила молчание:

— Может ты и прав, немедиец, — сказала Марна, очнувшись от своих раздумий, — пусть обреченной страной правит безумный король. Знай, страна эта отныне проклята, ибо сказано «...и стал очаг его, дом его, кров его гибнуть от мора, недорода и распри и сгинул очаг его, дом его, кров его в пуще леса Валонского, где хозяин Цернунос, Бог-Олень. Но убежал нес желтый от поруганного очага того, и помочился он кровью на ножку трона. И пал трон, пал герб, пал князь, и наступил Час

Дракона. И был на пепелище, костями усеянном, кровью окропленном пес желтый, ибо так решил Цернуннос...» Этот жалкий червь Нумедидес, сын проклятого небом Серьена, властителя Гандерландского, разбудил древнюю валузийскую мощь, и никто не сможет сравниться с ней по силе и противостоять ей. Аквилония обречена страдать под властью безумца и лишь потом Освободитель сядет на Трон-Рубин.

И она поправила прядь волос, выбившуюся из-под расшитой красной шапки. Этот головной убор, так же, как и одеяние ведьмы, поражал своей странностью, он был сделан из войлока и обтянут карминной тканью, унизанной медными бляшками и полосами мелкого речного жемчуга. Более всего шапка напоминала штурмовской колпак, от которого откомсали одну верхушку, обстригли бубенцы и перевернули так, чтобы свисающий конец, напоминающий клюв огромной птицы, болтался спереди. По бокам, закрывая уши, которых, впрочем, было не разглядеть под кожаной личиной, качались треугольные висюльки из цветного бисера, а на лобной части были пришиты крохотные кисточки из странного зеленоватого меха.

Диковинный колпак оттенял зловещее уродство маски, а темные, с проседью волосы чернокнижницы, то и дело из-под него вылезающие, казались гривой безобразного демона.

Взгляд Амальрика скользнул ниже и невольно задержался на ее пальцах с невероятно длинными, загигающими внутрь ногтями. Ему сделалось не по себе. Не было ли ошибкой связываться с ней, спросил он себя, должно быть, уже в тысячный раз. Может быть, простые клинки были бы безопаснее?.. Однако отступать было уже поздно.

— Какой Освободитель? — осторожно спросил он. — Кто будет им, ответь мне, Марна...

Колдунья, словно уловив его колебания, ободряюще кивнула барону.

— Не сомневайся, немедиец, нас ждет успех. Пусть Аквилония проклята, но мы добьемся своего. Ты спрашиваешь, кто Освободитель — того не ведаем, ибо будущее темно и скрыто от нас. Но если ты хочешь приоткрыть завесу тайны, то сделай так, чтобы принц Нумедидес поймал в силки перепела, умертвил его, но не

железом, и принес сюда. Нам ведомо древнее искусство гадания по потрохам животных, — она задумчиво провела рукой по своим варварским холщовым шароварам. — Сделай это, и вы узрите неведомое в Зеркале Грядущего, узрите так же, как и Марна...

«Но ты же слепая!» — чуть было не сорвалось у Амальрика с языка, но он сдержал себя, задумавшись над требованием ведьмы.

— Но мне придется рассказать ему о нас...

Застывшая маска вновь повернулась в его сторону, и Амальрик испугался, что отшельница захочет повторить свою невидимую атаку, но вместо этого Марна утвердительно кивнула и повторила его слова:

— Да, ты можешь рассказать ему о нас. Это все, что от тебя требуется. Остальное сделаем мы — и он сам придет сюда...

Амальрик подумал, что если Марна повторит с Нумедидесом тот же фокус, что и с ним, то трусливый принц просто умрет от страха, но поостерегся высказывать свои мысли вслух.

Снаружи поднялся ветер, который заставил заскрипеть покосившуюся дверь и донес внутрь теплый запах предлости и гниения. Амальрик заерзал на своем табурете, он устал сидеть, но встать во весь рост все равно бы не смог: потолок хижины был чересчур низок для него. Он ограничился тем, что осторожно, стараясь ненароком не задеть колдунью, вытянул онемевшие от неудобной позы ноги. Марна тоже пошевелилась на своей медвежьей шкуре и негромко приказала:

— А теперь расскажи мне о втором — о Валерии. Кажется, ты говорил, он прибыл откуда-то издалека?

Барон Торский с тоской взглянул на дверной проем, за которым стало смеркаться. Если он не поторопится, то ему придется скакать обратно в темноте, и это открытие отнюдь не настраивало его на благодушный разговор, но с Марной спорить было опасно, а торопить ее и вовсе бессмысленно, поэтому он подавил вздох и, стараясь, чтобы в его голосе не просквозило раздражение, промолвил:

— Он долгое время странствовал, воевал, был даже простым наемником. Он выглядит прямым, хотя порой мне кажется, ему не достает какого-то внутреннего стержня. Перед сильным нажимом сможет устоять, но медлен-

ное напряжение его ломает. Должно быть, именно поэтому он и удалился в молодости от двора, не выдержав постоянных интриг и лицемерия. Я наблюдал за ним, когда была схватка с Цернунносом. Мне кажется — он испугался Бога-Оленя.

— Только глупец не боится неизвестного, — возразила Марна, — Цернуннос могуществен, и не под силу простому смертному низвергнуть его...

— Да, но ведь Нумедидес сумел причинить чудовищу боль, кинув в него талисманом Митры...

Хлоп... Порыв ветра с шумом захлопнул дверь, и они оказались в темноте. Амальрик почувствовал, как противный липкий страх роится у него в животе — и зачем он только упомянул имя Солнцеликого здесь, в логове демонов тьмы. Подавив усилием воли нарождающийся ужас, Амальрик потрогал рукоять своего палаша — это придало ему уверенности, пригнувшись, встал и отворил дверь.

— Что? — вскрикнула Марна, заставив вздрогнуть посланника, он напряг зрение и, несмотря на полумрак, заметил, что крупные капли испарины выступили у нее на шее, — Талисманом... Так этот ничтожный трус пожертвовал своим драгоценным валузийским амулетом?! Ты не ошибся, немедиец?

— Почему своим? — Амальрик перевел дух, поняв, что ведьма так вскинулась совсем не оттого, что у него с языка сорвалось имя Солнечного Бога. Он пожал плечами. — Насколько я слышал краем уха, принц силой отобрал его у Гретиуса, жреца... — он мгновение помолчал и с усилием выдавил — ...Митры. Там, вообще, случилась темная история с этим самым жрецом — то ли он скончался от разрыва сердца, то ли кто-то из молодых принцев прикончил его в запале...

Но колдунья почти не слышала его. Дыхание ее сделалось тяжелым и прерывистым, как будто кожаная маска ожила и принялась строить жуткие гримасы бельверусскому дуайену.

— Талисман, — словно безумная шептала она. — Священный талисман Кулла! Откуда он мог оказаться у жреца? Если только...

В своем багровом одеянии она напоминала древнего каменного идола, залитого жертвенной кровью.

— Что «если только», — учтиво осведомился барон Торский. — Что тебе за дело до какой-то побрякушки, пусть даже очень старой?

— Покажи нам их! — прошипела Марна с неожиданной злобой и дернула безликой головой, так что подвески на шапке затрепыхались.

— Кого их? — Амальрик казался растерянным.

— Нумедидеса и Валерия. Я хочу посмотреть на них!

Посланник молча кивнул. В такие минуты с Марной лучше было не спорить.

Не вставая с ложа, ведьма торопливо, дрожащими руками разожгла огонь в маленькой медной жаровне, которую ей предупредительно пододвинул немедиец, где лежали специально подготовленные для такого случая угли. Потянуло дымком. В полутьме хижины угольки горели, подобно хищным багровым зрачкам лесных оборотней.

Откуда-то из-за сундука Марна уверенным движением — Амальрик вспомнил про колдовское зрение и содрогнулся — достала ветвь остролиста и спешно принялась обрывать зеленые листья, по одному укладывая их в жаровню, в ей одной ведомом узоре, через несколько мгновений они влажно зашипели и свернулись в трубочку — по хижине потек горьковатый аромат дыма, схожий с запахом миндаля, которые искусные тарантйские кондитеры так любили добавлять в свои кушанья. Когда дым набралось достаточно, чернокнижница опустилась на колени перед жаровней и принялась выделять пассы руками, бормоча себе под нос слова древнего заклинания, в которые посланник предпочел не вслушиваться. Закончив ворожить, Марна вцепилась своими когтистыми пальцами в руку Амальрика.

— Думай о них, немедиец!

Для Амальрика подобная процедура была уже не нова — ему и прежде доводилось таким образом демонстрировать Марне Вилера, равно как и многих придворных, ставших в опытных руках немедийца послушными маорионетками готовящегося заговора, — но каждый раз это действо наводило на него необъяснимый страх. Было нечто жуткое в незрячей ведьме, рассматривавшей через непроницаемый мрак своей кошмарной маски нечто, видимое ей одной. Барон Торский попытался расслабиться, стараясь очистить сознание от посторонних влияний. «Ва-

лерий, — сказал он себе, пытаясь представить в уме облик рослого светловолосого аквилонца, — Валерий».

Ведьма рядом с ним удовлетворенно вздохнула. Он открыл глаза, зная, что теперь и он сумеет узреть тайное.

Пространство в дыму перед ними, примерно на две ладони, прояснилось, и стали видны две фигуры, одна из которых принадлежала Валерию. Они неспешно беседовали о чем-то, и, узнав во втором собеседнике графа Троцero, Амальрик горько пожалел, что не может слышать их разговора. Но вот он сосредоточил внимание на наследнике престола, и стало отчетливо видно худое загорелое лицо и светлые, никогда не улыбающиеся глаза принца Шамарского. Ветер трепал его желтые волосы, и он поднес руку, пытаясь убрать непокорную прядь...

— Не его, — выдохнула Марна, — другого!

Амальрик пожал плечами. Станные выходы ведьмы постоянно выводили его из себя. Он переключил внимание на графа.

— Что тебе до пуантенского владетеля, если он не с нами...

Но колдунья не слушала его. Пальцы с длинными ногтями судорожно перебирали разноцветные бусины на нити, что она извлекла из кошелья, лежащего на столе, дым, пластами висевший в сумраке хижины, казался рдяным в отсветах догорающих углей, и плотная фигура ведьмы чудилась в нем неожиданной зыбкой, точно сотканной из лесного тумана. Похоже, ведьма наслаждалась зрелищем, доступным ей одной, как менгский красильщик наслаждается тончайшим оттенком цвета еще мокрого, спутанного полотна, только что выуженного из чана с купоросом, или молоденькая кружевница любит ажурными узорами, сплетенными из тончайших льняных ниток.

Наконец Марна насытилась зрелищем и удовлетворенно кивнула Амальрику.

— Не удивляйся, немедиец. Как оказалось, мир наш очень тесен. И порой встречаешь людей, которых даже не надеялся увидеть в этой жизни...

— У тебя с ним какие-то счеты? — В обычное время немедиец едва ли решился бы расспрашивать колдунью. — слишком ревностно она хранила свои секреты — однако сейчас от этого зависели судьбы многих людей, успех их

и без того рискованного предприятия. — Что это за история, Марна?

Та молчала несколько мгновений, словно решая про себя, насколько можно довериться этому человеку, затем произнесла медленно и страшно:

— Он наш враг, немедиец. И когда твой принц займет аквилонский престол, пуантенец будет первым, с кем мы разделаемся... И можешь поверить, это будет очень неприятная смерть. Большого тебе пока знать необязательно.

Барон развел руками, не желая настаивать. У него было достаточно здравого смысла, чтобы не выспрашивать секретов колдуньи, от которых за лигу веяло могильной сыростью и древним злом, предшествующим Началу Времени. К тому же, он и сам подумывал, что неплохо было бы избавиться от Троцero, когда Нумедидес придет к власти, ибо кто знает, что взбредет в голову мятежному пуантенскому военачальнику. Будет некстати, если в дело вмешаются его хваленые западные Леопарды... Без этого и впрямь лучше было обойтись.

— Он твой, Марна, — холодно сказал он колдунье. — Бери его, как только представится удобный случай.

Конечно, по большому счету, граф Троцero был ему по душе... Однако жертвы были необходимы — Амальрик знал, что для него в этой игре на карту поставлено слишком многое.

Горьковатый дым постепенно развеялся, и Амальрик постарался побыстрее завершить беседу, с тревогой наблюдая, как темная осенняя ночь постепенно завешивает своим пологом тишину лесной пуши — вот синим сумраком оделась земля и кустарник, затем стволы деревьев, а потом и их кроны — и, наконец, поднялся, чтобы уходить, ведь ему предстоял неблизкий путь. Марна вышла проводить его: один он никогда не нашел бы дороги к озеру.

Вечерний лес был мрачен и угрюм. Дневные птицы уснули — не стало слышно их свиста, щелканья и цокота, ветер не шевелил остатки листвы на деревьях, кругом висело вязкое, тягучее безмолвие, подобно тому, что рождается в тумане, и оттого казалось на сотню лиг в округе, кроме них, нет ни единой живой души.

Вечер выдался прохладным, барон плотнее завернулся в свой теплый шерстяной плащ и зябко поежился, недоуменно косясь на ведьму — та и не подумала наки-

нута что-то теплое, очевидно, она была одинаково равнодушна к жаре и холоду. Даже холодная вечерняя роса в высокой траве, что росла неподалеку от озера, не мочила ее шаровары, скатываясь с них, будто они были пропитаны жиром; а болотная жижа не пачкала онучи, словно ворожея шла по воздуху, — и Амальрик, сапоги которого разбухли от влаги и хлюпали на каждом шагу, искренне позавидовал ее колдовским навыкам, которые пришлось бы ему в тот момент как нельзя кстати.

Валежник хрустел под их ногами, подобно костям древних скелетов, призраками преисподней шуршала черная листва, огромные стволы бурелома, то и дело попадающиеся на пути, казались остовами огромных чудовищ, и Амальрик не мог сдержать дрожи.

— Как ты можешь жить здесь, в этой глуши, обитатели ночных кошмаров? — негромко спросил он, и голос его прозвучал натужно и робко. — Ведь здесь не с кем даже слова сказать?

Та и не подумала обернуться.

— Нам некого бояться на этой земле. — По тону чувствовалось, что она усмехнулась. — А что до наших собеседников, немедице, то не тревожься за Марну — мы ведь теперь не одиноки, твоими стараниями...

— Что ты имеешь в виду?

— Память стала изменять тебе, немедице... Не ты ли привел нам этого смешного человечка? Не ты ли поселил его поодаль? Марне не нужны шуты, но он порой хорошо развлекает нас...

— Ораст? — Посланник наконец понял, о ком идет речь. — Я и не мог предположить, что этот неудачливый неофит все еще осмеливается тревожить тебя своим праздным любопытством. Я прикажу ему забыть о тебе... Если ты этого пожелаешь.

Орастом звали молодого послушника Митры из Храма Блаженных, что в Магдебархе — суровые судьи Подателя Жизни приговорили его за сношение с силами Тьмы к смерти на костре и готовились исполнить кару. К счастью для опального жреца, это происходило в родовых землях барона Торского, и он, по закону, должен был присутствовать на аутодафе как представитель светской власти. В ту пору у Амальрика гостил принц Тараск, и хозяин решил пригласить своего гостя на неожиданное развлечение. Когда вельможи прискакали на храмовый двор, вя-

занки хвороста щедро были навалены вокруг столба, к которому должны были приковать несчастного. Принц, которому не доводилось доселе присутствовать на подобных процедурах, возжелал посмотреть на пленника и поговорить с ним, дабы удовлетворить свое любопытство. Амальрик, не видевший причин отказать именитому гостю, приказал провести его в камеру приговоренного.

Когда разноряженные вельможи переступили порог подземной тюрьмы, то вместо изможденного голодом и пытками узника их взорам предстал молчаливый юноша с раскошенными черными глазами и пронзительным взглядом, который, несмотря на все лишения, умудрился сохранить остатки бывшего достоинства, присущего всем без исключения служителям Культа. Он был невысок, но хорошо сложен, тело его было гибким и упругим, движения точными и изящными, словно у опытного фехтовальщика. Когда лягнули засовы и отворилась дверь камеры, опальный жрец, сидевший на куче прелой соломы, не спеша встал и вызывающе посмотрел на неожиданных посетителей.

— Я полагал, что это пришли палачи, — сказал он негромким, ровным голосом. — Но, похоже, Митра даровал мне еще немного времени...

— Как ты смеешь упоминать имя Пресветлого, мерзавец! — скривился Амальрик, который, как любой тайный чернокнижник, был подчеркнута набожен на людях. — Палачи, которых ты ждал, уже готовят для тебя костер, но мы пришли, повинувшись долгу перед нашим сюзереном Нимедом, да будут благословенны его дни, ибо светская власть должна идти рука об руку с властью божьей...

— Я веряю себя силе Митры, ибо не совершил ничего дурного, — возразил узник и подошел ближе, волоча за собой тяжелые колодки, — разве Солнцеликий наказывает тех, кто ищет знаний?

— И что же искал ты, несчастный? — вступил в беседу Тараск. — Верховный жрец Фринаус сообщил нам, что ты заподозрен в ведовстве. Признавайся, что хотел ты сотворить с помощью силы Темного Сета — напустить мор на честный немедийский люд? А может, ты посягал на жизнь своего господина? — Он кивнул в сторону хмыкающего Амальрика.

— О, нет! Клянусь, я не замыслил ничего скверного. Весь мой грех в том, что я, присутствуя при обыске жилища мага Оствальда, позволил себе взять одну старинную книгу, которая, как он говорил, уцелела еще со времен Багряного Пифона.

— А где эта книга? — заинтересовался барон Торский, понимая истинную ценность такого труда, если, конечно юнец не врет, чтобы спасти свою презренную жизнь. — Покажи ее нам, тогда мы поверим.

Узник тихо рассмеялся и показал страшные пятна от ожогов на своих предплечьях.

— Именно это и хотели узнать мои палачи. Я думаю, тайное искусство убивать на расстоянии, которое последний раз использовал колдун Хемса восемь зим назад против владыки Вееи Бунда Чанда, или тайна Черного Шара Езуда интересует их куда больше, чем моя жалкая жизнь. Книга, за которую Маги с Имша, шаманы из далекой Гипербореи или аколиты Пайканга отдали бы многое, и, заключи я с ними союз, я бы уже не разговаривал с вами здесь, благородные месьюры.

Амальрик и Тараск переглянулись, без слов поняв друг друга, но барон Торский также понимал и то, что упрямый пленник не скажет им ничего о драгоценной книге, захоти они действовать силой. Следы пыток на теле юноши свидетельствовали о его недюжинном мужестве.

— Но книга, должно быть, написана на забытом языке Града Пурпурных Башен, — возразил Амальрик уже более любезным тоном. — Что ты мог понять в ней, жрец?

Ораст расхохотался, и его смех гулко прозвучал под мрачными тюремными сводами.

— В этом-то все и дело, мои повелители! В юности мне довелось жить в Аквилонии, в селении на реке Ширке, что пересекает Львиный Дол. У устья реки есть холм, который называется Алтарь Королей. Крестьяне говорят, что на этих землях и лежал в незапамятные времена проклятый богами Ахерон — обитель чернокнижников и демонов. До сих пор там обитают дикие племена, которые суть никто иные как выродившиеся потомки древнего королевства. Но замечательно то, что наречие, на котором говорят в этих селениях, основывается на древнем ахеронском языке, смешанном с валузийскими корнями и диалектами гандеров.

Ораст запнулся и протянул руку к грязной кринке с водой, стоявшей у стены. Амальрик остановил его, попросил флягу с вином у Тараска, ибо сам предпочитал пить чистую воду, и протянул юноше.

— Глотни, это придаст тебе силы и позволит завершить рассказ.

Узник сделал жадный глоток, тщательно вытер горловину фляги, постаравшись выбрать чистое местечко на своем рукаве, и, поблагодарив, вернул ее принцу.

— Митра помог мне, ибо я, Ораст Магдебский, сумел отделить слова ахеронского языка от слов хайборийских, подобно тому, как крестьяне отделяют сливки от молока. Тайны страшной книги только начали приоткрывать свои завесы... как я стал жертвой доноса и ныне должен обрести смерть среди пламени.

Барон Торский понимал, что этот жрец далеко не так прост, как хочет казаться, и не зря столь подробно рассказывает им о своих успехах в чернокнижии: он предлагал сделку, и немедленно согласился на нее.

— Хорошо! — торжественно провозгласил Амальрик. — Я верю тебе! Ты ни в чем не виноват, ибо делал благое дело с именем Митры на устах, желая проникнуть в козни чернокнижников, и я, повелитель этих земель барон Торский, с соизволения моего друга принца Тараска Бельверусского, — он кивнул в сторону своего приосанившегося спутника, — и милостью короля Нимеда, дарую тебе жизнь и свободу, пользуясь правом вершить суд в вотчине своей! Более того, веря в твою ученость, я жалую тебе должность своего придворного герольда, который недавно вознесся к чертогам Митры, и приказываю сопроводить меня во всех моих странствиях, ибо состою на службе самодержца немедийского в должности дуайена.

* * *

С тех пор Ораст не разлучался с Амальриком и был предан ему, словно пес. Когда новоиспеченный герольд прибыл со своим господином в Аквилонию, то уговорил барона представить его Марне. Барон Торский пошел на это с явной неохотой, считая, что лишний свидетель ему ни к чему, однако бывший жрец Митры настаивал, будучи наслышан о ведьме от Тиберия, в доме которого, благодаря поручительству того же Амальрика, нашел временное

пристанище, и немедиец рассудил, что, может, это и к лучшему — лишняя пара ушей близ ведьмы будет как нельзя кстати. К тому же, у него возникло смутное чувство, что Ораст может быть им полезен. И потом, видя через прорезь маски загадочную усмешку Марны и ее правильные ноздри, раздувавшиеся, как у дикого зверя, от одного лишь упоминания имени жреца, он укрепился в этом мнении.

Колдунья чуть заметно пожала плечами, зябко пряча руки в широких красных рукавах рубахи.

— Да, приходит к озеру чуть не каждый день. Иногда мы выходим к нему... Этот зверек довольно забавен. И еще — он фанатик, а из таких людей легко вылепить нужную тебе вещь. Придет время, и отверженный жрец поможет лишиться жизни того, кто и так уже исчерпал до дна чашу бытия, отпущенную ему небом.

Несколько минут немедиец шагал по лесу молча, обдумывая скрытый в словах женщины намек. Марна жаждала того же, что и он: смерти короля Вилера, ибо гибель монарха означала конец той Аквилонии, что есть теперь, и начало новой эпохи — эпохи огня и меча. Амальрик понимал, что расправиться с грозным самодержцем, окруженным кольцом свирепых Черных Драконов, будет непросто — короля превосходно охраняли, а перед тем, как его венценосные губы касались пищи или жидкости, их отведывали специально приставленные пажи. Кроме того, Вилер сохранил с военных годин привычку постоянно носить кольчугу под платьем, да еще, как болтали в дворцовых покоях злые языки, обладал таинственным амулетом Митры, который защищал потомков Хагена, делая их неуязвимыми для железа, и не снимал его даже на ночь.

Нумедидес как-то раз, в порыве откровенности, показал ему это изделие старинной работы — золотое изображение солнечного диска с человеческим лицом, окаймленным попеременно искривленными и прямыми протуберанцами. Изрядно захмелевший принц тряс перед немедийским посланником сокровенной вещицей, хвалясь при этом, что она дарует ему неуязвимость и могущество. Однако у принца Шамарского ему не приходилось видеть похожего талисмана, — впрочем, Валерий всегда отличался скрытностью и не стал бы лишний раз привлекать внимание, даже имея он его.

Зная все это, барон Торский давно похоронил надежду умертвить короля с помощью клинка или яда. Но магия — другое дело, и посланник уповал на колдунью, веря, что ей под силу, к примеру, поразить Вилера невидимой стрелой, выпущенной за много лиг от Тарантии, или сотворить нечто подобное, недоступное человеческому разумению.

С этой же целью он хотел использовать Ораста, рассчитывая, что мятежный жрец рано или поздно разгадает таинственные письмена колдовской книги... Юноша корпел над этим фолиантом днями и ночами напролет, и барону не в чем было его упрекнуть, но пока что добился не слишком больших успехов, ведь порой уходило несколько лун, чтобы познать смысл одной-единственной фразы.

Вот почему немедийца удивили последние слова Марны, в которых явственно слышалась надежда, что ведьма возлагала на Ораста.

— Я полагал, ты прибегнешь к колдовству, — пробурчал он недовольно.

— Да, и к нему тоже, — отрезала Марна, поняв посланника с полуслова.

Больше им не о чем было говорить.

ОБРАЗ СХВАТКИ

Когда Амальрик выбрался из леса, где было значительно темнее, вечер уже вступил в свои права, на землю спустились густые сиреневые сумерки, и лишь далеко на западе, над темной чертой окоема, горела полоска заката, но багрянец ее уже был изрядно подпорчен глубокой ночной синевой, и если бы не щербатая желтая луна, зависшая над самой головой, так что, казалось, еще чуть-чуть, и она запутается в высоких кронах черных деревьев, — дороги под копытами было бы почти не разглядеть.

Барон Торский вполголоса выругал себя, помяная всех богов тьмы и света, за то, что так сглушил, задержавшись сверх всякой меры в лесной хижине, но поделать уже было нечего, и приходилось смириться с тем, что в столицу придется возвращаться в потемках. Мелькнула, правда, мысль попроситься на ночлег в дом к Тиберию

Амилийскому, — воспитанный в традициях старого гостеприимства, тот никогда не отказал бы гостю в крыше над головой и куске хлеба, но Амальрик тут же отогнал минутную слабость. Не хватало еще, чтобы кто-то задумался — а что, собственно, делает немедийский посланник в столь неурочное время вдали от своей дворцовой опочивальни? Это было бы по меньшей мере некстати...

Закусывая на ходу краюхой хлеба, что поутру он привхватил на кухне, и запивая водой из фляги, — немедиец старался не злоупотреблять вином: ясный ум стоит куда больше минуты наслаждения от глотка живительной влаги, — он неустанно подстегивал коня, стараясь держаться лесной опушки, хмуро косясь на оставшийся позади холм и постепенно исчезающие из вида огоньки деревни. Какое-то время до него доносились еще звонкие детские крики, лай собак и коровье мычание, — но вот стихли и они. Теперь лишь треск сверчков да уханье совы нарушали безмолвие.

Прошло немного времени, не больше пяти поворотов больших водяных часов — клепсидры, и всадник перестал понукать лошадь, сказав себе, что спешить все равно некуда, и куда разумнее постараться прибыть в город только к рассвету, чтобы ночной страже не пришлось специально для него распахивать городские ворота. Нежелание привлекать к себе излишнее внимание по-прежнему оставалось для него основным... вот почему зоркие глаза бельверусского воина неустанно прощупывали тьму, в поисках предвения угрозы, а правая рука была готова выхватить клинок.

...И все же он едва не опоздал. Черная тень метнулась из тьмы, скользнула к морде лошади, хватая ее за поводья. Три другие тени, выглядевшие бесплотными призраками в серебристом лунном свете, выскочив из-за кустов, окружили всадника. Лязгнула сталь.

— Куда так спешит прославленный рыцарь? — услышал он хриплый, насмешливый голос. — Ведь ему куда легче будет ехать, если он поделится со скромными лесными братьями тем золотом, которое, наверняка, припрятано в кожаном кошельке на поясе.

— Милосердный путник не пожалеет, конечно, теплого шерстяного плаща для бедняги, который продрог и вымок в вечерней росе, — гнусаво вторил ему другой голос. — Неправедливо, когда один в сапогах, а другой — бос...

Барон мгновенно оценил обстановку — против него четверо негодяев, промышленяющих разбоем на лесной дороге, по-видимому, неплохо вооруженных и знающих свою силу, иначе чего бы это им заводить разговоры, вместо того, чтобы сдернуть его с коня и перерезать горло. Он напряг глаза, пытаясь рассмотреть своих будущих противников в зыбком свете луны. Тот, что заговорил с ним первым, — Амальрик про себя нарек его «Хрипатым» — был крепким, почти квадратным; лицо его скрывалось в тени широкополой шляпы, похожей на те, что пуантенские крестьяне носят, защищаясь от палящих лучей южного солнца, под рваным плащом сверкали крупные чешуйки кольчуги, крепкая рука сжимала длинную гандерландскую пику, которой Легко было пронзить всадника насквозь.

Второй, также получивший прозвище по тембру своего голоса — Гнусавый, был коренастым бородачом, одетым в странные лохмотья, по очертаниям которых было невозможно угадать, что за одежда послужила для них материалом. Но важно было то, — и Амальрик сумел мгновенно это оценить, — что его могучий торс не был защищен никаким подобием доспехов, и барон подумал, что с этим вполне можно будет поговорить накоротке. К тому же, и меч негодяя на целых три пальца был короче палаша немедийца, что давало опытному фехтовальщику неоспоримое преимущество.

Два других стояли поодаль, в густой тени громадных вязов, и вполголоса переговаривались между собой — их посланник разглядеть не смог, но их тонкие фигуры свидетельствовали о том, что эти разбойники были, по-видимому, совсем юнцами. Что ж, пока они медлят, преимущество на его стороне.

Как бы в ответ его мыслям вновь раздался голос Хрипатого, в котором просквозило нетерпение, смешанное с желанием покуражиться:

— Благородный месьор не станет сидеть на коне, когда перед ним безлошадные собратья. Не лучше ли ему слезть с седла подобру-поздорову, чтобы не обижать друзей.

— Невежливому гостя послал нам Эрлик, — подхватил Гнусавый. — Придется, видно, научить его хорошим манерам.

— Да что с ним говорить! — перебил его ломающийся юношеский голос одного из тех, что скрывались в тени

и дотоле молчали, и что-то в его тембре напомнило немедийцу. Где-то он уже встречал обладателя этого намечающегося баритона, но где?

Амальрик понял, что нужно выиграть время, хотя бы для того, чтобы, не делая резких движений, дотянуться до метательных ножей, которые лежали в специальных гнездах на луке седла. Барон не испугался, не потому что страх ему был неведом, — нет, просто он знал, что его воинского искусства достанет, чтобы сразить полдюжины хорошо натасканных туранских янычар, а здесь перед ним были либо дезертиры из аквилонской армии, либо отчаявшиеся крестьяне, убежавшие от плети своего господина. Но не в его интересах было поднимать шум, поэтому он решил сперва попробовать подкупить своих неожиданных собеседников.

— Хорошо, величающие себя лесными братьями, — размеренно ответил он. — Я отдам вам все золото, что есть у меня, в обмен на жизнь и свободу.

— Ну-у, — удивленно протянул Хрипатый, который, по-видимому, был здесь за главного. — Да ты еще торговаться с нами вздумал, собака, надо же! И не бойшься, что мы сначала укоротим тебя ровно на голову, а потом заберем золото, коня и одежду?

— Я дам вам золота много больше, если вы отпустите меня, — усмехнулся посланник, и у него мелькнула мысль — а чем демоны не шутят, может, и вправду удастся решить все полюбовно. Эти ребятки, кажется падки на звонкую монету... — Я приятель владетеля здешних мест, барона Тиберия. Мой друг не поскупится, если я попрошу его о помощи.

— Кончай свою болтовню! — вдруг злобно крикнул юнец с ломающимся голосом. — Хватит смотреть на него! Перерезать глотку — и дело с концом!

«Эге, да тебе, похоже, не по вкусу имя достопочтенного хозяина Амилии, — усмехнулся Амальрик. — Ну что же, ты сам виноват, а теперь уже ничего не поделаешь, придется немножко поразвлечься». Его руки молниеносно нырнули в отверстия в луке седла, неуловимым движением выхватили два длинных зазубренных ножа с легкой деревянной рукоятью и с силой метнули в дерзкого юнца и его хрипатого собрата. Этому трюку он научился у зловещих шангарийских асасинов, которые достигли совершенства в своем жутком искусстве на-

столько, что поражали цель на слух, в крошечной тьме, даже не видя ее.

Двумя серебристыми молниями сверкнули лезвия, со свистом промчались к своей цели — смачно хлопнула разрываема кожа, и дикие вопли вспороли тишину леса. Главарю нож вонзился прямо в горло, и он рухнул на траву, захлебываясь кровью. Мальчишке повезло больше — сталь пробила ему левое предплечье, но он, похоже, совсем обезумел от боли, потому что упал на колени, тонко подскуливая, как молодая лисица, попавшая в капкан. «Двое готовы», — деловито отметил про себя Амальрик и вознес хвалу Митре, который даровал ему удачу, ибо, стоило ему промахнуться на несколько *сенмов*, и нож отскочил бы от кольчуги главаря, не причинив тому ни малейшего вреда.

Вдруг, словно повинувшись какому-то шестому чувству, барон мгновенно поднял лошадь на дыбы. Как всегда, интуиция не подвела, — он понял это со всей ясностью, когда щелкнула тетива арбалета, и острый болт, предназначенный всаднику, оцарапал брюхо лошади, пройдя вскользь. Животное обреченно взревело и, захрапев, закрутилось волчком. Немедиец, изрыгая проклятья, пытался выпростать ноги из стремян, но это ему никак не удавалось.

В этот момент, швырнув в сторону бесполезный арбалет, Гнусавый со страшным воем метнулся под ноги лошади, широким взмахом меча перерезая ей сухожилия. Именно так боролись на поле боя пешие ратники с конными... Но Амальрик не успел подумать ни о чем больше. Лошадь его захрипела, принялась заваливаться на бок. Густая желтая пена потекла из пасти. В последнее мгновение барон успел соскочить с седла, — однако чуть замешкался, не успев до конца выпутать ногу — высокий каблук зацепился за стремя — и приземлился неудачно, ощутив жгучую боль в лодыжке. А над головой уже сверкнуло лезвие.

При свете луны лицо бандита щерилось дьявольским оскалом, и Амальрику показалось на миг, что в пасти его по-змеиному быстро мелькнул острый раздвоенный язык. У него не было времени разглядеть получше. Он едва успел вскинуть руку, чтобы отразить удар. Клинки сшиблись, точно серебряные молнии.

«Не подпускай его близко, — напомнил себе Амальрик. — У него меч короче, и он не сможет тебя достать».

Палаш барона разрезал воздух с такой силой, что, казалось, ночная тьма вокруг гудит, подобно растревоженному пчелиному рою. Мерный гул перемежался с зловеющим лязгом, и вспотевший посол, которому чудом удавалось сохранить дыхание под бешеным натиском своего противника, вознес молитву Митре за то, что тот надумил его взять в путь добрый немедийский клинок, сделанный, по преданию, много зим назад Зигаром, кузнецом, ковавшим знаменитый меч Альмиваль герою Брагорасу. Амальрику этот клинок вручил отец, наказав беречь семейную реликвию и без пощады разить им врагов Немедии. Это было отлично сбалансированное оружие, изготовленное из странного металла, не уступающего по прочности стали, и отливающего тревожным багровым светом, напоминающим зарево пожара, словно внутри его мерцал таинственный светоч; палаш разрубал доспехи с легкостью косы, срезающей траву; его широкая костяная крестовина, плавно переходившая в удобную рукоять, не уступала прочности бронзе — торские герольды рассказывали, что в стародавние времена ее изготовили из бивня Зимнего Единорога, полулегендарного зверя, обитавшего в глуши мгlistых немедийских пущ. Так это или нет, Амальрик не знал, но надежность клинка превосходила все виды оружия, с которым ему доводилось сталкиваться во время своих многочисленных странствий.

Его противник, оказавшийся рослым крепышом с густой бородою и кривым носом, сломанным, по-видимому, в какой-то пьяной потасовке, злобно хохотнул и удвоил натиск.

— Ну, теперь тебе не уйти, красавчик! Останешься здесь, воронью на поживу!

Амальрик не ответил. Боль в ноге мешала сосредоточиться, не давала пространства маневру — его желание покуражиться над незадачливыми грабителями грозило обернуться бедой для него самого. Он не мог ни отступить, ни двинуться вперед, опасаясь, что больная лодыжка, подломившись, предаст его в любой момент. А здоровяк-бандит наступал, стремясь потеснить противника, заставить его потерять равновесие. Клинки сшибались все чаще, высекая снопы голубоватых искр, и дуяйен чувствовал, что ему все труднее становится отражать бешеный

напор. Пот градом стекал у него по лицу, перед глазами плыли красные круги. Удары бандита он отражал почти наугад, ожидая, что любой его выпад может оказаться ошибочным, и ледяная сталь вопьется ему в грудь. Хвала Митре, что его четвертый противник замешкался, хлопоча около пораженного в плечо юнца. Барон успел подумать, что его ножи с зазубренными, словно у рогатины, лезвиями, можно вытащить, только если разрезать плоть вокруг раны. Похоже, мерзавцу придется немало повозиться со своим приятелем. Эта мысль придала ему бодрости, и заставила вполголоса выругаться. Нож! Эрлик побери... Нож! Туранский ятаган, который он всегда носил при себе... Как он мог забыть о нем!

Кляня себя за глупость, Амальрик осторожно повел рукой по бедру — слава Митре, кривой восточный клинок, напоминающий полумесяц, который в соседнем Иранистане называли *кама*, был на месте. Конечно, в седле от ножа ему особой пользы не было, но как он мог забыть о нем, очутившись на земле... Владелец Тора вздохнул, подумав, что несколько подрастерял свои былые навыки, и чуть замешкался. И это едва не стоило ему жизни.

Почувяв, видно, слабость в обороне противника, бандит мгновенно перешел в яростную атаку. Меч его опустился стремительно, чуть наискось, готовясь разрубить немедийца пополам. В последний момент тот успел вскинуть руку, отразив удар рукоятью, и сила столкновения оказалась столь велика, что ему едва не вывихнуло кисть. На миг противники застыли друг против друга в неподвижности, ибо каждый не решался нарушить равновесие, опасаясь удара. Амальрик ощущал горячее дыхание бандита, видел его горящие ненавистью глаза...

Он смотрел ему прямо в лицо, не отрываясь, точно пытался загипнотизировать. Левая рука незаметно скользнула к ножнам. Бандит, ощутив движение, перевел взгляд вниз, попытался отступить, — но было слишком поздно. Серповидный ятаган пронзил его тело, смачно разрывая податливую плоть, и Амальрик злобно расхохотался, отталкивая врага прочь.

— Поскучай немного, ублюдок! Когда я освобожусь, ты пожалеешь, что родился на свет...

— Коварная собака! — прохрипел бородач, хватаясь рукой за раненый бок. Черная кровь стекала по пальцам,

огромным пятном расплзаясь по одежде. Разбойник упал на колени, сгибаясь в три погибели.

Немедиец не стал дожидаться, что будет дальше, и кинулся к четвертому противнику. Убить! Убить во что бы то ни стало! В запале барон сыпал проклятиями *по-немедийски* — оставлять живого свидетеля нельзя ни в коем случае... Но подвывихнутая лодыжка вдруг разразилась жутким всполохом боли, и Амальрик, не в силах совладать с нею, рухнул, как подкошенный, на груды осенних листьев.

Он взревел от досады и ярости, когда увидел, что его последний неприятель скрылся в лесной чаще, волоча за собой раненого товарища. Сомкнулись ветви, и через мгновение уже ничто не напоминало о том, что разбойников было четверо.

Посланник сжал зубы и, опираясь на палаш, встал. За спиной у него послышалось жалобное ржание лошади, раненой Гнусавым. Та била ногами, расшвыривая палую листву, силась подняться, мотала отчаянно головой, и плач ее напоминал плач ребенка. Амальрик обернулся к лошади.

Его любимая гнедая. Подарок принца Тараска, из королевских конюшен. Он самолично пестовал и обучал ее с детства, никогда не расставался с тонконогой красавицей, даже взял с собой сюда, в Аквилонию... где та и обрела смерть. Глаза немедийца затуманились на миг. Опустившись на колени, он ласково провел рукой по атласной шее, потрепал черную, как смоль, гриву. Под прикосновением хозяина лошадь притихла, перестала биться и стонать, и лишь косила на Амальрика огромным страдальческим глазом.

Стиснув зубы, он поднял ятаган. Один удар — и из перерезанной артерии на шее хлынула алая кровь. Гнедая красавица дернулась в последний раз и затихла.

Не помня себя от ярости, подволакивая раненую ногу, Амальрик рывками стал приближаться к поверженному грабителю. Тот силился подняться и выкрикивал ругательства, зловец сверкая в темноте белками глаз.

Барон Торский встал подле и пнул его ногой в бок, стараясь попасть по ране:

— А теперь расскажи, раб, кто надоумил вас караулить меня на этой тропинке?

Разбойник угрюмо молчал, готовясь к смерти.

— Молчишь, — усмехнулся барон. — Ты думаешь, глупец, что я прикончу тебя? Ошибаешься, легкая смерть — большая честь, и ты ее не заслужил. Подлые трусы, вроде тебя, годны лишь на то, чтобы калечить беззащитных лошадей, но сейчас ты получишь хороший урок!

С этими словами он рывком перевернул сопротивляющегося разбойника на живот, наступил ему на крестец жесткой подошвой своего подкованного афгульского сапога и точными движениями мясника, разделяющего тушу, рассек своим острым палашом сухожилия на его ногах. Тот дико закричал и начал корчиться, вырывая траву, взрывая землю, не в силах стерпеть дикую боль.

— Ноги тебе больше не понадобятся, приятель, — с сожалением промолвил Амальрик, ударив его ногой в лицо. — Но если ты считаешь, что руки могут пригодиться, то будь, пожалуйста, поразговорчивее!

Бандит завыл от ужаса, заерзал на траве и, путая слова, прохрипел, сплевывая кровь из разбитого рта:

— Никто нас не подговаривал, клянусь Митрой! Мы сами промышляем окрест. Иногда попадают одинокие купцы или благородные рыцари-паладины. Мы не думали делать вам ничего плохого, просто хотели поугубить вас и отобрать золото и коня.

— Кто это «мы», пес? — поинтересовался Амальрик, задумчиво водя жалом палаша близ лица разбойника. — Будь откровенен со мной, очень тебя прошу.

— Мы, это я с Ольвеной, — он кивнул в сторону трупа с ножом в горле. — И... и...

— И? — передразнил его посланник, примериваясь клинком к правой руке бородача. — Как ты полагаешь, приятель, по локоть будет достаточно, или все же лучше по плечо?

— Нет, умоляю, господин, нет! Я все расскажу вам! Только дайте слово, что вы оставите меня в живых! Честное благородное слово дворянина...

— Ну конечно даю, — ласково промолвил Амальрик, — о чем речь...

— Ну вот, мы с Ольвеной-зингарцем и... два молодых господина, Винсент и Дельриг, сыновья Тиберия Амиллийского. Мальчишкам скучно в отцовском поместье, им охота посражаться, помахать мечами... Ясно, дело ведь молодое. Мы с зингарцем бежали из войск короля Виле-

ра — сам-то я родом из Гандерланда — и, чтоб сводить концы с концами, стали шалить на большой дороге. А тут наткнулись как-то раз на этих юнцов, Зандра их заберите. Они и говорят — или мы выдадим вас стражникам и те повесят вас на первом суку, или берите нас в свою компанию... Ну что нам оставалось делать?

Но посланник уже не слушал болтовню негодяя. Винсент и Делбриг! Вот откуда ему показался знакомым голос... Кто бы мог подумать! Сыновья именитого нобилиа грабят честной люд в лесу. Ай да Вилер, вот до чего довел своих несчастных подданных. Ну что же, по крайней мере прогулка оказалась не напрасной: теперь эти два щенка в его руках. Придет время, и он сумеет найти им достойное применение...

Амальрик посмотрел на бандита, копошившегося в мокрой от крови листве, словно пес с переломленным хребтом.

— Значит, ты говоришь, вы не желали мне ничего дурного? — вкрадчиво спросил он бывшего солдата.

— Ничего, повелитель, клянусь Митрой! Никому ведь неохота убивать без причины. Мы думали, ты странствующий рыцарь, который побоится сразиться с четырьмя...

— Побойтесь! — фыркнул немедиец. — Вам, я вижу, не везло на настоящих мужчин. Благодарю Митру, что я решил немного поразвлечься, иначе ты бы уже не смог насладиться нашей беседой. Ты уже видел, как я кидаю ножи, но кроме них у меня припасены метательные палицы, совсем маленькие, но их хватает, чтобы раздробить голову таким шутникам, как вы. Эти милые штучки используют канныбаллы Дарфара, хотя ты, пес, все равно не знаешь, где находится эта страна. Внутри они полые, но в них налит *крушец*, больше известный как «живое серебро». Во время полета оно перекачивается в убойный конец и удесятеряет силу удара.

Чувствовалось, что барон сел на своего любимого конька, глаза его лихорадочно заблестели, и, казалось, они светятся собственным светом, как у лесного оборотня.

— А вот еще одна забавная вещичка. — Он достал из потайного кармана пористый коричневый комочек и повертел его под носом у полумертвого разбойника с видом купца, нахваливающего свой товар. — Это сушеные споры Лишайника Скорби, что растет в гиперборейской тундре. С виду неприметный шарик, но при ударе он выстрели-

вает свое семя в тело жертвы — ощущение такое, словно тысяча раскаленных иголок вонзаются тебе под кожу... я вспоминаю, мои рабы очень мучались, когда я пробовал на них эту штуку. Но самое интересное начинается потом, когда лишайник начинает прорастать изнутри, и через день ты покрываешься бурым мхом, словно древний валун. Надо ли говорить, что ощущение при этом не из приятных. А для ближнего боя — вот пожалуйста, шип меруанского ядозуба. Стоит чуть поцарапать кожу, и твои кости превращаются в жидкость. Ты никогда не пробовал жить без костей, приятель?...

— За что вы мучаете меня, господин, — застонал разбойник. — Лучше добейте меня, только, умоляю, не пускайте в ход ваши кошмарные приспособления, вы и без того довольно покуражились... Вот видите, что вы натворили! — Он показал немедийцу руки, скользкие от крови, которая толчками выплескивалась из пробитого бока.

— Да, — вздохнул барон. — Какая досада. Ну скажи, на что тебе руки, если ты ими даже не в силах помочь самому себе? — Он сделал шаг по направлению к обреченному громиле. — А что до моих кошмарных, как ты выразился, приспособлений, то они слишком дороги, чтобы тратить их на такую падаля, как ты. — Ноздри его хищно раздулись, лицо перекосила демоническая гримаса. — Я караю тебя за то, что ты убил мою гнедую... Что твои жалкие страдания перед ее красотой, которая, увы, не вернется даже с твоей смертью...

И он занес клинок.

— Нет, умоляю! Пощадите меня! Дайте мне умереть, как воину! Не хочу, чтобы ежи и лесные мыши объели меня заживо! — завизжал разбойник, пытаясь отползти от острого палаша. — Вы же дали слово!

— Верно! Как ты мог, пес, усомниться в том, что немедийский дворянин нарушит свое слово, хоть бы он и давал его такому ничтожеству, как ты. Ты останешься жив, только без конечностей!

Он достал из потайного кармана крохотный флакончик в серебряной оплетке с ароматными вендийскими пачулями и приложил его к ноздрям.

— Немедийский?! — вытаращил глаза бородач. — О, горе мне! Ведь недаром говорят, что ваши чернокнижники делают светильники из черепов, а из человеческой кожи — кошельки и перчатки! О, горе мне, горе... Для таких, как

вы, жизнь людская не стоит и ломаного медяка, вы готовы изувечить человека ради забавы, но никогда не повысите голос на любимого пса...

— Что ж, — согласился Амальрик. — Твои речи показывают, что ты был отнюдь не глуп. В твоих словах есть доля правды, но сыны Немедии делают это не из-за бессмысленной жестокости, а служа великому Митре, ибо в доброте и великодушии своем он сотворил массу существ, которые недостойны нарекаться людьми, их удел — стоять в стойле и дрожать от кнута пастуха. Ты — раб, я твой пастырь. Вы не имеете права жить! Что ж, скоро великие сыны Брагораса будут удобрять свои угодья телами аквилонских выроdkов... Тебе ясно, пес!

— Будь ты проклят, немедийская нечисть! — В потухших было глазах мужчины загорелся огонь. — Будь ты проклят, ублюдок, и да разверзнутся недра земные и поглотят твою грязную державу вместе с такими, как ты... Вы недостойны упоминать священное имя Митры...

— Ты закончил, раб? — холодно осведомился Амальрик. — Что ж, тогда нам пора прощаться. Если бы мы были в моем поместье, я, пожалуй, бросил бы тебя в садок с муренами. Знаешь ли, очень приятно пить тонкое кордавское вино, видя, как бурлит вода в бассейне и изящные пятнистые рыбы терзают куски кровавого мяса, чтобы развеять скуку хозяина... Не бойся, — примирительно сказал он видя, как отчаявшийся аквилонский вояка судорожно пытается отползти в сторону. — Я пошутил. На самом деле, отрубать руки человеку без постоянной помощи очень неудобно, к тому же я не хотел бы испачкать костюм. К утру ты сохнешь сам от потери крови, если только волки не избавят тебя от страданий раньше!

Он спрятал склянку с благовониями и, приблизившись к бородачу, вынул тонкий льняной платок и неторопливо вытер им свои измазанные в крови руки и голенища сапог.

— Не терплю грязной обуви, — улыбнулся Амальрик и, поправив прическу, швырнул скомканный платок в лицо аквилонцу. — Равно как и нечищеных клинков.

С этими словами он тщательно вытер меч и кинжал о волосы своей жертвы и, не обращая никакого внимания на стоны раненого, медленно вложил их в ножны. Затем подошел к распростертому телу главаря, с хрустом вы-

дернул метательный нож у него из горла, заткнул за пояс и, вернувшись к мертвой лошади, порывшись в седельных сумках — достал свои боевые приспособления, которые так красочно живописал своей беспомощной жертве, еще вынул флягу с водой, и, сделав пару глотков, прицепил ее к широкому кожаному поясу. Опустившись на колени перед поверженным скакуном, он молча обнял мертвую голову, потрепал свалившуюся гриву и, глотая выступившие слезы, прошептал: «Прощай, навсегда...»

Как ни странно, боль в ноге несколько уменьшилась. По крайней мере, пусть сильно хромая, он мог идти. Луна освещала дорогу, и путь представлялся не слишком тяжелым. Если повезет, через пару часов он сможет рассчитывать на хваленое гостеприимство барона Тиберия. И, Митра свидетель, ему есть о чем порасспросить его благодородных наследников.

ОБРАЗ ИСЦЕЛЕНИЯ

Неприветливый дом Тиберия Амилийского, похожий на мрачный горный утес, был погружен во мрак. Казалось, там все погрузилось в сон: его рачительный хозяин, утомившись после дневного обхода полей, каковой совершал ежедневно, а уж в пору урожая с особенным усердием, дабы ни зернышка не пропало у нерадивых работников; сыновья Тиберия — Винсент и Дельриг, которые почему-то этим вечером не играли, по обыкновению, в кости у натопленного камина, а где-то шатались допоздна и вернулись уже затемно; Релата, хозяйская дочь, целый день, по приказу отца, просидевшая на кухне, надзирая за служанками, чтобы те поменьше мололи языками.

Сон этих людей был крепок, здоров и не подпорчен сновидениями, этим ночным развлечением ленивцев и гуляк, — ибо темное время суток, как считал глава семейства, должно использовать только для отдыха, чтобы успеть накопить сил для завтрашнего труда. Владелец Амилии жил так, как завещали ему предки: был прост, бережлив, не чурался никакой работы и оттого, один из немногих в Аквилонии был *хозяином*, а не просто *господином* своих земель. Трудитесь, втолковывал он своим детям, и точно проживете до ста зим, и помните, что

мужество людское проявляется не единожды в бою, а каждодневно в поле или кузне.

Воистину суровые устои царили в доме барона Тиберия, но зато его закрома были всегда полны зерном; на скотном дворе ухоженные животные довольно хрюкали, мычали и блеяли, прославляя своего хозяина; в тайных ларях была припрятана чеканная тарантийская монета; в погребах не переводилось доброе вино, а на столе всегда было вдосталь простой, но сытной еды.

Угрюмый дом Тиберия Амилийского спал, и лишь один-единственный желтый лучик от горящей на столе свечи робко просачивался в щель между ставнями окна на втором этаже. Там, в одном из дальних гостевых покоев, Тиберий разместил странного гостя, которого привез с собой в прошлый приезд, около трех лун назад, гостивший у них немедийский посол — тощего, как скелет, молчаливого юношу лет двадцати, с лицом аскета и горящими, точно угли, черными глазами. Его звали Ораст. От внимательного взгляда хозяина дома не укрылись на диво короткие волосы юнца, торчавшие, словно щетина, хотя гость почти не снимал мягкого серого подшлемника, видимо, стыдясь своей прически. Похоже, сказал себе Тиберий, совсем недавно голова его была выскоблена, как подобает жрецу...

Однако все эти наблюдения барон оставил при себе, радушно приняв юношу, не докучая ему лишними расспросами, и, как велел закон отцов, предоставил ему полную свободу, стараясь быть с гостем, по мере сил, обходительным.

Но тот оказался хмурым и задумчивым, не горел желанием отплатить трудом за гостеприимство, сторонился как слуг, так и хозяев, и даже настойчивые попытки сыновей Тиберия вовлечь его в свои развлечения, заманить на охоту или попойку, не увенчались успехом. По-немногу Ораста оставили в покое и позабыли о нем.

Лишь Релата испытывала смутную неловкость в его присутствии, ей делалось не по себе под сверлящим взглядом черных глаз, пробирала дрожь, и девушка, не-приметно сотворяя знак, отвращающий зло, старалась, насколько возможно, избегать общения с гостем.

...В этот поздний час в маленькой комнатке царила тишина. Нервно трепетал язычок свечи, тускло-желтым светом освещая скудное убранство покоев: деревянный

стол без скатерти, грубо сколоченный табурет, простую деревянную лежанку, застеленную грубой дерюгой. Все это появилось здесь не так давно, перенесенное, по просьбе самого Ораста, из запыленных кладовых, взамен роскошной кровати с балдахином и шелковыми простынями, мягких скамеечек и столика заморийской работы, инкрустированных костью и самоцветами. Убран был также вендийский ковер с длинным густым ворсом, гордость хозяина, самолично привезенный в молодости из военного похода, и все прочие безделушки и украшения, призванные избавить гостя от скуки и дать отдохновение его глазам.

Единственным предметом роскоши в комнате, ныне напоминающей жреческую келью, оставался золотой пандал в форме извивающегося змея, держащего в пасти раскрытый цветок лотоса — да и тот был привезен Орастом с собой.

Слуги сторонились этой комнаты, как и самого ее обитателя, шепотом пересказывая друг другу слухи один другого нелепее: о нечеловеческих столах и истощном мяуканье, якобы доносящихся в полночь из сумрачной комнаты, в которой им не дозволялось прибираться, — гость предпочитал самостоятельно поддерживать порядок, — о запахе трав и благовоний, от которого не продохнуть по утрам, о странных тенях, скользящих по ночным стенам... Но Тиберий считал все это не более чем домыслами испуганной челяди.

Сам владетель Амилии лишь единожды видел, во что превратил один из лучших гостевых покоев бывший жрец, однако смолчал, лишь ненадолго насупился и проворчал что-то невнятное себе под нос. Желание гостя — закон, объявил он домочадцам, и с того дня все поспешили оставить Ораста в покое, и если у барона были какие-то особые мысли на этот счет, если он и догадывался о причине, что может заставить молодого человека чураться роскоши, вечерами обряжаться в белое и причинять себе ненужные страдания, он ничем не выдал своих подозрений.

Сегодня же Ораст засиделся далеко за полночь, что было даже вопреки его обыкновению, поглощенный изучением огромного, пахнущего горьким миндалем старинного фолианта, от которого веяло холодом. Это и была пресловутая Скрижаль Изгоев — тот запретный труд ахе-

ронских колдунов, из-за которого он чуть было не закончил свою жизнь на костре. В тиши амилиийского поместья никто не мешал юноше работать целыми днями, и он разрешал себе отвлекаться только для того, чтобы выпить воды, съесть немного хлеба и чуток поспать. Поначалу он редко прерывал свое добровольное заточение и почти не выходил из комнаты, но когда Амальрик Торский познакомил его с местной ведьмой, бывший жрец стал позволять себе прогуляться по лесу к заветному озерцу, утешаясь тем, что ученичество у колдуньи рано или поздно пойдет ему впрок и поможет работе над расшифровкой древнего труда. И вот сейчас ему казалось, что он уже почти проник в тайный смысл очередного слова, написанного на давно умершем языке чернокнижников Ахерона, и он боялся спугнуть удачу, прервавшись на отдых, зная по своему опыту, что искусство разгадывания сакральных текстов напоминает ловлю рыбы — чуть зазеваешься, и серебристый длиннотелый хариус выскользнет из-под конечника остроги и, взбаламутив хвостом песок, скроется под корягой.

Вот уже несколько зим он, подобно золотоискателю, вымывающему драгоценные крупинки из сырого, мелкого песка вычленил смутно знакомые сочетания букв, пытаясь понять то, что всеми давно забыто и проклято. Бывало, что на расшифровку слова уходили дни, фразы — луны, страницы — зимы, и бывший жрец иногда страшился, что его жизни может не хватить, чтобы приблизиться к разгадке таинственных писем.

Но он не мог иначе, не имел права. Он *должен* был понять то, что начертано жертвенной кровью на отшлифованных специальным порошком страницах, сделанных, как он знал, из кожи неродившихся младенцев, живьем вырезанных из чрева безвестных матерей. Если он сумеет, проникнуть в суть колдовских рецептов пифонских некромантов, то ему воистину не будет равных в подлунном мире. Тогда одним движением усталой, скучающей руки он сможет поставить на колени всех магов Земли, взглядом — изменить очертания материков, словом — остановить ход светил, мыслью — воскресить умерших и истребить живых. Мечты о будущем могуществе придавали ему упорства и он говорил себе, что годы, проведенные в затворничестве — малая цена за Владычество над Мирозданием.

Ораст знал, что его спаситель, Амальрик Торский, надеется, что сможет использовать обретенное им искусство для своих убогих интрижек. Что ж, он обязан барону и привык отдавать долги; но после того как он швырнет к ногам немедийца Аквилонию и этим расквитается с ним, опостылевшие узы спадут, и он, наконец, станет полновластным Владыкой Мира. Тогда многочисленные амальрики будут ползать у его божественных ног и, отталкивая друг друга, стараться прикоснуться губами к носку его сапога, сшитого из тысяч шкурок крохотных райских птиц, которые он нарочно для такого случая вымажет в пыли.

И еще — Марна! Старая ведьма тоже получит свое. Довольно она поглумилась над его чистыми намерениями, над его искренним желанием стать ее учеником...

Ораст вспомнил все унижения, что пришлось ему претерпеть от надменной колдуньи и, содрогнувшись, сплюнул на пол. Даже в самый первый раз, когда барон, после его неоднократных просьб, привел его к жилищу ведьмы и Ораст пал ниц, ощутив каждой клеточкой своего тела Силу, которая исходит от зловещей безликой фигуры, та, вместо того чтобы милостиво принять преклонение, брезгливо пнула его ногой, словно шелудивого пса, вылизывающего теплые помои, и, повернув свою жуткую личину к посланнику, зло процедила:

— Зачем ты притащил сюда этого щенка? Разве ты забыл, немедиец, что мы не выносим посторонних...

Зная горячий нрав барона, Ораст не сомневался, что тот вспылит, возможно даже прикончит колдунью на месте молниеносным ударом палаша, но его повелитель лишь стиснул зубы и пробормотал тоном провинившегося подмастерья:

— Он славный парень, Марна. Ты не пожалейшь... И умоляет разрешить учиться у тебя.

— Нам не нужны *такие* ученики! — отрезала ведунья и удалилась своей царственной походкой, даже не попрощавшись с Амальриком. Тот вытер испарину на лбу и вознес короткую молитву Митре, что все обошлось...

С тех пор Ораст каждый день приходил к озерцу, затерянному в лесной глуши. Марна редко выходила к нему — и тогда он просто сидел недвижно на берегу, любясь игрой солнечных бликов на водной глади, или бродил кругами по лесу, пытаясь отыскать убежище ведь-

мы... Впрочем, в тщетности этих попыток он убедился довольно скоро.

Первая луна принесла молодому жрецу много загадок, открытий и разочарований. Он чувствовал, что прикоснулся к чему-то древнему, потаенному, к *истинной* магии, черпающей силы в самом средоточии Тьмы... Когда он видел Марну, то чувствовал, как каждый волосок на его теле встает дыбом, а кожа гудит, как большой стигийский тамбурин — так сильна была энергия, которую источала ведьма. Ораст, в отличие от обычных людей, даже в яркий полдень видел сиреневый ореол вокруг фигуры черно-книжницы. Все, чего он так жаждал, чего искал долгими бессонными ночами в подземельях храма Митры, за чтением запрещенных манускриптов, все истинное могущество, коего алкала душа неопита, было сосредоточено за уродливой кожаной маской, так близко, только руку протяни, все было перед ним — но оставалось запретным, и он чувствовал себя голодным оборванцем, которого связали и привели на пир — и вот перед его глазами сытые, довольные гости вкушают самые изысканные яства и напитки, а он обречен глотать слюну и мучаться от голодных корчей. Когда Ораст думал об этом, то от ярости был готов кусать себе локти.

Колдунья упорно не желала подпускать его к тем тайнам, которыми владела сама. Она ни о чем не рассказывала ему, лишь иногда позволяя присутствовать при странных магических процедурах, в суть которых он, как ни силился, не мог проникнуть. И в эти мгновения ему казалось, что Марна глумится над ним.

Однако отшельница и не гнала юношу прочь. Порой она бывала добра к нему — кормила пресными лепешками, лесными ягодами, поила медовой настойкой, возясь с ним, точно с ручным зверьком. И сколько ни давал он себе зарок не приходить больше к лесному озеру, сколько ни убеждал себя, что ведьма *никогда* не подпустит его к своим знаниям, сколько ни говорил себе, что время, проведенное в лесу, уместнее потратить на осмысление странных линий, полосок, кругов и гексаграмм, выжженных на кожаных страницах Скрижали — все было тщетно, и чаще всего рассвет следующего дня вновь заставлял его на прежнем месте.

Но рано или поздно этому придет конец. Ораст возложил вспотевшие ладони на переплет, отполированный

ладонями множества неопитов, и почувствовал, как страшная книга высасывает энергию из его пальцев, холодит кровь, морозит кожу. Ему казалось, что сотни страниц с утерянным знанием, заклинания, призывы, песнопения, литании и молитвы на языках давно забытых, чьи звуки заставляли содрогаться человеческую душу еще тогда, когда по синей почве лязгали боевые колесницы Валузии и Грондара, Туле и Коммории; когда таинственные лемурийцы плавали в раскаленном густом воздухе, словно в воде; когда еще не было посажено Небесное Древо, из которого Митра построил свою колесницу, а вязкое небо не расчленилось на Тринадцать Сфер, — целые зоны ждали того мгновения, когда он, Ораст Магдебский, проникнет в их суть, чтобы обогатить свой жалкий разум сокровенными знаниями об устройстве Мироздания.

Слезящимися от бессонницы глазами молодой жрец вглядывался в буквы, похожие на уродливых жуков, и схемы, начертанные кинематографом, изготовленной из крови убиенных... Да, сказал он себе, пусть у него уйдет полжизни на то, чтобы расшифровать этот труд, познать все тайны, проникнуть в самые недра забытой мудрости, — но в конце концов, в его руках окажется ключ к могуществу, от которого содрогнется Вселенная.

Ораст уже мог прочитать несколько страниц, и хотя многих слов он не знал и текст не получался связным, но начатки магических знаний, которыми обладал бывший жрец, помогли заполнить существующие пробелы. Увы, то, что ему удалось осмыслить, относилось к простейшим колдовским действиям, словно древний фолиант смеялся над ним, по крупице отдавая сокровища древних знаний. Иной раз жрец, обуреваемый сомнениями, задумывался о том, а не обманывается ли он, и, может быть, ощущение силы, исходившей от старинного тома, было лишь плодом его воспаленного воображения. Червь сомнения настолько источил его измученную душу, что он, наконец, решился дерзнуть и испытать Мошь, сосредоточенную на древних страницах...

Но что же *сделать*? Что сотворить, чтобы убедиться в действительности старинных заклинаний? Дрожащими от нетерпения пальцами юноша листал стылые страницы. Заклинание невидимости. Вызывание низших духов. Некромантия — общение с умершими... Когда-нибудь он

обязательно испробует все это — но не сейчас, сейчас нужно что-то совсем простое и несложное, ведь это всего лишь первая попытка... Глаза его лихорадочно метались с одного текста на другой, пока не остановились наконец на коротеньком заклятье.

Приворот.

Приворот, подминающий чужую душу, словно колесо телеги полевой цветок.

Совсем простенький. Как раз то, что надо.

Ораст внимательно вчитался в слова древнего языка, неслышно шевеля губами и прикидывая, где взять необходимые ингредиенты. Так, — корень мандрагоры — это нетрудно, он знает в лесу место, где таится ее разновидность, именуемая *морион* или трава глупцов, которая вырастает из семени, стекающего с повешенного. Однако, для того чтобы извлечь ее из почвы, нужна черная собака — ведь выкапывать колдовское растение руками или магическим кинжалом небезопасно — мандрагора, покидающая землю, издает страшный вопль, от которого можно лишиться рассудка, поэтому обычно корень, аккуратно очищенный от земли, привязывается тесемкой к шее животного. Затем нужно отойти в сторону и бросить псу кусок мяса, за которым он кинется и выдернет зловещий морион. Конечно, животное погибнет, но зато маг, тщательно залепивший воском уши, останется целым, и первое, что ему надлежит сделать — это закопать собаку на том месте, где она упала.

Ораст подумал, что ему придется дойти до деревни, ведь недавно, проезжая мимо, он видел у крестьян подходящего щенка. Так что дальше? Корни и пепел цикламена, мозг лисицы, теплая кровь из чрева женщины и три волоска той, против кого направлено заклятье. Ну что ж, его усердие и звонкая немедийская монета помогут подготовить все, что нужно, а затем... перед его мысленным взором всплыло прелестное, но холодное лицо Релаты Амилийской, и он мстительно усмехнулся... Что ж, попробуем обретенную мощь на этой гордычке — бедной деревенской девушке из захудалого дворянского рода должно быть будет приятно послужить будущему Владыке Мира.

Свеча почти догорела, когда он наконец захлопнул том с удовлетворенным вздохом человека, решившего сложнейшую задачу. Затем задул огонь и без сил повалился

на свое жесткое ложе, продолжая перебирать в памяти ингредиенты, что понадобятся ему при колдовстве.

За всеми своими тревогами и хлопотами он даже не заметил суеты у наружных ворот, вызванной появлением одинокого, сильно прихрамывающего путника.

* * *

Грубый стук в ворота разбудил недоумевающих слуг, которые с трудом признали в грязном, залитом кровью незнакомце щеголеватого немедийского посланника, который не так давно гостил у них. Старый Вильон, который начинал свою службу, еще когда отец Тиберия, Радциг Амилийский, был совсем юнцом, всполошившись, хотел было разбудить хозяина, но барон Торский запретил нарушать сон владельца поместья и приказал отвести его в гостевые покои, затребовав много горячей воды, чистую одежду и кувшин вина. От еды, которую ему предложил заботливый слуга, он отказался и попросил оставить его одного, а поутру не будить до тех пор, пока сам не встанет.

Оставшись один, Амальрик, стиснув зубы, разрезал острым кинжалом голенище сапога — нога так распухла, что снять его не удавалось, обтер мокрой тряпкой лодыжку и достал небольшую медную булавку, воткнув ее в его кружевной воротник. После чего он вознес краткую молитву Пламенноликому, испросив у него милости, и, отрешившись от всего постороннего, попытался вызвать тепло в кончиках пальцев. После третьей попытки это ему удалось — он почувствовал, как живительная энергия Митры стекает с его исцарапанных ладоней. Дуайена мучила жажда, но он не прикоснулся к вину, зная, что стоит сделать глоток, и целебная сила уйдет, словно вода в песок — Податель Жизни запрещал своим аколитам употреблять спиртное во время лечебных процедур. Несколько раз встряхнув кистями рук, Амальрик взял булавку и начал осторожно водить ею над поврежденной лодыжкой — со стороны казалось, что он поймал кончик незримой нити и наматывает ее на острие. Сделав несколько вращательных движений, барон стряхнул отрицательную энергию в пламя воображаемого костра и повторил процедуру.

Он проделывал это несколько раз, так что прошло не менее трех четвертей клепсидры, затем прокалил острие булавы над пламенем жертвенника, стоящего в углу комнаты, аккуратно воткнул ее на место; встал, подошел к ларю, стоящему в углу комнаты и, откинув крышку, извлек оттуда бутылку с можжевельным соком, служащей для окропления алтаря. Смочив этой «кровью Митры» чистую тряпицу, он растер больную лодыжку и облегченно вздохнул — если он все сделал правильно, то к утру нога заживет, и о его хромоте ничто не будет напоминать.

Закончив возиться с раненой ногой, барон тщательно вымылся, старую одежду бросил в камин, и, преодолев брезгливость, натянул на себя коричневую мягкую рубашу, толстые шерстяные чулки и мягкие остроносые башмаки из телячьей кожи. Ему казалось, что вся эта одежда пахнет скотным двором, и ему сделалось досадно от того, что ему придется некоторое время провести в этих отрепьях, в которых он неотличим от захудалого сельского вельможи, не имеющего никакого представления о том, что *приличествует* носить истинному дворянину.

Амальрику страстно хотелось припасть губами к запотевшему кувшину с вином и утолить жажду, но он одернул себя, напомним, что нужно еще навестить непутевых хозяйских сынков, а там, скорее всего, его умения придутся как нельзя кстати. Поэтому он бросил взгляд, полный сожаления, на непочатый кувшин и сухой фиал и вышел из комнаты, мягко притворив за собой дверь.

* * *

Комнату наследников барона Тиберия он нашел без труда — сдавленные стоны, предательски звучащие в тишине поместья, говорили сами за себя. Он усмехнулся, подумав, что, должно быть, мальчишка сильно мучается, — ну что ж, и поделом ему. Ничто так не придает мудрости, как выстраданные простеты.

Он рывком распахнул дверь в спальню одного из наследников, то ли Винсента, то ли Дельрига, и глазам его предстала картина, точь-в-точь соответствующая той, которую он нарисовал в своем воображении — на скомканных, влажных простынях в горячечном бреду метался бледный юноша, с заострившимися чертами лица, а у его ложа на коленях стоял второй, безуспешно пытаясь

облегчить страдания брата, вытирая влажной тряпицей испарину со лба.

Услышав скрип открываемой двери, тот, что стоял коленопреклоненный у ложа, вздрогнул всем телом и испуганно обернулся — фигура барона находилась в тени, куда не доходил неяркий свет восковой свечи, и Винсент не узнал посланника:

— Кто вы? — пролепетал он. — И что вам нужно здесь?

Барон оставил без ответа его вопрос и молча шагнул к постели:

— Что мне нужно? Да сущую безделицу — мой метательный нож, который ты, как я погляжу, поостерегся извлечь из тела своего брата. Побалуй, это самый мудрый поступок за сегодняшний вечер. Если бы ты взялся выкорчевывать лезвие своими неумелыми пальцами, то разворотил ему всю руку, и он давно бы уже истек кровью...

Винсент попытался встать с колен, руки его дрожали:

— Митра всемогущий, это вы, господин барон! Как вы попали сюда в столь поздний час? Видите ли, Дельрига ранили лесные разбойники, и я пытаюсь облегчить его страдания! — Юнец выпалил все это скороговоркой, а его притихший было брат, в затуманенное сознание которого проник глухой голос говорившего, застонал и пуще прежнего заметался по низкому ложу.

Амальрик презрительно посмотрел на насмерть перепуганного мальчишку и насмешливо хмыкнул:

— Страх, видно, отбил у тебя остатки разума, щенок. Байку про лесных разбойников оставь для своего легковерного папаша. Может, старик порадует, что воспитал таких отважных наследников. Ты что, до сих пор не понял, что именно *на меня* вы осмелились напасть там, в лесу, вместе со своими друзьями, чьи души уже скитаются по бескрайности Серых Равнин? Я думаю, поутру барону будет любопытно послушать, как два амиллийских наследника грабят и калечат несчастных путников, чтобы скрасить себе досуг.

С этими словами он опустился на простой деревянный стул — в покоях наследников не было другой мебели, ибо отец их считал, что будущим рыцарям с младых ногтей должно приучать себя к воздержанию во всем — и вытянул ноги.

— Представляю, какой переполох поднимется в Тарантии, — мечтательно протянул он, как бы ни к кому и не обращаясь, — когда венценосный Вилер узнает, до чего докатился цвет аквилонской знати. Причем, еще надо учесть, что нападение совершено на подданного бельверусского сюзерена, с которым у Тарантии очень теплые отношения. Все это тянет, по самому малому, на четвертование. Тебе, дружок, никогда не приходилось присутствовать на подобной процедуре? Ну ничего, ты еще сможешь насладиться этой незабываемой сценой. Я попрошу достославного Вилера, чтобы твоего брата казнили первым...

Винсент стоял недвижно, словно оглушенный, но при последних словах дуайена он рухнул на колени и пополз к нему, пытаясь обнять его мускулистые икры в простых домашних чулках.

— Пощадите, месьор Амальрик! — завыл он. — Клянусь вам, мы никогда больше не опустимся до такого злодеяния. Мы не думали никого убивать, мы хотели только немножко пошутить...

— Конечно, конечно, — в тон ему ответил немедиец. — Вы хотели немножко пошутить. Совсем немножко. Сначала немножко ограбить одинокого всадника. Очень приятно грабить, когда вас четверо против одного. Потом немножко поизмываться над беззащитным. А потом его убить, а тело бросить на съедение волкам. Я восхищен вашим чувством юмора, месьор.

— Нет, нет! — Юноша зашмыгал носом. — Мы не хотели ничего такого, Митра свидетель!

— Нечто похожее мне пытался объяснить твой друг, — вздохнул барон, — но его объяснения были неубедительны, и потому он остался без ног. Какая разница, в конце концов его бы все равно четвертовали, так что я просто выполняю роль слуги закона.

Глаза Винсента расширились от ужаса, кровь отхлынула от лица.

— Так вы убили Бернана, барон, — прошептал он в ужасе. — Вы осмелились добить раненого, но Кодекс Рыцарской Чести... и заветы Митры...

— Кодекс, говоришь! — Амальрик вскочил и пнул ногой съжившегося у его ног юношу. — Видно, этот Кодекс заставлял вас высматривать легкую добычу в ночной

тиши, мразь! Или законы Митры обязывали умерщвлять безвинных?

Он схватил юношу за шиворот и встряхнул так, что у того клацнули зубы:

— Запомни настоящий кодекс, щенок! Если на тебя замахнулись — ударь! Если ударили — убей! А если пытались убить, то сравняй с землей кров дерзнувшего и истреби его семью до последнего колена! Всегда отвечай большим на то, что применили к тебе, и только тогда тебя будут уважать и бояться. Только тогда при звуке твоих шагов ничтожные людишки будут сгибаться в поклоне и опускать очи! Слушай внимательно, ублюдок, — он еще раз тряхнул обвисшего юнца, — и хорошенько запомни эти слова, они тебе еще не раз пригодятся в жизни. А что касается того, что благородный барон якобы добил раненого, то это полный вздор. Я не утруждал себя этим, зная, что поутру вы с братцем выполните эту неприятную работу сами. Иначе, может статься, что вашего приятеля подберут сердобольные крестьяне, и только Митра ведает, что он может им наговорить...

Он разжал пальцы, и отрок, словно куль с мукой, упал на пол. Амальрик более не обращая на него внимания, подошел к ложу, на котором лежал Дельриг, и грубо перевернул его на бок, чтобы лучше разглядеть рану. Больной вскрикнул и затих.

Винсент кряхтя поднялся и, подойдя к ложу, робко тронул немедийца за рукав:

— Что вы делаете? Ему же больно!

— Да, ему больно, и будет еще больнее, если ты не раздобудешь горячей воды, бальзама из ноготков и можжевельного сока. Давай, пошевеливайся, если хочешь, чтобы брат дожил до утра.

* * *

Через несколько мгновений взмыленный Винсент притащил все, что перечислил барон, и немедиец, засучив рукава рубахи, принялся священнодействовать. Первым делом он, прокалив над свечой лезвие кинжала, расширил его острием края раны, из которой тотчас же хлынула кровь; затем осторожно извлек свой метательный нож, раскачивая его, словно цирюльник раскачивает негодный зуб, после промыл рану и полил ее можжевельным соком, который, как он знал, приостанавливает воспаление, и

туго перебинтовал чистыми холщовыми полосками, намазанными бальзамом.

Закончив, он приказал заикающемуся от волнения Винсенту полить из кувшина себе на руки и тщательно протер каждый палец, после чего насухо вытер ладони и погрузил их в плошку с можжевеловым настоем, что-то шепча себе под нос. Спустя некоторое время он подошел к больному и принялся делать сложные пассы руками — со стороны казалось, что он зашивает невидимой нитью края раны, не переставая бормотать заклинания. Наконец он стряхнул кисти, как если бы на них была влага, потряс ими в воздухе и устало опустил на стул.

— Я сделал все, что нужно! — бросил он недоумевающему Винсенту. — К утру у твоего брата боль утихнет, а рана затянется. Он сможет встать и будет чувствовать себя много лучше, хотя, возможно, ощутит слабость. Распорядись принести ему горячей похлебки и можешь дать немного вина. Я полагаю, что уже к полудню этот молодчик сможет снова скакать как жеребец — рана не будет его беспокоить, хотя полностью пройдет через пару седмиц. Не забывайте раз в день ее перебинтовывать, а когда все кончится — принесите обильную жертву всемогущему Митре. Понял?

Юноша утвердительно закивал.

— Да, мой господин, я благодарю вас от своего имени и от имени Дельрига. Отныне у вас нет более преданных слуг.

— Вот это верно! — фыркнул немедиец. — Ибо если вы хоть раз разочаруете меня своим радением, то плаха Тарантии живо напомнит вам, что долги нужно платить...

ОБРАЗ ВЕПРЯ

На следующий день Амальрик вышел из отведенных ему покоев лишь к обеду. Нога почти не болела, и немедиец усмехнулся, напомнив себе не забыть поблагодарить хозяина за заботу — ведь местного лекаря прислали ему чуть свет, и тот, невзирая на protestы посланника, все утро усердно врачевал его своими жалкими компрессами. Ну что ж, пусть слух о чудесных примочках разнесется далеко по округе, ведь его пациент, недавно лежавший пластом, спустя полдня лишь едва заметно прихрамывает, говорил себе барон. Спускаясь

неспешно по широкой дубовой лестнице, что вела в трапезную, он подумал, что этот костоправ пришелся как нельзя кстати, а то радушные хозяева могли бы задаться вопросом: отчего их гость, который вечером, по словам слуг, едва ковылял по дороге, пополудни порхает, словно мим на танасульской ярмарке?

Убранство зала отличалось той же грубой простотой, что и остальной дом. Привыкший к роскоши Немедии, мраморным колоннам и изразцовым полам дворцов, золотой отделке и бархатным шпалерам, барон Торский чувствовал себя здесь неуютно. Тяжелые каменные стены давили на него, суровость обстановки угнетала. Казалось, пиршественная зала амилийской твердыни не претерпела никаких изменений с тех самых пор, как десятки зим назад грубые предки барона Тиберия, обряженные в неуклюжие латы, изготовленные из бесчисленных слоев выдубленной кабаньей кожи, хлестали здесь вино из неказистых глиняных кружек, рядом с ними позвякивали уздой их боевые ширококостные кони; а похотливые оруженосцы лапали здесь же, на охапках вонючей соломы с немых и чумазных слуганок.

Что ж, аквилонцы — племя воинов, заметил он себе в который уж раз, а его чуткие пальцы уже тянулись к флакону с пачулиями, надеясь вендийскими благовониями заглушить спертый воздух замка. И то, что сейчас, по вине вялого и безвольного правителя, они погрязли в лени и чревоугодии, ровным счетом ничего не значит. Придет час, и они сплотятся вновь, единым боевым отрядом, вокруг избранного вождя! Весь вопрос в том, чтобы не сплоскаться и успеть предложить на эту роль самого подходящего претендента...

Пряча усмешку, немедиец вошел в зал, учтивым поклоном приветствуя хозяина дома с дочерью, чинно восседавших на разных концах длинного деревянного, потемневшего от времени стола.

Барон Амилийский поднялся навстречу вошедшему.

— А, наш дорогой гость! Присаживайтесь, прошу вас! Как хорошо, что вы смогли спуститься к нам... Я гляжу, вы совсем оправились от вчерашних потрясений. Да и хромота почти прошла...

Амальрик поклонился, сел и произнес благодарственные слова в адрес хозяина и его лекаря, отчего Тиберий заулыбался и довольно хмыкнул:

— Да уж, что ни говори, а наши сельские целители дадут сто очков разным там столичным медикусам! Да и то понятно — те ведь варят свои зелья, спаси их Митра, из какой-то гадости, я слышал, даже из лягушек, да еще и примешивают к ним какие-то гирканские порошки, вроде это так принято теперь. А что хорошего может быть у этих самых гирканцев, скажите мне, барон? Что они своими маленькими косыми глазенками могут разглядеть? Что? — И, не услышав ответа, сам продолжил: — То-то, что ничего! Не то что наши амилийские лекари. Да, по правде сказать, они и не нужны тем, кто живет на воле — ведь здесь сам воздух врачует. Обратите внимание, какой у нас воздух, барон! Небось, в Немедии такого и нет. А уж коли надобность какая в лекарствах, то пожалуйста, их тоже вдосталь. Но наши-то снадобья из чего сделаны? Да уж, скажу я вам, любезный гость, не из лягушек, конечно, прости Митра! А из самого настоящего меда, молока, можжевельного сока, коровьего масла и лесных трав. И все это освящено именем Солнцеликого, оттого и врачуют эти бальзамы лучше всяких городских порошков...

Пока старый воин вещал о пользе сельской жизни, Амальрик осмотрелся по сторонам. Сыновей Тиберия отчего-то не было, а его дочь Релата, одетая в скромное домотканое платье, тихо сидела на своем месте, не решаясь прерывать словоизлияния папаши, которые, как догадался посланник, ей приходилось выслушивать каждый день не раз и не два.

— ...Но что это я все о лекарствах да о лекарствах, — осадил сам себя Тиберий. — Сейчас вот мои шалопаи подойдут, и приступим к трапезе. Беда с этой молодежью, барон. Скоро стукнет по двадцати зим, а все одно на уме: девки, кости да выпивка! Что ни говори, а мы-то были другими. Уважали честь рыцарскую, чтили государя и готовы были жизнь положить за отечество! А нынешние, если, не приведи Митра, начнется война, так они же все попрятаются по амбарам, вместо того чтобы защищать свои земли. Вот и сейчас, где, скажите мне, Эрлик их носит? Они отправились поглазеть на сраженных вами бандитов, но это было уже давно, пять раз можно было бы обернуться.

Немедиец усмехнулся про себя, подумав, что добить раненого с непривычки может занять немало времени, а посему старый ворчун неправ — уж кто-кто, а его сыновья

в настоящий момент занимаются самым что ни на есть ратным делом...

Он посмотрел на Релату и заметил, что девушка бросила укоризненный взгляд на отца: ей, видно, не понравилось, что глава семейства так честит ее братцев при постороннем.

— Но расскажите-ка нам, барон, как вам удалось справиться с такой оравой — слуги говорили мне, что их было с дюжину... Примите мое восхищение, месьор! Это, право, удивительно, ведь, на первый взгляд, вы такой, такой... — Он замялся, подбирая слова, ибо, в представлении ветерана аквилонских ристаний, не к лицу было отчаянному рубака нюхать склянки с благовониями, умащивать лицо душистыми бальзамами и убирать волосы под разные там золоченые сетки.

Немедиец тонко улыбнулся и сделал вид, что не заметил смущения амилийского вельможи.

— Уверяю вас, барон, это было совсем нетрудно. Все началось с того, как... а, впрочем, подождем, пока вернутся ваши сыновья.

Тиберий согласно кивнул. Некоторое время они сидели в молчании. Релата, хрупкая синеглазая девушка с тяжелыми медовыми косами, так непохожая на братьев, задумчиво катала по столу шарики из хлебного мякиша. Лишь один раз она подняла голову — на шум шагов за дверью, но, заметив, что то был всего лишь Ораст, еще более бледный и измученный, чем обычно, спешно отвела глаза. Жрец, прослышав, что приехал его спаситель, изменил своим привычкам и вышел к обеду. Он был по своему обыкновению учтив и немногословен, но от внимания Амальрика, однако, не ускользнул полный горячечной страсти взгляд, каким бывший жрец окинул девушку. Похоже, кроме занятий магией, нашего друга увлекло здесь и кое-что еще... иронично заметил он про себя.

Некое тревожное предчувствие кольнуло его при этой мысли, однако он не придал ему значения. Наверняка, при необходимости, девушка сумеет постоять за себя... Но от дальнейший раздумий на эту тему немедийца отвлекло появление двух молчаливых молодцов, как две капли воды похожих друг на друга, с одинаковой гривой русых волос и прозрачными голубыми глазами. Глаза — вот то, что делает похожими детей Тиберия, отметил про себя дуайен и подумал, что они, слава Митре, совсем не похожи на кряжистого, престолице Тиберия, а посему он не прочь

бы был взглянуть на их матушку, которая по слухам не смогла выдержать сварливого нрава своего супруга и его постоянного ворчания и, приняв митрианский сан, удалилась в далекую обитель на границе с Гандерландом. Культ Митры не поощрял женского богослужения, поэтому аквилонки, задумавшие посвятить себя Солнцеликому, вынуждены были ютиться в уединенных храмах, вдали от больших городов.

Посланник встал и сдержанно поклонился Винсенту и Дельригу, который был чуть бледнее обычного и двигался немного неуверенно.

Это не укрылось от хозяина Амилии, и он недовольно буркнул:

— Что-то ты неважно выглядишь, сын мой, видно, вы, как всегда, допоздна предавались веселью за чаркой вина в какой-нибудь веселой компании деревенских молодежи!

Дельриг чуть покраснел.

— Ах, нет, отец... Видно, солнце напекло мне голову, — пробормотал он. — Да еще я свалился с лошади, когда мчался сюда, боясь опоздать к трапезе.

Он подошел к столу и сел, стараясь не потревожить раненую руку. Как и обещал немедиец, к обеду рана совсем успокоилась, и Дельриг мог без труда скрывать больную руку от пытливого взора отца — его просторная рубашка с широкими рукавами хорошо маскировала повязку на предплечье. Винсент криво улыбнулся в ответ на реплику амилийского владыки и примостился неподалеку от брата.

— Надо же — свалился с лошади, — скривился Тиберий. — Да знаешь ли ты, паценок, что в твои годы я уже командовал децимой меченосцев, обороняя форт Венариум от диких киммерийцев! Тогда еще аквилонская держава не обросла жирком и...

— Отец, наш гость может заскучать, — вмешалась в разговор Релата, украдкой бросив взгляд на осанистую фигуру немедийца. — Твои воспоминания мало занимают барона. — Чувствовалось, что она сама не ожидала от себя подобной смелости, коей она была обязана присутствию гостя.

Амальрик подумал, что детям Тиберия приходится по много раз на день выслушивать подобные нравоучения, и они рады любому поводу, лишь бы отвлечь старика от воспоминаний о днях былой славы, поэтому нарочито неспешно отрезал себе мяса, и, дождавшись того момента, когда обида старого воина *вызрела* настолько, что тот был

уже готов резко осадить непокорную дочь, осмелившуюся, по его мнению, дерзить своему отцу, мягко возразил:

— Моя госпожа неправа. Нам, молодым, всегда полезно послушать наставления старших, умудренных опытом, чьи седины красноречивее всех слов говорят о том, что мудрость эта досталась им непросто, не в дар от богов, а заработана тяжелым трудом и выстрадана долгими годами.

Тиберий метнул гневный взгляд на дочь, но, чувствуется, слова Амальрика пришлись ему по душе, и он довольно крикнул и налил себе вина.

— Молодежь не понимает нас, стариков, — вздохнул он и залпом осушил фиал — Им кажется, что они знают жизнь не хуже, а наш опыт для них никчем. Им мнится, что мы горады на слова, а они-то — на дела. А как доходит до этих самых дел, так забывают подтянуть подпругу и падают с лошади, словно перепившиеся крестьяне. Эх-х. Слава Митре, барон, что не вся молодежь такая, есть и другие, вроде вас, или вашего приятеля, — он кивнул в сторону мгновенно насторожившегося Ораста, — которые не брезгают учением, предпочитают мудрый разговор шумной попойке, а кропотливый труд — валянию с девками на сеновале.

Амальрик неторопливо ел, кивая в такт речей старика.

— Вы все верно сказали о труде! — не унимался тот. — Все время убеждаю своих бездельников, — он кивнул на ухмыляющихся сыновей, — трудитесь, и обретете радость и счастье, а они не слушают старика! Ничего не желают делать. Что за поколение выросло, Митра меня прости, какое-то ненастоящее. Эх, смотришь на вас и жалеешь, что вы *немедийцы*, видно, этой стране повезло больше, раз там такая молодежь... А вот в Аквилонии я что-то не припомню таких как вы. У наших все больше ветер в голове! Думают только о женихах, — он строго посмотрел на Релату, зардевшуюся от смущения, — или о том, как бы промотать за игрой в кости то, что пращурь их нажили тяжким трудом.

Амальрик усмехнулся про себя. Он любил вот так, походя, сеять смуту в некогда тесном кругу, в нужный момент дергая за нужную ниточку. Человек откровенен только тогда, когда он раздосадован или взбешен, а посему стоит неустанно мелкими шпильками засевать ниву благоразумия, отделяя мужей от жен, отцов от сыновей, и непременно оставаясь при этом лучшим другом той и

иной стороны. Порой из этой невинной забавы может выйти нечто стоящее, как, скажем, с принцем Нумедесом...

И он, решив, что не следует умножать досаду без нужды, легко перевел беседу на другие темы, заговорив, к вящему удовольствию хозяина, о ценах на зерно, о преимуществах хайборийских скакунов над гирканскими, о сукновальной глине и взимании недоимок, показав свою достаточную осведомленность во всех этих вопросах. Наконец Релата дождалась паузы и, краснея и запинаясь, напомнила гостю, что все с нетерпением ждут его рассказа о ночной стычке с бандитами. Чувствовалось, что юной девушке, скачущей в амилийской глуши, хочется послушать о чьих-нибудь подвигах.

Поедая жаркое из лани и потягивая отличное амилийское вино, равное которому делали, пожалуй, лишь в его родной Торе, Амальрик едва успевал удовлетворять любопытство хозяйской дочки, которая аж покраснела от его рассказа. Ему пришлось от начала до конца пересказать свою встречу с разбойниками, выслушать сочувственные ахи и охи по этому поводу... Слава Митре, что никто и не подумал поинтересоваться, а что, собственно, делал таинственный гость в их краях среди ночи — казалось, хлебосольные хозяева попросту были благодарны счастливой руке Солнцеликого, что привела в их дом друга.

— А что в столице, месьор? — спросил его наконец Тиберий, когда он закончил, и Винсент и Дельриг, беспрестанно ерзавшие на стульях, вздохнули от облегчения. Они знали, что хотя их отец почти не выезжает из своего поместья и чурается тарантийской жизни, находя тамошние увеселения нелепыми, докучливыми и дорогостоящими, однако при случае не гнушается разузнать новости, и теперь им нечего опасаться. Разговор о политике наверняка займет все оставшееся время трапезы.

— Признаюсь вам, нас с дочерью до глубины души потрясло то, что нам довелось узреть на церемонии Осеннего Гона, и мы поспешили уехать немедленно по окончании охоты. Нравы ухудшаются, мой друг, как ни прискорбно это видеть. Скажите, а что говорят обо всем этом при дворе?

— В столице все по-прежнему, — отвечал Амальрик, потягивая вино. — Жаль, что вы не присутствовали на пиршестве и карнавале и не видели, как чествуют Главного Охотника за то, что он добыл отменный тро-

фей! — он встретился глазами с хозяином, и тот понял, что гость не расположен обсуждать деяния венценосцев.

Но старый вояка не хотел так просто сдаваться, чувствовалось, что ему не с кем поделиться своими соображениями по поводу дел во дворце, и он, неожиданно обретя интересного собеседника, пытался выжать из него все что можно.

— Старики болтают о проклятье Цернуноса, — лукаво начал он, — вот и я думаю, как бы наш король не пострадал от неумеренного пыла своих племянников. Виданное ли дело, чтобы принц охотился на самого Бога-Оленя, хотя ему-то, понятно, все нипочем, а вот королю... Монарх всегда в ответе перед Митрой, за то, что происходит в его вотчине... А Пламенюликий суров, и длань его не знает пощады. Я вот оттого и не остался на давешнем пире...

— Да и пусть себе не знает пощады! — неожиданно воскликнул Винсент, и Ораст, сидевший от него по правую руку, чуть не расплескал вино от неожиданности. — Что нам толку в короле, который только и думает, что устраивать пиры да охоты!

Тиберий поперхнулся и бросил на него испепеляющий взгляд, а брат так двинул ногой под столом, что юнец прикусил язык, залившись румянцем.

— Прошу простить несдержанность моего сына, месьор, — пробормотал побагровевший Тиберий, не переставая буравить взором Винсента, уткнувшегося в свою тарелку, — он еще молод и плохо знает, что клинкам лучше до времени покоиться в ножнах, а безусым юнцам негоже вмешиваться в разговор мужчин! Поверьте, месьор, я найду способ научить его учтивости!

Амальрик развел руками — что, мол, поделаешь, все мы когда-то были такими, и приступил к сыру, который подали, в нарушение амилийских обычаев в конце трапезы, чтобы уважить гостя. Он умышленно не стал заверять владетеля Амилии о том, что не станет рассказывать о словах Винсента при дворе, иначе старый ворчун быстро позабудет об этой *любезности*. А так, каждый раз встречая немедийца, он будет вспоминать об опасных словах своего непутевого сына и знать, что во власти Амальрика доложить об оскорблении царственной особы начальнику Королевской Стражи.

Обед заканчивали в молчании. Словно некая тягостная пелена опустилась на трапезную. Не слышно было ни

ворчания старого вояки, ни перешептывания братьев. Релата, все это время не отрывавшаяся от тарелки, поспешила уйти, торопливо поклонившись гостю. Вскоре, извинившись, удалился и Тиберий, сославшись на предстоящую поездку за реку, к дальнему выгону, чтобы проверить, как клеймят телят. Амальрик поклонился в ответ, вытер губы льняной тряпицей и кивнул Орасту:

— Пойдем, друг мой. Что может быть лучше приятной беседы после сытной трапезы...

* * *

Они прошли в покои немедийца, — жрец почему-то не пожелал вести его к себе. Эту деталь Амальрик также добавил к длинному ряду *подозрительных*, однако достойного объяснения подобрать не смог, да и, честно говоря, ему особо и не хотелось отягощать свой ум — в конце концов у него было достаточно дел и без того, чтобы копаться в странном поведении бывшего жреца, который и раньше-то не отличался ясностью в своих поступках.

Усевшись на низкий диван, накрытый шкурой изюбра, барон налил им обоим вина, хотя знал, что жрец не употребляет спиртного, да и сам он весьма редко позволял себе вкусить божественного сока виноградной лозы, и начал беседу ничего не значащей фразой:

— Ну, как тебе живется у Тиберия?

На лице Ораста неожиданно отразилось смятение, словно юноша не знал, как ответить на этот простой вопрос. Он заерзал на пятнистом ворсе шкуры, смущенно захрустел костяшками пальцев и неуверенно пробормотал, отводя взгляд в сторону:

— Как живется? Хорошо... Да, хорошо, все очень добры ко мне...

Не стоит все же забывать, что паршивец почти всю жизнь провел в храме, отметил про себя Амальрик, — понятно, ему трудно в одночасье привыкнуть к совершенно иному образу жизни, но все же не стал отказывать себе в удовольствии съехидничать.

— А что хозяйская дочь? Она любезна с тобой? — Имя девушки он сразу припомнить не смог, но бывший жрец нечаянно помог ему — он покраснел и сконфуженно промямлил:

— Релата... Она даже не замечает меня!

В дрогнувшем голосе немедиец явственно уловил нотки скрытой ярости. Более того, в нем была неожиданная сила. А парень-то не такой уж сопляк, подумалось ему вдруг. Со временем он еще заставит с собой считаться. Релата... Так значит, эту смазливую вертихвостку зовут Релата. Хм. Похоже, что в садике Тиберия вырос ядовитый крин — лилия, манящая к себе усталых странников, чтобы усыпить их насмерть своим дивным ароматом. Он прищурил глаза и напряг память. Где-то он видел эту плутовку, и совсем недавно, не тогда, когда он привез Ораста, в ту пору девица, если он не ошибается, по словам Тиберия, гостила у сановной родни. Да! Вспомнил... Осенний Гон. Королевская охота, Эрлик всех заberi. Тогда еще этот чванливый Нумедидес, будучи в беспамятстве, пытался цапать ее точеные ножки. Он задумчиво перевел взгляд на Ораста, который отрешенно смотрел в небольшое оконце, забранное бронзовой решеткой.

Для Амальрика большой редкостью было относиться к кому бы то ни было с искренней симпатией. Люди для него, как правило, были полезны или опасны — либо непонятны, а стало быть, опасны вдвойне. Однако к этому мальчишке он проникся неожиданным сочувствием, еще когда они с принцем Тараском спасли его от костра. И дело тут совсем не в том, что барон связывал какие-то надежды с расшифровкой ахеронского фолианта, который по словам Ораста, назывался Скрижаль Изгоев. В глубине души он не верил в удачливость данного предприятия: навряд ли полубразованному митрианскому служке удастся проникнуть в святая святых магов Пифона, — слишком уж мощь разума усопших чародеев несопоставима с жалким умишком юного чернокнижника! Не интересовал его Ораст и как *мальчик* для его изощренных плотских утех, хотя в Немедии не считалось зазорным вступать в связь с мужчиной; нет, скорее он разглядел в молодом отступнике некий стержень, что-то твердое и негибаемое, надежно спрятанное под оболочкой умышленной подобострастности и нарочитого смирения. И это делало его личностью молодого отшельника привлекательной для Амальрика. «Немедийский дух» — так он именовал про себя эту черту, — немедийский дух, который стал встречаться так редко у потомков славного Брагораса, а ведь люди, обладающие им, способны становиться великими воинами и вождями, топча железной стопой мириады

жалких слизняков, тщась называться людьми, вроде тех же Винсента и Дельрига.

Именно поэтому он старался расположить к себе злополучного некроманта — давал ему денег, старался проявлять участие ко всем его бесхитростным делам, даже взял с собой в Аквилонию. Ему казалось, что в ответ юноша искренне привязался к своему спасителю и был беззаветно, по-собачьи предан ему.

Немедиец был уверен, что у жреца нет от него секретов, однако сейчас Ораст явно что-то скрывал от него. Это было заметно по неуверенному, бегавшему взгляду, нервным движениям тонких пальцев, без устали теребящих отворот накидки... Посланник знал, что, стоит ему чуть поднажать, и жрец откроет все, — однако, сам не зная почему, не стал делать этого. Должно быть, чувствовал, что без женщины здесь не обошлось... а ему совершенно не улыбалось стать поверенным первой, безответной страсти этого храмового девственника. Вместо того он поспешил переменить разговор:

— А виделся ли ты с Марной в последнее время?

Как ни странно, эта тема также не принесла облегчения. Ораст пробурчал в ответ что-то нечленораздельное, всем видом своим показывая, что не склонен продолжать беседу. Амальрик ощутил прилив раздражения.

В конце концов, этот мальчишка для него никто. Может, у лесной ведьмы и были на него какие-то виды, как дала она понять туманными намеками, однако сам барон Торский решительно не видел, какая польза может быть от бывшего жреца в их замыслах. Он просто пытался проявить дружелюбие, но Ораст, как видно, не нуждался в нем.

Натянуто улыбаясь, Амальрик поднялся.

— Ну, не буду отрывать тебя от дел... — Юноша казался настолько поглощен своими мыслями, что не попытался возразить даже из вежливости. — Если понадобится, то некоторое время я еще буду здесь.

Жрец лишь коротко кивнул в ответ. На тонких бесцветных губах его внезапно заиграла усмешка, но покрасневшие от недосыпа глаза устремлены были вдаль, и Амальрик даже не мог сказать с уверенностью, что тот слышал его. Выругавшись вполголоса, он вышел за дверь, едва сдержавшись, чтобы не садануть его со всего размаха. Однако сделав несколько шагов по темному коридору, он пожал плечами, и напомнив себе, что ничто не помогает так обрести утраченное равновесие, как верховая прогулка,

отправился на конюшню, чтобы с соизволения радушного хозяина выбрать себе новую лошадь.

* * *

Во дворе к Амальрику подскочил бледный Винсент, — похоже, он специально поджидал дуайена.

Немедиец, не замедляя шага, досадливо бросил через плечо:

— Ну что еще тебе нужно? Здесь слишком много лишних глаз и ушей, чтобы говорить о чем-либо, кроме цен на овес и урожае винограда...

— Мы не нашли его, месьор, — пролепетал юноша, сжавшись в комок.

— Что?! — Дуайен на мгновение забыл об осторожности и застыл как вкопанный. — Как это не нашли?

— Мы обыскали все вокруг! — Юнец чуть не плакал, губы его дрожали. — Этот проклятый Бернан словно сквозь землю провалился.

— Ну что же, — Амальрик уже восстановил утраченное равновесие и холодно улыбнулся. — Я полагаю, не пройдет и дня, как тебя и твоего отважного братца закуют в кандалы. А там, глядишь, через пару седмиц мы в столице сможем насладиться зрелищем вашей казни. Воистину говорят, на все воля Митры! — Посланник картинно воздел руки к небу. — Как видно, ваши жалкие жизни не нужны Небожителю, раз он отступился от вас! — Барон небрежно потрепал опешившего Винсента по щеке. — Сочувствую тебе, мальчик, но единственное, чем я могу помочь — это посоветовать уйти из жизни как подобает дворянину, бросившись на клинок! А можете вскрыть жилы, по обычаю офицеров. Говорят, это более легкая смерть, чем от веревки или топора палача. Впрочем, это дело вкуса. Ступай щенок, и постарайся побыстрее исполнить свой последний долг! Бедный Тиберий, ума не приложу, как он будет на старости лет смотреть в глаза людям после такого позора...

— Месьор! — Винсент упал на колени и припал к его руке. — Умоляю вас, помогите! Я видел, как вы исцелили Дельрига! Такое может сделать только могущественный чародей. Я знаю, вам подвластны духи! И если вы захотите, то можете добить эту падаль одним мановением руки. Заклинаю вас всем, что свято! Не губите нас с братом!

Амальрик настороженно заозирался по сторонам. Хорошо хоть повезло, и во дворе никого нет. Еще не хватало, чтобы немедийского дуайена заподозрили в чернокнижии, со слов этого сопляка. И без этого не оберешься разговоров. Если сейчас, не приведи Митра, кто их увидит, то потом только и будут чесать языки о том, как амилийский наследник ползал в пыли перед немедийским гостем. Не ровен час, слухи дойдут до короля. И без того его присутствие здесь более чем двусмысленно. Да, жаль, он не прикончил этого гандера. Что ему стоило лишний раз ударить палашом! А теперь... теперь если эту мразь подберут крестьяне, один Зандра ведает, что тот может наплевист про самого Амальрика. Эрлик всех их заberi! Какой демон его дергал за язык, когда он распинался там в лесу, словно жрец перед паствой, вместо того, чтобы покончить дело одним ударом. А теперь никуда не денешься, придется снова прибегать к ворожбе.

Он рывком поставил Винсента на ноги.

— Иди умойся, — приказал он ему. — А то еще придется объяснять моему папаше, чем это я так напугал его бравого сынка! Прочь с глаз моих! С этой минуты ты и твой братец будете вести себя тихо, словно примерные школяры, и ждать моих приказаний. Наступит вечер, и я помогу вам... в последний раз. И никому ни слова, слышишь — никому!

* * *

Амальрик прибыл в столицу еще засветло. Всю небольшую дорогу до Тарантии он обдумывал предстоящее колдовство. Только глупые щенки, вроде Винсента, убеждены, что достаточно пары заклинаний — и враг сражен наповал! Но на самом деле нужно быть очень могущественным чародеем, чтобы умерщвлять людей на расстоянии. Если бы он умел делать нечто подобное, то разве стал бы плести паутину заговора против короля? Навел бы чары, поводил руками и пожалуйста — Рубиновый Трон свободен! Но не так все просто. Чтобы разить врагов издали, нужно быть по меньшей мере Посвященным Черного Круга. Или Адептом Солнцеликого из таинственной секты митрианцев где-то в южной Гиркании, которая, чтобы противостоять силам Тьмы, рассылает по всему свету воителей...

Поначалу, отъехав от замка Тиберия, он вознамерился было повернуть в лес, чтобы поискать там как следует

свою жертву. Гандер не мог уползти далеко с перерезанными сухожилиями. Скорее всего, забился в какую-нибудь нору, откуда его выкурить пара пустяков. Эти два сосунка, небось, покрутили по сторонам головами и — наутек, как бы кто не увидел. Но тут же одернули себя. Нельзя! Не приведи Митра наткнуться на вороватых крестьян, решивших втихомолку угостить своих свиней жемудами из господского леса... Но что же тогда делать?

Прибыв во дворец, барон отказался от ужина и не раздеваясь прошел к себе в кабинет, где добросовестно перерыл все пожелтевшие от времени свитки, все заплесневелые манускрипты, изъятые у чернокнижников в канун Избиения Волхвов. Ничего не отыскав там, он весь вечер ходил из угла в угол, снедаемый тревогой. Он понимал, что его надежды тщетны — зловещая тайна ментального удара слишком страшна, чтобы можно было доверить ее перу, что его поиски бессмысленны. Но как же быть тогда? Может, вернуться в Амилию! Но почти сутки прошли. Эту тварь мог кто-нибудь обнаружить...

Барон подошел к камину. Что-то похолодало под вечер, чувствуется, скоро зима. Он протянул к огню озябшие руки. Живительное тепло быстро согрело, и пальцы стало приятно покалывать. Амальрик присел на корточки перед разверстой пастью очага и залюбовался языками пламени, которые весело потрескивали на смолистых сосновых поленьях. Он любил смотреть на огонь, получая от его созерцания такое же наслаждение, какое иные получают, разглядывая шпалеры или слушая музыку. Пожалуй, огонь притягивал его гораздо больше, чем люди. Они все одинаковы: мелочны, глупы, завистливы, а огонь каждый миг такой разный. То дик и необуздан как молодой жеребчик, плюется искрами и ревет в дымоход, а то тих, печален и робко рдеет на угольях, напоминая сказочный цветок папоротника.

В комнате стемнело и на задумчивом лице немедийца мелькали багряные отблески пламени, обрисовывая беспощадные губы, хищный нос и раскосые рысьи глаза. Иногда кажется, что в языках пламени видишь города, объятые пожаром, костры с корчащимися колдунами, факельные процессии санитаров, сгребających трупы во время чумы, извержения вулканов, меркнущие светила или лохматые кометы, несущие безумие. И почему-то никогда — освещенные окна заснеженных домов или фейерверки карнавалов. Амальрик провел теплыми ладонями

по лицу. И все же чаще эти рыжие, вишневые, алые, пунцовые и пурпурные протуберанцы напоминают танец саламандр, которым поклонялись древние...

Стоп!

Амальрик взвился, чуть не опрокинув каминную решетку. Вот оно! То, что нужно!

Одним прыжком он подскочил к столу, заваленному свитками и томами и стал лихорадочно в них рыться, что-то бормоча себе под нос и отбрасывая лишнее.

Саламандры! Огненные саламандры! Как он мог забыть о них?

Аквилонские жрецы считали саламандру червем, рвущемся в пламени. Туранские мудрецы допускали, что это четвероногий зверь, плетущий коконы, из которых впоследствии, якобы, и добывают парчовую нить. Шемиты были убеждены, что саламандра — это птица Баала, выходящая гнезда в очагах. Она умирает, когда тушат пламя, и возрождается, когда его вновь возжигают.

Амальрик знал, что все это вздор. Саламандра не червь, не зверь и уж, тем более, не птица. Это дух пламени! Огненный элементал! Воплощение одной из четырех стихий, основ мироздания! Древние маги, которые стояли гораздо ближе к природе, чем их нынешние собратья, умели подчинить себе эти огненные существа и заставляли их служить себе. Сейчас! Сейчас он отыщет нужную формулу, и духи огня, словно рой светлячков, послушно помчатся туда, куда он укажет, и выжгут на лигу внутрь, всю землю вокруг проклятого места! Лес станет пустыней: растрескавшаяся почва, обугленные камни и черные остовы деревьев! Ничто живое не уйдет от них! Конечно, пожар может легко перекинуться на какую-нибудь деревню, но, в конце концов, что такое сотня ничтожных аквилонских жизней...

Он нашел нужный свиток и заскользил взглядом по рунам. Эх, жаль, нельзя пользоваться этим заклятьем чаще, чем раз в три зимы. А то бы уж как он отвел душу, превращая в пепел города и веси этой ненавистной державы... Ну ничего, начнем с малого! Он представил себе разбойника, корчившегося в языках пламени, и мстительно усмехнулся. Да, бедняжка, тебе не очень-то будет приятно зажариться заживо...

Амальрик Торский закатил глаза и простер руки над очагом. Губы его беззвучно зашевелились.

ОБРАЗ ОГНЯ

Небольшой отряд наемников, увеличившийся за время странствий по Аквилонии еще на двух человек, выехал на большой амилийский тракт. В этом баронстве удача вновь отвернулась от них, — кого ни расспрашивал Конан, все в один голос твердили, что Тиберий, владетель Амилии, хоть и был неплохим воякой в молодости и немало помахал мечом в свое время, ныне остепенился, полюбил покой, держит всего десять человек дружины — меньше было бы просто неприлично, сообразно с рангом, — и упорно не желает тратить деньги на военные забавы. Врагов у него почти нет, с соседями живет в мире, а если заведется пара лишних золотых, предпочтет скорее купить бычка-трехлетку для своего знаменитого на всю Аквилонию стада, нежели меч или боевые доспехи. Так что для Вольного Отряда здесь работы найтись не могло, и Конан принял решение даже не тратить времени и не заезжать в замок, а прямым ходом направиться в столицу. Тарантия оставалась их последней надеждой.

Семеро наемников неспешно трусили по ровной, широкой, прямой, точно полет стрелы, дороге. Настроение, несмотря на то, что со службой пока их преследовали неудачи, было бодрым. Да и много ли надо солдату, чтобы почувствовать себя счастливым? Чтобы была крыша над головой и горячий ужин, чтобы вино плескалось во фляге, да солнце светило, и пыль не летела в глаза...

Пока всего этого у них было в избытке. Правда, больше половины сбережений Конана ушло на то, чтобы купить на первой же ярмарке добрых коней для Барха и Невуса, взамен тех, что были загублены тролхом; да нанять еще пару крепких молодцов, все на той же ярмарке. Конан не без оснований считал, что отряд его должен быть достаточно представительным, чтобы будущий наниматель заплатил хорошую цену за службу. Пятеро же это не отряд — так, компания оболтусов! Кто захочет с ними считаться?! В планах же его было довести численность наемников хотя бы до дюжины...

И все же, какая досада! Втайне Конан очень рассчитывал на этого Тиберия, ибо немало наслышан был о его подвигах от ветеранов по всему свету. Имя барона до сих

пор произносилось ими с уважением. Кто бы мог подумать, что годы способны так изменить человека! И лоб киммерийца невольно морщился под блестящим шлемом.

Если бы он еще отвечал только за себя, насколько проще было бы все сейчас. Деньги, крыша над головой, еда — все это было, разумеется, приятно, однако никогда не являлось для варвара первостепенным. Он без труда способен был вынести любые лишения и нужду, в особенности, если азарт и жажда приключений подстегивали его. Но сейчас он чувствовал себя подобно вольному соколу, которого поймали, спутали лапы, нахлобучили клубочек и лишили свободы. И путами этими была для него ответственность за отряд.

Сперва было не так. Они не так зависели от него, бунтовали, отказывались считать за старшего, и он не чувствовал себя ни в чем обязанным этим людям, словно то были случайные попутчики. Однако после битвы с тролхом в разоренной деревне все переменялось. Даже когда улеглось возбуждение, наемники Йермака продолжали относиться к нему с благоговением, даря нового предводителя безусловной, нерассуждающей и абсолютной преданностью. Это было приятно, знать, что по одному его слову четыре человека готовы сделать все, что угодно, хоть броситься с обрыва в реку... Но Конан в тот миг даже предположить не мог, какую ответственность наложит это на него. Теперь же он чувствовал себя отцом четверых — нет, уже шестерых — неразумных младенцев, жизнь которых целиком и полностью находится в его руках.

Все чаще это тяготило свободолюбивого, привыкшего к одиночным странствиям киммерийца; однако изменить что бы то ни было оказалось уже не в его силах.

И сейчас, слушая, как радостно болтают, делясь солдатскими байками, обсуждая женщин и карточные проигрыши, шестеро наемников, он не мог сдержать глухого раздражения. Раньше, помимо всего прочего, ему было куда проще с ними. Можно было пошутить, посмеяться вместе, обсудить какие-то планы... теперь же, возведя своего командира едва ли не в ранг полубога, наемники поставили его особняком, отделились от него незримой стеной преклонения и суеверного страха. Впрочем, это было естественно: старые вояки как дети. Им нужны

демоны и герои — иначе жизнь скучна и все их сражения не имеют смысла! Ведь неправда, что они дерутся только за деньги. И тот, кто долго был с ними рядом, знает, что нет на свете больших романтиков, нежели эти грубые, неотесанные сквернословы и богохульники...

Так что Конану ничего не оставалось, как примириться со своим положением. В конце концов, и это имело свои преимущества. Ему удалось установить среди парней железную дисциплину, и теперь отряд их был, точно крепко сжатый кулак в латной перчатке. Даже внешние они изменились, стали подтянутыми, собранными. И ежедневные тренировочные поединки на мечах явно пошли им на пользу. Так что будущему нанимателю придется раскошелиться: *такой* отряд стоит немалых денег. Вот только найти бы его — этого нанимателя!

За раздумьями своими Конан и не заметил, как стемнело. А никто из этих обалдуев и не догадался напомнить ему, что пора бы поискать постоянный двор! Впрочем, естественно. Должно быть, решили, что у командира есть свои причины для ночлега под открытым небом, и протестовать даже не осмелились.

Киммериец усмехнулся и, съехав с дороги, направил лошадь в лес.

— Поищем ручей, — бросил он парням через плечо. — Там и заночуем. А завтра утром двинем в Тарантию!

Одобрительный шепот встретил его слова. Наемники уже заскучали без работы — давно пора было найти им пристанище и хорошую службу. Маленький отряд двинулся по лесной тропинке в чащу.

Здесь уже было почти темно: робкие лучи заходящего солнца не могли пробиться через густые кроны вековых деревьев и, запутавшись в пожелтевшей листве, гасли, растеряв по пути весь свет. Но тропа была широкой, и кони шли легко, точно почуяв скорый привал. Конан не сомневался, что если дать им выбрать дорогу, они приведут их к воде.

И они почти нашли уже ручей, — от земли потянуло сыростью, и откуда-то слева, из-за деревьев, донеслось искристое журчание ключа... но в этот миг чуткое ухо киммерийца уловило едва слышный посторонний звук. Он мгновенно насторожился.

Повинуясь жесту командира, наемники застыли, натянув поводья. Прислушались. Да, ошибки быть не могло. Слабый стон раздался впереди. Человеческий стон. Ни минуты не колеблясь, Конан направил коня вперед по тропе.

Он соскочил с седла и обернулся. Вроде нет никого. Но стон явственно слышался откуда-то справа. Киммериец обнажил меч и крадучись пошел на звук. Через несколько шагов он понял, откуда доносятся стоны — под корнями огромного дуба виднелось отверстие, напоминавшее медвежью берлогу. Оно было полускрыто разноцветными ворохами осенних листьев и поэтому не бросалось в глаза.

Варвар осторожно раздвинул мечом смешанный с землей перепутанный ком молодых отростков на корнях, у входа в нору.

— Огня! — приказал он.

Барх быстро высек искру, запалил трут и соорудил факел. Конан осторожно посветил факелом внутрь.

Он увидел крепкого бородатого мужчину со сломанным носом. Судя по чертам лица, тот был родом из Гандерланда.

Вдруг раненый открыл глаза. В мутных зрачках отразился свет факела. Его лицо исказила гримаса страха.

— Вы опять пришли, — прохрипел он, и на губах запузырилась кровь, — в прошлый раз мне удалось ускользнуть... Заползти сюда... Но вы нашли меня и здесь! Будьте вы прокляты, палачи!..

Он попытался плюнуть в сторону северянина, но потерял сознание. Голова его тяжело упала на ворох листьев.

Киммериец пожал плечами и приказал своим солдатам вытащить раненого наружу.

— Только будьте поосторожнее, болваны! — пробурчал он. — Похоже этот молодчик и так потерял полбочонка крови! Странно, что он не отдал концы. Видно, крепкий оказался гандер, Кром его побори!

Наемники осторожно вытащили раненого наружу, и Конан склонился над ним. Привычная картина. Киммериец столько крови повидал на своем веку, что ничего не могло уже смутить его душу. И труп на поляне неподалеку он окинул равнодушным взглядом, лишь отмечая про

себя, что тому парню они едва ли смогут чем-то помочь... А вот раненый — дело другое.

Опустившись перед ним на колени, Конан плеснул ему в лицо холодной водой, а когда тот снова открыл глаза, поднес к губам умирающего бурдюк с водой. Тот сперва не мог пить, расплескивал воду, захлебывался, но затем как будто пришел в себя и принялся глотать, жадно, даваясь прохладной влагой, точно живительным нектаром.

Наконец раненый напился, и глаза его закрылись: он вновь потерял сознание. Киммериец убрал мех и уверенными, осторожными движениями принялся осматривать его. Большинство ран показали ему неопасны — так, царапины; конечно, порез на боку довольно глубокий, но клинок скользнул по ребрам и не задел жизненно важных органов. Крови, правда, потерял много, но ничего, через пару седмиц организм наверстает упущенное. Однако перерезанные на ногах сухожилия наводили на размышления. Едва ли подобное ранение могло быть нанесено во время боя; здесь чувствовался холодный злонамеренный расчет. Но кто же — и за что — мог обойтись так с этим беднягой?

— Не люди — собаки! — в сердцах высказал Невус общее мнение. — По мне уж лучше сразу порешить, чем вот такое делать...

Он кивнул головой на ноги несчастного.

— Точно, Эрлик их заberi, — поддержал его Жук. — Что будем делать с ним, капитан? — И шесть пар глаз уставились на киммерийца в уверенном, слепом ожидании чуда.

По счастью, тот действительно знал, что делать. И, если только грязь не успела проникнуть в раны, этого горемыку еще можно было спасти.

По команде Конана на поляне у ручья разожгли костер и осторожно перетащили раненого, уложив его на сложенные у самого огня плащи. Затем Жук, по обычаю, занялся ужином, ссылая в походный котелок все остатки припасов и обильно посыпая свое чудовищное варево солью и жгучим кайренским перцем, — ибо только так и можно было поглощать его стряпню; Конан же, с помощью Барха, стянул с раненого грязную, заскорузлую от крови одежду, принялся промывать раны.

Как он и предполагал, порезы на ногах оказались наиболее опасными. Не появившись они в лесу в этот час, к утру раненый истек бы кровью. И так он провалялся здесь не меньше суток. Должно быть, сам Кром — или какому там богу он молится — прислал их на помощь этому парню. И, глядя на нанесенные ловкой, недрогнувшей рукой удары, рассекшие сухожилия под коленями до самой кости, киммериец смачно выругался, жалея, что не появился на месте еще раньше, чтобы застать негодяя, что сотворил такое.

Хвала Крому, он еще может спасти этого беднягу!

Прокалив в огне острую иглу из рыбной кости, подаренную ему врачом в Куше, Конан вдел в нее лошадиный волос, выдернутый из гривы его вороного коня. Осторожно раскрыв вновь принявшие кровотоцит края раны на левой ноге, он отыскал оборванное сухожилие. Так — теперь сшиваем. Как лучшая придворная мастерица...

Раненый застонал. Ловким нажатием на сонную артерию киммериец вновь отправил его в забытье — ни к чему, чтобы принялся дергаться и стонать сейчас. Ему и без того приходилось нелегко!

Закусив губу, варвар принялся сшивать края раны. Этому искусству он обучен был с детства. В Киммерии так делали всегда. Ранения зашивали конским волосом и обливали водой. Других способов суровые северяне не признавали.

Однако в остальной Хайбории подобный способ врачевания был в диковинку, — не удивительно, что остальные так пилились на него. Конан гаркнул на наблюдающих за ним в немом восторге наемников, чтобы перестали отвлекать его от работы, и те покорно уткнулись в свои миски.

— Вот и славно, — пробурчал он сам себе, перебинтовывая ногу раненого полосой холстины, что всегда хранилась на такой случай у него в походном мешке. — Теперь вторую...

Передохнув, он вновь принялся за работу.

Оставалось сделать совсем немного, когда вдруг предостерегающий возглас Жука отвлек его, нарушив сосредоточение. Конан обернулся, готовый обругать болвана, но ругательства застыли у него на языке.

Что-то странное творилось с огнем. Пламя, почти угасшее, ибо никто из наемников не решился подбросить в него поленьев, опасаясь потревожить командира, вдруг вспыхнуло ярко-алым, с прозеленью светом, точно вспучилось, и захлестало длинными языками во все стороны, как норовистая лошадь хвостом. А затем словно рой пчел закружился в нем, словно...

С громким воплем Конан отскочил прочь, — как раз вовремя, чтобы увернуться от огненного шара, вылетевшего внезапно из самого сердца ревущего пламени. Шар был величиной с голову ребенка, и, если приглядеться, внутри его мелькало нечто похожее на маленькую ящерицу, но движения огненного существа были настолько стремительными, что разглядеть что-либо доподлинно было невозможно. Да и времени на это вскоре не осталось. Новые и новые огненные снаряды вылетали из костра. Их становилось все больше и, застыв на миг в воздухе, точно в ожидании команды, они разом ринулись на остоленевших людей.

— Саламандры! — заорал Невус. — Огненные саламандры!

Не раздумывая, Конан выхватил меч, отмечая краем глаза, что уроки его, кажется, не прошли даром: почти в тот же миг клинки оказались в руке каждого из наемников... Вот только, как предстояло ему убедиться спустя несколько секунд, проку от них было немного.

Лезвие меча проходило сквозь саламандр, не причиняя им ни малейшего вреда; напротив, клинок вскоре накалился до такой степени, что его стало трудно держать. А дерзкие ало-зеленые шары тем временем перешли в атаку.

Методика нападения у них была крайне проста: все, чего они касались, вспыхивало ярким пламенем, если могло гореть; и хотя сами они тут же гибли, растеряв свою силу, ревущий огонь порождал им на смену новые полчища.

На поляне воцарился хаос. Крики обожженных людей смешивались с лошадиным ржанием; пахло паленым. Кто-то, истошно крича, пытался сбить с себя пламя. Кто-то спасался бегством... Сам Конан оставался пока невредим; ловко увернувшись несколько раз, он заставил нерасторопных саламандр врезаться в дерево, впустую растратив свою энергию; однако он прекрасно понимал,

что такая, в буквальном смысле, игра с огнем, не могла длиться вечно.

Киммериец, стиснув зубы, пытался принять решение. От огненных шаров, казалось, не существовало никакого спасения... еще немного, и они сгорят заживо в этом проклятом лесу! В этот миг одна из саламандр, совершив неожиданный вираж, ударила его в плечо, и Конан взвыл от пронизывающей боли. Точно раскаленным железом кто-то поставил на коже клеймо...

Однако боль обострила восприятие, заставила мозг работать собраннее и четче, включила глубинные инстинкты хищника, борющегося за выживание. И рука Конана сама потянулась к бурдюку.

Первый опыт оказался удачным! Он ловко выплеснул воду на налетевший огненный шар, и тот, яростно зашипев, мгновенно съежился и потух, испустив зеленоватый дымок. Отлично!

— Водой их! Обливайте водой! — прорычал киммериец. Он не знал, услышат ли его остальные в этом бедламе, но проверять было некогда. Три новых шара уже летели к нему. И в этот миг Конан понял, что бурдюк его пуст. Раненый выпил все! Кром! Отшвырнув опавший мех в сторону, Конан совершил гигантский прыжок, чудом увернувшись от двух элементарей сразу. Но не от третьего, который ударил в грудь! Металлический доспех мгновенно раскалился докрасна, — но толстая кожаная подкладка приняла жар в себя, и северянин ощутил лишь тепло, не могущее причинить ожога.

— Сюда! К ручью! — громовым голосом выкрикнул он. — Сюда!

На сей раз на призыв его откликнулись. Невус с Жуком подбежали почти сразу, запыхавшиеся, с закопченными физиономиями; остальные последовали за ними. Краем глаза Конан отметил, что не все отделались так же легко, как он сам, — у одного из новичков куртка висела почерневшими лохмотьями, и на коже вздувались огромные волдыри; немой лишился всех волос слева; у Невуса от роскошной седой косы, доходившей ему до лопаток, остались лишь жалкие прядки... Но прежде чем считать потери, следовало отбиться от врага.

— К воде! Быстрее! — приказал варвар. — Выстроить цепочкой! Черпать воду шлемами — я буду тушить костер. — И первым передал свой шлем в руки Невусу.

Наемники мгновенно оценили план командира. Их глаза вспыхнули от радости. Несколько мгновений, и живая цепь заработала.

Конечно, от волнения больше половины воды они проливали сперва впустую, да и саламандры атаковали неотступно, точно чуя близкую гибель, и все же люди не сдавались. И хотя Конану казалось, что противостояние со стихией длится вечно, и усталые, обожженные, затекшие руки гудели, и пальцы уже с трудом подхватывали шлем с водой, — но с каждой выплеснутой в огонь порцией воды он становился слабее, и хотя еще гудел сердито, и порой языки пламени взлетали выше человеческого роста, исторгая новые легионы ало-зеленых шаров, однако с каждым разом их становилось все меньше, и напор понемногу ослабевал.

Часть воды уходила, разумеется, на то, чтобы отогнать налетающих саламандр — и защитить по-прежнему лежащего в беспамятстве раненого, о котором все забыли в первые горячечные минуты. Но теперь Конан удостоверялся, что пациент его, кажется, дышит, и от сердца у него отлегло. Досадно было бы после такого шедевра лекарского искусства потерять больного по вине каких-то огневушка-поскакушек!...

А тем временем костер уменьшался, съеживался на глазах. Вот он стал Конану по грудь — по пояс — по колено... И цвет пламени из яркого, насыщенного, яростного стал блеклым и испуганным. Труд, казавшийся вначале бесплодным, сродни попытке вычерпать ложкой море, неожиданно дал результаты. И, приободренный, киммериец, наскучив монотонностью заливания костра по капле, вдруг прыгнул в самую его середину и с молодецким задором принялся топтать пламя. Кто-то из наемников закричал предостерегающе — но он ничего не слышал, не испытывая ничего, кроме злой радости, вызванной облегчением и преодоленным страхом. И под тяжелыми сапогами киммерийца огонь, точно собака с переломанным хребтом, в последний раз дернулся и затих... перед ними было лишь черное пепелище.

Воины переглянулись. Никто не заговаривал первым, не зная толком, что сказать. Кроме ругательств, ничего не шло им на ум.

— Похоже, крепко мы кому-то досадили здесь, если чернокнижники на нас ополчились, — задумчиво пробормотал наконец Невус. — Не обошлось тут без них — у меня на такие дела чутье... Вот только за что, хотел бы я знать?

Конан пожал широкими плечами. У него и самого нюх на колдовство был отменный, и сейчас он не сомневался, что за таинственной атакой стоит чья-то злая воля. Вот только...

— А с чего ты взял, что избавиться хотели от нас? Держу пари, этот парень, когда очнется... — Он указал на лежащего в беспамятстве раненого, — расскажет нам немало интересного.

Наемники переглянулись. Такая возможность не приходила им на ум.

— Утром видно будет, — поморщился Невус. — А пока, мнится мне, лучше бы нам убраться отсюда подобру-поздорову. И огня больше не зажигать...

* * *

Утро, однако, ничего не прояснило. Раненый ненадолго пришел в себя — но почти сразу же у него начался жар; он потерял слишком много крови, и многочисленные ожоги, оставленные огненными шарами, оказались последним ударом, сломившим крепкий организм. Теперь помочь ему мог только лекарь, — и Конан, не теряя времени даром, приказал соорудить из плаща и двух слег носилки, на которые и погрузили бородача.

Они несли его по очереди, по двое, и это существенно замедлило их продвижение. И когда, ближе к полудню, небольшой отряд добрался до стоявшего у развилки дорог постоянного двора, они почти потеряли надежду, что сумеют спасти жизнь бедняги.

Конан был полон нетерпения. Бесцельно растраченные жизни всегда претили ему, — он и без того видел слишком много смертей. А с этим подбитым гандером ощущал особую связь, как врачеватель с пациентом. Варвар не мог допустить, чтобы труды его пропали зря, и злодейка-

смерть обманом отняла у него жизнь человека, которого он своими руками почти уже вытащил из ее жадной пасти. И потому, едва войдя в зал таверны, он по-хозяйски распорядился:

— Сюда его! Кладите прямо на стол — чтобы лекарю удобней было. — И, заметив жмущегося в углу, испуганного видом наемников хозяина постоянного двора, махнул ему рукой, точно отдавая приказ кому-то из своих солдат. — Эй, ты! Есть тут лекарь у вас? Пусть придет — здесь раненый!

Жук с Невусом уже втащили в зал носилки и, повинаясь жесту киммерийца, уложили гандера на длинный деревянный стол.

Но неожиданно суету их прервал возмущенный голос:

— Как вы смеете! Вон отсюда, ублюдки!

Конан обернулся к говорившему. Раздражение, владевшее им с самого утра, искало повода выплеснуться, и он с готовностью принял вызов.

— Ты что-то сказал, нергалово отродье? — угрожающе процедил он смуглому коротышке с круглым, точно тарелка, лицом. — Или, может, я ослышался?

— Не ослышался, пададь! — взвизгнул тот истерично. — Я сказал, убирайтесь прочь отсюда! Вы потревожили мой завтрак. Вам это дорого обойдется!

В руке его возник меч. Киммериец, вдруг осознав комичность ситуации, расхохотался от души. Вот же петух драчливый — ищет ссоры сразу с отрядом наемников. До того уверен в себе, что об опасности и не думает. Привык, должно быть, что любые его приказы исполняются мгновенно, без обсуждения... Интересно, что же это за птица такая? Судя по выговору, откуда-то с запада, из Немедии или Бритунии!

Впрочем, сейчас личность переодетого нобилиа мало интересовала киммерийца. Скорей бы привели лекаря, — это все, чего ему сейчас хотелось. А вот парням его небольшая разрядка, пожалуй, придется как нельзя кстати. И, обернувшись к застывшему в ожидании приказов отряду, варвар бросил с ухмылкой:

— Этот благородный господин, похоже, чем-то недоволен. Видно, матушка в детстве забыла научить его хорошим манерам. Пора, кажется, наверстать упущенное!

Наемники заухмылялись, предвкушая добрую забаву.

— Манеры — вещь важная, — с задумчиво-напыщенным видом, так мало подходившим к его плутовской физиономии, протянул Жук. — Молодой господин еще скажет нам спасибо... — И, точно по команде, сильные, грубые руки потянулись к переодетому нобиллю.

— Прекратите! — взвизгнули тот отчаянно. — Не смейте, скоты! Вы не знаете, кто перед вами...

— Как же... дерзкий щенок, которому давно не задавали трепки, — отозвался на это Невус. — Подрасти сначала, сопляк, а уж потом хватайся за меч! Придется тебя высечь, чтобы слушал впредь старших!

Наемники загоготали. Невысокий рост и правда делал похожим этого драчуна на подростка.

И забияку, невзирая на угрозы и протестующие крики, выволокли на двор таверны.

Что было с ним дальше, Конан не видел, но, судя по истошным воплям наказуемого и довольным физиономиям наемников, забава удалась на славу...

Сам же он присел у камина с большим кувшином вина, что заботливо поднесла ему дочь хозяина, и не спускал глаз с раненого до самого прихода лекаря, точно силою взгляда мог поддержать в умирающем жизнь.

ОБРАЗ ИЗГОЯ

На следующий день Ораст вспоминал свой разговор с Амальриком, удивляясь тому, насколько немедийский вельможа, которого он прежде боготворил, ныне вызывал у него раздражение. Наверное, размышлял он, те седмицы, которые ему довелось провести в затворничестве, впитывая в себя мудрость таинственных писем, изменили его натуру куда больше, чем все прошедшие зимы. Он полюбил одиночество, стал находить утладу в тишине, отвык от человеческого голоса; теперь любая болтовня, необходимость отвечать на дурацкие вопросы и самому говорить ничего не значащие фразы вызывали у него нервную дрожь.

Для того чтобы не сталкиваться с дворовой челядью, он сперва старался приучить себя спать в дневное время, когда Амилийский дом гудел от людских голосов, как борть лесных пчел в пору роев. Каждый раз, когда он

слышал конское ржание, шум шагов, далекий хохот кухарок или лай дворовых псов, лицо его кривилось как от зубной боли; он не переносил тех посторонних звуков, что нагло вторгались в его закупоренный стерильный мир, нарушают гармонию безмолвного, отвлекали от сосредоточения.

Но работать по ночам было небезопасно — досужие деревенские сплетники могли связать это с занятием чернокнижием, а его отшельническая жизнь и так, видимо, вызывавшая немало кривотолков, грозила в очередной раз закончиться в каземате митрианского монастыря. А уж этого допустить он не мог! Скрижалъ Изгоев не простила бы ему отступничества — он чувствовал это, стискивая пальцы от радости, что именно *он* был выбран Судьбой для грядущих перемен. И оттого бывший жрец навострился затыкать себе уши комочками мягкого воска, что спасало от невыносимой муки слышать и приносило долгожданное отдохновение от земных звуков.

В те редкие часы, когда он виделся с Марной, они также почти не разговаривали — колдунья в совершенстве владела искусством передачи мыслей. Ораст не мог похвалиться тем же, но помаленьку обучился *настраиваться* в унисон ведьме и разбирать отдельные обрывки тех образов, которые она считала нужным передать ему. Иной раз Марна откровенно издевалась над юным затворником и заставляла его лицедреть обнаженные женские и мужские тела, переплетенные в немыслимых позах и извивающиеся от сладострастия. Когда его начинало лихорадить от увиденного — он судорожно пытался воздвигнуть мысленную стену из прозрачных камней, что, как он слышал, помогает оградиться от нежелательного воздействия. Ведьма не противилась его наивным попыткам защититься от ее сокрушающих ментальных выпадов, хотя, Ораст отчетливо понимал это, ей довольно частицы мгновенья, чтобы свирепым ураганом смести его жалкие мысленные постройки, годные лишь на то, чтобы защититься от дурного глаза в ярмарочной толпе.

Вчера бывший жрец вышел проводить своего господина — хвала Митре, он не стал задерживаться в Амилии — и долго махал вслед немедийцу, который умчался верхом на кауrom тонконогом жеребце, подаренном ему Тибери-ем. Барон настоял на том, чтобы гостя проводили до

большака его сыновья и несколько охранников («Вы видите, месьор, до чего мы докатились — разбойники хозяйничают во владении благородного вельможи, как у себя дома. Будто мы живем не в цивилизованной стране, а в каком-нибудь Туране»), и Ораст вздохнул с облегчением, когда небольшая кавалькада скрылась из вида за поворотом дороги.

«Никто, — повторял он себе, — никто не должен помешать мне пройти по той стезе, что определили мне Высшие Силы». Он неожиданно покраснел, вспомнив, как пару раз был вынужден заняться рукоблудием, чтобы дать выход раздражающим его плотским желаниям, утешая себя тем обстоятельством, что мужское семя есть неотъемлемый ингредиент большинства колдовских снадобий, и собирая драгоценную влагу в крохотную склянку темного стекла для последующих опытов.

Он спросил себя — а не стоило поведать дуайену о том, что он собирается сотворить с Релатой? В конце концов, в задуманном нет ничего предосудительного — просто первая попытка, проба пера. Он не сомневался, что Амальрик сумел бы оценить все изящество такого шага... Впрочем нет, не стоит лишний раз привлекать к себе внимание. Пусть бельверусский волк не ведает о том могуществе, которое сосредоточено в тонких, изящных руках слуги, который вскоре станет его господином.

Он завозился на жестком ложе. Хватит предаваться воспоминаниям, пора вставать и, после скромной трапезы, приниматься за работу, но, решив подарить себе несколько мгновений блаженства, закрыл глаза и представил прекрасное лицо Релаты. С тех пор, как он решился на этот невинный магический опыт, оно все время оставалось с ним, преследуя словно ночное наваждение, которым карает сварливых жен суровая Дерэкто. Точеные черты, задумчивые, с поволокой глаза, синие в крохотных серых крапинках, густые медные косы. Тонкий стан и нежная округлость груди... О сладостнейшая, мучительнейшая из пыток — видеть созревший плод и не иметь возможности впиться зубами в его мягкую податливую плоть! Ораст чувствовал, что его мимолетная прихоть грозит перейти в безумие, словно коварный труд пифонских мудрецов, который стал управлять его поникшей

волей, приказывает не отступать от задуманного, подталкивает к решительным действиям, распалая костер в его груди. Лицо его пылало как в лихорадке, его бросало то в жар, то в холод...

Ораст рывком поднялся с лежанки, взял со стола кувшин с водой и опрокинул его себе на голову. Теплые струйки — вода успела нагреться на солнце — не принесли вожделенного облегчения, а лишь намочили стриженную голову, затекли за воротник, и изгвоздали пол. Жрец тряхнул головой и приказал себе сесть за стол. Прошло уже немало времени, а он так и не приступал к работе. Ораст бережно, словно молодая мать первенца, развернул чистую тряпицу, в которую он заворачивал драгоценный том, опасаясь любопытных взоров амилийских домохозяев, и открыл заложенную страницу, решив проверить магические ингредиенты, дабы удостовериться, не забыл ли он чего-нибудь.

Проще всего оказалось раздобыть волосы девушки, — не понадобилось даже подкупать прислугу. Вчера он опоздал к завтраку не случайно — пока все сидели за столом, он, украдкой прокравшись в спальню Релаты, снял их с гребня, что валялся на столике у кровати. Конечно, для ворожбы желательно иметь волоски с лона жертвы, но здесь не помогли бы даже деньги, ибо только слепой и глухой не понял бы, для чего они могут понадобиться. Может, такое ничтожное отклонение от Канона не повредит ритуалу? К тому же на полу, близ ложа Релаты он нашел крохотный обренок ногтя — об этом в Скрижали ничего не говорилось, однако, рассудил Ораст про себя, и повредить не могло. Как знать, может, этот обренок поможет компенсировать то, что не вышло с волосами?

Власть... Власть... Власть... Это слово не выходило у него из головы, терзало его воспаленный мозг, но в то же время оставляло острое наслаждение, словно дурман черного лотоса, который используют вендийские колдуны для ухода в неведомые времена и пространства. Предчувствие грядущей *мощи* жгло изнутри Ораста, порой он кусал себе до крови губы, чтобы не закричать и в диком крике выплеснуть все то, что копились эти годы в его заплеванной, поруганной душе.

Он помнил свое детство в захудалой немедийской деревушке. Брань вечно угрюмых родителей. Тумаки и оплеухи старших братьев, которые не упускали случая выказать свою силу на болезненном и худосочном последыше. Шипки и насмешки своих прыщавых сестричек, норовивших отобрать у него корки хлеба, которые он потихоньку умудрялся таскать из пустынных сусеков, пропахших мышами.

Он родился последним. Больше у его родителей не было детей. Хотя семеро голодных ртов и без того большая обуза для нищей крестьянской семьи. Насколько он помнил себя, его постоянно мучил голод. Иногда он усмехался и думал про себя, что, наверняка, в ту пору, когда он, маленький, мокрый и орущий, качался в зыбке, его мать вместо того чтобы дать ему грудь, кормила молоком, его молоком, старших братьев и сестер. Такое, как он недавно вычитал, частенько практиковалось в полудиких уделах нумалийских князей. Крестьяне рассуждали по-своему здраво, полагая, что здоровье старших детей куда более ценный товар, чем жалкая жизнь грудничка, который, одному Митре известно, выживет или нет.

Он помнил маленьких мерзких вшей, которые постоянно копошились в его вихрастой голове. Передергивался, воскрешая в памяти свое золотушное тельце, тоненькие ноготки на пальцах рук и ног, которые слоились и ломались, отставали целыми пластами и частенько он откусывал их своими неровными мелкими зубками, чтобы не цеплялись за драную, латаную одежку, не мешали мутузить соседских ребятишек, поджигать хвосты и уши пойманным в лесу белкам, отрывать лапки лягушкам.

Он рос диким зверьком, который был готов на все — боль, страх, унижение, лишь бы выжить. Родители вспоминали о нем нечасто, да и то лишь для того, чтобы заставить порубить тяпкой ботвинью серому, костлявому кабанчику — единственному «богатству» его нищих предков.

Когда ему минуло десять зим, родители отдали его в митрианский монастырь за полмешка зерна и криницу пива.

Жрецы Митры не могли иметь рабов — Бог Солнечной Справедливости запрещал своим слугам поработать чужие души. Оттого исстари повелось, что монастырские угоды задаром обрабатывали крестьяне соседских ленов, которых плетью сгоняли туда багроволицие от жары и выпитого пива дружинники. Их хозяева шли на это, дабы не прогневать молчаливых бритоголовых жрецов, облаченных в пурпурные и белые ризы, щедро расшитые переливающейся сусальной нитью. То, что несчастные крестьяне тратили последние пригожие деньки на уборку монастырского урожая, а их собственные клочки земли щетинились несжатыми полосками ржи и ячменя, насколько не волновало суровых господ и не подвигало уменьшить огромные оброки.

Порой митрианские жрецы брали натурой. Зажиточные семьи могли откупиться медом, зерном, молоком, можжевеловым маслом. Те, кто победнее, кряхтя и поругиваясь про себя, резали последнего поросенка или сворачивали головы курам, на худой конец, выгребали остатки яиц и вяленого мяса и тащили все это в Земной Чертог Огненноликого, где обрюзгшие хастельяны — монахи, ведающие провизией — перебирали толстыми пальцами товар, взвешивали его на огромных бронзовых весах и старательно мусоля графитную палочку, малевали на куске бересты специальные значки, которые можно было предъявлять дружинникам, как свидетельство того, что семья освобождается от трудовой повинности на полях близлежащего монастыря. Как правило, ополовинить кладовые было выгоднее, чем оставлять собственное зерно гнить на нетронутых нивах.

Те, у кого не было вообще ничего, и ветер гулял по амбарам, приходилось отдавать в монастырь собственных детей. Дело осложнялось тем, что брали только мальчиков, и те семьи, коим Митра даровал дочерей, не могли воспользоваться этой поблажкой. В Аквилонии еще встречались женские обители Пламенноокого, но в суровой Немедии, где всем женщинам от роду было предначертано рожать детей, кормить мужа и неустанно молиться Подателю Жизни, подобное было немислимо.

Тем, кому «посчастливилось» спровадить в монастырь собственных отпрысков, убивали сразу двух зайцев — митрианские жрецы на полный год освобождали от работ,

что позволяло наполнить собственные овины, и семья облегчалась на один голодный рот. Иногда монахи даже давали что-то в придачу, если тот товар, который им приводили отчаявшиеся родители, пришелся им по душе. Крестьяне оставались довольны, зная, что их сопливым чадам будет в Земном Чертоге Митры куда лучше, чем в собственной нищей избе. Там их выучат грамоте, научат ремеслу и воспитают верными слугами Бога-Солнца. А если повезет, могут сделать из них жрецов — все лучшая участь, чем гнуться под хозяйской плетью и страдать от холода и голода.

В монастыре его отмыли, начисто выскоблили шишковатую, покрытую струпьями голову, обрядили в рясу и нарекли новым именем. Так он стал Орастом. И потом уже, сколь не силился, не смог вспомнить своего истинного имени — забытое сочетание звуков кануло в мглистое дно его пустынной души.

Первое время в монастыре он еще дичился, стараясь забиться в темный угол, словно пойманный на забаву назойливым детям лисенок, но шли седмицы, и мальчик притерпелся к устоям новой жизни, и вскоре уже не представлял, как можно жить иначе.

Десять зим провел юный послушник в обители Солнцеликого, десять зим он прилежно зубрил грамоту и древние языки, корпел над счетными досками, сначала неумело, а затем все более и более уверенно привыкал водить графитом по дорожному пергаменту и дешевой бересте, а беспощадные розги бритоголового наставника неустанно вбивали в его неокрепшую память малейшие тонкости проведения митрианских обрядов.

Когда Орасту исполнилось семнадцать, его послали в Бельверус. Там, по замыслу отца-настоятеля, который давно уже приглядывался к молодому послушнику и намеревался заслужить благословение Солнцеликого, вырастив из шелудивого деревенского пащенка правовежного митрианца, юноша должен был продолжить обучение и отточить свои познания в теологии и философии. Тем более, по слухам, король Гариан жаждал очистить сначала столицу, а затем и всю Немедию, от скверны чернокнижия, и служителям Бога-Солнца дозарезу нужны были фанатичные сироты без роду и имени, готовые, не

рассуждая, пойти на страдания и смерть, искореняя происки Тьмы.

Бельверус поразил воображение бедного неопита, никогда доселе не видевшего такого обилия высоких каменных зданий, широких улиц и гулких площадей. Его потрясли и привели в смятение разноязыкая шумная толпа горожан, многоцветие одежд, незнакомые запахи и звуки, бесчисленные россыпи неведомых и непонятных вещей, выставленных напоказ на бесчисленных столичных майданах. Даже храм Митры, куда молчаливый и застенчивый юноша добрался не без труда, ничем не напоминал скромное святилище Огненноликого, в тесных кельях которого он провел свои юные годы, — только для того, чтобы просто обойти вокруг Каменного исполина в святилище, изображавшего Митру, вершащего земной суд, Орасту понадобилось бы не менее двух поворотов клепсидры.

Полученные впечатления от увиденного были так велики, что юношу тряс озноб, когда он, высоко поднимая ноги, вышагивал вверх по изразцовым ступеням огромной лестницы, ведущей в храм Творца Всего Сущего. Он пытался бодриться и подшучивать над самим собой, сравнивая себя с ничтожным насекомым, жалким муравьем, ползущим на вершину неприступной, по его муравьиному разумению, твердыни, которая, на деле, ничто иное как старый, рванный башмак, выброшенный рачительным хозяином, но ничего не получалось — дрожь только усиливалась.

Прошло немало времени, прежде чем Ораст осознал, что если в его родной обители к нему относились если не с участием, то хотя бы с явным интересом, то здесь, в столице, до него никому не было дела. Его новые наставники, в те редкие мгновения, когда он попадался им на глаза, скользили по нему равнодушными взглядами, словно по надоевшей и уже ставшей ненужной вещи. И послушник Ораст, который привык быть *первым* в сельском ските и радостно поживаться от сладости прилюдной похвалы, тот самый Ораст, который удивлял суровых жрецов своими способностями и усердием в познании, кто мог назубок, в любое время, хоть растолкай его ночью, продеklamировать все двести десятков строк из «Моления Треваньона-заточника» или, чуть рисуясь,

на мгновение прикрыть глаза и сложить в уме длинную цепочку чисел; здесь стал одним из *многих* — очередной бледной тенью в полутемных монастырских коридорах, безликим и безголовым призраком молчаливой бельведерской храмины.

Минуло три зимы; три зимы, подробностей которых он не мог припомнить, столь похожими казались унылые, однообразные дни в его добровольном заточении. Юноша почти не выходил на улицу — мир вне стен храма казался ему чудовищным и кроважидным, пронизанным блудом и скверной. Так, по крайней мере, об этом писали ученые митрианцы в своих трудах, где усердно бичевали светскую жизнь. Правда это или нет, Ораст проверить не мог да и не хотел, он привык верить всему тому, о чем пишут в святых книгах, и постоянно возносил хвалу Солнцеокому за то, что он оказал честь ничтожному молчальнику, укрыв его от ужасов жизни за надежными стенами монастыря.

Порой юноша засиживался допоздна над старинными фолиантами — это не возбранялось внутренним уставом — и нередко через узкие окна с темных улиц доносились до него одинокие крики. И он прислушивался к чужим предсмертным хрипам, с трудом подавляя в себе первобытный ужас, а воображение рисовало ему жуткие сцены насилия и зла, которое творится под покровом ночи, когда добрый Митра уходит в свой чертог и наступает время Темного Сета — Великого Змея.

Как-то осенью, поборов свою робость, Ораст предпринял вылазку в город. Он намеревался побродить по улицам, покормить голубей на площади Святого Берингольда и купить несколько книг, тех, что не было в храмовой библиотеке. Юноша вознамерился выучить лэйю, светский язык Хайбории, который, по его разумению, мог бы помочь ему в приобретении знаний об обществе мирян. С недавнего времени послушникам стали выдаваться скромные карманные деньги: царственный сын Гефениса хотел заручиться поддержкой церкви, и золото из королевской казны стало потихоньку течь в и без того обильные хранилища слуг Огненноликого. Предполагалось, что неофиты потратят свою скудную стипендию на приобретение церковных книг и письменных принадлежностей, но наиболее расчетливые из его товарищей — Ораст до-

гадывался об этом — потихоньку копили их, медяк к медяку, чтобы не остаться с пустыми карманами в тот час, когда они, закончив обучение, направятся в какую-нибудь отдаленную провинцию, чтобы, волей Митры, присоединиться к местному приходу, прозябающему в нищете. Были и другие, которые, пользуясь дозволенными отлучками, тайно *грешили*, покупая дешевое вино и любовь продажных женщин. Чаще всего то были послушники из светских семей, родителям которых вздумалось дать своим чадам религиозное образование. Эти будущие жрецы втихоря насмехались над заветами Митры и не чаяли дожидаться того дня, когда наконец выйдут на свободу и будут предоставлены самим себе.

Ораст не понимал ни тех, ни других. «К чему золото? — вопрошал он себя. — Когда воля Митры дать его рабу все необходимое и без этого...» Ораст не нуждался в развлечениях, он даже не понимал, зачем они нужны — работа заменяла ему все, и юноша не мог представить себе, что мир полон людей, которые только и мечтают, как бы получше скоротать досуг, и отнюдь не снedaемы жаждой познания.

Он шел вдоль тихой безлюдной улицы и настороженно стрелял глазами по сторонам, каждую секунду ожидая, что кто-то из мирян заденет его грубым словом, обидит соленой шуткой, а то и вовсе, пользуясь своей животной силой, взращенной на вдосталь поглощаемом мясе и вине, надругается над его юным, нетронутым телом и запачкает хульными словами его стерильную душу, выхолощенную тысячами молитв.

Но опасения его были тщетны — почти никто не попадался на его пути, и тревога постепенно отступила. Он дошел до конца улицы Лудильщиков и уже было вознамерился свернуть к площади, как вдруг одна из дверей невзрачного одноэтажного строения с шумом распахнулась и оттуда выкатился взерошенный бородач в засаленном фартуке. Он подскочил к опешившему Орасту и цепко впился жилистыми, давно немытыми пальцами в край его белой рясы.

— Во имя Пресветлого, мой господин! Само Небо послало мне тебя. Видно, Митра-Благодетель услышал мои молитвы! Пойдем же скорее в дом! — насадно

заголосил он и потянул онемевшего от изумления Ораста к распахнутой двери.

Юноша страхнул оцепенение, испуганно отшатнулся и сделал попытку вырваться.

— Кто вы? Я не знаю вас, — пролепетал он, готовясь броситься наутек.

— О, мой господин, — человек шмыгнул носом, и Ораст вдруг разглядел, что его глаза красны, будто тот рыдал ночь напролет. — Тебе не стоит опасаться старого Бернана. Я всего-навсего бедный лудильщик. Сам-то я родом из Гандерланда. А здесь живу вот в этом доме... — Он кивнул головой на покосившуюся дверь, из которой так стремительно выскочил. — Я никогда бы не позволил себе задерживать такого благородного господина, но моя дочь очень плоха. У нее лихорадка, и она, бедняжка, угасает на глазах.

Ораст не сводил глаз с его странного кривого носа и крепких мозолистых рук.

— Ты не знаешь, какое это испытание для любящего отцовского сердца — видеть, как дитя, плоть от плоти твоей, мучается в бреду и зовет свою давно умершую от голода и холода мать, — не умолкал Бернан. — Мы честные люди и оттого бедны! У нас нет денег, даже чтобы купить дров и разжечь очаг, не то что позвать лекаря. Я вижу, ты хороший человек, ты не сможешь остаться равнодушным к страданиям бедняков. Так, во имя Митры, зайди к умирающей крошке и сотвори какие-нибудь молитвы. Глядишь, Пресветлый услышит своего верного слугу и дарует моей Грете выздоровление!

Ораст внимательно посмотрел на лудильщика. Он не был похож на злодея, по крайней мере, насколько представлял их себе юноша. Может, и впрямь его дочери плохо? И стоит зайти в дом? А если за дверью прячутся разбойники, которые точат нож и готовят удавку, чтобы захлестнуть его беззащитную шею? Пожалуй, лучше убратся подобру-поздорову... Но как же этот бедняк и его больная дочь? Владелец Горнего Огня велит помогать ближним, но тогда нужно сделать шаг и уйти из светлой улицы в темноту страшной двери... О, нет, это выше его сил...

— Послушай, добрый человек, — еле слышно произнес Ораст. — Я бы охотно помог тебе и твоей дочери, но

послушникам строго запрещено заходить в жилище мирян. Обратись в ближайший Храм — там не оставят без внимания твою горе...

Бернан сник и опустил плечи.

— Ваши жрецы не захотят пойти в бедный квартал, — откровенно пробубнил он. — Ведь мне нечем отблагодарить Солнцеликого. А приход лекаря стоит целую марку. Чтобы заработать столько, мне надо трудиться без устали три луны кряду и морить голодом всех в доме. Что ж, на все воля Митры! Ежели ты брезгуешь пойти к ложу умирающей, то стало быть мы чем-то сильно прогневали Повелителя.

— Я не брезгую, — Ораст покраснел. — Просто я не должен нарушать устав.

Лудильщик покачал головой.

— Что это за устав такой, который не велит помогать страждущим. Ну ладно, ступай с миром, и пусть Митра рассудит, кто из нас прав...

Он повернулся и сделал вид, что уходит.

— Подождите! — Ораст сглотнул слюну и судорожно стал вытаскивать узелок с медяками. — Не уходите, я дам денег, и вы пригласите врача! Здесь все, что я накопил... Понимаете, я хотел купить книг, которых нет у нас в храме... Но если такое дело, то мне ничуть не жалко. Митра велит делиться...

Он тянул за узел, который никак не хотел развязываться, но наконец непослушные пальцы сумели совладать с льняной тряпицей, и мелкие медные монетки высыпались на мостовую и зазвенели, как погремушка ярмарочного шута.

Лудильщик опрометью кинулся их подбирать, бормоча слова благодарности, и юноше почудилось, что он подскуливает от радости, ползая на брюхе по грязной мостовой, как большой шелудивый кобель, которому неожиданно кинули кость, но Орасту было не до того, чтобы разглядывать коренастого гандера, — он подобрал полны ряссы и, кляня собственную нерешимость, которую даже в мыслях избегал называть трусостью, он неловко, по бабьи, потрусил прочь.

В тот вечер послушник был молчаливей обычного и не притронулся к вечерней трапезе. Его распирало от гордости за содеянное. Еще бы, тогда как другие транжи-

рят деньги направо и налево, он помогает нуждающимся. Ораст понимал, что тщеславие — порок, за который Огненнолик строго наказывает, поэтому честно пытался подавить в себе греховные мысли, прося Митру вразумить своего недостойного слугу и наставить на путь истинный.

Минуло пару седмиц — настало время очередного отпуска. Ораст боялся признаться себе, что давно уже ждет того часа, когда откроются ворота монастыря и шумная толпа послушников хлынет на бельверусские улочки вкушать запретный плод светских утех.

Едва юноша очутился на воле, как ноги сами понесли его на улицу Лудильщиков. Поначалу он, непривычный к городу, поплутал в похожих друг на друга переулках, но когда он уже отчаялся вновь отыскать это место, Пресветлый направил его стопы, и он очутился прямо пред лачугой Бернана.

Он стоял перед ней, не решаясь постучать, не меньше четверти клепсидры, но наконец преодолел собственную робость и неловко стукнул железным кольцом по темным доскам, изъеденным древоточцем.

На третий стук раздалися тяжелые шаги, и дверь отворилась. На пороге, подбоченившись, стояла румяная дебилая молодница.

— Тебе чего надо? — нелюбезно буркнула она прямо в лицо опешевшему Орасту, обдав его нутряным запахом лука.

Юноша опустил глаза.

— Я только хотел... — Горло перехватило, и он поперхнулся.

— Чего хотел-то? — равнодушно протянула тетка, окидывая пунцового от смущения жреца оценивающим взглядом.

— ...проведать Грету, — заикаясь, выдавил из себя Ораст. — Я хотел справиться о ее здоровье...

Толстуха наклонила голову набок и прищурилась.

— Ну, я Грегга. А чего ты там болтаешь о моем здоровье? Вроде оно всегда хорошее было, здоровье-то. Ты лучше на себя посмотри. Одна кожа и кости — о своем здоровье побеспокойся, Нергал тебя заберет!

Она побагровела от злости и хотела захлопнуть дверь, но Ораст, удивляясь собственной решимости, вдруг вцепился в кольцо.

— Подождите, — выпалил он, — объясните мне, наконец, что происходит! Лудильщик Бернан попросил у меня денег, чтобы вылечить свою больную дочь, а вы говорите, что она, то есть... вы и не болели никогда вовсе! Как это все понимать?

Дебаха захохотала, и ее толстое тело затряслось. Ораст не в силах был сдерживать отвращение, глядя на ее большие жирные груди, которые ходили ходуном перед его глазами.

— Лудильщик Бернан, — хохотала она. — Лудильщик, как же! Да этот поганый гандер, поди, молотка-то в руках не держал, только пивную кружку! Уж которую зиму сидит у меня на шее! А ты, значит, и есть тот простак, которого он обдурил, чтобы раздобыть денег себе на выпивку? Ну и дела!..

Неожиданная ярость захлестнула Ораста. Все те картины, которые он рисовал перед своим мысленным взором: худенькая девушка, сгорающая от лихорадки, заботливый бедный ремесленник, у которого не хватает денег, чтобы пригласить врача к больному ребенку, и главное — он, Ораст. Благородный Ораст, отказавший себе во всем, чтобы убожить страждущих, благочестивый послушник, которому Огненнолик за это должен был возложить свои божественные длани на чело, дабы отметить доброту и усердие своего примерного слуги, оказался осмеян и унижен этой глумящейся чернью, пропитанной винными испарениями. Он на мгновение потерял над собой контроль и неумело хлестнул своей узкой ладонью по телу толстухи.

Вместо разящего удара вышел шлепок, который пришелся прямо по бедру. Девка завизжала и заголосила на всю улицу, перемежая крики о помощи с чудовищными ругательствами.

— Спасите, люди добрые! — надрывалась она, а в соседних домах вдруг разом захлопали створки ставен и залязгали засовы дверей. — Бесстыжий жрец пристаёт к невинной девушке. Что же это делается такое? В своем доме проходу не дают...

Ораст беспомощно обернулся и открыл рот, чтобы объяснить, что все совсем не так, и это его, Ораста, надо спасать, а не эту грязную девку, это у него, праведного слуги Солнцеликого, обманом выманили дарованные в

храме медяки, которые пошли не на богоугодное, как он думал, дело, а на мерзкие забавы этих ужасных людей, которые многожды согрешили, поскольку не только лукаво солгали послушнику, но вкусили запретного вина и, скорее всего, не погнушались иными плотскими утехами.

Он хотел объяснить это и многое другое, но не успел — удар тяжелого, пахнущего дегтем кулака, разбил ему бровь.

Ораст тонко закричал и, словно зайчонок, рванулся в сторону. Но его настигли, сноровисто сбили с ног, и будущее светило митрианского культа пропахало носом мостовую и уткнулось лицом прямо в кучу лошадиного навоза.

Он плохо помнил, что было потом. Кажется, его били ногами, потом чуть не переломали кости кочергой. Кто-то, хохоча, мочился на его испачканную рясу. Он не мог видеть *кто*, но почему-то чувствовал, что это разбойник Бернан, которого он посчитал лудильщиком. Тут же суетились какие-то дети — он слышал их тоненькие, противные голоса и топот маленьких, наверняка рахитичных ножек, обутых в тяжелые деревянные башмаки. Последнее, что он слышал, был лязг оружия подходившей стражи и возмущенные объяснения добрых горожан, вынужденных дать отпор распоясавшемуся жрецу, обесчестившему жену почтенного мирянина Бернана.

Потом стало темно.

* * *

Храмовый суд Пресветлого Митры постановил: послушника Ораста, уличенного в винопитии и блудодействе и тем самым осквернившего Имя Огненноликого, сечь кнутом и держать в подземном карцере на хлебе и воде две седмицы. После чего отправить в Храм Блаженных в Магдебурхе, где и надлежит ему пребывать в смирении и молитвах до полного раскаяния...

Но послушник Ораст не раскаялся. С тех пор в его душе поселилась месть, которая требовала выхода, точила и грызла его изнутри, разъедала его благочестие, словно ржа железо. Он потерял покой и лишь молил Пресветлого даровать ему Силу, чтобы заставить всех тех, кто надругался над его наивностью, погибнуть лютой смертью. Его больше не заботила храмовая карьера, напротив, он стал

проявлять интерес к чернокнижию и украдкой читал в библиотеке запрещенные труды давно умерщвленных еретиков. Он стал кое-что понимать в запретных культах и мечтал обрести ту мощь, которой, судя по прочитанному, обладали древние маги Ахерона и Валузии.

Ночами, лежа на жестком ложе, он молился своим новым богам, чтобы те помогли ему покинуть ненавистную Немедию и направили его стопы в мрачную Стигию, где неофит смог бы обучиться таинствам у молчаливых жрецов Сета, или в загадочный Кхитай — хранилище Железной Книги Скелоса, но после, когда жар видений приостывал, он понимал, что стенания его пропали втуне, и он по-прежнему слишком слаб и беспомощен, чтобы перенести трудный путь на Восток, и в ярости кусал пропитанную потом соломенную подушку, одновременно презирая себя и жалея.

Он молился Митре лишь для вида, настолько, насколько требовалось, не более, и втихомолку, с большими предосторожностями, попробовал совершать обряды поклонения Нергалу, черному божеству гирканцев. У него доставало ума и хитрости рьяно блюсти *лицо*, потому в глазах настоятелей он был никто иной, как раскаявшийся грешник, усердно замаливавший былые грехи, и ничем не нарушал устав храмовой общины.

Когда, по тайному приказу короля Гариана, жрецы Митры начали поход против чернокнижников и по всей Немедии запылали священные костры, Ораст был в числе тех, кто усердно подкладывал вязанки хвороста и подносил к ним зажженный факел. Нечестивые маги боялись, как огня, аскетичного юношу с горящими глазами, да он и был огнем — праведным митрианским пламенем, очищавшим страну от хулы. И никто не знал, и даже не мог предположить, что праведный Ораст, словно тать в ночи, украдкой, во время обыска, сует себе под рясу самые ценные магические атрибуты осужденных — хрустальные шары, старинные книги, зачарованные кинжалы, а после прячет их в потайном месте, надежно скрытом от любопытных глаз.

Но пришел час, когда он *ошибся*, открыто покусившись на древний том мага Оствальда. Когда суровые немедийские солдаты тащили безумного старца на костер, тот проклинал Митру и предрекал час, когда Скрижаль Из-

гоев, как он величал свой драгоценный фолиант, изменит судьбы мира.

Ораст, занимавший в ту пору почетный пост помощника тайного судьи, не таясь, забрал зловещий том в свою келью, объяснив всем, что он якобы хочет изучить ересь, дабы наметить новые пути борьбы с чернокнижием.

Поначалу ему поверили, да и кто бы стал перечить ему, Орасту, прозванному Магдебским, который одним росчерком пера мог выкорчевать целый род, обвинив его в служении Силам Тьмы. Но когда из кельи молодого аскета стали доноситься леденящие душу вопли неведомых существ, от которого гас огонь в жертвенных пламениках и начинал бродить можжевеловый сок, жрецы не выдержали и, заручившись поддержкой светских властей в лице благородного барона Амальрика Торского, заковали непокорного в железо и подвергли пытке огнем...

Ему оставалось жить не более дня, и никакое чернокнижие не помогло бы ему хоть на мгновение отсрочить тот час, когда солнце его сознания должно было закатиться в самую глубокую из Преисподних Зандры, как не помогло всем тем несчастным, которых он безжалостно сжигал, четвертовал и топил, пытаясь отомстить Миру за собственную ничтожность. Ему не помогли бы все те демоны, которых он кормил с ладони внутренностями черных пепелов и поил свежей кровью, заботливо нацеженной им в склянку во время пыток в подземельях; не помогло бы все то ведовство, которое он накопил за прошедшие зимы, ибо не сотворили злые умы еще такого чародейства, что в силах было бы расплавить тяжелое железо кандалов и источить сырой, замшелый камень тюремных стен; не помогло бы ничто, если бы не слепая Судьба, заставившая Амальрика барона Торского завернуть в его каземат и тем самым изменить течение Истории...

ОБРАЗ ВОРОЖБЫ

Солнечный свет мне несносен, кузен. А эта жара... — Губы Нумедидеса обиженно поджались, словно никто иной как, Валерий, повинен был в том, что полдень выдался таким удушливо-жарким, и на дороге, как назло, последние десять лиг не попадалось ни деревни,

ни хотя бы постоялого двора. — Хоть бы прошел наконец дождь и прибил к земле эту проклятую пыль! Мне невозможно дышать, кузен. И одежда — ты видел, в каком состоянии мой камзол?!

Валерий Шамарский устало передернул плечами, не утруждая себя ответом. Нумедидес не переставал ныть с той самой минуты, как они выехали из ворот Тарантии, направляясь в Амилию, и гунливые жалобы его и беспричинное недовольство всем на свете стояли у него поперек горла. И ничем иным, кроме временного помутнения сознания, не мог он объяснить, почему согласился, уступив настояниям Нумедидеса, составить ему компанию в эту нелепую, бесцельную поездку.

Нумедидес явился к нему ни свет ни заря, необычайно возбужденный, и с порога принялся взахлеб болтать о какой-то чудодейной ведьме-прорицательнице, которую, якобы, пригласил барон Тиберий в своих владениях. Зная приземленность старого вояки и его брезгливую недоверчивость ко всему, что хоть на сень выступало за рамки привычного здравого смысла, все это представлялось Валерию крайне сомнительным. К тому же, антуйский наследник после Хаурана не выносил, когда при нем говорили о магии... Но для кузена его душевное смятение было пустым звуком. Один Митра ведает почему, но он накрепко вбил себе в голову, что чернокнижница может представлять для него интерес, и ему непременно потребовалось увидеться с ней, — а уж если Нумедидесу чего-то хотелось, он не останавливался ни перед чем, лишь бы обрести желаемое. Это Валерию известно было с самого раннего детства; и сейчас, скорее чем спорить, он предпочел уступить старшему брату, как уступал и тогда.

— Ты только представь, Валь! — Глаза Нумедидеса горели совершенно ребяческим восторгом. — Настоящая ведунья! Она все расскажет о будущем, все, как есть, что с тобой станет, — надо только принести ей перепелку, убитую не железом... — Он хихикнул, словно вспомнив нечто забавное, — Ну, на такой случай у меня кое-что припасено... — И с гордостью продемонстрировал кузену четыре стрелы с обсидиановыми наконечниками.

Смехотворная забава эта, казалось, совершенно вернула принца в детство; даже то, что он обратился к Валерию уменьшительным именем, которым не называл того уже

лет пятнадцать, говорило об этом. Да и возбуждение его до такой степени не вязалось с обликом наследника престола тридцати с лишним зим от роду, что впору было заподозрить притворство, — вот только Валерий решительно не видел, какова могла быть цель, ради которой кузен с такой настойчивостью стал бы заманивать его в амилийские владения.

Нет, сказал он себе. Скорее всего, здесь нет никакого обмана. А Нумедидес настолько взбалмошен и капризен, что любая нелепая прихоть у него вырастает в задачу государственных масштабов. И противиться ему в таком случае нет ни малейшей возможности. И Валерию ничего не осталось, как уступить, хотя мысль ехать за добрую сотню лиг вдвоем, без слуг и свиты, в гости к барону, где их никто не ждал, и еще неизвестно, будут ли рады их видеть, казалась ему крайне сомнительной. Но когда он заметил это Нумедидесу, тот пренебрежительно отмахнулся все его колебания.

— Аквилонский принц — везде желанный гость, — заметил он, фатовато ухмыляясь. — В особенности в доме, где есть девки на выданье... Я надеюсь, ты не забыл еще прелестной Релаты? Кстати, я намерен серьезно ею заняться — так что предупреждаю: не вздумай мне ставить палки в колеса!

Шутливый тон его предупреждения, впрочем, не мог обмануть принца Валерия. И он облегченно вздохнул, осознав наконец истинную причину, что гнала его кузена в далекую Амилию. Это было куда больше ему по душе, чем всякие ведьмы-предсказательницы! И хотя ехать по-прежнему не хотелось, отказать, как будто, тоже не было особых причин. В ближайшие дни он не был связан никакими обязанностями при дворе, изрядно опустевшем и поскучевшем с тех пор, как отзвучали трубы Осеннего Гона, безделье опостылело ему, но и возвращаться в Шамар пока не тянуло. Так что Нумедидес, сам о том не подозревая, подарил ему прекрасную возможность немного отвлечься... И, с несколько преувеличенной бодростью, Валерий воскликнул:

— Что ж, убедил! В Амилию — так в Амилию. Я согласен!

О чем жестоко пожалел уже очень скоро, лишь только они тронулись в путь.

Но менять что-то было уже поздно, и принцу оставалось лишь стоически переносить капризы и брюзжание кузена, не переставая недоумевать, чем вызваны были подобные перепады настроения, и что все-таки, если общество его было Нумедидесу столь несносно, заставило кузена с такой необъяснимой настойчивостью звать его с собой в эту поездку.

...Чего не знал Валерий, так это что незадолго перед тем, как брат ворвался к нему в Алые Палаты этим утром, к нему самому, испросив нижайше аудиенции, явился немедийский посланник, барон Амальрик Торский, лишь накануне вернувшийся из той же самой Амилии. И что после встречи с бельверусским дуайеном принц выбежал из покоев своих, возбужденный и веселый, и велел немедленно седлать себе лошадь... Тогда как барон весь остаток дня проходил недовольно-мрачный, с видом человека, исполнившего тяжкий, неприятный долг, однако сомневающегося, что хотя бы кто-то будет ему за то благодарен.

Впрочем, даже если бы факт сей был известен Валерию Шамарскому, едва ли это что-либо изменило...

* * *

В первый день новолуния, когда полчища грозных слуг Темного Сета более обычного благоволят к несчастному, что не убоится прибегнуть к колдовству, осквернив устои, дарованные Хранителем Горнего Очага, — Ораст едва дождался вечера. Он то и дело выглядывал в окно, надеясь обнаружить приближение сумерек, но Митра, точно в насмешку над нерадивым послушником, не торопился распрягать своих Огнегривых коней. Памятуя, что медитация позволяет обмануть время и превратить часы в летучие мгновенья, жрец попытался было прибегнуть к этому способу, но после нескольких неудачных попыток вынужден был отступить — дом Тиберия гудел, как хорошо растопленный очаг, и бесконечное ржанье, лязг, цокот копыт, перебранка прислуги, квохтанье кур не позволяли сосредоточиться, и, стоило только душе его взмыться в хрустальные выси, ее тут же грубо стаскивали на пыльную и душную землю.

И вся эта досадная, выводящая из себя суета лишь из-за того, что любимая кобыла хозяина принесла, наконец, жеребенка! Чем не повод для суматохи и бесконечных воплей?.. А не успела кутерьма улечься — всполошились женщины, эти глупые тетерки. Одной из балаболок, похоже, померещилось, будто в кухню пробрался вор. Тревога, само собой, оказалась ложной, — однако Ораст с трудом удержался, чтобы не спуститься вниз и, угрожая проклятиями всех черных богов, не заставить этих болванов прикусить языки. С трудом удалось ему обуздать свой гнев, но беды на этом не кончились. Под вечер к барону нагрянули гости.

Он видел их из окна: двое вельмож, довольно молодых, на отличных породистых скакунах, с мечами в богато изукрашенных ножнах... Один, грузный, с потным, довольным лицом, разряжен в шелка и бархат. Сочетание оранжевого, синего и пурпурного в его одежде, на вкус жреца, выглядело чудовищно, однако за последнее время он успел убедиться, что подобное считается в этой дикарской Аквилонии признаком хорошего тона.

Спутник его был одет куда скромнее и отличался строгой военной выправкой и надменной посадкой головы. Жреца поразили цвет его волос — соломенно-желтый, такой редко встретишь в этих краях, где все жители смуглые и чернявые. В благородной Немедии, напротив, светлые волосы считались признаком истинной *породы*, и может быть поэтому Орасту второй пришлось куда больше по душе. Но, в общем, его любопытство не было растревожено; он не придавал особого значения запоздалым гостям, уделив им не больше внимания, чем зеленой жирной мухе, что с густым, сонным жужжанием билась в свинцовый переплет окна. Ум его был занят совсем иным.

Ораст не стал спускаться к ужину, хотя за ним и присылали. Вот уже третий день, как, строго следуя указаниям Скрижали, он постился, — слава Нергалу, никто из домочадцев и слуг, привыкших к чудачествам гостя, не придавал этому значения, и даже господин Амальрик ничего не заметил, хоть глаз у него остер, словно у кречета. Жрец не придавал особого значения воздержанию в пище, его магический опыт подсказывал, что такие факторы не могут повредить сути предприятия — однако,

поголодать пару дней было совсем нетрудно, а раз так, то зачем же ставить под угрозу успех всего задуманного из-за такой незначительной детали, как пустой желудок. Тем более, что и в обычные дни он старался довольствоваться малым.

Как ни удивительно, с каждым проходящим днем он все больше забывал, что поначалу затевал приворот только как простой опыт, эксперимент, способ определить, насколько действенны заклинания, скрытые в украденной книге несчастного мага Оствальда. Теперь же он все больше и больше задумывался об *итоге* своего мероприятия. Результат, поначалу такой незначительный и мелкий, становился для него все важнее с каждым часом, мысли о будущем постепенно уходили на второй план, и теперь лишь образ прекрасной Релаты безраздельно властвовал в его распалывшемся с каждым мгновением сознании.

В былые времена это не преминуло бы встревожить жреца. Годы обучения в храме приучили его сохранять строгий контроль над собственными чувствами и побуждениями; однако с тех пор многое изменилось. Пережитые страдания, говорил он себе, сделали его отличным от прочих смертных, ничтожных животных, что только и знают, что набивать желудок пищей, испражняться, совокупляться, рожать столь же убогих, как и они сами, детенышей, а потом незаметно увядать, словно листья в осень. Мудрость Скрижали и собственное его исключительное положение даровали жрецу, как твердил он себе, право самому выбирать Цель и Путь к ней, не оглядываясь на низменную мудрость тех, что мнили себя его учителями... И так, сам того не замечив, Ораст из погонщика дикой пантеры страстей, как предостерегала древняя пословица, превратился в ее жертву, и с наслаждением отдался буре неведомых прежде ощущений.

Когда за окном наконец стемнело, жрец неспешно собрал в объемистый кошель все необходимое и выскользнул за дверь. Свечу, горевшую на столе, он намеренно не стал задувать: пусть думают, что он у себя. Предосторожность, казалось бы, излишняя, однако все же так спокойнее.

Ворота еще не запирали, и, улучив момент, когда беспечный стражник, толстый и неуклюжий, словно гусь,

откормленный к празднику Зимнего Солнцестояния, отошел почесать язык с приятелем, Ораст неслышной тенью выскользнул наружу, почти сразу свернул влево и крадучись побежал вдоль крепостной стены. Густые кусты полнотью скрывали его тщедушную фигуру. И за это тоже можно было благодарить безмятежного Вилера, в чье царствование бывшие предосторожности сделались ненужными и смешными: ведь в прежние воинственные времена всю эту поросль у стен крепости давно вырубili бы недрогнувшей рукой, дабы никакой враг не сумел подобраться к цитадели и на триста шагов.

Три сотни шагов — и неприметная извилистая тропинка вывела Ораста к холму. Здесь был самый опасный участок пути: из окон замка он был виден, как на ладони. Однако, судя по пьяным выкрикам и нестройному пению, доносившемуся из замка, радушный хозяин на совесть встречал неожиданных гостей, — должно быть, важные персоны, хоть и прибыли запросто, без свиты, — и из окон было попросту некому выглядывать.

Но вот наконец он спустился с холма, и густые сиреневые сумерки скрыли его в ласковых влажных объятиях. Впереди расстился лес. Бывший жрец поплотнее прижал к груди кожаный кошель и поежился — вечерняя роса неприятно студила босые ступни ног.

Оставалось пройти совсем недалеко, и он вознес хвалу Митре, что помог ему так удачно выбрать место. В душе Ораст не был уверен, что за это стоило благодарить именно Солнцеликого — скорее всего, тот давно отвернулся от нерадивого слуги, — однако годы, проведенные в храме, не прошли даром, и старые привычки держались цепко. К тому же, жрец обычно старался молиться разным богам — авось хоть один да услышит и поможет недостойному в задуманном... Он осмотрелся. Да, что ни говори, место и впрямь отличное, не в самой чаще, куда Орасту забредать решительно не хотелось, — городской житель, он не питал к лесу ни любви, ни доверия, — однако же и не на виду, где за ним мог бы проследить любой досужий соглядатай. Кроме того, если все выйдет, как задумано, и завтра на закате Релата откликнется на призыв... Жрец облизал пересохшие губы, чувствуя, как бешено колотится под рубахой сердце. Нет, сейчас об этом лучше не думать!

Ночной лес встретил его неприветливо. Здесь было куда холоднее, чем в низине, воздух казался липким и волглым, и юноша поплотнее запахнулся в плащ. Пахло жухлой листвой, землей и чем-то еще, непонятным, но тревожащим. Тонкие ноздри жреца раздувались, точно у хищника, — да он и впрямь чувствовал себя таковым, пробираясь по темному, полному невидимой жизни лесу. Мелкая ночная живность разбегалась, слышав его шаги, и внезапно он ощутил приятное тепло. Они боялись его, эти козявки! Он внушал им страх! Это чувство было ему внове и доставляло непривычное наслаждение. Ораст стиснул кулаки. Очень скоро иные твари, двуногие, но без перьев, как именовал их древний мудрец, точно так же станут трепетать при одном лишь его приближении! И сегодняшнее деяние приблизит этот час.

Ораст вышел на темную поляну. Густые синие сумерки сменились крошечной тьмой. Было тихо, лишь откуда-то издали доносилось журчание ручья, да чуть слышно перешептывались колеблемые легким ветерком ветви. В вязкой мгле, не разбавленной и каплей лунного молока, невозможно было ничего разглядеть вокруг, однако он меньше всего полагался на зрение. Казалось, кто-то выключил все органы чувств, заменив их Силой, взявшей власть над покорным телом, и теперь невидимые течения направляли его движения, подобно тому как воздушные потоки направляют полет древесного листа.

Он отыскал точку, где течения пересекались — точнее, она сама притянула его. Из кошель достал и бережно расстелил на земле шелковый черный платок, по краю которого жидким воском, смешанным с истолченными корнями и пеплом цикламена, мозгом лисицы и кровью из чрева женщины, были старательно нанесены магические руны.

Опустившись на колени, на четыре угла платка он насыпал по шепотке истолченных волос будущей жертвы, а в центре установил вырезанную из мориона женскую фигурку. Он вспомнил, как нелегко далось ему выстругать образ горделивой красавицы из зловещего корня мандрагоры, который трепетал под его неумелыми пальцами, вздыхая и всхлипывая, точно обиженный ребенок. Но видно, сам Темный Сет направлял его резец — и теперь любой, даже посторонний, мог узнать в изваянии Релату.

Что ж, чем ближе деревянный истукан к оригиналу, тем надежнее будут магические пути. Ораст простер над тканью руки, и пересохшими губами забормотал заученные наизусть заклинания.

По углам платка вспыхнул огонь. Порошок из волос и обрезка ногтя (выходит, не зря он рискнул добавить его) затлел, источая удушливый, сладковатый запах, шелк загорелся. Огонь постепенно распространялся все дальше, жадно пожирая ткань. В его зеленоватом свете лицо жреца казалось перекошенной маской, — калейдоскопом опалесцирующих пятен. Фигурка в центре платка начала понемногу раскаляться, словно была сделана из металла... странно, пламя как будто и не трогало ее, хотя любой другой корешок давно бы уже превратился в уголь, — вот она сделалась вишневою, затем алой, потом померанцевой и, наконец, раскалилась добела. Последняя вспышка — и пламя поглотило все.

На мгновение Ораст зажмурился — а когда открыл глаза, перед ним был пустой выжженный участок земли, размером не больше четырех ладоней. Ровно столько, чтобы поместились две крохотные женские ножки. В центре его лежало изваяние Релаты — оно стало цвета красной меди и было покрыто паутиной тончайших трещинок. Энергия жертвы, оставшаяся в ее волосах и обрезке ногтя перешла в статуэтку, и та превратилась в миниатюрную копию девушки. Если бы не было так темно, жрец мог бы полюбоваться творением своих рук, ибо тонкость работы зачаровывала — на лице маленькой Релаты была видна каждая ресничка, каждый ноготок на крошечных пальцах, каждая пора в коже.

В Скрижали ничего не говорилось о том, что делать дальше с изваянием, и Ораст решил не рисковать понапрасну и оставить его в лесу: кто знает, к чему приведет разрушение тонких магических связей между предметом и местом... Жрец припорошил фигурку сухими листьями и довольно прищелкнул языком — все удалось как нельзя лучше, и завтра, на этом самом месте, если только Книга не лжет, повинувшись могущественным чарам, появится горячка Релата. Она не сможет не прийти на зов, что сильнее разума и ее хрупкой воли, — как не сможет и устоять перед мужчиной, что предстанет в этот миг ее очам.

Мысленно Ораст представил себе, что последует затем... Тонкие губы скривились в довольной усмешке, и, забыв все ночные страхи, он заторопился назад в замок.

* * *

Утром следующего дня Релата проснулась с рассветом, лишь только первый луч солнца заглянул в окошко. Девушке не впервой было подниматься так рано, ведь со смертью матери все заботы по дому легли на ее хрупкие плечи, — однако сегодня все было как-то странно, не так, как обычно, и с первых мгновений она ощутила смутную гнетущую тревогу.

Должно быть, просто дурной сон, сказала себе девушка и встряхнула головой, стремясь разогнать остатки наваждения. Ей показалось, что помогло, но она больше не задумывалась об этом, ведь у нее, в отличие от столичных сверстниц, было слишком много забот, чтобы уделять внимание таким пустякам.

Ополоснув лицо над серебряным умывальником, она кликнула служанку. Пухленькая, улыбчивая Лира поспешила на зов, протирая заспанные глаза. Усадив госпожу на стул, она принялась расчесывать ее длинные густые волосы сандаловым гребнем, покуда те не заблестели шелком на солнце, не заискрились, словно соты свежего летнего меда... Тогда служанка неумело соорудила высокую сложную прическу, скрепив золотым гребнем и шпильками с костяными головками в форме феникса, распахнувшего крылья, — редкая диковина, привезенная купцами из самой Вендии. За все время Релата пользовалась этими безделушками не больше трех раз, последний из них был в канун Осеннего Гона, где девушка должна была не осрамить отца и предстать перед придворными щеголями и кокетками во всей красе. Но скромной девушке были не по душе эти ухищрения. Она выросла среди простых и душевно здоровых людей, где знали цену настоящему румянцу свежих девичьих ланит и предпочитали его пунцовым румянам худосочных городских красоток. Поэтому сейчас, заметив, что делает служанка, Релата невольно нахмурилась.

— Кто тебя просил? Разве у нас праздник сегодня?

Девушка лукаво усмехнулась. На пухлых щечках показались ямочки.

— Как же не праздник — два таких красавца гостят в доме.

Релата презрительно поморщилась.

— Ну, ты и скажешь... — Ей вспомнился вчерашний ужин. Не перестающий бахвалиться Нумедидес, размахивающий руками, с сальным, раскрасневшимся от выпитого вина лицом. Он пытался говорить даже с набитым ртом, и брызги летели во все стороны... Ее невольно передернуло от отвращения, вспомнилась та ужасная сцена на королевской охоте, после которой ее не один день мучали кошмары... А как он косился на нее! Она слишком хорошо понимала значение этих взглядов и знала им цену! Батюшка же сидел рядом, как ни в чем не бывало, гордый, довольный собой... точно для него было огромной честью, что на единственную дочь его косятся, как на жрицу любви, из тех, что, как ей нашептывали дворцовые подружки, готовы торговать своими телами за пару серебряных марок! Релата вспыхнула от возмущения. Однако вида не показала и вслух произнесла беспечно; — Что же в них такого, скажи на милость, чтобы все мы должны были изменять своим привычкам?

Лира насупилась, явно не понимая, что это нашло на ее хозяйку. Для нее все было так очевидно...

— Так ведь то принцы, госпожа. Не чета нашим деревенским увальням. И все говорят, что тот, толстый, скоро королем станет! Чего ж не принарядиться? Глядишь, и понравится ему... Все лучше, чем здесь коротать свой век!

Релата Амилийская надменно дернула плечиком.

— Вот еще, буду я наряжаться ради какого-то напыщенного индюка. Подумаешь, королем станет. Как будто когда он наденет корону, то перестанет в соусе рукавами возить! — Обе девушки, не выдержав, прыснули, и служанка продолжила заговорщически, слегка приободренная:

— Так есть же еще второй! Он-то красавец хоть куда. Видный мужчина, что ни говори...

Второй? Релата вспыхнула невольно, вспомнив о Валерии Шамарском и о тех неуклюжих уловках, коими пыталась привлечь внимание его в Тарантии во время

Осеннего Гона. Он и внимания не обратил на нее тогда, и она не знала, куда девать себя от унижения, уверенная, что все вокруг заметили и неуклюжее ее кокетство, и то, с каким равнодушным презрением было оно встречено.

Нет! Не будет она больше думать о принце Валерии! И Релата сурово поджала губы. Однако служанка, то ли глухая совершенно к настроениям своей госпожи, то ли, напротив, слишком чуткая к ним, не унималась:

— А он, говорят, еще и герой! Вон, на кухне слышала, в южных краях от чудовища какого-то принцессу спас... — И, мигом сообразив, что говорит что-то не то, поспешила поправиться: — Только врут все, наверное! Вернулся-то холостой. И на примете никого. А чем не пара? Вот и барон сам, как его увидал...

Релата, не выдержав, больно дернула служанку за волосы, чтобы заставить ее замолчать. Та невольно взвизгнула, а дочь Тиберия выкрикнула со злыми слезами в голосе:

— Ах, так тебе и надо, дуреха! В другой раз думай, что говоришь! Он и не смотрит на меня вовсе! Весь вечер просидел вчера, как туча мрачный, словно все на свете ему опостылело... Хорош гость!

— Так надо сделать, чтоб посмотрел... — с досадой пробормотала себе под нос служаночка, заветная мечта которой стать королевской фрейлиной на глазах рассыпалась в прах. Правда, слабую надежду внушало все же то, что гребень и заколки в волосах госпожа оставила...

А Релата, оставшись наконец одна, придирчиво оглядела в большом медном зеркале свою стройную фигурку, нежным касанием пальчиков оглаживая высокую грудь и плоский живот, и надолго задумалась. Слова горничной невольно вызвали в душе девушки то состояние крамольной, дерзкой решимости, что овладевало ею порой, — когда она готова была на любые безумства, лишь бы достичь желаемого, — и выражение лукавой задумчивости мелькнуло в синих, как ночь, очах. «А что, чем не королева?!» — прошептала она чуть слышно. И надо-то было совсем немного. Всего только один безумный шаг... И, резко развернувшись, зашуршав юбками, Релата вышла из комнаты, гордо вскинув прелестную голову.

В замке Тиберия Амилийского начался новый день.

Скверное настроение, сделавшееся его постоянным спутником в эти дни, не оставило Валерия и сегодня. Он и сам не знал почему, но все кругом раздражало его, и любая мелочь могла вывести из себя.

С утра Нумедидес проспал, затем собирался так долго, словно ехал на бал, а не стрелять дичь. Валерий прекрасно понимал, ради чего он так наряжается, — похотливые взгляды, что бросал его кузен на дочь хозяина, не укрылись от него накануне. Сам он никак не мог понять, что нашел Нумедидес в этой девице: на его вкус, она была слишком худа, в ней не было того загадочного огонька, что манит и притягивает мужчину, и, к тому же, не чувствовалось ни ума, ни живости характера. Валерию она показалась не более интересной, чем овечка на лужайке... Впрочем, Нумедидес и в столице не пропускал ни одной юбки.

Как бы то ни было, уже к завтраку принц ощутил растущее раздражение, и сполна выплеснул его, дав нагоняй несчастному конюху, слишком туго затянувшему подпругу у его жеребца. Почти тут же ему сделалось неловко — как всегда, когда он поддавался неоправданным приступам гнева и вел себя, по собственному же пониманию, недостойно. Однако, не просить же прощения у слуги...

Кроме того, Нумедидес также присутствовал при этой безобразной сцене. Он ничего не сказал, но на лице его была такая гадливая, презрительная ухмылочка... С неожиданной злобой Валерий сказал себе, что, если представится случай, он не преминет расплатиться с кузеном за все. И сполна!

Постепенно, однако, напряжение схлынуло. К полудню они уже успели прокатиться по лесу, и Валерий, к немалому своему удовлетворению, подстрелил первого перепела одной из стрел с обсидиановым наконечником, что дал ему кузен. Он заметил, как помрачнел Нумедидес при этом удачном выстреле; сам он промахнулся уже два или три раза, — его вялые руки не могли как следует удерживать охотничий лук, — и настроение принца заметно улучшилось.

Чуть позже они расположились на привал на крохотной полянке, со всех сторон окруженной вековыми дубами и грабами. Валерий с наслаждением растянулся прямо на траве, запрокинув голову, следя бездумно, как подрагивают в бесконечной высоте ветви, провожая взглядом падающие листки... Нумедидес уселся рядом, подстелив предусмотрительно захваченную из дому парчовую подстилку.

Принццы подкрепились хлебом и сыром, запивая все это амилийским вином, отчего Нумедидес не переставал морщиться и сетовать на жизнь — избалованный горожанин не был приучен к простой пище. Долгое время оба молчали. Понемногу Валерий почувствовал, как что-то меняется внутри его, и странное чувство умиротворения окутало душу. Казалось, лес что-то нашептывает ему, неторопливо, убаюкивающе повествует о самых сокровенных тайнах, и голос его ведет за собой, ласковый, манящий... Почему-то ему вспомнился Цернунос, Хозяин Леса, но при мысли о нем сегодня он не испытал страха. Он ощущал себя в мире с землей — и, возможно даже, пусть на мгновение, с самим собой.

Неожиданное движение разорвало пути дремы. Это Нумедидес вскочил на ноги, выхватил короткий охотничий лук, выстрелил... И с торжествующим воплем бросился вперед, туда, где грузно шлепнулась с ветвей в траву птичья тушка.

Бегом он вернулся, размахивая над головой трофеем.

— Видал! Видал! — Он захлебнулся слюной. — Как я его, а? — Он критически осмотрел подбитого перепела. Заметив, что птица еще шевелится, ловким, уверенным жестом свернул ей шею. — Да и покрупнее твоего будет! — Круглое лицо лучилось самодовольством.

Валерий смерил его долгим задумчивым взглядом. Принца, мертвого перепела, вновь принца.

— Да, — отозвался он медленно, ничего не выражающим голосом. — Пожалуй, и впрямь покрупнее. Под стать охотнику...

* * *

Релата неспешно пересекла внутренний двор замка и, сама не зная зачем, взглянула на небо. Солнце стояло в зените, маленькое, багровое, точно злобно сощуренный

драконий глаз. «Недолго осталось», — подумалось ей, и страх того, что предстояло ей совершить, добавился к дерзкой решимости. Вот только бы она не оставила ее до ночи...

С раннего утра, как обычно, она была вся в бегах. Сходила взглянуть на новорожденного жеребенка — что за милое существо! Он уже пробовал стоять, но слабые ножки подгибались, и он ржал тоненько и обиженно, и гордая мать тянула к нему морду, недоверчивым глазом кося на непрощенных гостей. Кобыле Релата скормила половинку яблока, вторую дала малышу, но, конечно, он еще не мог съесть ее...

Она улыбнулась невольно, вспоминая очаровательную сценку, — но тут же помрачнела — всплыло в памяти, как набросился на нее отец, за то что она «шляется, где ни попадя», вместо того чтобы привечать именитых гостей. На самом деле, подозревала Релата, ему стыдно было перед принцами, что за завтраком от его дочери будет пахнуть конюшней. Но, по привычке, она пропустила его ворчание мимо ушей.

По пути на кухню, у самой лестницы, на глаза ей неожиданно попался Ораст. Как всегда при встрече с бывшим жрецом девушку охватила смутная неловкость, она вжалась в стену, давая ему пройти. Однако, вопреки обыкновению, молодой человек не проскользнул мимо с коротким вежливым поклоном, но остановился прямо перед ней и поднял на Релату глаза.

Лицо его было узким и бледным, с острым подбородком и пронзительно-черными щелками глаз. Волосы уже порядком отросли, — скоро никто и не сможет заподозрить в нем бывшего служителя Митры. Однако в штанах и куртке он явно чувствовал себя по-прежнему неуютно, не зная, куда девать руки... и эта неловкость его волнами распространялась вокруг, передаваясь, точно заразная болезнь. Релата прислонилась к стене, чувствуя, как на лбу выступает ледяная испарина. Они по-прежнему молчали.

Коридор был совершенно пуст. Никакой далекий звук шагов не нарушал тишины, не сулил надежды на появление избавителя. Релата и сама не знала, чего так боится — жрец вел себя совершенно спокойно, ничем не угрожал ей, однако она чувствовала себя, как горлянка перед змеей... И растерянный взгляд ее, судорожно мет-

нувшийся по сторонам, не ускользнул от внимания Ораста.

— Что-то случилось, госпожа моя? — осведомился он неожиданно тихим медоточивым голосом. Релата изумленно уставилась на него. — Я могу вам чем-то помочь?

— Н-нет... — У девушки перехватило горло. Она и сама не знала, как нашла в себе силы ответить. — Нет, все в... в порядке. Я шла н-на кухню... Обед...

— На кухню? — Вид у жреца был такой, словно слова ее доставили ему несказанное удовольствие. Губы растянулись в улыбке, но горящий, полубезумный взор не отрывался от лица девушки, словно в каждом ее жесте и слове он тисился узреть некий тайный смысл. — Как мило... А потом?

Релате показалось, сумрачный серый коридор закружился вокруг нее, свиваясь петлями, выворачиваясь наизнанку... Перед глазами все стало расплываться, весь мир сделался крохотным, словно она смотрела на него из невероятного далека, видела замок, коридор, саму себя — тоненькую, хрупкую фигурку, испуганно вжимающуюся в стену, — угрожающе нависшего над ней жреца... Она уносила все дальше... Но глаза его, жгучие, черные, точно угли, притягивали, не отпускали несчастную жертву. И голос, точно пение меча, рассекал любые преграды, что пыталась она воздвигнуть между ними.

— А потом, прекрасная Релата?

— Н-не знаю... — Она подняла руки к лицу, точно пытаясь защититься. — Здесь так душно... Хочу прогуляться — может быть, в лес...

Произнеся эти слова, она почувствовала нежданное облегчение. Словно огромная тяжесть упала с плеч, и теперь Релата была свободна, вольна, точно птица!.. И улыбка жреца подтвердила ее право на эту свободу.

— Да. В лес, — прошептал он едва слышно, склоняясь к самому лицу Релаты, так что губы его, сухие, пышущие жаром, едва не касались ее щеки. — Госпоже непременно надо в лес, туда, где цветет папоротник и растет остролист, туда, где поют птицы и роют норки маленькие зверушки...

Кончиками пальцев он тронул прядь у плеча, выбившуюся из пышной прически, и она не отстранилась, лишь проследила за его рукой недоуменным взглядом. Он коротко кивнул ей.

— Все будет хорошо. — Улыбка мелькнула в черных глазах. — *Недолго осталось.* До скорой встречи... моя госпожа.

ОБРАЗ ГРЯДУЩЕГО

Марна приветствует вас, наследники аквилонского трона!

От этих слов озноб пробежал по спине Валерия, пальцы его, державшие уздечку, задрожали, а тело покрылось липким потом. До чего же ужасна эта безглазая ведьма! Как может жить она без света, отгородившись от мира жуткой кожаной личиной? Принц ощутил всем своим естеством токи зла, исходящие от зловещей фигуры в красном — они пронизывали его тело, копошились внутри, словно могильные черви, выворачивали наизнанку душу. Он почувствовал тошноту, и его залихорадило. Не надо было сюда приезжать! Зачем он только поддался на уговоры своего кузена. Ему-то вон все нипочем... Он искоса поглядел на мешковатого, потного Нумедидеса, который ерзал на своем вороном. Этот и сам источает яд вокруг. У Валерия промелькнули в памяти обрывки их недавней беседы. Да уж, воистину правы те, кто говорят «зло зла не убойтся».

— Своих скакунов оставьте здесь! — приказала колдунья. — Не тревожьтесь о них, мы сделаем все что нужно...

Принцы спешили и, привязав коней, осторожно двинулись за Марной. Чародейка пошла впереди, и им почудилось, что она не касается травы ногами...

Валерий закусил губу. Что это он? Испугался какой-то ряженой? Нет! Конечно нет, Эрлик их всех разбери! Просто плохо спал сегодня... Но почему так странно изъясняется эта блаженная? «Мы»? Кто это «мы»? Она что, не одна здесь? Но Нумедидес, помнится, говорил, что ведьма обитает в полном уединении... А откуда он сам-то знает дорогу? Ведь этот жирный недоросль без надежной охраны и шагу не ступит за ворота замка. Спросить? Но он никогда не скажет правду, не признается... Да и в чем ему, собственно, признаваться? Хотя бы он и каждый день сюда мотался, что в этом крамоль-

ного? Конечно, старуха, по всему видать — чернокнижница, и ее, по законам Митры, надлежит спалить на костре. Но кому она может навредить здесь, в глухой чащобе? Непохоже, чтобы она имела сношения с силами Тьмы! Скорее всего, ворожит помаленьку, пользуясь местных крестьян от бородавок и отваживая дождевые тучи в страду. Интересно, каким божествам она поклоняется? Может быть, Сету? Нет, вряд ли стигийское божество в почете здесь, за тысячи лиг от таинственного Кеми. Тогда кому? Мардуку, Имиру, Нергалу?

— Асуре! — торжественно изрекла ведьма, даже не обернувшись. — Асуре! Истинному Отцу хайборийцев!

Валерий чуть не вскрикнул. О, боги! Ведьма подслушала его мысли? Неужели она читает его воспаленный разум, с той же легкостью, как придворный чтец книгу? Что делать? Думать о чем-то постороннем, но о чем? Ему вдруг вспомнился Троцера. Да, граф был прав — враги таятся повсюду! И нигде от них не спрятаться. Им подвластно все, даже чужие мысли... А он-то, глупец, посчитал ее за обычную деревенскую ворожею! Да, как видно, с ней шутки плохи! Если колдунья столь могущественна, то она может запросто превратить их в дорожную пыль, если ей что-то придется не по душе.

Неожиданно он устыдился собственных страхов. Не пристало ему, благородному нобиллю, дрожать при виде какой-то там чернокнижницы! Его глаза видели и что похуже. Хауранского демона хотя бы... Принц положил руку на кинжал и почувствовал себя увереннее.

Его кузен грузно косолапил рядом, спотыкаясь о коряги, то и дело поминая Нергала. Его одутловатые щеки раскраснелись, на жирном лбу выступили капельки пота. Нумедидес уже запыхался и надушенно сопел. Тушка перепела била по его толстым, почти женским бедрам. Он ненавидел пение прогулки, как, впрочем, не любил он и верховую езду. Вольготнее всего принц чувствовал себя в мягком портшезе или уютном паланкине.

Погруженный в раздумья, Валерий не заметил, как они вышли на небольшую поляну, где журчал прозрачный ключ с ледяной водой. Он с любопытством осмотрелся по сторонам — ему никогда не доводилось вот так, воочию лицезреть жилище ведьмы. Его расpalенное воображение рисовало сырую пещеру, под потолком которой

висели связки сушеных летучих мышей, и чтобы посередине на костре бурлил колдовским варевом огромный котел, вокруг которого плотным кольцом сидели волки... Но то, что предстало его глазам, откровенно разочаровало. Обыкновенная лесная поляна, окруженная старыми буками. На краю — хижина, ничуть не напоминающая злое жилище чернокнижницы, а походившая скорее на скромную лачужку бедного крестьянина, вросшую в землю. Перед входом очаг, обложенный круглыми белыми камнями. В этом тоже не было ничего необычного. Хотя старая женщина и колдунья, но не может же она питаться воздухом.

Видно, похожие мысли обуревали Нумедидеса. Он посмотрел на Валерия и, пожав плечами, поплотнее завернулся в кунный палантин — в лесу было сыро.

— Дай нам птицу, принц, — донесся из-под маски глухой голос Марны.

Неохотно повинувшись, Валерий первым вытащил из заплечного мешка тушку убитого им перепела и протянул ее ведьме. Та аккуратно положила мертвую птицу на большой плоский камень у очага. Неожиданно в руке ее возник длинный кинжал из странного темного металла. Валерий напряг глаза. Действительно ли на лезвии появились красноватые сполохи, или это ему почудилось?

Нет! Кинжал вдруг вспыхнул и стал темно-красным, будто его раскалили на огне.

Марна с силой обхватила его обеими руками так, что костяшки ее смуглых сухих рук побелели, и резко вонзила в перепела. Валерий поморщился — от вони паленого пера засвербило в носу. Былой страх прошел, и он наблюдал за происходящим почти с улыбкой. Эта Марна могла бы придумать что-нибудь поинтереснее. С такими магическими атрибутами любой ярмарочный кудесник может заткнуть ее за пояс. Кинжал, понятное дело, припасен заранее. Он, наверняка, лежал на углях очага и оттого успел нагреться. Когда эта старая плутовка его схватила, то раскаленное лезвие от соприкосновения с холодным воздухом на мгновение потускнело. Любой, кто хоть раз в жизни побывал в кузнице, легко разгадал бы этот нехитрый трюк.

Принц уже не понимал, как он мог испугаться эту старую слезую женщину. Хотя почему старую? Он по-

пристальнее взгляделся в фигуру Марны. Пожалуй, ей не больше сорока зим. В таком возрасте дворцовые кокетки еще имеют дюжины любовников. Он стал пытливо рассматривать высокий стройный стан Марны. Оказывается, под пестрым варварским одеянием легко узреть волнующие очертания крепкой груди. А ноги! Ноги в просторных шароварах тоже недурны: упругие икры, круглые колени.

Неожиданно Валерий почувствовал нарастающее вожделение в чреслах и до боли в пальцах сжал рукоятку меча. «Что с тобой принц? — мысленно одернул он себя, — возбудился словно юнец, подглядывающий за девичьим купанием!» Он посмотрел на Марну. Будет неловко, если она почует его страсть. Но колдунья не обращала на принцев ни малейшего внимания, потроша тушку с мясницкой сноровкой. Порывшись внутри, она извлекла из распоротого чрева осклизлый ком перепутанных красно-бурых внутренностей и слякотно шлепнула его о камень. Ее пальцы, вымазанные в крови, ловко перебирали птичьи потроха, при этом ведьма что-то бормотала. Слов почти не было слышно, лишь шевелящиеся губы мелькали в прорези жуткой маски.

Шамарец напряг слух и попытался разобрать нашептывания ведьмы. Ему удалось уловить обрывки фраз о желудке со впадинами, о черных внутренностях и синей печени, которые сулят печаль и горе в стране царя.

Валерий зевнул. Это зрелище начинало его утомлять. Непонятно, чем так привлекла его братца эта странная вещунья. Право, стоило посетить ближайший ярмарочный балаган, чтобы увидеть нечто похожее.

Он вопросительно посмотрел на Нумедидеса, рассчитывая обнаружить на его лице похожие чувства, но принц словно окаменел. Его маленькие глаза завороченно смотрели на руки Марны, а губы, казалось, повторяли ее бормотание. Но больше всего Валерия поразили руки его спутника. Казалось, они в мгновение ока распухли, напоминая толстых белых личинок могильных червей. Пальцы сжимались и разжимались, некогда ухоженные ногти приобрели синюшный оттенок, словно у утопленника. Валерий поморщился. Воистину, кузен был благодарным зрителем! Ему самому вдруг сделалось противно.

— Внемлите нам, принцы!

Валерий непроизвольно вздрогнул, так неожиданно загремел голос Марны. Ему почудилось, что далекое лесное эхо подхватило эти звуки и пересмешливо заворило «...принцы, принцы...»

— *Внемлите нам, принцы!* — повторила Марна, протянув к алтарю руку с чудовищно длинными ногтями. — *Внемли, шамарец, хотя душа твоя возделает, трепещет, словно птица в клетке, и гонит от себя пророчества. Но разверсто Зеркало Грядущего, и слова наши тысячекратно зазвучат в ушах твоих, когда Колесо Рока сомнет тебя, словно былинку! Еще до восхода солнца ты изопьешь из чаши скорби, и сотворенное тобой изменит рисунок созвездий, растворит бездны мрака и выпустит Тьму...*

Валерий похолодел. Что там несет эта ведьма? Почему он, чурющийся любой ворожбы, выпустит Тьму? Что она мелет? Он непроизвольно сделал жест, отворачивающий демонов, и едва сдержался, чтобы не завопить: «Не трогай меня! Не трогай! Гадай братцу моему! Это он привел меня сюда!»

— *...и сойдутся древние боги в Битве, и Кровавый Волк пожрет луну и зашатается Трон-Рубин под копытами Цернунноса!* — зловеще вещала Марна, — *Но все это будет ничто перед тем, когда наступит Час Дракона! И Четверо, обличенные Властью Сердца, пробудят Зло! И тогда восстанет из мрака Тот, Кто Спал Тысячу Зим, и содрогнется твердь, и потекут реки крови, и потемнеет небо, и вороны будут кружить над пепелищем!*

«Цернуннос! Цернуннос!» — вторили помертвевшие губы Нумедидеса, а руки его с растопыренными пальцами напоминали олени рога.

— *Ты!* — взывала Марна, указав на Валерия. — *Ты избран Великим, чтобы разрушить Небесный Чертог Солнцезерозого! Ты отворишь путь Истинным Богам! Ты и три сына Мглы: Рожденный Кречетом, Обретший Сердце... Третьего не зрю в Зеркале Грядущего, ибо лик его смугл и ничтожен!*

Она схватила птичьи потроха и принялась швырять их в очаг, внезапно вспыхнувший черным пламенем.

— Грядет Время Горя, — вдруг неожиданно ровным голосом произнесла она, — и начало наступит через три поворота клепсидры...

И эти последние слова прозвучали так жутко, что Валерий не выдержал и с криком бросился в лес...

* * *

Он мчался не разбирая дороги, ломая кусты и спотыкаясь о коряги. И остановился, чтобы перевести дух в густом ельнике, взмокший, с исцарапанными руками, с засыпанными пожелтевшей хвоей спутанными волосами, и самое ужасное — безоружный. Его утोरязило где-то оборонить свой кинжал. Он более ничем не напоминал аквилонского нобилия и стоял с округлившимися от страха глазами, дрожа среди вечернего леса, словно испуганный ребенок. Последние лучи заходящего солнца окрасили багрянцем дрожащие еловые лапы, и он с ужасом понял: через пару четвертей клепсидры наступит непроглядная тьма! Что будет делать он один среди этого зловещего леса, полного жутких существ, — седых клыкастых оборотней, хищных карликов-лепреконов и ядовитых ехидн?

Он метнулся прочь из-под развесистых еловых лап на поляну, рухнул на траву и, обхватив голову руками, зарыдал.

Вдруг что-то влажное и теплое коснулось его затылка. Валерий вскочил, его сердце бешено забилося. Он ожидал увидеть перед собой жуткую тварь, но вместо этого на него косил карий лошадиный глаз. Принц не поверил глазам. Конь! Его конь! Но как он мог оказаться здесь, ведь они с Нумедидесом привязали их на поляне в нескольких лигах отсюда. Может, это морок? Наваждение? Или он бредит?

Валерий осторожно коснулся рукой морды скакуна. Тот, вопреки ожиданиям, не исчез, не растворился, словно утренний туман, а зафыркал и пожевал розовыми губами, ожидая привычного лакомства. Вдруг разум обожгла мысль — колдунья! Слепая колдунья! Это ее рук дело! Иначе как бы животное сумело найти сюда дорогу? Но что делать дальше? Куда ехать? Может быть, довериться коню, и он сам доведет его до Амилии?

Валерий снял притороченный к седлу теплый походный плащ, который он предусмотрительно взял с собой, накинул его на плечи, с трудом взгромоздился на коня

и легонько стукнул рысака пятками в бок. Тот заржал и помчался легкой рысью. Вскоре они выехали на тропу.

Принц остановил гнедого у небольшого ручейка и окунул голову в холодную воду. Через несколько мгновений в висках заломило, но зато разум стал ясный, словно и не было всего этого кошмара, а он только что встал с теплого ложа, свежий и хорошо отдохнувший. Что ж, слава Митре, что все обошлось! И морок, наведенный ведьмой, заставивший его в ужасе нестись через весь лес, утратив разум, точно гонимый охотниками зверь, истаял наконец, как дым, и воспоминание о недавнем страхе не вызывало теперь в душе принца ничего, кроме досадливой, слегка стыдливой усмешки. Валерий умылся, пригладил всклокоченные волосы. Теперь скорее в замок, а то радушный Тиберий, должно быть, уже все глаза высмотрел, ожидая к ужину гостей.

Но интересно — где же Нумедидес? И вдруг страшное подозрение обожгло принца, заставило надолго задуматься и помрачнеть. Ему на ум пришло, что, возможно, лесная ведьма намеренно навела на него чары ужаса, дабы изгнать с поляны и остаться с его кузеном наедине...

* * *

Солнце понемногу клонилось к закату, так медленно, словно не хотело исчезать с небес, или сам Митра незримой дланью удерживал пылающий красный шар.

В иные времена мысль о Солнцеликом — и о гневе его — не преминули бы вызвать в душе Ораста священный трепет. Жрец, даже бывший, даже преступивший все законы и нарушивший святые обеты, остается жрецом навсегда. Душа его продана, отдана на закланье, подобно золоторогому тельцу, что приводят к алтарю на день солнцеворота, и жертва принята и не может быть исторгнута обратно, в дольний мир. Больше, чем имя, больше, чем просто призвание, даже больше, чем судьба, — стать жрецом означало возродиться к новой жизни и навсегда умереть для прежней.

Однако для Ораста все вышло иначе. Новая жизнь уготовила ему погибель. Он сам стал священной жертвой, которую *неведомо кто* приносил *кому-то* неизвестному. Ему вдруг вспомнился помост, подготовленный для кост-

ра, на котором он должен был закончить дни своей бессмысленной жизни, столб из негорючего черного дерева посередине — к нему цепями приковывали осужденного, сложная конструкция из деревянных плашек, проложенных валежником, окруженная вязанками хвороста, сооруженная по всем правилам палаческого искусства, — так, чтобы, когда придет назначенный час, вспыхнуть ярким факелом в единое мгновение. Они ничего не забыли — ни оставить с западной стороны поддув, чтобы ярче горело, ни установить на медной треноге Око Митры, огромную линзу, выточенную из цельного куска горного хрусталя, от которой и должен был заняться огонь. Многие приходы могли похвалиться таким приспособлением — большинство вынуждено было по старинке использовать зажженный факел и безжалостные руки. Но для него, Ораста, жрецы не поскупились, ведь нет ничего слаще чем видеть унижение, позор и смерть своего бывшего единоверца, того, с кем вместе хлебал похлебку из бобов в промозглой трапезной монастыря, колот дрова для очага, огонь в котором был призван в пасмурные зимние дни заменить тепло Огненного диска, или отбивал бесчисленные поклоны у алтаря с золотой свастикой... Все было подготовлено на славу!

Ораст знал это точно, ведь восемь дней подряд он следил из окна своей темницы, расположенной на самом верху Черной Башни храма, за приготовлениями палачей. Восемь дней он смотрел, как привозят во двор повозки с деревом, как распиливают подмастерья стволы на аккуратные гладкие чурбачки, как укладывают их вокруг помоста... Как каждый день на рассвете и закате обходят место казни жрецы, воскуряя благовония и вознося хвалы Солнцеликому... Как растет с каждым днем, набирая силу, деревянное чудовище, алчущее плоти и огня... Восемь дней! Восемь бесконечных, таких коротких дней! И это тоже было частью его казни.

Ораст помнил их отчетливо. Каждый из них. Каждый час, каждую секунду. Он помнил их все.

Он не пытался молиться новым богам, — если что и подарили ему науки тьмы, в которых он так силился преуспеть и за которые готов был пойти на смерть, так только беспощадное сознание одиночества и беспомощности, довлеющие над каждым смертным с рождения. И

равнодушные небожителей, какие бы жертвы ни приносились, какие бы хвалы не возносились у их алтарей.

Не Митра осудил жреца на костер. И никакой другой бог не мог спасти его. Ораст даже не чувствовал отчаяния...

И поздно ночью, за несколько часов до рассвета того дня, что должен был стать для него последним, когда заскрежетал внезапно ключ в замке и вошли двое, пряча лица в тени капюшонов... Он не почувствовал ни интереса, ни надежды.

Ораст до сих пор не знал, что подтолкнуло Амаярика с Тараском спасти его. Ощущали ли они ответственность вершителей судеб за юного глупца, которого Судьба заманила на путь запретных знаний? Имели ли на него какие-то виды? Строили ли далеко идущие планы, рассчитывали поживиться запретными знаниями Скрижали? Ораст не задавал этих вопросов ни им, ни себе.

Из всех своих злоключений он вынес лишь одно: неистовую, необоримую, почти сверхъестественную жажду могущества. Силы алкала душа его — Силы, пред которой расступились бы моря, склонились горы, опустился небосвод. Силы не божественной — человеческой, но такой, превыше которой не было бы ничего. Он знал, что надежды почти нет — не хватит и жизни, чтобы обрести хотя бы пылинку того могущества, которым обладали легендарные маги древности — Ксальтотун из Ахерона, Азона-Расди из Лемурии, Шеоршаа из Туле.

О, если бы воскресить кого-нибудь из тех Посвященных, вернуть из холодных глубин небытия их кристальный, холодный рассудок, отрешенностью своей и беспощадностью напоминающий разум рептилий! За то, чтобы удалось прикоснуться ко всем тем тайнам бытия, что были скрыты за сводами их получеловеческих черепов, можно без сожаления отдать половину жизни, ибо оставшимся годам могли бы позавидовать даже небожители в своих небесных чертогах. Но это все мечты! Еще никому никогда не удалось обмануть Смерть и вытащить душу с Серых Равнин... Колдовские талисманы всего мира, вместе взятые, не обладали и сотой частицей той воистину ужасающей энергии, которая требовалась, чтобы поставить лицом к лицу материю живую и мертвую.

В начале ли пути, в конце его или в середине — он чувствовал это — его неминуемо ждет гибель. Однако путь был. И каждый шаг на нем представлял собой вызов. И каждый успех сулил наслаждение. Первый, возможно, ожидал его сегодня...

Ораст поднялся, не в силах больше усидеть на месте. До заката оставалось не меньше получаса. Лучше уж он подождет на поляне...

Жрец вышел из комнаты. Ему вспомнилось, как днем он встретил Релату в коридоре у кухни. Глупость, мальчишество — опасно было так рисковать, когда кто угодно мог заметить их там... и все же он улыбнулся, и вновь ощутил томительный огонь в чреслах.

Как она была хороша... Одурманенная, испуганная, — такой она будет и сегодня, когда придет в его объятия. Как он насладится ею!..

Но, пожалуй, не сразу. Нет, не сразу. Она мучала его так долго! Проходила мимо, высокомерно вздернув подбородок, даже не ответив на поклон. Если он оказывался слишком близко, отстранялась брезгливо, точно от змеи... Нет, он возьмет ее не сразу!.. Он заставит ее мучаться. Унижаться. Она еще поползает у его ног, орошая пол слезами. Она...

Но высокомерная усмешка вдруг сползла с лица Ораста. Навстречу ему по лестнице, перемахивая через ступеньку, бежал Винсент — сын барона Тиберия. Лицо его было неестественно бледным, волосы растрепаны. Завидев Ораста, он протянул к нему руки.

— А, вы здесь! Хвала Митре! — Жрец не успел опомниться, как юноша ухватил его за руки, потащил за собою вниз. — Я как раз за вами... Ну, пойдете! Быстрее! Что вы застыли, как неживой?!

Ораст попытался было воспротивиться, но маленький холодный наущок страха зашевелился в его душе. Что произошло? Может быть, кто-то прознал о тех святотатствах, которые он ежечасно творит в своей комнатухе? А этого щенка послали заманить его вниз, полагая, что гордый немедиец постесняется выказать такому молоко-сосу хоть тень тревоги? А во дворе его уже ждут молчаливые стражники, которых послали его связать и отвезти в местный монастырь, где митрианские дознаватели уже

калят железо? Хорош он будет, если позволит заманить себя в ловушку сейчас, когда он уже почти стоит на пороге будущего могущества! Здесь не удел барона Торского, и расчетливый дуйен вряд ли сможет чем-то ему помочь. Да и захочет ли он это делать еще раз?

Жрец крепко вцепился рукой в перила.

— Подождите! Отпустите меня, мне больно в конце концов... — Он нетерпеливо дернул рукой, в которую впились железные пальцы Винсента.

Тот и не подумал ослабить хватку.

— Да пойдёмте же скорее, Нергал вас заберит! — Он не стал дожидаться, пока жрец на что-то решится, и поволок упирающегося Ораста по коридору, через пустынный зал к выходу. Они очутились во дворе, и лишь тут будущий владыка мира, слепо шурясь на закатное солнце, силившийся разглядеть грозных стражников, наконец понял, что двор пуст. Значит, не то... Его пока еще не тащат на плаху. Но что тогда могло понадобиться этому оглашенному юнцу? За все время пребывания в доме Тиберия он и словом не перемолвился с угрюмым жрецом. Раз так, попробуем показать зубы, а то эти аквилонские ничтожества что-то совсем подрастеряли свое хваленое гостеприимство.

— А ну, стой! — В голосе жреца зазвенел металл. Никто в доме Тиберия не ожидал от него подобного, и молодой застыл в изумлении. — Куда ты меня тащишь, юнец? Объясни толком, что стряслось!

Тот резко разжал пальцы и отшатнулся.

— Да, да! — На лице юноши отразилось искреннее смущение. — Я прошу простить меня, господин... Нагрянувшая беда застала мне ум и, возможно, я повел себя недостойно по отношению к гостю — вы правы, что гневаетесь на меня. Но умоляю вас, поспешите! Отца ударила копытом лошадь. Он там, в конюшне... А наш лекарь, как назло, в отъезде! Прошу вас, сударь, не откажите в помощи...

Ораст сделал несколько шагов и замер вновь.

— Но почему я?

Глаза парня были полны слезной мольбы и надежды.

— Но вы же были раньше жрецом! А все знают, что служители Митры искусные врачеватели.

Это была правда. И они давали обет помогать страждущим в любое время, в любом месте, где только понадобится их помощь. И если в замке нет лекаря...

Однако Ораст больше не был жрецом. И принесенные клятвы были для него не более чем пустой звук. И он заметил, как мелькнуло на галерее, опоясывающей двор, белое платье Релаты, спешащей к воротам замка...

— Послушай, любезный! — Порыв злости бесследно улетучился, и последние слова он произнес обычным для себя смиренным тоном. — Я бы охотно помог твоему отцу, но беда в том, что я сложил с себя все обеты и не имею права врачевать. Обратись в ближайший храм, и твою просьбу не оставят без внимания.

Где-то он уже говорил нечто похожее... И кто-то вот так стоял перед ним и просил о помощи. Но где? Может быть, ему это приснилось? Да, но он отчетливо помнит, тогда случилось нечто очень скверное. Именно потому, что он выручил кого-то из беды. Воистину, правы жрецы тайного культа Аримана, которые не устают долбить своим ученикам: не стоит помогать страждущим, ибо добро, которое ты посеял, взрастет злом, и его черные всходы отравят твою пищу и воду. Кажется, так они говорят? Или все это он придумал сам? Неважно. Теперь все неважно, кроме леса и выжженного кусочка земли, на котором скоро будут переминаясь в нетерпении две маленькие девичьи ножки.

Он неожиданно успокоился и развернулся, чтобы идти. Однако юноша опять железной хваткой вцепился ему в плечо, и глаза его зло засверкали.

— Если ты, жрец, не понимаешь простых человеческих просьб, то вспомни о законах гостеприимства! Или они также ничто для тебя? И разве помощь человеку, что дал тебе кров и пищу, — не твоя святая обязанность?

Почти не слыша его, Ораст пожал плечами. Человек у него за спиной что-то говорил, бормотал, гудел... звуки сливались в неразличимый гул, бессмысленный и далекий. Он видел, как выскользнула из ворот девушка и направилась, не оглядываясь, через луг, к лесу. Не думая, он рванулся за ней. Но тут что-то острое кольнуло его под ребра, Ораст ойкнул, ощутив жгучую боль и, обернувшись, встретился взглядом с глазами Винсента Амийского. Он чуть не зажмурился — такая ненависть

пылала во взоре молодого дворянина. Ораст не выдержал и потухнул взор.

— Мой отец ранен, — процедил сын Тиберия, — и ты, пес, пойдешь и поможешь ему, пусть даже мне придется волочь тебя на себе. — В подтверждение своих слов, он сильнее надавил ножом, и Ораст с ужасом увидел, как окрашивается алым его рубаха. — Ты поможешь ему, — повторил юноша, едва разжимая губы. — И горе, если наш лекарь, по возвращении, найдет, в чем тебя упрекнуть! Тогда я собственноручно вздерну тебя на твоих собственных кишках.

Ораст поднял голову. На скулах заходили желваки. В глазах была пустота отчаяния. Он ощутил, как привычное безволие, которое он неустанно выкорчевывал из своей души, вновь прорастает бурным сорняком. Последний солнечный луч исчез за горизонтом, и Ораст усмотрел в этом дурной знак — видно, Огненноликий вновь посмеялся над своим недостойным слугой...

— Я сделаю все, что ты хочешь, — прошептал он чуть слышно.

* * *

День клонился к вечеру, и в лесу становилось зябковато. Кутаясь в плащ, подбитый жестким буровато-серым мехом первого убитого им волка — ему было тогда тринадцать зим... Боги, что за охота! — Валерий с угрюмой усмешкой сказал себе, что за годы скитаний, похоже, совсем отвык от прохладного климата родных краев. Да и не только от климата...

Над тем, о чем могли болтать сейчас его кузен с лесной колдуньей, принц Шамарский предпочел не задумываться. Ему в высшей степени наплевать на все их тайны и интриги, сказал он себе, — жаль только, никого больше не удастся убедить в этом...

Поразмыслив на свежую голову, он также решил выбросить из памяти все нелепицы, что наболтала ведьма ему самому. Ровно столько же мог бы напророчить любой шарлатан с рыночной площади, да еще куда цветистее и красочнее! Валерию вспомнилось, как давным-давно в их замке в Шамаре — еще мать была жива тогда — появилась старая нищенка-зингарка. Все молоденькие служанки

бегали гадать к ней на суженых... и даже с матерью Валерия старуха долго шепталась о чем-то в тиши запертых покоев. Мальчику навсегда запомнилась эта атмосфера предвкушения и тайны, радостные взвизги молоденьких девиц, поджатые губки, ревнивые взгляды исподлобья... На самого мальчугана, сколько он ни крутился вокруг нее, зингарка не обратила ни малейшего внимания.

...Однако в лесу постепенно сгустился сумрак, и Валерию вновь сделалось не по себе — словно некие тайные силы пробуждались вокруг, незримые течения кружились, обволакивая путника, и он ощущал их самой кожей своей. За густыми кронами деревьев не было видно солнца, однако, по тронутой багрянцем листве с западной стороны, он сделал вывод, что время близится к закату. Следовало поспешать. Валерию отнюдь не улыбалось оказаться в незнакомом лесу посреди ночи, да еще в совершенном безлунье. Он даже пожалел, что с ним нет сейчас Нумедидеса. Как бы сильно ни раздражал его кузен в последнее время, — сейчас он был бы рад любому обществу.

Внезапно Валерий насторожился. Инстинкт бывалого воина заставил его напрячься, пристально вглядываясь в просвет между деревьями впереди, чуть левее тропы, где он ехал. Что-то светлое мелькнуло там, на прогалине. Может, дикий зверь? После встречи с Цернунносом он уже не удивился бы ничему. Эх, жаль, обронил где-то кинжал...

Но тут же он расслабился. Последний луч угасающего солнца упал на поляну, высвечивая хрупкий тоненький силуэт. Валерий узнал белое платье, в закатных лучах кажущееся оранжевым, словно языки пламени в камине, и высокую смешную прическу, какие не носили при дворе уже несколько зим, единственной дочери барона Тиберия, и неспешно подъехал ближе.

Она до сих пор не заметила его. Может быть, девица ждет кого-то? Однако удивительные места для свиданий выбирали эти амилийские простушки... Но было что-то еще, что-то неуловимо странное... Он вгляделся получше, и по спине у него невольно побежали мурашки.

Девушка не шевелилась и, кажется, даже не моргала. Она казалась неестественно застывшей, как бы неживой. Лишь чуть заметно поднималась от дыхания высокая

грудь. Взгляд синих глаз казался подернутым пеленой, она словно не замечала ничего вокруг. Точно свеча, в ожидании огня...

Валерий тряхнул головой. Чего только не примерещится в лесу под вечер! Наваждение рассеялось. Это была просто юная девушка, невеста как оказавшаяся в лесу. Возможно, ей нужна помощь... Он выехал на поляну.

— Благородная госпожа? Могу ли я чем-то услужить вам?

На звук голоса девушка обернулась, сперва как-то замедленно, словно пробуждаясь от глубокого сна, и вдруг странная перемена свершилась в ней. В глазах вспыхнул огонь, она вся напряглась, точно тетива, дрожь прошла по всему ее телу. Релата — кажется, так ее звали... — преобразалась на глазах. Валерию показалось, он присутствует при рождении бабочки из куколки. И он впервые сказал себе, что эта девушка прекрасна.

Глаза ее, огромные, осененные густыми длинными расщипками, — серо-синие омуты, в которых можно было утонуть. Кожа бледная, точно слоновая кость, но нежнее тончайшего китайского шелка. Густо-медные волосы, убранные в изысканную высокую прическу, растрепались во время прогулки по лесу, и вьющиеся пряди обрамляли точеное лицо, волнами ниспадающая на плечи и приоткрытую грудь. Белое платье тончайшей тафты, отделанное черным немедийским бархатом и кружевом, подчеркивало тонкую высокую талию. Из-под подола виднелась маленькая ножка в золоченой туфельке. Валерий успел еще подумать, до чего мало подобный наряд подходит к таким прогулкам... и тут девушка шагнула к нему.

— О, мой господин! Я искала вас — и вы пришли!

Принц чуть не отшатнулся, так он был изумлен этой страстной горячностью в ее голосе, этой радостью. Она подошла совсем близко. И, впервые за долгое время, в присутствии женщины Валерий ощутил смущение. Чтобы скрыть неловкость, он брякнул первое, что пришло в голову:

— Вы заблудились?

И покраснел. Слишком сухо и отрывисто это прозвучало. Зря он так, ведь прелестная дочка хозяина и так, как видно, не в себе. Но, вопреки его ожиданиям, глаза

девушки распахнулись в радостном удивлении, и алые губки дрогнули.

— Заблудилась? О, нет. Я ждала вас!

Что-то странное было во всем этом — в этой встрече, в самой девушке, в словах ее, внешне вполне связных, но лишенных какой бы то ни было внутренней логики и смысла... точно она отзывалась не на его речи, но отвечала кому-то внутри себя. И этот взгляд ее... Она смотрела на него, как мог бы смотреть утопающий на единственного своего спасителя. Раньше она была совсем иной. Ни на пиру накануне, ни когда они виделись перед охотой, за завтраком, она почти не обращала на него внимания. Однако кто может понять, что на уме у юной девицы. Они непредсказуемы, точно погода весной, и речи их бессмысленны, как журчание ручейка. Валерию вспомнилось учение жрецов Асуры. Те утверждали, что женщина, не познавшая мужчины, лишена собственной души, — и лишь первый ее возлюбленный, словно на девственном воске, оставляет отпечаток своей. Почему-то эта мысль привела Валерию в странное возбуждение.

Он так давно не знал женщины...

Под копытом коня что-то хрустнуло. Валерий спешил и увидел валяющуюся на палой листве статуэтку — миниатюрное изображение той девушки, которая стояла перед ним. Он с недоумением взглянул на Релату — зачем ей понадобилось таскать в лес, в вечерний час, свои изображения, даже столь искусные. Но девушка, казалось, не замечала ничего вокруг, а смотрела, не отрываясь, на принца.

Валерий протянул ей фигурку.

— Вот, возьмите, госпожа, мне кажется, вы случайно оборонили...

Релата не обратила на безделушку никакого внимания и повторила:

— Я ждала вас...

Ее голос странно вибрировал, но Валерий приписал это волнению девушки.

— Большая честь для меня, сударыня, — он машинально сунул фигурку в седельный мешок и, поклонившись со всей галантностью, которую только сумел в себе изыскать, вежливо произнес:

— И я рад нашей встрече. Не хотите ли...

Пожалуй, он и сам толком не знал, что собирался предложить девушке. И хотя по глазам ее, восторженным и ясным, видел, что она готова согласиться на все, что он ни сказал бы, договорить Валерий не успел. За спиной послышался торопливый стук копыт.

* * *

Ораст пробирался сквозь чащу, не разбирая дороги, точно раненый зверь, ломая кусты, топча жухлую траву, пиная как назло попадающийся под ноги валежник. Уже почти стемнело, не разглядеть было ни выбоин, ни предательских коряг под ногами... несколько раз он падал, в кровь разбил руки, подвернул лодыжку, так что остаток пути ему пришлось хромать через силу, хватаясь за стволы и ветви деревьев.

Настойчиво, с яростной верой отчаяния, он твердил себе, что еще не поздно, что он *не может* опоздать. Что место в лесу было выбрано надежное, и вряд ли кто-то обнаружит там Релату. Он повторял это раз за разом — словно частота повторений могла претворить желание в реальность.

Словно в тумане, ему вспоминалось, как отправился он, покорный, ошеломленный происходящим, сломленный столь внезапным крушением всех своих планов, в конюшню вслед за Винсентом. Там, осторожно уложенный на деревянный пол в проходе между стойлами, лежал хозяин дома, накрытый попоной — бледный, в испарине. Норовистый конь ударил его копытом в плечо, когда Тиберий пытался прощупать у того опухоль на колене. Перепуганные конюхи толпились вокруг и бестолково гаддели, советуя пользоваться всевозможные народные средства, одно другого нелепее, вроде компресса из собственной мочи. Там же был испуганный, трясущийся брат Винсента — Дельриг.

Ораст медленно опустился на колени перед Тиберием и искоса взглянул на Винсента — не ушел ли тот. Как бы не так. Наследник барона с прищуром смотрел на мгновенно поникшего жреца, выразительно оглаживая рукоять убранного в ножны кинжала. Неудавшийся черно-книжник вздохнул, для вида пошептал губами, пусть все

думают, что он перед врачеванием, как надлежит, возносит молитву Солицеликому, и начал осмотр.

Он помнил, какое мертвенное, ледяное спокойствие овладело им в тот миг. Совсем недавно он летел во весь опор, окрыленный, не ведающий преград и опасностей — птица, устремленная к солнцу, — и вдруг путь его пресекался, точно золотой меч рассек туго натянутую нить, длань Митры встретила его, преградила дорогу, и самое дыхание его прервалось от внезапности и жестокости нападения.

Ораст слишком долго был жрецом, чтобы не научиться в любой мелочи, сколь ни ничтожной, усматривать знак судьбы и перст провидения. Все его богоборческие порывы и устремления — какой гнусной насмешкой обернулись они! Казалось, весь сонм Темных Богов хихикал в отдалении, наслаждаясь своим бездействием, позволяя Митре по-прежнему править своим недостойным аколитом, вертеть, точно безвольной куклой, на миг позволяя приподнять голову, — и тут же с яростной насмешкой втапывать обратно в грязь.

И все же, когда изначальное отчаяние миновало, Ораст сумел взять себя в руки. В волчьей ухмылке приподнялась верхняя губа, обнажая острые зубы. Было ли случившееся с ним случайностью или волей богов, он не знал. И сказал себе, что это не должно иметь для него никакого значения. Истинное могущество в том и состоит, чтобы одерживать верх над любыми соперниками, — будь то бессмертные небожители, или слепая нелепость судьбы. Не имело значения, кто встал у него на пути, кто пытается нарушить столь тщательно вынашиваемые планы. Ораст ощутил себя стрелой, выпущенной из лука. Он вновь почувал в себе нестигаемую силу, незримое притяжение цели. Никакие задержки больше не страшили его.

Ловкими опытными пальцами он ощущал поврежденное плечо Тиберия. Сустав был выбит. Ключица сломана. При прикосновении Тиберий поморщился, однако, сжав губы, удержал стон, лишь крупные капли пота выступили на лбу. Даже в своей отстраненности жрец не мог не восхититься стойкостью старого воина. Нажатием на три узла Живой Силы он лишил чувствительности поврежденный участок тела. Раненый заметно расслабился.

Вправить вывих было бы несложно, — но приходилось действовать крайне осторожно, чтобы не сдвинуть сломанную кость. На мгновение Ораст сосредоточился, наложив руки в нужных местах, и, ощутив горячие токи, с силой рванул руку Тиберия и резким крутящим движением вправил сустав. Старик вскрикнул, выгнулся дугой. Винсент с воплем выхватил кинжал, подскочил к нему и приставил обнаженное лезвие к горлу жреца.

— Проклятый пес! Я убью тебя...

Загомонили примолкнувшие конюхи, что-то затараторил Дельриг, пытаясь образумить брата, но Ораст не нуждался в защите. Гибким, кошачьим движением он поднялся с колен и, выпрямившись, взглянул в глаза юноше, и хотя был почти на полголовы ниже его и куда уже в плечах, тот невольно отступил на шаг.

— Придержи язык, щенок! — Голос его звучал жестко и надменно. На какой-то миг им всем почудилось, будто алая накидка служителя Солнцеликого легла на плечи Ораста, и они невольно притихли. Винсент приоткрыл рот, точно пытаясь что-то сказать, но повелительный жест жреца сомкнул ему уста. — Я многим обязан твоему отцу — и сделаю для него все, что в моих силах. Но запомни. Моя благодарность не распространяется на его сыновей, и горе тебе, если я дам волю своему гневу!

Он выждал мгновение, чтобы слова его хорошенько осели в сознании взбудораженного юнца, и вновь наклонился к раненому.

Перебинтовать плечо, удерживая сломанную кость в правильном положении, чтобы выправить смещение и дать ей возможность как следует срастись, было лишь делом техники и не заняло много времени. Пожалуй, сказал себе Ораст, удовлетворенным взглядом провожая Тиберия, которого слуги на носилках, сооруженных из плащей, уносили в дом, даже Мениер, старший лекарь храма, его учитель, не нашел бы к чему придраться. Отсутствие практики не лишило его былой сноровки... Мысль эта доставила ему странное удовольствие.

Он успел еще, совершенно спокойный внешне, дать основные указания слугам о том, как ухаживать за хозяином, перемолвиться несколькими словами с Дельригом, который, намеренно не помяная недавней сцены с Винсентом, рассыпался в благодарностях и обещал щедрое

вознаграждение, от которого Ораст вежливо, но твердо отказался... И лишь когда все разошлись по своим делам, не спеша направился к воротам замка. Никто не обратил внимания на его уход.

Однако, оказавшись вне зоны досягаемости для сторонних взглядов, он побежал.

...Всем его надеждам, однако, суждено было развеяться, точно утренней дымке, когда он достиг наконец заветной поляны. Пригнувшись в зарослях можжевельника, он наблюдал.

Релата. Он заметил ее первой, и пьянящая радость мгновенно охватила его. Она пришла... заклинание подействовало... Но он тут же сказал себе, что никакое удавшееся колдовство не имеет смысла, когда не достигает цели. Так что упиваться победой было нелепо. Достоинно насмешки.

Но еще более он изумился, когда увидел, что на поляне стояли трое. Рядом с девушкой двое мужчин держали в поводу коней... те самые, что приехали в дом Тиберия накануне и отправились с утра на охоту. Что за черная судьба принесла их сюда в этот час?! Ораст был готов взвыть от ярости. Однако — если их двое... в душе мелькнула сумасшедшая, шальная надежда... возможно, заклинание не сработает! Он попытался прислушаться к разговору на поляне.

Однако упования его были тщетны; почти сразу же он убедился в этом. Чары подействовали. Да так, как он и надеяться не мог, когда замыслил все это.

Релата ни на шаг не отходила от одного из охотников, высокого, желтоволосого, обращалась лишь к нему, не сводила с него глаз. Вот рука ее легла на его локоть... Ораст закрипел зубами. Сколь сильны были его муки, когда Релата пренебрегала им — но они оказались лишь бледным предвестьем той пытки, что он переживал теперь. Каждое ее движение, каждый взгляд, каждое с нежным придыханием произнесенное слово, точно отравленные дротик, вонзались в его сердце. В горле он ощутил вкус желчи. Глаза застлала багровая пелена. Если бы не присутствие свидетеля, он набросился бы на них...

Ценою огромного напряжения сил Орасту удалось взять себя в руки. Он попытался разглядеть сцену подробнее, — но сумрак и густые заросли можжевельника

препятствовали ему... впрочем, увиденного было достаточно, чтобы у него разорвалось сердце.

И, похоже, второй охотник испытывал схожие чувства. Сперва он пытался заигрывать с Релатой, неловко пошутить насчет юных девиц, что выходят ночами в лес и могут стать добычей диких волков, однако, слова его уходили в пустоту. Девушка словно и не слышала его. Он попытался взять ее под руку — она отстранилась негодуя и презрительно. И наконец, бросив что-то резкое — ветер отнес слова — он вскочил на коня и умчался прочь, во тьму.

Затаив дыхание, Ораст принялся ждать, что будет дальше. «Если он посмеет дотронуться до нее, — твердил он пересохшими губами, — я... я...» Что он сделает тогда, слабый, безоружный, против опытного бойца, он не знал. Но готов был решиться на любой самоубийственный жест.

Ничего подобного, однако, от него не потребовалось. Молодой человек вскочил в седло, нагнулся, обхватил девушку за талию, усадил перед собой. Она что-то прошептала ему на ухо. Он засмеялся. Тронул поводья. И жеребец его неспешным шагом пошел прочь.

Дождавшись, пока они скроются из виду, Ораст выскочил на поляну. Он и сам не знал, что понадобилось ему там теперь. Место Силы было пустым. Магия его исчерпалась. Он рухнул ничком и, огласив лес диким протяжным криком, забарабанил кулаками по холодной земле.

Внезапно что-то впилося ему в руку. Сучок или щепка, подумал он, машинально потянувшись вырвать занозу. Но в пальцах его оказался металл. Золоченая фигурка феникса, расправившего гордо крылья, чуть заметно блеснула во тьме.

Ораст медленно поднялся на ноги, пряча на груди драгоценную находку. И ровным шагом осужденного на казнь направился в замок.

ОБРАЗ ЛИСИЦЫ

К вам явился посланец, мой господин...
— А? — Амальрик Торский с неохотой оторвался от созерцания серебряного кубка с тончайшей гравировкой, изображавшей битву демонов и драконов. Офирская работа, должно быть... Купец, принесший

показать знатному вельможе свой товар (слухи о том, что барон равнодушен к старинным вещам, и особенно к оружию, разнеслись далеко за пределы Тарантии), покорно дожидался внизу, куда милостивый месьор соблаговолит сделать выбор. Немедиец потянулся и зевнул, прикрывая рот рукавом шелкового халата, потом буркнул: — Какой еще посланец? Я никого не жду. Да отвечай же скорее, собака!..

Гонцы из Бельверуса, встретившие его по возвращении из Амилии, отбыли накануне, увозя с собой грамоту для короля Нимеда. Там были обычные известия, слухи, дворцовые сплетни, предположения... Словом, ничего выдающегося. Так, обычное переливание из пустого в порожнее. Амальрик достаточно поднаторел на дипломатическом поприще, чтобы составление подобных докладов не составляло для него труда. Там было *все*, что могло удовлетворить любопытство его сюзерена — и *ничего*, что позволило бы монарху заподозрить, как обстоят дела в Аквилонии на самом деле.

Разумеется, на свою собственную деятельность барон набрасывал особо плотный покров тайны. Едва ли Нимед пришел бы в восторг, узнай он, что посланник интригует в Аквилонии против его венценосного собрата. Более того, он навряд ли сумел бы понять, что движет его преданным слугой. И даже мог счесть это государственной изменой... Нервным жестом Амальрик потер инею, словно ее уже коснулся топор налеча.

Он знал, что играет в опасную игру. Однако и страх, и чувство долга давно утратили власть над его мятежным духом — слишком привычно стало жить, постоянно рискуя, ходить по лезвию ножа. Но, что поделаешь, без этого существование казалось бы слишком пресным.

Немедиец, ожидая ответа, поднял глаза на слугу, который съехался от немигающего взгляда своего господина и испуганно залопотал:

— Он не назвал себя, месьор. Но просил принять его как можно быстрее, говорит, что валится с ног от усталости.

Амальрик поморщился. Подумать только, какая наглость! Презренный раб, видите ли, устал с дороги! Может, приказать всыпать ему плетей? Хотя нет, с этим всегда успеется. Сначала надо узнать, кто прислал его, а

то, чего доброго, его хозяин обидится на негостеприимный прием.

Однако кем же мог быть таинственный гонец? Амальрик был заинтригован, но тем не менее отослал слугу назад, не спешив отдать распоряжение позвать незнакомца — пусть поскучает в передней. В конце концов, это было частью этикета. Не может же, в самом деле, благородный немедийский дуайен принимать неизвестно кого, не помедлив хотя бы три четверти клепсидры. Хвала Митре, что он может себе это позволить, ибо не ждет никаких срочных известий. И барон принялся неторопливо раскладывать на лакированной столешнице изящные вещицы, принесенные давешним купцом.

Его холеные руки с длинными пальцами и ухоженными овальными ногтями небрежно брали изделия безвестных ремесленников с серебряного подноса, выкладывая сложную мозаику, где каждый предмет олицетворял собой отдельного человека, а все вместе являли картину будущего заговора против аквилонского венценосца. Немедиец напоминал ткача, сосредоточенно плетущего паутину кружева, соединяя разрозненные нити в единый узор.

В правом нижнем углу — кривой хорайский *акинак*, напоминающий косу землепашца. Оружие острое, но уместное лишь для колющего удара исподтишка: хрупкий металл, из которого он выкован, не годится для открытого боя. Пусть это будут Винсент с Дельригом, желторотые юнцы, которыми, после того как они исполнят его приказания, можно с легкостью пожертвовать.

Чуть выше — тонкий зингарский *бордолис* с трехгранным лезвием и рукоятью из оленьего рога. Оружие, предназначенное для того, чтобы парировать левой рукой удары меча. Это Фельон, герцог Тауранский, бешеный бык, сметающий все на своем пути. Его удел — возглавить повстанческую армию и пасть на поле боя под натиском королевской гвардии. Что ж, бордолис и нужен лишь для того, чтобы в нужный момент отвлечь на себя удар противника. Но если судьба распорядится иначе и полководец поймет глупость уцелеть, то его младшие братья с удовольствием исправят эту ошибку и помогут герцогу отправиться на Серые Равнины. Живым его оставлять нельзя! Не зря Фельон постоянно бахвалится, что в его жилах течет королевская кровь. Непременно будет

одним из первым, кто возжелает сесть на Трон-Рубин. Не ведает, бедняга, что все места давно распределены на этом празднике жизни.

Немедиец, презрительно скривив губы, достал из деревянного ларца горсть боевых шипастых перстней, что применяются афгулами в рукопашной, и высыпал их рядом с кинжалом. Перстни рассыпались, словно горох, и дробно застучали по столешнице — это Вельмар Танасульский, его кузен Мариций; Рогир из Гандерланда; Начальник Королевской Стражи Альвий; пара дворянчиков с юга; пяток рыцарей из оссорской долины, что выточили зуб на своего сюзерна, и еще тарантийские молодчики — несколько дюжин придворных фигляров, жаждущих ратной славы, вроде бестолкового графа Феспия или жеманного Аскаланте Тунского. Дрянные людишки, охочие до игры в заговорщиков, с масками и тайными встречами... но стоит начаться настоящей заварушке, и они разбегутся кто куда, как полевые мыши от лемеха — только их и видели. И все же пренебрегать ими неразумно. Что ни говори, а именно *они* и будут составлять двор нового аквилонского владыки. Из этих шутов придется на первых порах формировать казначеев и канцлеров, сенешалей и маршалов. Потом их придется потихоньку убирать — кого тихо придушить в собственном алькове, кого заточить в темницу, кого сослать на границу с пиктами. Придется немало потрудиться, прежде чем удалится до конца выполоть дворцовые грядки...

Так, на левую сторону — палаш с золоченой гардой и алыми кистями на рукояти. Это гордый Пуантен, поданные графа Троцера. Золотые Леопарды, которые спят и видят, как бы освободиться из лап тарантийского змея. Но с ними нужно держать ухо востро, когда на трон сядет новый король и об обещанной независимости тотчас же будет забыто.

Ближе к центру халогская булава — страшное оружие гиперборейцев. Ей невозможно ранить, ибо удар ее крошит головы, словно скорлупки от яиц, но учиться обращению с ней мучительно трудно. Это — Марна. Дикая сила, которую, выпустив на волю, невозможно остановить. Свирепым ураганом сметет она все вокруг, оставив позади лишь руины и трупы.

Рядом с ней уттарийский *песау*. Маленький неказистый нож с выгнутом, наподобие рыбьего брюха, лезвием и деревянной ручкой, инкрустированной перламутром. Внешне он похож на своего бронзового собрата, которым аквилонские нобили на пирах режут сыр. Песау кажется безобидным и совсем непригодным для нападения, но мало кто знает, что это отнюдь не так — в опытных руках скромный ножик в считанные мгновения может распотрошить противника, словно мясную тушу, ибо лезвие его тоньше нити и умышленно заточено так, чтобы кромсать плоть врага с той же легкостью, что и кусок масла. Это — Ораст, тихий жрец-отступник, странный человечешка, который и не подозревает о роли, что, по воле лесной колдуньи, ему предстоит сыграть в будущем спектакле.

Амальрик, прищурясь, посмотрел на опустевший поднос — оружие кончилось и оставались разные мелочи: дамские гребни и костяные заколки, невесть зачем принесенные торговцем в этот холостяцкий дом — их положим поодаль, пусть изображают колеблющихся и тех, кто не рискнет вмешаться, что бы ни происходило во дворце. Туда же отправим и медный нож для заточки перьев, прелестная вещица, грозного вида, изящной отделки, — но ровным счетом ни на что не годная. Это наш друг Валерий... Губы немедийца тронула недобрая усмешка.

А вот принц Нумедидес! Дуайен фыркнул, подружив в центр стола аляповатую коринфийскую плевательницу, на разноцветной эмали которой были изображены пузатые евнухи.

И наконец — серебряный кубок с драконами и демонами. Высокий, на длинной ножке, похожий на изысканный цветок. Амальрик установил его в центре. Солнечный луч, отразившись от полированной поверхности, на миг ослепил посланника, и он поклонился с насмешливым почтением. Его величество король Вилер Третий. Украшение стола! Легким, небрежным жестом Амальрик толкнул фиал, и тот, жалобно звякнув, скатился со стола и зазвенел по мраморному полу.

Барон Торский позвонил в стоявший на столе золотой колокольчик. В то же мгновение, низко склонившись в ожидании приказа, в дверях появился темнокожий слуга-пунтиец.

— Убери все это барахло. — Презрительным жестом Амальрик обвел вещи, разложенные на столе. — И передай купцу, чтобы больше не смел оскорблять взор господ подобной дешевкой, если не хочет, чтобы на него спустили собак... Впрочем, — Амальрик нагнулся было за кубком, однако раб оказался проворнее и с почтительным поклоном подал сосуд господину. — Эту чарку я, пожалуй, возьму! Две серебряных монеты будет достаточно... — Он знал, что кубок стоит куда дороже — как знал и то, что купец не осмелится возразить... Почему-то ему вдруг сделалось скучно и захотелось хоть как-то развлечься. — Ах, да! Позови этого гонца!

Возможно, новости с севера, из Гандерланда, от согладатаев Рогира, размышлял он, продолжая вертеть серебряную фиал в руках, пытаясь поймать лучики света. Или вернулся наконец с вестями из Пуантена Карегус, его верный дворецкий. А возможно, шлют вести дружественные бароны из одной из провинций... Что бы то ни было, Амальрик надеялся, это окажутся хорошие вести. За дурные, пожалуй, сегодня он был расположен заживо содрать с посланца шкуру...

Лениво потянувшись, барон поудобнее устроился в кресле и, отставив наконец в сторону кубок, принялся глядеть в окно, любуясь игрой не по-осеннему яркого солнца на крытых разноцветной черепицей крышах. После недавнего обеда он ощущал сытую тяжесть и негу, его разморило, — возможно, он даже на мгновение задремал...

Очнувшись он от скрипа отворившейся двери. Звук был не слишком приятным, и достаточно было капельки масла, чтобы избавиться от этого неудобства, — однако барон был слишком искушен в дворцовых интригах и не собирався облегчать жизнь потенциальным убийцам и шпионам... Что, однако, не мешало ему морщиться каждый раз, когда кто-то ее открывал.

Вошедший застыл на пороге. Барон Торский представил себе, не открывая глаз, как гонец стоит, усталый, в запыленной одежде, склонившись в низком раболепном поклоне, в протянутой руке держа драгоценную грамоту, в ожидании, пока на него соизволят обратить внимание, тогда как он...

Резкий повелительный окрик внезапно вырвал его из приятного забытья.

— Открой глаза, Амальрик, я устал ждать! И взгляни наконец, кто перед тобой.

Барон Торский подскочил, как ужаленный.

— Н-не может быть... Ваше Высочество, я не ждал вас так скоро... — Слова застревали у него на языке. В мозгу судорожно прокручивались сотни вариантов. Тараск, принц Немедии, здесь, перед ним! Прибыл тайно, в одежде гонца — но почему так рано? Он должен был прибыть под покровом ночной темноты, а не при свете дня! Должно быть, маленький мерзавец решил, что у своего будущего вассала ему придется куда удобнее, чем в придорожной таверне... Каков подлец! Вот из-за таких недоумков обычно и рушатся самые продуманные планы!

Тараск, заметив смятение Амальрика, ухмыльнулся, приписав его своему эффектному появлению, и небрежно развалился на низком одре у камина, уложив запыленные сапоги прямо на шелковые подушки. Если он и заметил недовольный взгляд Амальрика под мгновенно опустившимися веками, то не подал и виду. Подобно всем тем, кто большую часть жизни вынужден проводить в душной атмосфере дворцовых интриг, принц вполне владел искусством выражать свои чувства без слов, — выверенной позой, жестом, движением губ. И сейчас посланнику понадобилось лишь мгновение, чтобы понять, что Тараск чем-то весьма раздосадован и готов сорвать злость на первом же, кто попадется под руку.

Постаравшись не выдать тревоги, барон неспешно прошел к двери, закрыл ее, вновь невольно поморщившись от скрипа, и повернулся к гостю.

Тараск мало изменился с их последней встречи прошлой зимой. Разве только сбрил свою русую бородку, совершенно его, впрочем, не красившую, и теперь смуглое лицо неприлично помолодело, точно загорелая мальчишеская физиономия. Однако, если приглядеться, морщинки у глаз и опустившиеся брюзгливо уголки губ выдавали истинный возраст принца, — тот был на шесть или семь зим старше Амальрика. Что, впрочем, никогда не мешало барону чувствовать себя сильнейшим. Да он и не удовлетворился бы меньшим. Питомец Торского Гнезда, как с любовью именовали его родное поместье, где находилась ставка сообщества Братьев Черного Кречета, — Амальрик был рожден для могущества, даже если

пока власть его не простиралась за пределы крошечной гористой Торы. И сознание этого позволяло барону смотреть сверху вниз на любого принца крови, — в особенности, если тот, подобно Тараску, отстоял от трона не менее чем на четыре ступени... и был так невелик ростом.

И сейчас он взглянул на раскинувшегося на диване принца без всякого благоговения и почтительности, едва скрывая нетерпение. Он не ждал Тараска сегодня — встреча, ради которой принц проделал весь этот путь из Бельверуса, была назначена лишь на завтрашний вечер, — и теперь его появление спугало все планы барона. Вечно брюзжащий, недовольный всем на свете и готовый весь мир обвинить в своих бедах, коротышка Тараск был не самым приятным из компаньонов, и мысль о том, что предстоит развлекать его еще добрых два дня, вызывала у барона ломоту в зубах и непреодолимое желание поминать Сега и прочую черную братию. Однако принц был слишком важной фигурой в его планах, чтобы рисковать настроить его против себя... И посланник медоточиво улыбнулся, глядя куда-то поверх левого плеча собеседника.

— Ваше Высочество, должно быть, утомились с дороги. Я прикажу, чтобы приготовили комнату... — Он звякнул в колокольчик, и когда слуга явился на зов, отдал все необходимые распоряжения. В апартаментах посланника две опочивальни всегда были готовы принять неожиданных гостей. Затем вновь повернулся к принцу. — Судя по тому, что вы прибыли гораздо раньше, чем я вас ждал, дорога оказалась удачной?

Несколько мгновений взгляд Тараска не выражал ничего, кроме угрюмого недовольства. Но внезапно злобная гримаса исказила круглое лицо и левая щека начала подергиваться. Амальрику был знаком этот признак. С затаенным вздохом он подумал, что, похоже, ему придется вытерпеть еще одну истерику этого низкорослого болвана.

— Надеюсь, ничто не омрачило ваше путешествие?

Но, если Амальрик надеялся вопросом своим предотвратить взрыв, он просчитался. Немедийский принц вскочил с дивана и, одним прыжком преодолев расстояние, отделявшее его от барона, склонился над ним, упираясь маленькими ладонями в ручки кресла с такой силой, точно пытался разломать их на части.

— Я ненавижу эту страну, Амальрик! — прошипел он, и в голосе его была такая ярость, что, казалось, дай ему в руки факел, и он пойдет один, пешком, жечь аквилонские замки и храмы, дома и овины, не оставляя за собой ничего, кроме разоренного пепелища. — Ненавижу их всех... ублюдки, отродье Эрлика... — В его хорьих глазах барон с отвращением заметил злые слезинки.

Подобным приступам Тараск был подвержен с детства, — нелюбимый и нежеланный сын племянницы короля, чье наследство было промотано отцом в военных авантюрах, а шансы на корону ничтожны, он рос неуверенным в себе, жадным до ласки ребенком. В отличие от Амальрика, он совершенно лишен был способности противостоять превратностям судьбы и, более того, воспринимал каждую как личное оскорбление, преднамеренно нанесенное ему неким злобным, насмешливым божком, а потому готов был впасть в бешенство по малейшему поводу. Мало кто способен был в такие минуты противостоять безрассудной ярости принца, — но Амальрик, один из немногих, не только терпеливо сносил его припадки, но зачастую мог даже успокоить разбушевавшегося Тараска. Должно быть, именно поэтому он и вызывал у маленького принца некоторую приязнь, которую с большой натяжкой можно было считать дружеским расположением. Хотя, если учесть, что этот немедийский самодур люто ненавидел всех без исключения, то и этого было довольно...

Сам барон прекрасно понимал, что лишь безграничная выдержка и твердость духа дают ему власть над не слишком умным, слабохарактерным и истеричным принцем, которого он прочил на престол Немедии. И потому, мысленно проклиная судьбу, что обрекла его иметь дело с подобными болванами, что на родине, что здесь, в Аквилонии, он собравшись с духом и успокаивающе прикоснулся к болезненно сжатому кулачку Тараска.

— Право, Ваше Высочество... — Тон его был ровным, слегка укоризненным, но любящим, точно у заботливого родителя, — только так и можно было хоть чего-то добиться от этого капризного придурка. — Не стоит обращать внимание на мелочи, это не к лицу будущему правителю великой Немедии! Окажите вашему недостойному слуге честь и поведайте, кто посмел оскорбить моего

господина. Клянусь вам, они станут первыми, с кем мы расправимся, когда наши победоносные войска войдут в Тарантию.

Принц скрипнул зубами.

— Если бы я знал! Какие-то аквилонские разбойники, будь они прокляты... — Но ярость его под воздействием успокаивающего тона Амальрика уже улеглась. Он еще дулся и хмурил брови, но скорее по инерции, ибо основная цель была достигнута: Амальрик был весь внимание, готовый, как ему казалось, по первому же слову броситься и разорвать обидчиков в клочья. Именно потому принц Тараск в разговорах с особо приближенными любил хвастливо величать барона своим верным цепным псом. По счастью, ему не ведомо было, что сам Амальрик обычно про себя, как Марна Ораста, именовал принца слюнявым щенком...

— Но что же случилось, Ваше Высочество?

Тараск вздохнул. Теперь Амальрик видел, что, несмотря на все свое возмущение, тот не слишком горел желанием рассказывать о неприятном эпизоде. Должно быть, презрительно подумал он, щенок, как обычно, сам полез на рожон, принялся тявкать на кого не след, — вот и получил по ушам. Это в Бельверусе ему все сходило с рук, — в Аквилонии же титулом немедийского принца не прикроешься. А Тараск, привыкший потакать любым своим прихотям, платить по счету ох как не любил... Это было еще одной причиной, почему барон, — которого с детства приучили рассчитывать лишь на себя и никогда не использовать титул в качестве щита или дубинки, — от души презирал его. Однако интересно, с кем же повздорил его принц? Неужто с кем-то из тарантийских придворных? Это было небезопасно, ибо немедийского гостя могли опознать, а это неминуемо вызвало бы нежелательные слухи.

По счастью, как выяснилось, хотя бы эта неприятность их миновала. Однако тревога с этого мгновения прочно заняла свое место в сердце барона.

— Я остановился, как мы и договаривались, на постоялом дворе, чтобы не привлекать к себе внимание! Хотел отдохнуть там до вечера, а потом пуститься в путь! Но мне помешали наемники...

— Наемники? — поднял бровь дуайен.

— Не знаю точно. Какие-то солдаты... А наемники или нет, не знаю! Я не разбираюсь в таких вещах. Представляешь, они посмели высечь меня, словно провинившегося конюха, и выпшвырнуть из таверны. Нет, ты представляешь!.. — Он захлебнулся праведным негодованием. — Эти псы! Меня — наследника немедийского престола! И мне ничего не оставалось делать, как приехать сюда раньше назначенного срока!

Высечь? Прекрасно! Амальрик с трудом сдержал смех. Наемники то были или нет, но он был готов снять шляпу перед этими неведомыми воспитателями. Будь благословенны те руки, что проучили этого недомерка!

— Понятно. — Принц по-прежнему нависал над ним, перекошенное лицо его почти вплотную приблизилось к лицу Амальрика, и тот с трудом удерживался, чтобы не оттолкнуть взбешенного Тараска. К тому же, когда тот впадал в ярость, изо рта у него летела слюна... — Понятно, — повторил Амальрик. — Ваше Высочество может навсегда забыть об этом неприятном эпизоде. Вам достаточно лишь сказать мне название таверны — и можете вычеркнуть ваших обидчиков из списка живущих. Они сполна поплатятся за свою дерзость.

Принц просиял. Лишь теперь он наконец соизволил выпрямиться и опустился в кресло напротив Амальрика. Преданность, решительность и беспощадность — именно за это он ценил своего цепного пса. Именно такой реакции он и ждал от него... отчасти намеренно разыгрывая сцену ярости, дабы убедиться, что барон все так же стоит на защите его интересов и готов на все ради своего будущего суверена. Пожалуй, сказал себе Тараск, когда он станет королем, Амальрика придется наградить за все, что он сделал для него, — если только он не решит, что куда проще и безопаснее лишить барона жизни... что ни говори, но тот слишком много знал. А эта болезнь смертельна — как чума или черная оспа!

— Хорошо, — царственно кивнул он не сводящему с него глаз Амальрику. — Надеюсь, дерзкое отродье будет примерно наказано — я знаю, ты мастер по этой части... — Затаенная улыбка мелькнула на полных губах принца. Должно быть, он вспомнил нечто приятное.

— Их было семеро. Один — варвар с черными волосами, здоровенный, как скала. С огромным двуручным

мечом, в кожаных доспехах. Остальных я плохо запомнил... А таверна называлась «Усталый паломник».

Барон жестом дал понять, что принял это к сведению. Он пока не знал, станет ли посылать кого-то на поиски дерзких наемников, рискнувших проучить немедийского принца, — скорее всего, дело это безнадежное. Хотя, если у него будет столь же скверное настроение, как сейчас, возможно, он поедет к «Усталому паломнику» сам. Немного размяться не помешает, и, к тому же, интересно было бы попробовать в деле новый трезубец, что прислали ему из Кордавы. Или отсыпать этим парням серебра, за то что своей безрассудной выходкой они хоть немного его позабавили...

— А теперь я хотел бы передохнуть. — Принц Тараск устало потянулся. — И будь любезен, распорядись насчет девочек к вечеру — мои вкусы ты знаешь... — Похотливая ухмылка растянула полные губы. — Или, может, лучше выбраться вечером в город? Что, в Тарантии найдется чем заняться скучающему всльможе?

Лицо Амальрика, как обычно, не выражало никаких чувств. Он лишь позволил себе осторожно заметить:

— Надеюсь, Ваше Высочество не забудет, что мы в столице враждебной державы. Завтрашняя встреча крайне важна для нас — мне не хотелось бы поставить под угрозу ее секретность...

Но принц лишь досадливо отмахнулся. Государственные соображения никогда не довели над ним, всегда отступая перед минутными прихотями. И вся эта поездка для него была лишь возможностью развлечься, не более, и ни один заговор, ни один тайный союз или военный альянс не стоил, по его мнению, ночи с горячей южной красоткой... Так что пусть уж Амальрик, верный пес, презираемый, но, увы, пока необходимый, занимается такими мелочами.

Тараск поднялся с места и, рассеянно пройдясь по комнате, остановился у стола. Рука его легла на серебряный кубок, с которым незадолго до этого играл барон. Он небрежно повертел его в пальцах и двинулся к дверям, где, по звонку Амальрика, немедленно возник безмолвный слуга, готовый проводить гостя в отведенную ему опочивальню. На выходе, точно вспомнив о чем-то, принц обернулся.

— Выпью за твое здоровье... — Он приветственно взмахнул кубком, и Амальрик, поднявшийся проводить гостя, молча кивнул. Он уже знал, что никогда больше не увидит этой прелестной вещицы, — нужда в деньгах была основной бедой принца. Она же, единственная, пожалуй, толкнула его взалкать короны. Амальрику казалось порой, что для него королевский скипетр был лишь еще одной безделушкой, дающей возможность до отказа набить золотом вечно пустые карманы...

— Буду счастлив, Ваше Высочество! — отозвался он со всем доступным ему радушием. — И надеюсь, мы выпьем вместе!

— Х-ха... Не сегодня. — Смешок принца был гаденьким, подлым, и Амальрик мгновенно пожалел, что предоставил Тараску такую возможность задеть его. Внутренне он сжался, заранее пытаясь приглушить ярость, ибо знал, что сейчас последует — и принц не обманул его ожиданий. — Я бы предложил тебе скоротать с нами ночку — но не хотелось бы смущать тебя. Ведь там будут девушки... а ты, бедняга, даже представления не имеешь, что с ними делать!

Он удалился, похрюкивая от наслаждения. Еще бы, не часто удается так изящно уязвить этого заносчивого дуайена. Унижать друзей и слуг было тем приятнее принцу, чем более он зависел от них... Сузив глаза, Амальрик Торский проводил его взглядом, покуда за гостем его бесшумно не закрылась тяжелая дверь. И лишь тогда дал волю гневу.

* * *

Под вечер того же дня Троцero Пуантенский, безвылазно проводивший последнюю седмицу, вопреки тому, что он сказал Валерию, в своих апартаментах, тремя звучными хлопками в ладоши призвал своего оруженосца. Истинный тулушеч, тот, как и все южане, безмерно тосковал в сырой и промозглой в это время года Тарантии и обрадованно поспешил на зов, уверенный, что господин его наконец даст сигнал к отъезду домой, по непонятным причинам отложенному на небывало долгий срок, — обычно граф не задерживался в аквилонской столице

больше, чем на несколько дней. Однако в кабинете графа верного слугу ждало жестокое разочарование.

Поднявшись из своего «кресла покойных раздумий», низкого, с удобной гнутой спинкой, стоявшего в небольшой нише у окна, — мода на подобные кресла была заведена в Пуантене дедом нынешнего графа, и теперь ни один вельможа на юге не мог и помыслить своей резиденции без такого места, где обсуждал самые важные решения, принимал посетителей и вершил суд, — Троцero решительно приказал:

— Принеси мне плащ, Лорант! И меч! Я должен уйти!

Вид у него при этом был сумрачный и какой-то беспокойный, точно граф принял некое решение, не доставлявшее ему особой радости, однако по соображениям чести или каким иным, считал себя обязанным привести его в исполнение. Старому слуге это выражение лица хозяина было хорошо знакомо, — и обычно предвещало недоброе. С таким видом он мог, как уже случалось прежде, порвать с давним своим союзником из-за пары неосторожно брошенных фраз; объявить войну соседу, непомерно притесняющему своих вассалов; на несколько седмиц забросить все дела графства, дабы защитить оказавшуюся в беде даму... или даже — что Лорант, подобно многим в Пуантене, до сих пор тайно ставил в вину господину — в необъяснимом порыве страстей заключить мир с ненавистной Аквилонией. С таким лицом от Троцero можно было ожидать любого безумства. И потому старый оруженосец, бывший в молодости также телохранителем юного принца и его наставником во всем, что касалось военного мастерства, застыл в дверях, всем видом и позой своей выражая неодобрение и выжидательно глядя на хозяина.

Троцero заметил это.

— Ну, чего встал, как вкопанный? — бросил он недовольно. — Я же сказал — принеси плащ! Никогда не поверю, чтобы к старости ты стал туг на ухо, так что, будь любезен, не заставляй повторять тебе дважды!

Однажды Троцero довелось побывать в гостях у немецкого посланника, когда тот устраивал небольшой прием, кажется, по случаю тезоименитства короля Нимеда, и был поражен вышколенностью прислуги барона. Они скорее напоминали оживших глиняных истуканов, нежели

живых людей, — и не единожды приходилось ему, вот как сегодня, с завистью сожалеть, что не в силах добиться подобного повиновения от своих пуантенцев. Для него самого слуги были скорее друзьями и наперсниками, а уж никак не рабами и не бессловесной скотиной, и в душе он весьма гордился таким подходом, вызывавшим у большинства здесь, на севере, недоумение и активное неприятие, — и все же порой настаивали минуты, когда он раскаивался, что дал своим челядинцам столько воли, ибо любое распоряжение его подвергалось обсуждению, каждый шаг оспаривался, и непрошенные советы сыпались на каждом шагу. В такие минуты он жалел, что никогда не найдет в себе сил взять в руки плетку...

Лорант упрямо не двигался с места, исподлбья, точно старый матерый пес, глядя на господина.

— Ваше сиятельство обещали, что на Праздник Винограда мы будем в Тулуше.

Обычно подобное сходило им с рук... Но сегодня чаша терпения графа опустела на удивление быстро.

— Плащ и меч, Лорант! Асура тебя заберет!

Оскорбленный, слуга повернулся, чтобы идти, всем видом своим, от гордо развернутых плеч до походки, нарочито медленной, чуть шаркающей, выражая такие глубины оскорбленного достоинства, что Троцero разобрал смех.

— Ладно, не стоит хмуриться, дружище, — крикнул он вслед Лоранту, но тот и не подумал обернуться, а когда через несколько минут вернулся одетый господин для выхода, старательно избегал смотреть ему в глаза.

Со вздохом Троцero двинулся к выходу. Отважный до безрассудства в битве или на поединке, в домашней обстановке он отличался необычайным миролюбием и прее выше всего ставил покой и гармонию. Отсутствие супруги, в чьи обязанности входило бы поддержание мира у очага, лишь усиливало стремление сделать свой быт тем более спокойным, чем тревожнее было у него на душе. И потому затаенное недовольство Лоранта, который лишь выразил чувства, владевшие, должно быть, всеми домашними графа, было сейчас особенно некстати. Оно напоминало Троцero его собственные сомнения, лишало безусловной уверенности, столь необходимой для успеш-

ного выполнения задуманного, отвлекало от поставленной цели.

Прямолинейный, не терпящий интриг и всякого рода недомолвок, превыше всего Троцero не выносил раздвоенности, — но именно это чувство владело им эти дни. Он знал, что неотложные дела ждут его на родине, что свите его не терпится пуститься в путь, что и во дворце многие недоумевают по поводу этой задержки, и сам Вилер едва ли рад видеть его у себя все это время, — а значит, пора было трогаться в путь, пора забыть о Тарантии, выбросить из головы все заботы, не имевшие, по сути дела, к нему никакого отношения. Пора... И все же он не двигался с места. И все свободное время, когда этикет не требовал его непременно присутствия у короля, проводил запершись у себя в кабинете с бокалом вина, в «кресле покойных раздумий».

...Валерий не поддержал его — вот что возмущало графа сильнее всего. Валерий, которого он немедленно, сразу по приезду, даже не поговорив с ним толком, безоговорочно зачислил в союзники. Валерий, в ком, не отдавая себе отчета, он все силился отыскать бесконечно дорогие черты... Почему-то он решил, что молодой принц не раздумывая примет его сторону, едва только граф поделится с ним сомнениями и подозрениями, что терзали его последнее время. Странная иллюзия — и Троцero и сам не мог понять теперь, почему так лелеял ее, почему с таким упорством цеплялся за очевидную выдумку, плод воображения, который лишь сила желания могла выдать за реальность. Валерий, исчезнувший на долгие годы и чудесным образом объявившийся, слился в сердце графа с образом милой Мелани, и любви и признания ее сына он жаждал, как будто... как будто то было бы знаком, что сама она из небесных чертогов Митры со всепрощающей улыбкой взирает на своего возлюбленного, даруя надежду и утешение.

Однако молодой шамарец не принес утешения графу. Ни вид его — ибо не было в нем ничего от прелестной темноокой сестры короля Вилера; ни суждения — ибо не было в нем также ее рассудительной пылкости и готовности стоять на своем до последнего, — ничто в нем не напоминало мать! Он весь казался поглощенным своими тайными заботами и жил лишь прошлым, а если и горел

в душе его огонь, то горел тускло и освещал лишь нечто, видимое ему одному.

Больше всего Троцери огорчило даже не то, как нелюбезно и резко прервал принц их разговор после королевского пира, — в конце концов, этого следовало ожидать, — но то, насколько равнодушно, едва ли не с насмешкой встретил он подозрения графа касательно зреющего в Аквилонии заговора. Как ни старался Троцери, он не мог найти оправдания принцу крови, отстоящему от трона лишь на одну ступень, не мог понять его презрения, безволия и цинизма в отношении всего, что не касалось его лично. Такая недалекость, равнодушие не только к собственной судьбе, но и к судьбе отечества, удивляло графа и внушало ему отвращение. Порой у него возникало желание схватить Валерия за ворот и трясти, точно пятилетнего сорванца, покуда тот не запросит пощады и не научится слушать старших... только Валерию было далеко не пять лет. И Троцери попросту не знал, что делать в таких случаях.

Однако одно было для него очевидно. Если уж так велела судьба, что во всей Тарантии он единственный, кому не только очевидно наличие заговора, но у кого есть силы и желание что-то предпринять, он не мог оставаться безучастным. Не мог удалиться в Пуантен, пировать на Празднике Винограда и равнодушно взирать на то, как рушится и идет прахом все то, за что положил жизнь король Вилер, как с таким трудом созданная им из пепла и крови держава вновь тонет в крови и пепле. Ради Вилера! Ради Мелани! Ради самого Валерия! И, выйдя во двор замка, граф Троцери Паунтенский пересек его решительным шагом и ступил на галерею, что вела к апартаментам, отведенным немедийскому дуайену.

* * *

Дом Тиберия Амилийского был погружен во мрак и уныние. Из-за болезни хозяина не стали устраивать даже пира в честь именитых гостей, — по возвращении с охоты им был подан скромный ужин в малой трапезной, где к ним присоединились и сыновья барона.

Ораст, снедаемый жгучим, звериным любопытством, не устоял перед искушением и, пробравшись на галерею,

что шла по северной стене зала, над камином — обычно именно там располагались менестрели — украдкой, из-за тяжелой портьеры, пожирал гостей глазами. Невозможно поверить... еще вчера они были совершенно ему безразличны. Он не знал ни лиц, ни имен их, не желал знать, они были лишь досадной помехой, тенью на безоблачном небосводе. Теперь же... он ощущал с этими двоими близость, почти кровное родство. Он желал знать о них все. Как они ходят. Как говорят. Как улыбаются. Это было сродни страсти, мучительной, нетерпеливой, выедающей душу.

Один из них стал избранником его Релаты! Жрец и сам не заметил, как стал думать о ней, как о своей собственности. Однако это казалось совершенно естественным, — точно подношение на алтаре, она принадлежала ему. Не могла принадлежать никому более. То, что произошло сегодня вечером, было лишь иллюзией, недоразумением, что рассеется, точно морок тумана, с первыми же лучами солнца. Сжимая в кулаке найденную на лесной поляне заколку с такой силой, что кончик ее до крови впивался в ладонь, Ораст смотрел с темной галереи вниз, твердя про себя, точно заклинание: «Она моя. Она всегда будет моей!»

Безумная надежда его сделалась тем сильнее, что в трапезной Релаты не оказалось. Из разговора слуг, подслушанного им случайно на лестнице, он узнал, что, вернувшись из леса, она поспешила подняться к батюшке и отужинала с ним вместе, в его покоях. Из этого жрец с удовлетворением сделал вывод, что барону, должно быть, стало легче, а значит, в его услугах как лекаря более не нуждались, — и сам он, если не возникнет крайней в том нужды, разумеется, не собирался напоминать о себе. Да и вообще, сумрачно рассудил он, вспоминая горящее ненавистью лицо молодого Винсента, — щенок, конечно, не осмелится помянуть ему давешнее, однако задерживаться в этом доме Орасту более не хотелось. Он дал себе срок до окончательного выздоровления Тиберия, — после чего придется просить Амальрика найти для него новое убежище. Однако и эти несколько дней были желанной передышкой. Он успеет еще поговорить с Релатой...

Нет, как ни старался, он не мог заставить себя поверить в то, что видел сегодня в лесу. Она пришла, да, —

но повинуюсь *его* призыву. Она ждала *его*! А эти двое... случайность! Нелепая насмешка! Совпадение! Простая задержка в его планах, ровным счетом ни на что не влияющая! Он легко все исправит! Достаточно будет просто взглянуть в глаза Релате, поговорить с нею... Всего несколько слов, и она вспомнит... Она поймет! Всего только несколько слов...

И все же он никак не мог заставить себя уйти с галереи. Один из этих двоих появился на поляне первым. Один из них встретился с Релатой в месте Силы. Ораст почти убедил себя, что это не значит ничего — ведь иначе разве не была бы она сейчас здесь, с ним, не обнимала бы его, не висла на нем, точно дешевая шляха, не заглядывала преданно в глаза... Нет! Ее не было с ними — значит, чары не подействовали! А то, что видел он на лесной поляне, просто почудилось ему. Может быть, он в чем-то ошибся, когда готовился к колдовству. Или сама Книга оказалась подделкой, и все ее заклинания не стоят и сухого ослиного помета?! Ораст позабыл все недавние свои мечты о величии. Ему не нужна была больше ни слава, ни власть над стихиями, ни господство над демонами преисподней. Он испытал невероятное облегчение.

Если чары оказались недейственными, значит, Релата по-прежнему свободна! И слава Митре, что все случилось именно так! Пересохшими губами он шептал самые невероятные клятвы, давал самые безумные обеты, возносил хвалы всем ведомым и неведомым богам... Он принесет жертвы, заслужит прощение! Никакого чернокнижия, никаких безумных мечтаний, — он будет вести чистую жизнь, беспорочную и полную благих устремлений...

Релата не пришла в трапезную! Весь вечер он ждал ее появления, но она так и не спустилась к ним. И, похоже, оба принца остались к этому совершенно безразличны.

Орасту почти удалось убедить себя, что между Релатой и светловолосым принцем ничего не произошло. В конце концов, было так темно... он вполне мог ошибиться. Если бы между Релатой и ее похитителем возникла магическая связь, он был уверен, что мгновенно узнал бы об этом. Это не могло не отразиться в лице мужчины, в выражении глаз его, в смехе или малейших жестах... Точно гончая, жрец учуял бы дичь и немедленно взял след.

Однако оба принца были совершенно спокойны и даже мрачны. Они почти не говорили друг с другом — Ораст заподозрил даже, что они в ссоре между собой, — с натянутой любезностью отзывались на шутки сыновей барона и их неуклюжие попытки развеселить гостей. Они отказались от партии в кости, и, когда прозвучало предложение позвать менестрелей, Ораст застыл в ужасе, боясь оказаться обнаруженным, однако те отказались и от музыки.

Ораст не сводил с них глаз, словно от этого зависела самая жизнь его. Первый, Нумедидес, если верить болтовне прислуги, — наследный аквилонский принц. Орасту он внушал почти гадливое отвращение, с самого первого взгляда. Слишком грузный, с сальными волосами, зачесанными так, чтобы не было заметно растущей плешки; разряженный, точно заморийский купец... Тонкие губы брюзгливо поджаты. Когда к нему обращаются, едва соизволит процедить что-то в ответ... Ест грязно, так что брызги летят во все стороны. Неумеренно пьет, то и дело подзывает виночерпия, утирает рукавом лоснящиеся губы... Но он и не представлял для жреца интереса, ибо Релата уехала с поляны не с ним. Хвала богам, они не допустили подобной насмешки.

А что же второй? Кажется, его зовут Валерий? Конечно, он лучше первого, но слишком уж задумчив, угрюм. В глазах усталость. Какая-то вялость, небрежность во всем. Точно все в жизни опротивело ему, ни в чем не находит ни удовольствия, ни радости. Глаз почти не поднимает от стола... Однако внезапно повел плечами, поежился, вздернул голову — и устремил взгляд на темную галерею. Взор жесткий, тяжелый... Жрец пригнулся невольно, хотя и знал, что тот не сможет заметить его снизу. Но это напугало его. Он опасался иметь дело с воинами. В них была внутренняя сила и ярость, противостоять которой жрец не умел и страшился. Если даже такой щенок, как Винсент сумел заставить его врасплох сегодня, — что же тогда говорить о Валерии... Ораста невольно пробрала дрожь. И он взмолился Митре, чтобы этот человек не оказался его соперником.

Внезапный взгляд, брошенный принцем на галерею, словно лишил его воли и уверенности в себе. Он даже не мог найти в себе силы возненавидеть этого угрюмца. Ему внезапно сделалось не по себе. Тени надвинулись на него,

тьма зашевелилась угрожающе... он ощутил, как поползли по спине мурашки, желудок сжался липким комком. Галерея не казалась больше таким уж надежным укрытием. Ему не терпелось уйти отсюда, скрыться, позабыть обо всем, что он видел сегодня. Волна нечеловеческой усталости накатила на него. В глазах помутилось, подкосились колени. Ораст испугался, что если не уйдет отсюда немедленно, то потеряет равновесие и рухнет прямо вниз, в зал. Он почти уже видел изумленные лица обедающих, и свое тело, мертвое, изломанное на изразцовых плитах у камина... Пошатываясь, цепляясь за портьеру, Ораст выбрался из укрытия.

В коридоре он постоял какое-то время, пытаясь отдышаться и прийти в себя. Где-то вдаль трижды пробил колокол — время ночной стражи. Господа расходились на ночь по своим покоям. Спешили запереть дверь и погасить свечи в залах слуги. Вскоре огромный дом погружится в сон, но Ораст вдруг понял, что не уснет и не найдет покоя, если не сделает прежде еще одно — последнее. Он должен был увидеть Релату.

Это желание было бессмысленным, нелепым, — более того, опасным. Однако бывший жрец достиг уже той стадии безумия, когда никакие доводы благоразумия не в силах возобладать над горячкой страсти. Ему необходимо было говорить с девушкой, и он готов был смести любые преграды на своем пути, воздвигнутые чужой ли силой, или собственным разумом. Не чуя ног под собой, жрец устремился вверх по лестнице, туда, где располагалась опочивальня дочери барона.

Лишь одной возможности он не учел, — и застыл в дверях девичьих покоев, куда ворвался, преступив все законы приличия и чести, бледный, задыхающийся, не в силах поверить собственным глазам. Релаты в комнате не было!

ОБРАЗ СТРАСТИ

Ты так торопишься уйти?

Валерий недоуменно поднял брови. За весь вечер Нумедидес не выдавал из себя и трех слов и сидел за столом, надутый, вяло ковыряясь в тарелке с жарким, так что Валерий даже забеспокоился, не заболел

ли его кузен, всегда отличавшийся завидным аппетитом. И вдруг, когда принц уже любезно распрощался с сыновьями Тиберия, пожелал им доброй ночи и скорейшего выздоровления батюшке — этот необъяснимый всплеск язвительной враждебности! Валерий медленно обернулся к Нумедидесу.

— Да, я хотел бы уйти. День был долгим, и я порядком устал. А что, Ваше Высочество не изволит отпускать меня? — Последняя фраза прозвучала нарочито резко, с неприкрытой издевкой. Смущенные столь явным напряжением между вельможными гостями, Винсент с Дельриком, поспешно пробормотав извинения и взяв по кубку вина, отошли к пылающему камину, подальше от начинающейся сцены. Нумедидес поднял голову, сонно хлопая глазами. Валерию показалось, он не в состоянии был сразу отозваться на его слова, — точно ныряльщик, всплывающий на поверхность из вязкой пучины.

Но вот взгляд Нумедидеса прояснился... и вспыхнул откровенной злобой.

— Торопишься? Может, тебя ждут еще какие-то развлечения сегодня?

Помимо воли, Валерий покосился на мирно беседовавших у очага братьев. Хвала Митре, они, кажется, ничего не услышали. Он похолодел, представив, что за скандал разыгрался бы, узнай эти горячие головы о происшедшем сегодня в лесу. Едва ли ему удалось бы объяснить, что встреча их с Релатой на поляне была абсолютно непреднамеренной и не таила ни малейшей угрозы чести их сестры. С мрачной усмешкой Валерий сказал себе, что, несмотря на его сан, у него скорее потребовали бы кровью искупить вину, — и лишь затем, возможно, снизили бы до разговора.

Хвала Митре, суэта в замке, вызванная несчастным случаем с бароном, захватила всех, и слуг, и наследников, — и никто даже не заметил возвращения принца. Релата, бросив на него последний взгляд, полный огня и смутных обещаний, поспешно скрылась... и даже сейчас, вспоминая об этом, Валерий не сдержал вздох облегчения. Внимание девушки было ему лестно — однако таило слишком много опасностей и слишком легко могло увлечь на скользкий путь. Единожды испытав на себе по-

следствия подобных ошибок, принц Шамарский отнюдь не горел желанием повторить это вновь.

По счастью, их отъезд был намечен на завтрашнее утро. Лишь тогда он сможет вздохнуть полной грудью, — воздух амилийского замка внезапно сделался слишком душным. Да еще эта непонятная враждебность Нумедидеса...

Глядя кузену в лицо, он произнес как мог твердо, стремясь одновременно убедить в своей искренности и дать понять, что сейчас не время и не место затевать спор:

— Я очень устал, и мне не до развлечений, брат. Все удовольствия, что есть в этом замке, я с радостью уступаю тебе.

Нумедидес задумался на миг, прижимая толстые, унизанные перстнями пальцы к влажным губам. И, отхлебнув вина, заметил небрежно, словно и вне всякой связи с предыдущим:

— Как странно... Я был уверен, что маленькая Релата спустится к нам сегодня. Она ведь обещала сыграть мне на лютне... — Он неожиданно усмехнулся, недобро, точно вкладывая в свои слова некий тайный смысл. — Должно быть, теперь она захочет играть только тебе.

Валерий устало покачал головой. Боги пресветлые, мало ему других забот — так теперь еще эта глупейшая ревность! Погруженный в себя, он мало что замечал вокруг, особенно в последнее время, хотя и раньше он не мог похвастаться особой наблюдательностью, — однако повышенный интерес брата к дочери барона он отметил еще со дня злополучного Осеннего Гона. После явления Цернунноса, хоть принц и был явно не в себе, однако ведь не стал хватать за ноги кого ни попадая, а потянулся к этой смазливой девице. Да, если бы не тот досадный случай, то он с радостью препоручил бы любвеобильную дочку Тиберия заботам Нумедидеса, и искренне пожелал бы обоим счастья! Но это, увы, невозможно. И к тому же, устами принца сегодня говорило уязвленное самолюбие отвергнутого самца, а не искренняя страсть. Как ни старался, Валерий не мог заставить себя поверить, что кузен его способен на неподдельные человеческие чувства, — кроме зависти и ревности к более удачливому сопернику.

Да еще эта гадалка — Эрлик ее заберит!.. Ему вспомнилось, как мрачен был Нумедидес, когда догнал Валерия в лесу. В сердцах, и сразу, должно быть, пожалев о нечаянной откровенности, он признался брату, что Марна отказалась гадать ему. Взяла перепелку, извлекла внутренности, и тут же, по словам Нумедидеса, взвыла, точно ошпаренная кошка: «Оленья убей! Оленья!» — и с нечленораздельными воплями скрылась в своей избушке; так что принцу пришлось несолоно хлебавши возвращаться назад.

Самому Валерию это проказалось смехотворным, и его презрение к горе-прорицательнице лишь усилилось. Видно, фантазия ее исчерпалась на первом же предсказании и, не зная, что бы еще наплести доверчивому принцу, отделалась от него под самым нелепым предлогом. Ибо смешно было бы, в самом деле, полагать, будто по оленьим кишкам гадать у нее выйдет лучше, чем по птичьим... Хотя Нумедидес скептицизма кузена не разделял, и заметно было, что случившееся уязвило его куда сильнее, нежели он тилился показать.

И это лишь подогрело недобрые чувства, что питал к Валерию принц. Оставалось лишь надеяться, что, когда тот удалится наконец в Шамар, Нумедидес успокоится и перестанет искать угрозу там, где нет ее и в помине. Что ж, пусть пройдет время... С внезапной остротой и горечью Валерий проклял свою уступчивость, что толкнула его отправиться с кузеном в Амилию. Да уж, радости эта прогулка не принесла никому, ни ему самому, ни брату, ни терпеливым хозяевам. Вон как бедным молодым баронам приходится делать вид, что их совершенно не интересуют разговоры венценосных гостей. Скорее бы утро! С первыми лучами солнца нужно убираться отсюда прочь, как можно дальше. Пока не случилось чего недоброго.

— Я не люблю лютни, — холодно сказал Валерий Нумедидесу, стремясь передать скрытый смысл, вложенный им в эти слова. — Ее звуки утомляют меня и наводят тоску... Доброй ночи, брат. — Он поклонился и встал.

Однако, если Валерий и ожидал, что слова его смягчат Нумедидеса, его ждало жестокое разочарование. Полные губы кузена поджались брюзгливо, и он небрежно махнул рукой, так, словно отсылал прочь неугодившего слугу.

— Ступай. Я не стану задерживать тебя.

Валерий почувствовал, как закипает гнев в душе. Долготерпение не было свойственно его натуре, и лишь воинская дисциплина приучила его держать гордость в узде. Так же был предел и его снисходительности, — он мог выносить капризы и настроения Нумедидеса, однако далеко не безгранично. Самодовольный, надменный убудок! Что он возомнил о себе? Валерием одолело искушение надавать кузену по жирной шее, как принято в солдатских казармах, чтобы научить хорошим манерам... Этот тупой боров обращался с ним, наследным принцем Аквилонии, точно с последним из своих рабов!

Стиснув зубы, Валерий произнес отчетливо, но так, чтобы было слышно лишь им двоим:

— Весьма благодарен тебе за милость, Нумедидес. Однако напомню, что не тебе удерживать или отпускать меня. Я признаю над собой лишь одного господина — своего короля!

Нумедидес лишь усмехнулся в ответ, — но улыбка его оставила в душе Валерия такое гадостное, гнетущее впечатление, как никакие слова. Он и сам не знал почему... Но его пробрала ледяная дрожь, словно черное крыло бога смерти распахнулось над ним в этот миг, и исподволь послышалось змеиное шипение самого Сета. Он отступил на шаг, тщась собраться с мыслями, — но тут их прервал встревоженный Винсент Амилийский.

— Нижайше прошу простить, господа! Вы позволите... — Он любезно поклонился им, и Валерий подумал про себя, что юнец, должно быть, совсем неглуп, и, ощутив надвигающуюся ссору между гостями, предпочел вмешаться, защищая достоинство дома. Вполне объяснимо — невелика радость, чтобы под твоей крышей перегрызли друг другу глотку наследные принцы Аквилонии...

Валерий дружески улыбнулся отваге юноши, хотя droжащие от ярости губы были неподатливы, и голос звучал глухо:

— Разумеется, Винсент. Мы с братом внимательно слушаем тебя!

— Я не отвлеку вас надолго... — Чувствуя, что ссору, по крайней мере на время, удалось предотвратить, сын барона вздохнул с облегчением. — Я только хотел попросить прощения у наших гостей за то, что мы вынуждены их покинуть. Час уже поздний — а мы хотели еще наве-

стить отца. Надеюсь, вы простите, что мы не смогли предложить вам достойных развлечений сегодня... Обещаю, когда в следующий раз вы снизойдете до посещения нашего скромного дома, мы встретим дорогих гостей как подобает!

Вот так. Изысканно любезно и, в то же время, вполне определенно. Да, сын барона все больше нравился Валерию. В годы службы он был бы рад оказаться с ним в одном отряде... И, заметив, что уголки рта Нумедидеса опускаются в выражении оскорбленного достоинства, и опасаясь какой-нибудь неблагоприятной выходки с его стороны, Валерий сделал шаг вперед, поспешив заметить:

— Нам не в чем упрекнуть гостеприимство Амилии, месьор, и мы с кузенком будем счастливы принять ваше приглашение. Так же, как и вы всегда будете желанными гостями в столице и у меня в Шамаре. — Ему показалось, что за спиной у него Нумедидес собрался что-то сказать, и заговорил быстрее, не желая давать тому подобной возможности. — Вечер был превосходным, однако мы оба порядком утомились на охоте и рады будем удалиться в свои покои... И непременно передайте вашему батюшке нашу благодарность и пожелания скорейшего выздоровления. Завтра перед отъездом мы будем иметь честь зайти к нему попрощаться, если он будет готов принять нас.

Кивнув с явным облегчением, молодой барон поспешно вызвал двоих слуг, что должны были сопроводить высокородных гостей в отведенные им покои. Валерий с Нумедидесом разошлись в разные стороны, не обменявшись более ни единым словом.

У дверей комнаты Валерий отпустил слугу, как ни настаивал тот на своей помощи, — однако принц чувствовал себя раздраженным и усталым, и присутствии чужого человека, пусть даже слуги, было бы ему невыносимым.

Сам он, как и положено солдату, давно привык в быту обходиться без помощи бесчисленных, до назойливости услужливых лакеев, как то было в ходу у большинства аквилонских вельмож, и даже по возвращении в Шамар, к вящему огорчению домочадцев, не пожелал расстаться с походными привычками. Должно быть, это послужило поводом для кривотолков во дворце — возможно даже, для насмешек, — однако суровости и горячего нрава

принца опасались достаточно, чтобы задеть его хоть ничтожным намеком.

Иное дело, Нумедидес. Насколько Валерий знал своего кузена, тот за всю жизнь и шагу не ступил самостоятельно, без поддержки целой армии вышколенных, предугадывающих все желания господина челядинцев. По каким-то своим соображениям, до сих пор остававшимся загадкой для Валерия, он не пожелал взять в Амилию ни свиты, ни охраны, — однако здесь с удовольствием пользовался любезностью барона. Добрая половина слуг в замке с утра только и выполняла его капризы, и, по возвращении с охоты, все началось сызнова... Валерий поморщился. Если так должен вести себя монарх, чтобы заслужить уважение подданных — он лучше останется солдатом...

С кислой усмешкой принц окинул взглядом небольшую гостиную, из которой дверь вела в спальню. Обставлена добротно, но скромно, должно быть, еще отцом нынешнего барона. Патины на бронзовой масляной лампе, чадившей на почерневшем от времени деревянном столе. Обтертая обивка на стульях и постели. Даже ковер на полу — и тот жесткий, точно из козлиной шерсти, и рисунок так выцвел от времени, что орнамента почти не разглядеть. Против воли, ему подумалось, что апартаменты Нумедидеса, должно быть, обставлены получше, пусть даже подобная простота, почти скупость обстановки и была свойственна всему замку в целом. Однако то были неприятные, черные мысли, и сейчас, когда злость на кузена еще свежа была в памяти, он не желал давать им хода. Слишком далеко могла завести подобная горечь — он не единожды видел, как это бывает! Все в руках Митры, да будет рука его крепка и справедлива. Зависть же и ревность лишь отравляют душу и жизнь того, кто им предается.

Душа самого Нумедидеса была источена этой черной гнилью... В последнее время Валерий все чаще ловил себя на мысли, что ему физически неприятно находиться рядом с кузеном, — точно от того веет каким-то зловонием, и сам воздух делается отравленным в его присутствии. До королевской охоты он не помнил, чтобы ему доводилось чувствовать что-то подобное. Возможно, то, что произошло там между ними... Валерий яростно затряс

головой, точно желая вытряхнуть из сознания нежеланные мысли. Всеми силами он старался не думать об Осеннем Гоне и о том, что случилось в тот день. До сих пор ему это удавалось — вот и сейчас он вполне сумел овладеть собой; достаточно, чтобы изгнать нависшую тень. Однако он по-прежнему не находил себе места.

Валерий рассеянно сбросил парадную бархатную накидку, оставшись в одном камзоле, и, задув коптящую лампу, прошел в спальню, на ходу расстегивая рубашу.

В опочивальне было темно; свечу то ли позабыли зажечь, то ли она догорела в ожидании хозяина. Ставни были заперты, и мягкий, густой полумрак встретил его на пороге. Валерий замер, сам не зная, что смутило его, — и вдруг ощутил чье-то присутствие в комнате. Рука сама потянулась к ножнам, но он тут же с досадой вспомнил, что, по обычаю, снял свой кинжал перед ужином. Он невольно попятился, инстинктивно отыскивая наиболее удобную позицию, где бы мог встретить противника...

Однако предосторожность эта оказалась излишней. Во тьме послышались шаги, воздушное шуршание шелков, пахло пряным ароматом, и он мгновенно догадался, что за гость дожидался его в спальне.

Валерий усмехнулся про себя. Похоже, гостеприимство Тиберия Амилийского и впрямь старо, как Тарантийская Триумфальная арка, воздвигнутая в незапамятные времена в честь победы то ли над пиктами, то ли еще каким забытым ныне врагом. Обычай присылать гостю на ночь девушку, чтобы согревала постель, отошел в прошлое так давно, что едва ли кто-нибудь вспоминал о нем иначе, как в шутку. Однако барон, похоже, вместе с обстановкой, унаследовал от предков и многие привычки... Ну что ж! Сегодня Валерий был в том настроении, когда не отказался бы от подобного дара.

Без колебаний, он сделал шаг в том направлении, где стояла ночная гостья, и, без лишних церемоний, сгреб ее в объятия. Девушка чуть слышно вскрикнула, пряча лицо у него на плече, однако нежные руки уже сомкнулись у воина на затылке, проникли в густые волосы, и коготки ласкающе заскреблись по коже. Наслаждение, которое он испытал от этого столь простого жеста, был столь неожиданным, что по спине у Валерия побежали мурашки. Сгиснув зубы, чтобы не застонать, он навис

над нею, заставляя голову запрокинуться, и впился в податливые губы жадным, грубым поцелуем.

Он не знал, что произошло с ним в тот миг... Должно быть, долго копившееся напряжение наконец прорвалось, — или он попросту слишком давно не был с женщиной, — или свежий воздух на охоте так взбодрил его... Принц набросился на нее, точно вепрь на пастушку. Девушка не воспротивилась, не отпрянула, но лишь сильнее прижалась к мужчине, тая, точно воск, под терзающими ее плоть руками.

Не переставая ласкать ее, Валерий принялся срывать с себя одежду. Затрещали завязки, раздался треск рвущейся ткани, — он даже не заметил этого. Узкие, чуть заглубившиеся от домашней работы девичьи руки с наслаждением ласкали каждый участок приоткрывающейся кожи, царапали коготками, доводя до иступления, а полные, пахнущие вином губы покрывали тело его нежными, точно мириады бабочек, поцелуями.

Не помня себя от нетерпения, он повалил ее на пол, и сам рухнул рядом. В крошечной тьме чуть заметно виднелись очертания упругой маленькой груди, — точно алчущий плоти призрак явился к нему в эту ночь. Валерий в иступлении ласкал ее, проникая в самые потаенные уголки нежного, сладкого, точно мед, тела, заставляя таинственную гостью стонать и выгибаться от наслаждения. И когда ощутил, что жажда ее сровнялась с его собственной — слился с нею в водовороте восторга.

Девушка чуть слышно вскрикнула, когда он проник в нее... Принц ощутил преграду ее девственности, но разум его был воспламенен желанием, и он еще горячее принялся терзать разверстые бедра, впиваться зубами в напрягшиеся соски... Жертва его страсти застонала — на сей раз от наслаждения. Он ощутил нарастающий экстаз, уже не зная свой или ее... чувства их были едины, как едины были их тела и души...

Древний танец длился бесконечно. Валерий потерял счет времени, забыл, где находится, утратил связь с внешним миром, вплоть до собственного я... Никогда прежде, ни с одной другой женщиной он не испытывал ничего подобного тому, что творила с ним эта маленькая служанка, подарок гостеприимного хозяина, лица которой он даже не знал. Она уносила его прочь на волнах пламени

и льда, возносила ввысь и вместе с ним обрушивалась в бездну. Она была сталью и медом, шелком и хрусталем! Она была упоением битвы и истомой плоти! Он терзал и мучал ее бесконечно, и она принимала его с восторгом и ненасытной алчностью.

Наконец он содрогнулся в последний раз, изливаясь в горячее лоно ее огнем чресел своих, — и рухнул рядом, не выпуская ее из жадных объятий. Пропитанные сладким потом, волосы липли к лицу. Тело ныло, напоенное солнечной негой, и трепещущая пелена забвения уже готова была окутать его...

— Доволен ли мой господин? — пропел вдруг нежный голосок у него над ухом.

Истому и негу как рукой сняло. Рывком Валерий приподнялся на локте, до боли вглядываясь в сокрытое мраком лицо.

— Кто ты? — Пересохшие губы шевельнулись с трудом, но он уже знал ответ. Единственной фразы, произнесенной напевным выговором благородной наследницы оказалось достаточно. — Релата...

Она чуть слышно, с нескрываемым наслаждением, засмеялась в темноте.

— Возлюбленный мой, ты узнал меня!..

Но ему было не до нежностей. Вскочив, он грубо схватил девушку за плечи и, не обращая внимания на ее стоны и попытки воспротивиться такому обращению, подтащил ее к дверям. Там, в гостиной, ставни были открыты, в слабом свете народившейся луны...

— Релата... — прошептал он вновь, обреченно. Ему и в голову не могло прийти, что она решится на такое. Сегодня в лесу он счел их встречу, не более чем случайностью. Ее речи позабавили его, он даже согласился потакать ей, больше чтобы позлить Нумедидеса... Но прийти к нему ночью, вот так, в открытую, когда кто угодно мог застать ее здесь... Липкая испарина выступила на лбу у Валерия. И она была девственницей... Будь он хоть трижды королем Аквилонии, подобного ему не простят!..

В бессильном гневе он затряс Релату за плечи. Медноволосая головка дернулась на тонкой шее, и у него внезапно возникло ужасающее желание задушить ее.

— Как ты могла? Как ты могла? — Он помотал головой, точно надеясь, что наваждение вот-вот развеется, девушка исчезнет, подобно призраку-инкубу, вызванному сладострастием спящего, и вновь вернется мир и покой в его душу. — Как ты могла?..

В ответ она лишь улыбнулась, приоткрыв пухлые губки, и, призывно качнув бедрами, обвила руками его плечи. Он с силой оторвал ее от себя.

— Да будешь ты говорить, в конце концов?! — Он почти кричал, не думая об опасности. — Ты хоть сообщаешь, что натворила?

Глаза ее, черные во мраке ночи, влажно блеснули, распахнувшись широко и невинно.

— Я хотела видеть тебя, мой господин... Я не могла больше ждать. — Тонкими пальчиками она принялась поглаживать его грудь, испещренную давними шрамами. — Ты прекрасен, мой господин! Я не видела никого, кто мог бы сравниться с тобой...

Валерий ощутил внезапную растерянность. Он был уверен, что, когда пройдет изначальный порыв и ужас происшедшего дойдет до нее, девушка будет раздавлена ужасом содеянного, возможно даже, примется осыпать его попреками, — он не был готов к этой нежности, восторженному преклонению и лучащимся счастьем глазам в зыбком лунном свете. Он не мог поверить, что подобное возможно в действительности... однако девушка была здесь, перед ним, она улыбалась маняще, ласкала его и, похоже, не ощущала и тени раскаяния.

Она вела себя подобно восточной одалиске, — однако подобное немыслимо было здесь, в Аквилонии, и уж тем более, со стороны наследницы знатного рода! Валерий не в силах был поверить собственным глазам.

— Но как ты могла? — прошептал он слабо. — Сюда могли войти, увидеть тебя! Ты хоть понимаешь, что погубила себя безвозвратно, что, отдавшись мне, лишила себя будущего! — У него мелькнула мысль, что подобным способом девушка могла пытаться принудить его к браку, — однако тут он решил сразу поставить ее на место. — Я весьма тронут твоим даром, но ты должна понимать...

Она не дала ему договорить, приложив ко рту теплые пальчики, затем пробормотала сонно, едва слышно, так что Валерию пришлось склониться к самым ее губам:

— Это не имеет никакого значения. Ты — мое будущее и вся жизнь, господин мой. Другой у меня нет и не нужно...

Обескураженный, Валерий разжал руки, и девушка, поспешив воспользоваться этим, прижалась к его груди. Ее тело было душистым, манящим... Он сделал последнюю попытку:

— Но Релата — разве ты не понимаешь?..

— Я понимаю одно! — Со звенящим грудным смехом она опустила руку, и к стыду и ужасу своему Валерий осознал, что плоть его вновь желает ее. — Я понимаю, что мой господин рад мне!

Валерий отпрянул. Она попыталась удержать его — но он отстранился в смятении.

— Нет, уходи, прошу тебя! — Он готов был встать на колени, лишь бы она наконец ушла. Ужасные картины врывающихся в опочивальню братьев Релаты, с самим бароном во главе; королевского суда, осуждения и ссылки пронесли у него в голове. Ведь он даже не любил эту женщину! В отчаянии Валерий помотал головой. Дурной сон! Наваждение! Он не знал, что и делать. Только одна мысль растерянной птицей кружилась, не давая покоя: «Ну почему именно я? Почему это со мной?»

Это было странно, ведь Валерий Шамарский, принц и воин, никогда не был трусом. Подобного упрека даже враг не осмелился бы бросить ему. Однако сейчас им овладел слепой ужас — и он бессилие был противостоять ему.

— Уходи! — взмолился он, падая на жесткий стул.

Релата склонила голову с покорным вздохом — длинные волосы шелковой волной легли на грудь.

— Если мой господин гонит меня — я уйду. Но вернись, когда он вновь пожелает того.

Никогда! Никогда! Это крик готов был сорваться с уст Валерия, но он заставил себя сдержаться, мертвенным взглядом следя, как поднимает Релата с пола свое воздушное одеяние, как накидывает на плечи разорванную ткань, что скорее обнажала, чем скрывала стройное тело... Она двигалась легко, точно тень. Ему вновь вспомнились искушители инкубы, и холодная дрожь пронзила все тело. Он даже не поднялся проводить ее.

Она ушла без единого взгляда, гордо вздернув подбородок, точно королева, выполнившая свой долг, и Валерий

вдруг ощутил неясное унижение и досаду, — словно в бою показал врагу спину или оставил безнаказанным оскорбление. Страх перед будущим отступил, как и стыд за содеянное, сменившись горечью и отупением. Почему-то ему казалось, будто судьба жестоко подшутила над ним; будто, сам того не подозревая, он вновь сделался игрушкой в руках богов... Это были тяжелые, неразумные мысли, — но еще хуже ему сделалось, когда он обнаружил, что неуголенное его возбуждение так и не улеглось, и разгоряченная страстью плоть по-прежнему требует своего.

Грязно, по-солдатски выругавшись, как не рутался он с самого Хаурана, принц Шамарский прошел в опочивальню и рухнул ничком на неразобранную постель, как пал бы грудью на меч. Забыть, несущее облегчение, наконец укрыло его.

* * *

— Где ты была, проклятая шлюха?

Видят боги, он не собирался говорить этого! Никогда прежде, в самых смелых своих мечтах, в самых грязных помышлениях, Ораст не мог представить себе, что язык его повернется обратиться с подобными речами к той, что была для него всех дороже. Но он так измучался, ожидая ее...

Он думал, что сойдет с ума. Сперва, когда ворвался в ее покои, дабы пасть ниц пред властительницей ночей своих, сознаться во всем, вымолить прощение, — и не обнаружив ее там. Он попытался убедить себя, что время еще не столь позднее, что она могла задержаться внизу со слугами, или у постели Тиберия. Самые безумные видения вызывал он в своем воображении, — и все же, сколь ни велики были его способности к самообману, и они оказались безграничны. В глубокой ночи, к часу, когда из внутреннего двора до укромной галереи поблизости от покоев Релаты, где укрылся жрец, страхась пропустить миг ее возвращения, донесся звон стали и заспанные, ворчливые голоса стражников, вышедших сменить караул у ворот, Ораст вынужден был сказать себе правду. Сбывались худшие его опасения.

На миг у него мелькнула мысль уйти. Скрыться, вернуться в свои покои, пока его не застали прячущимся здесь, в недостойной близости от опочивальни дочери барона, — но соображения безопасности и приличий не способны были оказать на жреца действие, достаточное для того, чтобы заставить его сдвинуться с места. С упорством безумия он продолжал нести стражу во тьме коридора. В эти часы он впервые по-настоящему ощутил — как не чувствовал даже в ту страшную ночь перед казнью, — как покидает человека рассудок, превращая его в животное, движимое лишь яростью и отчаянием, как сгорает в огне ревности душа и все, что в ней есть возвышенного и чистого. Он был весь вождество и злоба, когда услышал наконец легкие шаги на лестнице, и поджался, подобно ночному хищнику, готовясь к броску.

Она показалась из-за поворота, от лестничной площадки, двигаясь почти бесшумно, лунным пятном проскользнув в сумраке, подобная призраку, с незапамятных времен живущему в этих мрачных каменных коридорах. Если бы Ораст не ожидал так долго, если бы все чувства, все существо его не было настроено на нее, точно цитра на прикосновение руки мастера, — он не заметил бы ее. Но девушка появилась, и все запело в душе, натянулись и зазвенели неведомые струны, хлынули потоки огня по жилам... Жрец заступил ей дорогу.

Однако слова нежных признаний умерли на устах его, когда он узрел истерзанные шелка одежд, блестящие, расширенные глаза, припухшие губы, — ему не нужен был свет, чтобы заметить все это. Он видел даже алые пятна у нее на плече, там, где пальцы ее ночного любовника впивались в атласную кожу, и лунообразный след на груди, там, где он укусил ее в безумии изливающейся страсти... Он видел это без света, ощущал малейшие изменения, происшедшие с ней, точно они были метами на его собственном теле.

И, преградив ей дорогу, вскинув руки угрожающе, точно карающее божество, вышедшее из самого чрева тьмы, он произнес роковые слова.

Опешив, она замерла на мгновение, и, похоже, ей понадобилось время, чтобы сознание отметило его присутствие и отозвалось на него. Машинальным жестом она сомкнула руки на груди, пытаясь прикрыть наготу. Он

протянул к ней руку — и она испуганно отступила на шаг.

— Что... Что ты делаешь здесь? — Голос ее звучал хрипловато, прерывисто, неуверенно. Похоже, она сперва даже не узнала его, но он наклонился ближе, и затуманенный взгляд широко раскрытых глаз испуганной птицы метнулся по его лицу. — Уходи. Дай мне пройти!

— Ты никуда не пойдешь, пока не скажешь, где ты была, тварь!

Губы, припухшие, серые во тьме, сжались упрямо, и Ораст ощутил внезапный приступ головокружения, чувствуя, как события вырываются у него из-под контроля. В безумии своем он убедил себя, что имеет какие-то права на эту женщину, что в его власти призвать ее к ответу и добиться повиновения, — однако она явно не признавала за ним таких прав, не желала вступать в игру на его условиях. Это мгновенно обескуражило неудачливого мага, который отныне стал посмешищем даже в собственных глазах, приводя в чувство, подобно ледяному душу. Ему захотелось выть от отчаяния, биться в истерике, посыпать голову пеплом — но было поздно! Релата отказывалась повиноваться ему, не желала подчиниться его власти! Более того, она даже не подозревала, что подобная власть может существовать, и ее презрительно вздернутый подбородок, прищуренные глаза — точь-в-точь как у Винсента, когда он угрожал жрецу кинжалом; и поджатые губы ясно говорили об этом.

— Опомнись, *раб*! Кто ты такой, чтобы чего-то требовать от меня?

Она могла бы и не говорить этого. В одно ужасающее мгновение Ораст осознал все безумие своих надежд и притязаний, и страх стиснул душу когтистой лапой. Что он возомнил о себе, презренный нищий, отщепенец? *Раб*, воистину, *раб*, точнее не скажешь. Взор его устремился слишком высоко, но карающая десница богов настигла глупца, сломила его и швырнула вновь в низость безвестья! В грязь и прах втоптан был Ораст, тот, что на несколько дней полагал себя равным небожителям! И вот она стояла перед ним, та, которую он, в дерзком безумии, считал творением своим, своею вещью, — и она возвышалась над ним, надменная, непреклонная, точно богиня

мщения, и во взоре ее было пламя ярости, и сила в сиянии ее.

Без слов ощутила она надлом в его душе и надвинулась беспощадно, не ведая снисхождения к слабости и унижению его, — полная то ли божественного гнева, то ли слепой жестокости влюбленных.

— Ты, жалкий червь! — Теперь голос ее напоминал шипение, и шелк шелестел, обвивая ноги, когда она сделала шаг, оттесняя Ораста с пути. — Как осмелился ты шпионить за мной? Как повернулся твой грязный язык произнести слова, полные хулы и скверны? Подлая тварь, презревшая законы гостеприимства! Змея, кусающая руку, вскормившую ее! Я велю забить тебя плетью на конюшне, подлая ехидна, стереть тебя в порошок... Из твоей бледной шкуры нарежут ремней — может, хоть это научит тебя почтению!

Ораст прикусил губу, отстраненным уголком сознания с необъяснимой четкостью воспринимая происходящее, вплоть до горячей соленой струйки, что текла у него по подбородку, — но у него не было сил поднять руку и утереть ее. Он смотрел в глаза Релаты, горевшие во тьме, точно колдовские болотные огоньки, чувствуя, как все глубже засасывает его вязкая трясина страха. Нечто подобное мог бы ощущать некромант, призавший демона из пучин преисподни и обнаруживший, что не в силах совладать со своим творением... Умоляющим жестом он поднял руки, точно пытаясь защитить глаза от прожигающего насквозь взора женщины.

— Пощади раба своего, о госпожа! Прощу тебя! Я не желал зла... — Шальная мысль зародилась вдруг в голове, и, даже зная, что в этом неравном поединке воли он заведомо обречен, он решился испытать последнее средство, надеясь если и не одержать победу, то хотя бы смягчить последствия собственного безумия. — Будь милосердна, госпожа, ведь твой слуга просто тревожился за тебя. И так же встревожились бы прочие домочадцы, узнай они о том, что ты не ночевала в своих покоях...

Она застыла на мгновение, прищуренные глаза вспыхнули ненавистью, но тут же девушка взяла себя в руки, с поразительной быстротой оправившись от нанесенного удара. Она презрительно дернула плечиками и вскинула

голову так, что волосы, рассыпавшись, медной мантией окутали плечи. Истинная царица ночи стояла перед трепещущим Орастом, — и он изумился собственной нелепой, отчаянной отваге, что толкнула его угрожать ей.

Серые губы разомкнулись, и слова, холодные и граненые, ледяными осколками сорвались с уст:

— Если ты осмелишься обмолвиться хоть звуком о том, что видел меня здесь, я скажу, что ты ворвался в мою опочивальню и пытался совершить надо мною насилие! — Она помедлила немного, почти мечтательно проводя по губам языком. — Я могу даже сказать, что тебе удалось это сделать... Как ты думаешь, кому из нас они поверят? И какая кара будет ждать тебя, пес?

Ораст захлебнулся желчью. Как ни странно, страх его прошел. Он был уничтожен, раздавлен, втоптан в прах, — и это не оставило в душе его места для иных чувств. Он не ощущал ничего, кроме безумной, нечеловеческой злобы, и бессилие лишь пуще распаляло его. Никакие угрозы не могли бы тронуть его в этот миг. В крайнем унижении он неожиданно обрел силу и, взглянув на Релату, промолвил бесстрастно:

— Не бойся... — он знал, что ей нечего было бояться, но эта мимолетная снисходительность должна была задеть ее, и жрецу было приятно хотя бы чуть-чуть, хотя бы вскользь уязвить эту похотливую самку, силящуюся выглядеть святой — ...я никому ничего не скажу. — Почему-то теперь он был уверен, что все ее запальчивые фразы не более чем пустые угрозы до смерти перепуганной девчонки. О, боги, как же он ненавидел ее... — Забудем о том, что случилось сегодня ночью — это в наших с тобой интересах. Я желаю госпоже только счастья.

Она кивнула, не сводя с него напряженно-затуманенного взгляда, — точно свеча в черном мареве. Ему показалось, что она хочет что-то сказать, однако губы ее так и не разомкнулись, и с гордо поднятой головой Релата Амилийская проследовала в свою опочивальню мимо околдовавшего ее жреца. Немигающим, полным бессильной страсти взором проводил он ее, и было ли в глазах его больше ненависти или любви, не смогли бы сказать ни вездесущие боги.

ОБРАЗ ГОНЧЕЙ

Если бы кто-то спросил графа Троцера, зачем, собственно, собирается он к немедийцу, о чем думает говорить с ним, тот едва бы сумел ответить. Его подталкивало страстное желание хоть что-то предпринять. Пусть сытые аквилонские нобили сидят сложа руки своих замках! Им нет дела до великой Аквилонии! Но он — пуантенец! Золотой Леопард! И должен идти вперед, навстречу врагу! Промедление смерти подобно!

Однако, в покоях немедийского посланника его ждало разочарование. Безучастный истукан-слуга мертвым голосом сообщил, что хозяина нет дома. Никакие уговоры не помогли. Лишь знаменитое пуантенское упрямство удержало гордого южанина от того, чтобы немедленно развернуться и уйти прочь; это — и еще сильнее нежелание возвращаться в свои опостылевшие покои, к недовольным ворчащим слугам, к молчаливым попрекам дружины, к надоевшим, тысячи раз пережеванным мыслям. И вельможа принялся крутами ходить по двору, решив дождаться прихода хозяина.

Двор был совсем небольшой, зажатый между Судебными палатами с одной стороны и тремя приземистыми, соединенными галереями Башнями Дуайенов, где располагались апартаменты послов при аквилонском дворе. В правой из них размещался немедийский посланник со свитой, в средней — представительство офирского владыки, левую делили между собой бритунцы и аргосцы.

Прошло не менее двух поворотов клепсидры. Троцеро продрог и уже вознамерился было уходить, решив повторить попытку утром. И вот, в тот самый момент, когда он почти дошел до ворот, дверь правой башни неслышно отворилась и полоска света прорезала вечернюю мглу.

Инстинкты старого воина сработали быстрее рассудка, — не прошло и мгновения, как граф, весь обратившись в зрение и слух, застыл у каменной ограды, благославляя Митру за то, что надоумил его выбрать черную одежду и плащ, которые позволили раствориться в наступающих сумерках. Его не заметил никто. Даже вышколенная немедийская челядь, снующая по двору, не обратила ни малейшего внимания на скрытую в полумраке фигуру.

Но, может, он всполошился напрасно? Ведь в дверях появился только мажордом, тот самый, что так рьяно не желал впускать пуантенца. Троцero едва не выругался вслух... но тут же возблагодарил судьбу за то, что остался незамеченным. Слуга, выйдя во двор, огляделся по сторонам и, убедившись, что вокруг ни души, сделал кому-то почтительный знак рукой. Из приотворенной двери показались двое.

Они были закутаны с головы до пят в длинные темные плащи, с низко надвинутыми капюшонами — ни лица, ни фигуры не разглядеть. Троцero почему-то не сомневался, что один из незнакомцев, тот, что повыше — никто иной, как Амальрик Торский. Он чуял это, как чуял дичь гончий пес. Но кто же второй — невысок ростом, неуверен в движениях? Граф покопался в памяти, но второй явно был ему незнаком. Может, это возлюбленная немедийца? И плащ призван скрыть пленительные очертания женского тела? А он, сам того не желая, стал свидетелем окончания тайного свидания? Ну что ж, скоро это выяснится, если на то будет воля Митры! Не раздумывая ни мгновения, Троцero двинулся следом за неизвестными.

Граф опасался лишь одного: чтобы таинственные незнакомцы не отправились верхом, — ведь тогда он их неминуемо потеряет. Однако судьба, похоже, была благосклонна к нему в этот вечер. Те, за кем он крался, пошли пешком. Поняв, что они не собираются ехать на лошадях Троцero повеселел и дал себе зарок по возвращении принести Солнцеликому хорошую жертву.

Они не прошли и двух десятков шагов, как южанин понял, что можно не прятаться. Ибо эти двое были настолько поглощены беседой, что не замечали вокруг ничего. Троцero дорого бы дал за то, чтобы подслушать их разговор — мысль о том, что сие могло быть недостойно дворянина, была им отвергнута с презрением: в деле спасения отечества не до условностей чести, — но подкрасться ближе он пока опасался и лишь старательно отмечал в памяти дорогу.

Он внимательно приглядывался к походке того, что был меньше ростом. Нет, это не женщина! Слишком уж широк шаг и угловаты движения.

Очень скоро они выбрались из дворца через потайную калитку и направились в ту часть города, где располага-

лись верфи. Граф посетовал про себя, что ему никогда дотопе не приходилось бывать здесь, и он совсем не ориентируется в лабиринте тесных, полутемных улочек. Хоть бы не потерять эту пару из виду! Его подопечные уверенно шли вперед, ловко ныряя в вонючие проходные дворы и юркая в едва заметные переулки. Казалось, что они нарочно петляют, опасаясь возможного преследования. Теперь становилось ясно, почему незнакомцы не отправились верхом — пешим легче оторваться от возможной погони! На лошади не удастся так ловко путать следы — цокот копыт по мостовой всегда выдаст всадника...

Пару раз Троцero чуть было не упустил их. Уж больно резво шагали эти двое в плащах. Но каждый раз, слава Митре, ему удавалось снова нападать на след темных фигур, скользящих в вечерних сумерках подобно призракам. Граф искренне завидовал этим людям — они чувствовали себя на заброшенной окраине, словно рыба в воде. Да, если его предположения верны и один из преследуемых Амальрик Торский, то барон — парень не промах! Так знать все ходы и выходы в чужом городе дано не каждому! Мало кто из придворных, даже родившихся в столице, мог бы соперничать с ним.

Конечно, самого Троцero судьба, случалось, забрасывала и не в такие трущобы, и потому он не обращал внимание на грязь и скверные запахи вокруг, заботясь лишь о том, как бы его не заметили. Но те двое не прекращали разговора и до сих пор ни разу не удосужились обернуться. Это было либо высшим проявлением беспечности... либо свидетельствовало о том, что намерения их совершенно чисты и им нечего бояться. Если так, то, значит, Троцero ошибался, подозревая барона и его неведомого друга неведомо в каких грехах? Но это была слишком неприятная мысль, чтобы задерживаться на ней надолго, и Троцero поспешно прогнал ее. Если бы сейчас он получил неопровержимые доказательства честности барона, то, по правде говоря, был бы очень разочарован. Ему страстно хотелось раскрыть заговор против Короны и утереть нос всем этим надменным аквилонским князькам. Пусть они увидят, каковы настоящие пуантенцы! Остается надеяться, что чутье, которому он имел все основания доверять, не подведет и на этот раз. Поэтому

нужно не отступать и до конца следовать за незнакомцами, а там, глядишь, удача ему улыбнется...

Однако мгновение спустя задача его осложнилась, и, если бы не стусившаяся к тому времени тьма, Троцero не сомневался, что едва ли сумел укрыться от взора тех, в плащах. Ведь едва они покинули район трущоб и вышли на открытое место, высокий, только что олицетворявший самую беспечность, молниеносно преобразился. Он стал часто оглядываться по сторонам и прислушивался к каждому шороху.

Троцero посмотрел вокруг. Вроде бы это место ему смутно знакомо... Митра, да это же знаменитый Рыбный Рынок! Сюда по утрам рыбаки свозят улов. Да, стоит только первым лучи солнца коснуться земли, как этот пустырь будет не узнать! За считанные мгновения торжище наполнится гомоном, бранью и выкриками. Но это утром. А сейчас вокруг пустынно, тихо, и лишь неистребимая рыбная вонь, проникающая, кажется, даже под кожу, напоминает о дарах полноводного Хорота. Троцero так увлекся своими мыслями, что не заметил, как под его каблуком хрустнула чешуя. Высокий тотчас же насторожился и завертел головой под капюшоном. Граф бесшумной тенью метнулся за деревянный прилавок. Хоть бы не заметил! А то прощай все планы... Но незнакомец, не узрев ничего подозрительного, отвернулся.

Троцero недоумевал. Совсем рядом блестела в зыбком лунном свете гладь реки. Что могло понадобиться здесь этой странной парочке? Ведь не поплавать же на ночь глядя? И добро бы еще у главной пристани, — где причаливают суда, пришедшие речными путями со всего света. Там богатые купцы, там редкостные товары и невиданные богатства... там, в конце концов, место сбора самого разношерстного сброда: наемников, платных соглядатаев, шарлатанов и разбойников. Но что привело их именно сюда, где в этот час и простых рыбаков-то не встретишь?

Ответ пришел очень скоро. С приглушенным плеском весел к берегу причалила лодка с двумя гребцами. Высокий что-то сказал вновь прибывшим и вместе со своим спутником забрался в нее. Тот, кого Троцero посчитал за барона Торского, прыгнул по-кошачьи ловко; второй же оказался неуклюж, и утлое суденышко под тяжестью его

покачнулось, зачерпнув бортом воды. Граф ухитрился подкрасться поближе, и теперь мог разобрать отдельные слова преследуемых. У одного из гребцов барон (теперь пуантенец окончательно удостоверился, что это был он — его певучий голос, с едва заметным акцентом трудно было спутать) поинтересовался, прибыли ли остальные. Этого оказалось достаточно, чтобы заставить Троцero насторожиться еще больше. Теперь не оставалось никаких сомнений, что немедиец направлялся на какую-то тайную встречу... Но когда он назвал своего спутника «Ваше Высочество», подозрения графа обрели полную осязаемость. Закутанный в плащ друг Амальрика Торского не мог быть ни Валерием, ни Нумедидесом. Их не было в столице. А значит, он не *авкилонский* принц.

Возбужденный и встревоженный, граф проводил взглядом отчалившую лодку. Та неслышно заскользила по маслянисто-черной воде, и расстояние, отделявшее заговорщиков от их преследователя, росло с каждым мгновением. В бессильной ярости Троцero стиснул кулаки.

Он не мог дать им уйти! Но как продолжить погоню? Не побежишь же по воде вслед за лодкой? Граф судорожно заозирался по сторонам в надежде отыскать хоть какое-то средство передвижения... Нетерпение и гнев причиняли ему физическую боль, словно невидимая нить привязывала его к немедийцу, и когда тот отдалился, она натянулась и неумолимо тянула Троцero за дуаиеном.

Но вот взгляд нобиля упал на незамеченную прежде тень слева от причала. Собственно, то был и не причал даже — шатающийся, прогнивший, зияющий щелями настил из небрежно брошенных на опоры досок, — и такой же, утлой, ненадежной и древней показалась крохотная лодчонка, привязанная к торчавшему из воды шесту. Весел не было; должно быть, владелец решил, что этого, вкупе с общим состоянием суденышка, окажется достаточно, чтобы отвратить самых неразборчивых воров. Троцero усмехнулся — вряд ли неведомый лодочник мог предположить, что похитителем его сокровища станет не кто-нибудь, а владыка Пуантенского графства. Но выбирать не приходилось. Он спрыгнул в лодку, стараясь заглушить страх, когда дно ее заходило под ногами, угрожая в любой миг развалиться, разрубил мечом ве-

ревку и, выдернув шест, оттолкнулся. Лодка неспешно заскользила по воде.

На его родине, в Пуантене, была в чести такая забава: двое или больше молодых сходились на лодчонках, похаживая на ту, в которой он плыл сейчас, и шестами пытались опрокинуть друг друга, чтобы успеть первыми дотянуться до алой девичьей ленты, привязанной на самой верхушке длинного древка, воткнутого посреди реки. Тому счастливцу, кто добывал заветный талисман, доставался приз — жаркий поцелуй хозяйки ленты. Вот уже много зим граф мог позволить себе наблюдать за игрой только с берега, но в молодости по праву считался одним из лучших в этом потешном состязании. И сейчас Троцero с удовлетворением отметил, что тело не утратило былой сноровки. Он вполне сносно мог управлять суденышком при помощи шеста, не хуже паромщиков реки Алиман. Вот только протекало оно нещадно, — и граф потерял немало драгоценных мгновений, вычерпывая ледяную воду.

На середине реки он остановился и прислушался. Он изрядно поотстал. Куда мог деться немедиец со своими спутниками? Ночь скрывала все очертания, но вода, хорошо разносившая ночные шумы, оставалась его союзником. Вскоре чуткий слух южанина уловил плеск весел чуть выше по течению, и он осторожно, стараясь ничем не выдать себя, повел лодку на звук. Оставалось надеяться, что это именно те, за кем он гнался, а не просто случайные рыбаки. Хотя, кажется, указом короля около столицы рыбацкий промысел был запрещен — оттого и пустынно так на глади Хорота. Тогда, скорее всего, это именно та лодка, которую он ищет!

Граф напряг глаза. Без сомнения — посудина повернула к берегу! Ну что ж, он сделает то же самое, только чуть ниже по течению, чтобы остаться незамеченным. Троцero не без труда причалил и, вытянув свой утлый челн на берег, бесшумно покрался туда, где, по его предположению, должны были высадиться барон со своими провожатыми. Вскоре он заметил огонек факела, мерцающий вдалеке, и облегченно перевел дух. Теперь можно было не опасаться потерять злодеев.

Идти пришлось недолго; немного попетляли по мелколесью, затем взобрались на невысокий холм, — и лишь

теперь пуантенец донял, куда они идут. Здесь, на заброшенных холмистых пустошах к северо-западу от столицы, располагались некогда обширнейшие владения храма Асуры, — сам культ был давно запрещен и уничтожен в Аквилонии, но земля осталась лежать в запустении, и король не передал ее ни одному из своих вассалов. Слишком уж дурная слава шла об этих местах... Видимо, именно здесь тайное место сбора мятежников! Граф уже не сомневался, что его подозрения справедливы. Иначе с чего бы это немедийскому дуайену вместе со своим сиятельным спутником совершать столь странные прогулки по ночам?

Впрочем, если задуматься, ничего странного в этом нет. Где еще в столице могли найти эти презренные столь уединенное место, не вызывающее подозрений и способное вместить достаточное число людей, — а в том, что число их будет немалым, Троцero уже не сомневался. По мере приближения к развалинам храма, спаленного дотла в первые годы царствования Вилера, у него росло ощущение большого скопления народа впереди... он и сам не мог объяснить, как чувствовал это, но инстинкт никогда не подводил его прежде, и в молодые годы ему не раз удавалось безошибочно определить засаду. Не было оснований не доверять своему предчувствию и теперь.

Низко наклоняясь, почти припав к земле, Троцero прокрался к руинам храма, оставив слева главный вход, где остановились немедийцы и их спутник с факелом. Те замешкались, видно, обменивались приветствиями или условными знаками, но теперь, когда мятежники привели его на место сборища, можно было ненадолго оставить их в покое. Теперь главное — найти потайной лаз и проникнуть внутрь незамеченным.

Насколько он помнил, ибо у себя в Пуантене сам разорил немало подобных капищ, храмы Асуры строились по единому принципу. В основе своей они имели форму полумесяца с двумя входами, Вратами Праведных в оконечности северного рога и Вратами Грешников в южном. В центре располагался алтарь и вход в подземную крипту, где хранились мумифицированные останки умерших жрецов. Немало этих белых кукол, обмотанных полосами тонкой ткани, позже обрели последнее пристанище в кострах ревностных митрианцев.

Первой мыслью Троцero, поскольку немедийцы вошли в развалины через северный вход, было проскользнуть незаметно к южным воротам, но он почти сразу же отказался от этого намерения. Невозможно, чтобы там не было охраны... и, словно в подтверждение этому издаലെка ветер донес грубый смех и ржание лошадей, — похоже, не все заговорщики добивались на это сборище пешком. Что ж, это к лучшему! Горячий скакун может сослужить хорошую службу, если придется уносить ноги.

И пуантенец неслышными кошачьими шагами принялся обходить развалины с дальней, выгнутой стороны. Вскоре он убедился, что стены находятся в столь плачевном состоянии, что не было нужды искать иной вход. Пострадавшая от пожара каменная кладка местами обрушилась и ненамного превышала человеческий рост. Изломанная линия ее очертаний издала напoминала оскаленную щербатую пасть, — и в пасть эту отважный южанин по собственной воле намеревался сунуть голову... На миг озноб пробрал его до костей, но усилием воли он подавил страх и почувствовал, что переполняется веселой, беспшабашной злостью, словно в старые добрые времена перед боем. Ему бросили вызов — граф мгновенно ощутил, как всколыхнулись в душе давно забытые чувства, и поразился, до чего скупа и бесцветна была без них его недавняя жизнь. Вспоминая боевую молодость и от того усмехаясь в седеющие усы, он проскользнул к стене и, выбрав местечко, где кладка сохранилась хуже всего, подпрыгнул, подтянулся, и, с трудом находя опору ногам в мельчайших выбоинах и щербинах известняка, принялся карабкаться на стену.

ОБРАЗ БУНТА

Раз-другой Троцero едва не сорвался. Высота была совершенно безопасной, но в ночной тишине стук камешков, осыпавшихся под ногой, показался невыносимо громким, точно дробь барабана на плацу, и граф вжался в стену, распластался по ней, моля Митру, чтобы звук не привлeк ничьего внимания. Но Светозарный, как видно, хранил своего верного слугу: те, кто стоял на страже у дверей, находились чересчур далеко; собрав-

шимся же внутри храма явно было не до того. До его слуха донеслись чьи-то громкие, разгоряченные голоса, но этого было мало, — он желал видеть всех в лицо. И, сделав последнее усилие, Троцero подтянулся на пальцах, осторожно выглядывая из-за камней — зубчатых, почерневших от копоти.

Зрелище, открывшееся его глазам, превосходило самые отчаянные фантазии. Помимо немедийца и его спутника, по-прежнему закутанного в плащ, которые держались в тени полуразрушенного алтаря, на каменных плитах пола, растрескавшихся от давнего пожара, теснилось не менее полусотни человек. Некоторых он узнал сразу, другие показались ему незнакомыми, но число их увеличивалось с каждым мгновением. Новые и новые заговорщики просачивались во Врата Праведных, где двое в черном останавливали каждого входящего для какого-то странного ритуала, деталей которого граф из-за скудного освещения разобрать не мог. Он мог лишь догадываться, что их, должно быть, просят предъявить некий предмет, служащий опознавательным знаком, и только после этого допускают на сходку.

Жаль, не доставало света: горели только два факела, вставленные в расщелины между камнями, на противоположной от Троцero стене; но и этого было достаточно, чтобы разглядеть лица мятежников. О, боги! Да здесь чуть не пол-Аквилонии! Граф Аксаланте, этот изнеженный выскочка, негромко переговаривался о чем-то с немедийцем, по-свойски взяв того под локоть. Казначей Публий, советник и доверенное лицо короля, стоял посреди узкого помоста, надменно кивая жестикулирующему дворянину, имени которого Троцero никак не мог вспомнить. Да, Публий, эта старая лиса будет у дел при любой власти — до того хитер и изворотлив. А кто там, у дальней стены? А, это красавчик Феспий, наруганный и с тщательно уложенными локонами. Не сводит глаз с посланника. Молодой человек, стоявший рядом, что-то шепчет ему на ухо, но томный щеголь почти его не замечает, пытаясь поймать взгляд дуайена...

Узнал Троцero и нескольких наместников провинций, и одного городского голову, и пару тарантийских купцов, настолько богатых, что никто не посмел бы поставить им в вину низкое происхождение; были здесь и несколько

военачальников, известных Троцero еще по Венариуму, и даже — о, верх вероломства — Альвий, капитан королевских Черных Драконов. Увидев его, Троцero понял, что теперь и вправду все погибло — у королевства не осталось надежды. Ибо, даже если заговор потерпит поражение, страна, где государя может предать его телохранитель, верный пес, чей долг служить правителю, не щадя живота своего, — страна та обречена! У него мелькнула, правда, мысль, что Альвий здесь по поручению короля, отслеживает заговорщиков, дабы предать их в руки суверена, — но то была лишь наивная попытка не замечать очевидного. Слишком радушно, по-свойски был принят здесь командир королевских гвардейцев; подобное доверие явно неоднократно доказывалось на деле! Но сколько же их?! Нобилей, каждого из которых Троцero едва ли не ежедневно видел при дворе, преданнейших слуг короля и отечества!

Вот герцог Фельон, по прозвищу Тауранский Вепрь. Огромный, громоздкий, точно бочонок с пивом. Скорее всего, что он один из зачинщиков! Вон как размахивает своими широкопальными руками, аж изо рта на рыжую бороду брызжет слюна. Недаром этот грязный кабан вечно бахвалился тем, что в его толстых жилах якобы течет толика королевской крови. Презренный бастард! Ему бы помалкивать о том, что его блудливая мамаша маркиза Ольвейская имела мимолетный роман с Вилером, когда тот гостил у ее мужа в Таурани. Куда катится эта несчастная страна, если собравшиеся здесь нобили, пусть негодяи, но все же облаченные *подлинными* титулами, не прикажут слугам вытолкать взащей этого самозванца?! Но нет! Они лебезят перед ним и стелются, рассчитывая урвать свой кусок пожирнее, если вдруг случится, что этот ублюдок сядет на Рубиновый Трон. Эльмар Танасульский, его кузен Мариций Ламонский, Рогир из Гандерланда? Чего же недостает этим обожравшимся скотам? Ведь они и так проводят дни в покое и довольстве?

Он заскрипел зубами от ярости. Предатели! Подлые псы, что кусают руку, кормившую их, осыпавшую лаской и милостью! Алчные аспиды, пригретые на монаршей груди! Не зря восстал из чащи лесной Бог-Олень и предрек появлением своим годину Огня и Крови! Время Жалящих Стрел! Ах, подлецы! Он едва не задохнулся от

гнева и, если бы в самый последний момент не совладал с собой и не вцепился покрепче в острую кромку кладки, то неминуемо рухнул бы вниз.

Он тихо выругался. Не время предаваться гневу! Этим не поможешь Аквилонии! Нужно закусить губу и, что бы ни произошло, равнодушно взирать на происходящее. В одиночку не совладать с целой сворой этих мерзавцев, напомнил он себе. В данный момент больше пользы отечеству принесут твои глаза и уши, а не клинок!

Тем временем, как видно, собрались все, кого ожидали, и, когда один из стражей у двери подошел шепнуть что-то на ухо Фельону, тот согласно кивнул и вскинул правую руку. Толпа придворных, негромко переговаривавшихся и смеявшихся между собой — точь-в-точь как когда в Малой Приемной они ожидают выхода короля, — мгновенно притихла и обратилась вслух.

— Братья! — проревел Тауранский Вепрь, выпячивая грудь. На глянцевиной поверхности его бритого черепа заплескали отблески факелов. Троцero, питавший давнюю неприязнь к этому напыщенному, багроволицему здоровяку, поморщился, точно от зубной боли. Он никогда бы не поверил, что этого борова король мог приблизить к себе. Даже замаливая старые грешки. Впрочем, в последние годы мало какие поступки короля были ему по вкусу.

— Братья! — рокотал бас Фельона. — Я счастлив приветствовать вас — лучших, преданнейших сынов Аквилонии! Наконец мы все вместе, в этот решающий день, к которому готовились так долго. Мы преодолели бесчисленные препоны на своем пути, неодолимые преграды, неслыханные опасности. И наконец собрались здесь, дабы скрепить решением своим судьбу Аквилонии. Ибо возлюбленный край наш стонет под игом деспота и вызывает о помощи к сынам своим. Мы истинные хозяева державы! И мы должны управлять ею! Мы — а не этот слюнтяй Вилер! Да, я помню, что именно ему я обязан тем, что в моих жилах течет королевская кровь... — Троцero поморщился. Хоть бы придумал что поновее! — ...Но, несмотря на это, готов собственными руками помочь очистить Рубиновый Трон от скверны! От немощного короля и тех стай презренных псов, что лают у трона. Как только протрубит рог, мои тауранские туры ринутся в бой! Кто не с нами, тот против нас!

Фельон продолжал грохотать бочонками слов, и Троцero, вдосталь за свою жизнь наслушавшийся подобных бессмысленных излияний, возненавидел этого молодчика, как никогда прежде. Интересно, кто составлял ему этот пламенный панегирик? Сам Фельон мог с трудом связать два слова...

Однако пальцы графа начали уставать, для ног не было достаточной опоры, и он боялся, что не сможет продержаться на этой проклятой стене достаточно долго, чтобы услышать хоть что-то стоящее. А Тауранский Вепрь все ревел.

Скорее всего, речь ему готовил Публий, догадался Троцero. Не может он сам в самых ярких и трагических красках так складно живописать беды Аквилонии, опозоренной и поруганной, презираемой врагами и бывшими союзниками, погрязшей в распутстве и лени. С последним доводом Троцero мог бы согласиться. Стоило только вспомнить любовь самого оратора к десятилетним девочкам, обжорство владетеля Туны, ставшее притчей во языцах, или более чем сомнительные наклонности немедийского посланника... Но наконец Фельон принялся перечислять собравшихся, представляя их друг другу, называя силы, которые каждый из них готов выставить в поддержку общего дела, и Троцero, преодолевая боль в занемевших пальцах и усталость, вновь обратился в слух.

Сперва последовало перечисление провинций, и граф был потрясен, когда, произведя простейшие подсчеты, осознал, что сторону заговорщиков уже приняли более половины аквилонских баронов — именно те, что испокон века держали самую большую дружину и славились своим боевым искусством. Самые воинственные из всех... Разумеется, они не могли не откликнуться на призыв, когда им так щедро сулили победоносные баталии, богатую добычу и обширные земли! Все это звучало в словах тауранца куда как отчетливо. Он — а точнее, тот, кто стоял за его спиной, — отлично знал, на какую наживку ловить этих глупцов.

Взор графа невольно обратился к немедийскому посланнику. Он, по-прежнему кутаясь в плащ, негромко переговаривался о чем-то со своим спутником, не обращая ни малейшего внимания на происходящее вокруг. Троцero напряг зрение в тщетной попытке разглядеть под

капюшоном черты лица приятеля барона... но в тот же миг Амальрик Торский, точно ощутив на себе чей-то пристальный взгляд, вскинул голову и хищно огляделся по сторонам, словно кричит, высматривающий добычу. Граф едва успел пригнуться и спрятать голову за выступом стены.

— Но не только доблестные сыны Аквилонии сегодня собрались здесь! Рад сообщить вам, что к нам примкнул чужестранец, человек, от которого будет зависеть немало! — торжественно провозгласил слегка охрипший от собственного красноречия бородач. При этих словах вельможи и воины, окружавшие полукругом помост, прекратили перешептываться. Троцero мог видеть, как их спины напряглись в ожидании. Послышались их негромкие голоса «Кто это?», «Покажите нам его, герцог?» Фельон, довольный произведенным эффектом, цокнул языком и, развернувшись вполоборота, кивнул на высокую фигуру в плаще.

— Барон Торский, дуайен Немедии!

Слова его зазвенели в мгновенно наступившей тишине, словно кто-то бросил с размаху на каменный пол хрустальную вазу и она разлетелась вдребезги!

Троцero аж крикнул. Да, немедийский выкормыш играл далеко не последнюю роль в зреющем заговоре. Однако лишь теперь пуантенскому нобилу стало ясно — этот лис оказался еще хитрее, чем ему казалось: действуя за спиной недалекого тауранца, он руководил его действиями, не привлекая излишнего внимания к своей персоне, дабы не отпугнуть возможных союзников. Но если теперь он решился открыться, то это значит... Это значит, негодяи намерены приступить к решительным действиям! Проклятье Зандры на их головы! Троцero в ярости заскрежетал зубами. Его сапог выскользнул из трещины, в которую он упирался, и граф едва не обрушился с грохотом из своего укрытия. Только чудом ему удалось удержаться.

Болван! Старый болван! Зачем было медлить, пытаться выяснить что-то у Валерия. Чего, собственно, он ждал от шамарца? Что тот сломя голову кинется на защиту Аквилонии? Кинется, как же... Нашел с кем советоваться! С юнцом, мальчишкой! Нужно было действовать, а не болтать! И почаще появляться в Тарантии, а не сидеть

сиднем в своем фамильном замке. Тогда знал бы о заговоре много раньше. Ему бы наверняка *предложили*... Граф похолодел. А если его вассалы тоже принимают в этом участие?! Правда, здесь он никого не заметил из Пуантена, но это еще ни о чем не говорит. Они могли затаиться на время. Слава Митре, что аквилонцы ненавидят его соотечественников и те платят им той же монетой. Сейчас эти распри ему на руку. Как только он вернется в Тулушу, то закует в железо любого, на кого падет хоть малейшее подозрение! Хоть у себя в Пуантене он очистит воздух от этой чумы!

Амальрик Торский вышел на середину, резким движением головы отбросил капюшон и поклонился собравшимся. Троцero показалось, что на губах немедийца мелькнула презрительная усмешка... но, возможно, то была лишь игра света и тени.

— Я рад приветствовать великих сынов великой державы, — произнес барон сдержанно и сделал паузу, точно ожидая чего-то. Реакция не заставила себя ждать.

— Зато мы не рады видеть среди нас немедийского пса! Что ты забыл среди честных аквилонцев, предатель? — Это подал голос Альвий, капитан Черных Драконов. Прямолинейность старого вояки, похоже, многих шокировала, однако Троцero был уверен, что в душе большинство согласилось с ним. Хотя скорее все это заранее отрепетировано самим Амальриком.

Однако барон, казалось, ничуть не смутился, услышав грубость. Лишь улыбка на поджатых губах сделалась заметнее.

— Напрасно ждать от воина мудрости... хотя, признаться, я был лучшего мнения о манерах столичных жителей, — произнес он ровным голосом. — Что ж, гвардеец, я готов забыть твои слова! Понимаю, что они продиктованы искренней тревогой за судьбы отечества...

Троцero окончательно убедился, что перед ним заранее приготовленный спектакль. Альвий был известен своим горячим нравом, да и немедиец, говорят, тоже никому не давал спуска. Будь все это действительно *случайно*, давно бы уже был слышен звон мечей. Что ж, мудро, ничего не скажешь, одобрил он поведение Амальрика. Лучше иметь в толпе подсадную утку с фальшивыми оскорбле-

ниями, чем рисковать, что в ком-то из нобилей взбурлит кровь и придется отвечать на настоящие.

— ...И, уверен, среди вас есть истинные государственные мужи, способные понять, что на войне нет друзей и недругов, а есть лишь союзники и противники. Да, петух не доверится лисе, а агнец — волку. Но аквилонец должен верить немедийцу, если это может послужить на благо его державы!

Альвий насупился, побагровел и встал поодаль.

— И в чем же вы видите это благо, барон? — Троцero не узнал говорившего, но, судя по выговору, то был один из оссарских нобилей. — Признаться, мы несколько обескуражены вашим появлением здесь! Его Высочество герцог Фельон не предупредил нас... И кто, скажите на милость, ваш спутник?

Немедиец улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

— Не все сразу, месьюры. Митра велит нам быть терпеливыми!

Он дождался, чтобы возмущенные возгласы, вызванные его появлением, утихли, и все взоры обратились к нему. Похоже, он наслаждался всеобщим вниманием, и Троцero не мог сдержать презрительной усмешки при виде столь низменного тщеславия.

— Прежде всего, поговорим о нашем общем благе. Ибо, полагаю, вы удивлены, увидев меня в ваших рядах! Еще бы — вам предлагает свои услуги подданный державы, на которую в первую очередь окажутся нацелены ваши мечи и копья, если заговор окажется успешным... — Присутствующие, в особенности, молодежь, согласно зароптали; старшим же хватило ума молча выждать, что последует дальше. Никто не понимал пока, к чему клонит посланник, однако все чувствовали, что слова его могут играть чрезвычайно важную роль в их дальнейшей судьбе, и потому слушали его настороженно, недоверчиво, но стараясь не упустить ни единого слова.

— Да, — подытожил барон их общее настроение. — Немедиец — наименее вероятный союзник для вас... за единственным, однако, исключением. Если он не уроженец Торы!

Послышались удивленные возгласы. Троцero усмехнулся. Он хорошо знал, куда клонит этот немедийский хорь. Издревле провинция Торен была аквилонской. Од-

нако зим двести назад бельверусский король Брюнган сумел отвоевать ее у «жемчужины запада». С тех пор она стала на немедийский лад зваться Торой. Эрлик ведает, в каких пыльных манускриптах этот ловкач откопал давнишнюю историю, но нельзя не признать, что она приплась как нельзя кстати. Сейчас он будет играть на патриотических чувствах собравшихся, словно шут на дудке. И в конце концов выяснится, что в его жилах течет аквилонская кровь, и он жизнь готов положить за процветание утраченной родины!

С лица барона не сходила улыбка. Он чувствовал, что полностью овладел умами слушателей, и это придавало ему уверенности. Он потерял свои холеные руки.

— Это давняя история, благородные нобили! Мало кто помнит, что было время, когда провинция наша принадлежала не суровой матехе Немедии, но ласковой, плодородной матери Аквилонии. В жилах моих подданных и моих собственных течет аквилонская кровь! И для торцев нет большего счастья, чем вновь воссоединиться с давно утраченной родиной! Вера в то, что это произойдет, передается, точно священная реликвия, из поколения в поколение. Торцы жаждут мести! Они готовы сражаться до последнего с немедийскими собаками за счастье и процветание родного края!

Тут неплохо было бы смахнуть слезу, подумал Троцero. Слезу счастья. Мол, вот наконец я здесь, среди своих братьев... Ишь, какой аквилонец выискался!

Изумленный ропот встретил это заявление: видно, благородные нобили плохо знали историю собственной страны. Однако Троцero видел, семена попали на плодородную почву — в большинстве своем заговорщики склонны верить барону. Глупцы! Неужели они искренне думают, что кто-то и в самом деле не может жить счастливо, без того чтобы не присоединиться к их державе... как пришлось то, против воли и вопреки здравому смыслу, сделать Пуантену. Хотя эти жирные каплуны, должно быть, и по сей день уверены, что для его графства это было величайшим счастьем и гордостью!..

Однако Троцero тут же одернул себя. Хватит! Что вспоминать о былом! Решение о союзе с Тарантией было вполне продуманным и единственно возможным с его стороны, — и нечего больше думать об этом! Лучшие

повнимательнее слушать, какую еще кудель собирается плести этот удалец!

А Амальрик тем временем заливался почище знаменитых зингарских соловьев. Послушать его, в Торе у женщин не просыхали от слез подолы, так рыдали они по Аквилонии, а мужчины ложились и вставали с ее именем на устах... Однако, не надо было быть пророком, чтобы понять, что все это не более чем красивые слова. А дальше последует нечто куда более конкретное.

— Мы ненавидим Немедию не меньше вашего, — внушал он примолкнувшим аквилонцам. Те, похоже, в мечтах уже проходили торжественным парадом под триумфальной аркой, воздвигнутой по случаю покорения Бельверуса... — И если армии Аквилонии двинутся на север, Тора откроет вам тайные горные перевалы, по которым вы сможете пройти и ударить в тыл войскам Нимеда.

Он поднял голову, разыскивая взором командира Черных Драконов.

— Ведь это наш единственный шанс — не так ли, месьор Альвий? Я надеюсь, вы подтвердите мои слова. Может быть, вы не искушены в дипломатии, но что до военного искусства, то здесь вам нет равных...

То, что он обратился к человеку, первым выказавшему посланнику свое недоверие, придавало вес его утверждениям, особенно когда старый гвардеец неохотно пробурчал в ответ, явно страдая, что приходится соглашаться с врагом, но не видя возможности опровергнуть его слов:

— Это так, немедиец! Если торцы проведут наш авангард тайными тропами, война будет выиграна...

Троцero восхитился искренностью этой сцены. Да, видно, опытный кукловод дергал ниточками, если уж угрюмый Альвий, и тот согласился принимать участие в этом спектакле.

— Но на границе с Торой находится Астейская вотчина. Это земли принца Тараска, родственника немедийского короля. Его знаменитая кавалерия охраняет державу с запада. И наши прославленные войска, изможденные переходом через горы, падут под палашами конников Тараска! — возразил чей-то резкий голос.

Троцero наморщил лоб, вспоминая. Похоже, это Рогир из Гандерланда. Что ж, вопрос прямо в точку! Интересно, как будет изворачиваться этот бельверусский уж?

Улыбка Амальрика сделалась еще шире. Казалось, что он только и ждал этого вопроса. Впрочем, через мгновение граф понял, что так оно и было.

Немедийский дуайен повернулся к своему молчаливому спутнику.

— Прошу, Ваше Высочество!

Словно молния сверкнула в голове Троцера. Митра! Это же принц Тараск! Собственной персоной! Да, немедиец, воистину, достоин восхищения. Это лучший спектакль, который ему доводилось лицезреть за всю свою жизнь!

Возбужденный гул голосов заглушил дальнейшие слова Амальрика. Видно было, что аквилонские нобили ошеломлены. Еще бы — два знатных немедийских воителя предлагают им свои мечи, свои армии и свои земли! И почти подносят на бархатной подушке ключи от Бельверуса! Есть от чего прийти в смятение даже самым рассудительным умам!

Троцера понимал, что многие из них не так глупы, как хотят казаться, и знают настоящую цену всем тем уверениям, будто бы Тора только и грезит об Аквилонии. Кому там грезить? Крестьянам? Им все равно кому платить подати. Что Вилер, что Нимед — им все едино! Но заговорщикам было выгодно поверить этой сказке. Еще бы! Им любезно предоставляют возможность перегрызть глотку северному медведю — Немедии. Эх, если бы сбросить пару десятков зим, глядишь, он бы и сам не отказался помахать мечом... Но эта война не имеет ничего общего с низвержением Вилера. Почему об этом никто не говорит ни слова?

Тараск раскланивался, словно канатный плясун после выступления. Было видно, что этот коротышка падок на лесть. Между тем ропот одобрения показал, что слова Амальрика пришлись всем по душе. Похоже, до сих пор вся эта затея с заговором не представлялась собравшимся чем-то реальным, они сами мало верили в успех предприятия, но несколько слов изменили все. Победа, вожделенная, недостижимая прежде, была прямо перед ними, — протяни руку и возьми! Золото, земля, власть, — все подарил им немедиец несколькими словами. И пьянящее ликование от грядущих побед, безрассудное и слепое, охватило их. Молодые звенели мечами, хлопали друг

друга по плечу, старшие сдержанно улыбались... Но слова «война» и «победа» были у всех на устах.

Именно этот миг выбрал граф, чтобы переменить позу, ибо последние несколько минут лишь чудовищным напряжением воли ему удавалось хранить неподвижность. Пальцы соскальзывали с камней, точно намащенные; ноги ныли от напряжения, и острая боль пронзала их мириадами острых игл. Даже дышать становилось тяжело, и мутилось в глазах... он едва не терял сознания от нечеловеческих усилий, которые ему приходилось прилагать, чтобы удержаться на месте.

Но теперь, сказал он себе, можно рискнуть. Они все настолько обезумели, что не видят и не слышат ничего вокруг. Должно быть, даже если кладка сейчас обвалится под ним, они и то не обратят внимания. Бряцание мечей и боевые трубы заглушили все мирские звуки, — ему и самому знакомо было такое состояние, и он был уверен, что еще какое-то время каждый из них будет глух ко всему, что не кричит о победе и грядущих битвах... Пора!

Подтянувшись на руках, граф навалился на край кладки. Это был самый опасный момент, — голова его отчужденно показалась над стеной, — но он не мог иначе; необходимо было хоть на миг дать отдых пальцам. Затем он осторожно начал сползать чуть левее, туда, где уже присмотрел удобную ложбинку, откуда вполне может увидеть все, что последует...

Ба-бах!

Это с чудовищным, оглушительным грохотом обвалился расшатавшийся камень, на который опирался граф. Град мелких камешков нескончаемым потоком посыпался следом. Оглушенный, Троцера на мгновение был обездвижен. Это было настолько неожиданно... Он не мог сообразить, что делать. И вместо того, чтобы немедленно спрыгнуть вниз и пуститься наутек, замер, распластавшись на камнях, точно пытаясь слиться с ними, в жалкой попытке восстановить равновесие.

В первый момент никто не понял, что произошло — он верно оценил состояние заговорщиков. Они лишь застыли, как и он сам, в испуганном недоумении, тревожно озираясь по сторонам, пытаясь установить источник угрозы. И лишь один человек среди всеобщего замешательства сохранил присутствие духа.

— За нами следят! Сюда! Держите его! — раздался громовой голос немедийца. В то же самое мгновение он сделал странное движение, словно махнул кому-то рукой, — и тонкий, пронзительный свист разорвал тишину. Троцero не сдержал крика. Что-то острое, точно клык ночного хищника, вонзилось ему в плечо. Он судорожно схватился за рану. Пальцы его нащупали нечто, похожее на морскую звезду, которые в изобилии водятся в теплых водах. Он резко выдернул из плеча странный предмет. Митра! Хоть бы эта штука не была отравлена...

И, потеряв равновесие, грузно рухнул на камни.

Превозмогая боль, он ринулся прочь. Ноги сами понесли его вперед, к Вратам Грешников, где слышалось тревожное ржание лошадей. Из разрушенного храма доносились крики, возбужденные возгласы, звон мечей, но Троцero не мог позволить этому бессмысленному шуму отвлечь себя. Если повезет, бунтовщики потеряют достаточно времени, пока поймут, что произошло, ибо никто, кроме проклятого немедийца, не заметил его. Пока они прокричатся, пока решат, что делать — уйдут драгоценные мгновения. За это время он *должен* успеть...

Конювязь была уже перед ним. Троцero завернул за угол храма — южный рог Полумесяца Асуры — и встревоженный паж выбежал ему навстречу, едва не падая под ноги. Мальчишка, перепуганный, должно быть, слышал, что в руинах святилища поднялась тревога, но в замешательстве не знал, как остановить противника. Пуантенец с силой оттолкнул его в сторону, не обнажая клинка, и паренек, тоненько извивнувшись, отлетел к стене. Но в тот же миг раздался его истошный вопль:

— Сюда! Сюда! На помощь!

Помянув Нергала, беглец извлек меч из ножен. Лошади были совсем рядом, храпящие, беспокойно перебирающие ногами, но навстречу уже неслись двое с факелами. Бросаясь на них, граф успел лишь с облегчением подумать, что это, хвала Митре, еще только стражники или пажи, оставленные сторожить лошадей, а значит, у него остается несколько бесценных мгновений, пока до конюязи не добрались от Врат Праведных сами заговорщики, ибо против стольких бойцов у него не было ни единого шанса.

Отчаяние и острое сознание утекающего сквозь пальцы времени придало графу сил. Позабыв о боли в плече, куда

вонзился пущенный недрогнувшей рукой немедийца снаряд, он взмахнул мечом, выписывая огромные восьмерки. Испуганные, враги его невольно попятнулись. В свете факелов клинки в их руках полыхнули алым. Граф, не давая им опомниться, перешел в наступление. Фехтовать с двумя соперниками было ему не привыкать, — однако пальцы, так долго цеплявшиеся за острую каменную кладку, нещадно саднило, и он с ужасом ощутил, как в ладони его, влажной от крови, рукоять оружия скользит. Не раздумывая, он перебросил меч в левую руку.

Удивленные неожиданным маневром, противники его замешкались, и Троцero мгновенно воспользовался этим. Отбив неуверенный выпад первого, он резко метнулся вперед, целясь в факел, который второй стражник все еще зачем-то держал в левой руке. Острый рубящий удар снес пылающую головешку, — и она отлетела прямо в лицо противника. С истошным воплем тот отскочил назад и, бросив оружие, стал сбивать пламя, охватившее одежду.

Приятель его остушился в замешательстве, и граф не преминул воспользоваться этим. Не знающий промаха клинок его полоснул стражника по ребрам. Тот выронил меч, прижимая руку к набухающей кровью ране.

Опрометью, не замечая ничего вокруг себя, Троцero бросился к конюязи. Совсем близко уже слышался топот десятков ног и лязг мечей, — это мятежники наконец бросились в погоню. Они бежали к нему в темноте, так что не различить было отдельных фигур и лиц, — словно огромное стоглавое, тысяченое чудовище гналось за графом, готовясь растерзать дерзкого пришельца, осмелившегося потревожить его покой! Троцero перерубил поводья ближайшего скакуна и птицей взлетел в седло.

Скаун загарцевал под ним, встал на дыбы, пытаясь сбросить наглеца, — но в искусстве укрощения диких коней Троцero не знал себе равных. И животное, ощутив его твердую руку, покорилось с протяжным ржанием. Южанин ударил его пятками в бока, с места пуская в галоп.

Они пронеслись между преследователями, давя и раскидывая их в стороны. Кто-то попытался схватиться за стремя, — но Троцero полоснул по руке мечом, и человек с воем отлетел в сторону. Еще один попал под копыта, сбитый несущимся не разбирая дороги скакуном. С уг-

рожающим видом Троцero размахивал клинком, отражая все попытки встать у него на пути, — и даже не сразу заметил, как преследователи остались позади, и негодующие, полные отчаяния и злобы крики понеслись ему вслед, неразличимые за стуком копыт и ржанием лошади.

Граф плашмя ударил мечом скакуна по крупу, и тот поскакал во весь опор, вниз с холма, и по лесу к реке. Тонкие ветви хлестали беглеца по лицу, и он пригнулся, чтобы не лишиться глаз в этой бешеной скачке. Одна ветка ударила по раненому плечу, и пронзительная боль ожгла его до потемнения в глазах — он не сумел сдержать крика. А когда боль немного отступила, услышал за спиной грозный нарастающий шум погони.

Он знал, что преследователей не слишком много — у коновязи стояло не больше дюжины лошадей; остальные заговорщики, должно быть, подобно Амальрику и его таинственному спутнику, явились на встречу пешими. Однако и этого не мало, и десяток клинков опасен для беглеца ничуть не менее десяти десятков: каждый удар равно может стать несущим смерть.

Когда-то в юности, в Пуантене, когда жива еще была его матушка, и интриги ее властолюбивого возлюбленного заставляли Троцero жить в постоянном страхе за свою жизнь, дабы не опасаться предательского покушения, удара кинжалом в толпе или нападения из-за угла, граф всерьез занимался боевыми искусствами и втайне ото всех брал уроки у самого Ксайтиса Тулушского, лучшего мастера фехтования не только в Пуантене, но и во всей Аквилонии. И, помнится, Учитель объяснял однажды, что нападающие, неважно, пешие или конные, вооруженные копьями, мечами или боевыми молотами, могут быть опасны лишь до тех пор, пока число их не превысит четырех; после чего, сколь бы велико ни было их искусство, они станут лишь мешать друг другу, и справиться с ними не составит труда... Однако то были слова истинного мастера, а Троцero, несмотря на бесспорные успехи в фехтовании, так и не достиг необходимого уровня отрешенности и самодостаточности, при котором любой поединок воспринимается как произведение искусства, и гибель, твоя собственная или соперника, — лишь достойное и вполне естественное его завершение. Граф был слишком азартен.

Но теперь, стремительно приближаясь на не ведающем усталости скакуне к блестящей черной ленте реки впереди, он ощутил знакомую тревогу, и страх ледяной когтистой лапкой цапнул по сердцу. Но комя раскисшей земли летели из-под копыт коня, а на склоне он понесся еще быстрее, точно у него и впрямь выросли крылья, — и пьянящее чувство свободы и радость сражения изгнали недостойное чувство. Несмотря на то, что преследователи были почти у него за спиной, — так что он слышал их полные ярости крики и храп лошадей, Троцero знал, что спасется. Не только ради себя. Ради будущего всей Аквилонии он *обязан* был уцелеть!

Он забрал чуть правее по берегу и, заметив впереди лодку, прыгнул с седла, не останавливая коня, и, свернувшись в клубок, как учил его Ксайтис, покатился по мягкому песку. Конь его, испуганный неожиданным маневром всадника, понесся дальше вдоль берега, и Троцero, затаившись в тени лодки, вознес мольбу Митре, чтобы заговорщики во тьме не заметили его уловки и продолжили охоту за оставшимся без наездника скакуном.

Хитрость его — по крайней мере, на время — сработала. Дикая охота пронеслась мимо, не больше чем в пятнадцати шагах от того места, где граф, взмокший от пота, с колотящимся сердцем, распластался на влажном песке. Раненое плечо немилосердно ныло, задетое при падении, и перед глазами мелькали черные с алым круги бешеной карусели, но, стиснув зубы, пуантенец взял себя в руки. Вдали уже слышалась ругань и проклятия преследователей, — догнав сбавившую ход лошадь, они немедленно поняли его хитрость. Теперь они вернутся вдоль берега, осматривая каждую пядь, в надежде обнаружить беглеца. Но пуантенец к тому времени уже сталкивал в воду свою лодку.

Его заметили! Кавалькада галопом понеслась к тому месту, откуда отчалил Троцero. Наиболее безрассудные — их было трое — направили лошадей в воду, надеясь вплавь догнать беглеца, но сильное течение было на его стороне. Двоих сразу отнесло в сторону, и южанин краем глаза увидел, как отчаянно нахлестывают они своих потерявших опору коней, пытаясь вернуться к берегу. Третий, однако, оказался упорнее. Поняв, что на лошади ему никогда не догнать Троцero, он прыгнул в воду и быстро

поплыл к лодке. С одним шестом, без весел, граф едва ли мог уйти от преследования, и, решив сразаться, он встал наизготовку у борта.

Несколько мощных гребков, и пловец оказался совсем рядом. В темноте лицо его, мокрое, искаженное яростной усталостью, казалось вельможе незнакомым, но он не сомневался, что это один из тех юнцов, кого он едва ли не ежедневно видел при дворе, завитым, напомаженным, с золотой эмалью на зубах, вырядившимся по последней моде, дружески болтающим с придворными, улыбающимся барышням, почтительно кланяющимся королю... королю, против которого, вместе с остальными заговорщиками, так подло злоумышлял. Жалость, недоумение и злость смешались в душе пуантенца. На миг он пожалел, что не может втоптать этого молодого глупца в лодку, надавать оплеух, чтобы привести в чувство, поговорить по душам, вбить в его деревянную башку хоть немного ума, — но сейчас было не время и не место для подобных уроков. И когда левая рука пловца, показавшись над водой, ухватилась за борт лодки, едва не перевернув ее, Троцero, не колеблясь ни мгновения, полоснул по ней мечом.

Однако лодка покачнулась, удар его вышел неточным, и преследователь удержался. Правая рука взметнулась, и в лунном свете блеснул короткий меч. Вода стекала с клинка, точно черная кровь.

Юноша попытался подрезать человека в лодке по ногам, и тот успел отскочить лишь в последний момент, нехстати споткнувшись о брошенный на дно шест. В свою очередь Троцero взмахнул мечом, — но противник увернулся, нырнув в воду. А когда голова его вновь показалась над волнами, он уставился графу прямо в лицо.

— А, Троцero Пуантенский!.. — прохрипел он злорадно, отплевываясь от попавшей в рот воды. В торжествующей ухмылке он оскалил зубы. — Хорошо же... проклятый согладатай! Теперь все узнают...

Лишь в этот миг граф понял, какая страшная опасность ему угрожает. Этот молодчик был единственным, кому удалось увидеть в лицо таинственного шпиона... там, в храме Асуры, свет от факелов падал так, что у барона Торского не было шансов узнать его. И теперь, стоит этому мальчишке повернуть обратно, чтобы раскрыть остальным заговорщикам личность их таинственного пре-

следователя, — и Троцero погиб. Ради того, чтобы сохранить свою тайну, они пойдут на все, и жизнь его будет стоить не дороже плевка прокаженного.

Как видно, пловец также понял это. Его лицо исказила мстительная злоба, однако юношеский задор в душе боролся со здравым смыслом. Он был так близко к цели... неужто он упустит беглеца, не сумеет остановить его, снискать почет и благодарность старших, бросив к их ногам голову врага; неужто не сумеет проявить себя в этом первом серьезном деле, что выпало ему, не воспользуется плывущей в руки удачей?!

Нет, для этого он был слишком честолюбив! И слишком самоуверен! И когда, подтянувшись за борт одной рукой, он вновь нанес удар, полагая, что сумеет поразить графа, тот без труда парировал его. И, немедленно переходя из обороны в нападение, рубанул клинком по подставленной, как на плахе палача, шее.

В последний миг юнец, осознав грозящую опасность, оттолкнулся руками от борта лодки и попытался уйти от удара, но было поздно. Острие клинка рассекло ему сонную артерию. Граф едва успел отпрыгнуть, чтобы фонтан алой крови не залил ему одежду.

Не тратя времени зря — ибо выше по реке, насколько он мог судить, остальные преследователи уже спустились на воду свои лодки и готовы были вновь броситься в погоню — Троцero схватил шест и, оттолкнув неподвижное тело, вокруг которого по темной воде уже расплывалось пятно, густо-черное в лунном свете, направил лодку к противоположному берегу.

От изнеможения у него темнело в глазах, ныли ободренные о камни руки, и подкашивались ноги. Рубаха на плече присохла к ране, и каждое движение шестом причиняло неимоверную боль. В ушах стоял неумолчный гул, точно тысячи ратников сошлись в голове его в кровавой сечи, и он не мог уже определить, насколько близко его преследователи. С отчаянием Троцero осознал, что, кажется, все было напрасно, он не сумеет спастись, не успеет предупредить короля и ничего не сделает для спасения Аквилонии. Но у него больше не было сил бороться. Усталость, главный враг, в одночасье одолела его.

Обернувшись, он увидел, что слева к нему приближаются три лодки. Он равнодушно счел гребцов в них —

их было десять человек. Десять кроважно обнаженных мечей. Десять пар пылающих ненавистью глаз. Крики «Он уже близко!» «Держите его!» «Взять его живым!» донеслись до его слуха, но он был бессилен спастись. Враги приближались неумолимо, и с каждым мигом расстояние между ними сокращалось. Сейчас они схватят его...

Но в этот миг иной звук привлек внимание графа, и, должно быть, услышав его, преследователи тревожно заозирались по сторонам. Троццо обернулся. Плеск десятков весел раздавался совсем близко; он поразился, что не слышал его прежде. И, словно приветствуя его, донеслась подхваченная множеством грубых охрипших глоток нестройная задорная песня. Это тарантийские рыбаки возвращались с ночного лова.

Раздирая горящие огнем сухожилия, он судорожно принялся грести им навстречу.

ОБРАЗ КОВАРСТВА

«Любезнейший мой Тиберий.

Троццо, граф Пуантенский шлет привет и пожелания здоровья и процветания тебе и всему твоему дому. Да не оскудеет щедрая рука Митры, источающая благость над прекрасной Амилией, и дарует этому благословенному краю и его владельцу долгие годы и полные закрома! Надеюсь, письмо мое найдет тебя в добром здравии, и заранее прошу простить твоего старинного друга, если сие послание станет причиной тревоги и беспокойства, однако дело мое спешное и не терпит отлагательств...»

Дочитав до этих строк, принц Нумидес поднял голову, недоумевающе уставившись на Тиберия Амилийского. Письмо графа, судя по всему, было весьма личным, и он не мог понять, с какой стати барон заставляет его читать чужую переписку. Разумеется, при случае принц не погнушался бы потихоньку проникнуть в чужие тайны, до которых был весьма охоч, особенно будучи уверен, что в послании могут содержаться сведения для него небезынтересные, — однако было нечто тревожное в том, как Тиберий призвал его чуть свет в свои покои, через лич-

ного камердинера, предупредив заранее, чтобы принц сохранил свой визит в тайне.

Подобная атмосфера заговора была не по душе Нумидесу. Он и без того слегка побаивался суровости барона, неуютно чувствуя себя под пронзительным взглядом глубоко посаженных глаз старого вояки; его не оставляло ощущение, будто тот видит его насквозь, взвешивает каждый его жест и поступок и дает оценку, чаще всего не слишком лестную.

А в то утро барон был особенно мрачен. Он встретил гостя, восседаая в старом кресле, закутанный в меховую накидку, бледный, не до конца оправившийся от вчерашнего происшествия, но прямой и суровый как никогда. Не предложив ни вина, ни угощения, как подобало бы по придворному этикету, он хмурым взглядом смерил вошедшего, коротко извинился, что не может встать и поприветствовать гостя, как подобает — при этом Нумидеса не оставляло чувство, что слова эти, необходимые, но пустые, он произносит с внутренним раздражением, торопясь разделаться с дежурной вежливостью и скорее перейти к делу, — и сразу же протянул принцу свернутый в трубочку свиток, жестом показывая, чтобы тот прочел содержимое. Принц, однако же, по-прежнему колебался, не уверенный, чего именно добивается хозяин дома, и, уловив его колебания, Тиберий кивнул повелительно и резко.

Нумидеса охватили дурные предчувствия. Отвратительное ощущение собственной беспомощности — словно вернулись времена детства, и Авенций, строгий наставник юного принца, проведая об очередной проделке воспитанника, призвал его в кабинет на расправу. Именно так он чувствовал себя сейчас, с той лишь разницей, что ныне речь шла не о детских шалостях и забавах, и за те взрослые игры, в которые он ввязался, расплата могла быть куда более суровой. Ждать снисхождения от человека, подобного Тиберию, не приходилось... В который раз он мысленно проклял Амальрика за то, что тот втянул его в свои интриги, — однако сожалеть было поздно, оставалось взять себя в руки и выдержать грядущие испытания с достоинством. Нумидес вновь развернул свиток, стараясь не показать, как дрожат его руки. Тиберий не сводил с него глаз.

Нумедидес продолжил чтение. Как ни старался он сохранять хладнокровие, изящные буквы на тончайшем, чуть розоватом пергаменте, начертанные со множеством завитушек и витиеватых росчерков, плясали у него перед глазами, и ему приходилось перечитывать написанное по несколько раз, напряженно шевеля губами, чтобы смысл послания дошел до него.

«...Пакет сей доставит тебе мой доверенный человек, и я надеюсь, к утру он будет уже у вас в Амилии, ибо дело мое и впрямь весьма спешное, и нельзя терять ни секунды», — Нумедидес почти мог слышать медленный, чуть хрипловатый голос графа Троцера. Ему вдруг захотелось крикнуть, чтобы тот замолчал, не смел говорить ничего более, — однако нелепость подобного желания была очевидна. — *«От души надеюсь, что чуть позже смогу послать другого нарочного, однако, возможно, это письмо окажется последним, что ты получишь от меня, и ему суждено стать моим завещанием».*

— О чем он? — Нумедидес не выдержал. Оторвавшись от свитка, он изумленно уставился на Тиберия. — Какое завещание? К чему все это? И причем здесь я, наконец?!

Тиберий Амилийский нахмурил седые брови, с явным неодобрением глядя на молодого принца.

— В мое время молодежь имела достаточно здравого смысла и воспитания, чтобы не болтать лишнего и повиноваться старшим! — пробурчал он сердито и поморщился, потирая больное плечо. — Имей терпение дочитать до конца, принц! Возможно, тогда тебе не понадобятся никакие объяснения. Жаль, жаль, что здесь нет Его Величества, уж ему-то не понадобилось бы растолковывать такие простые вещи.

Услышав упоминание о Вилере, Нумедидес раздраженно вздохнул и покорился. Однако с каждым словом отвлечение нарастало, — словно если бы он не стал читать послание Троцера, каким-то чудесным образом оно исчезло бы с лица земли, и остались ненаписанными все те ужасные вещи, которые он уже предчувствовал впереди.

«...Пусть не пугают тебя эти слова, мой друг, — писал далее граф. — Старым воинам не пристало дрожать и закатывать глаза, подобно изнеженным девицам, говоря о столь простой и неизбежной вещи как смерть. Возможно, когда ты получишь это письмо, или чуть позднее, меня

уже не будет в живых. Это небольшая, однако вполне реальная вероятность, — и я чувствую себя обязанным предусмотреть ее, сделав соответственные распоряжения. Одним из них и станет мое письмо к тебе.

Дело в том, что за последнее время, наблюдая за творящимся в Тарантии, я пришел к печальному, но неопровержимому выводу, что при дворе зреет заговор, направленный против нашего короля и повелителя Вилера Третьего. Всемогущий Митра подарил мне случай воочию убедиться в этом. У меня нет уверенности, что я раскрыл всех, кто принимает в нем участие, однако глава подлого замысла мне известен — это Амальрик, барон Торский, полномочный посланник Немедии при Аквилонском дворе».

Дочитав до этого места, Нумедидес поперхнулся, в глазах у него помутилось на миг, и он возблагодарил Митру, что читает послание Троцера сидя, иначе неминуемо упал бы без чувств. Но и теперь тошнотворный комок поднялся к самому горлу, и липкий пот страха выступил на лбу, смочив брови и ресницы. Он не осмелился даже поднять руку, чтобы вытереть его...

Старый барон не сводил глаз с Нумедидеса, и лишь сейчас принц окончательно уяснил замысел вельможи: поскольку в письме Троцера явно не было никаких указаний на участие в заговоре лиц королевской фамилии, он мог лишь подозревать причастность к злодейству самого Нумедидеса — или даже, почему бы и нет, Валерия. Должно быть, и всю эту сцену с письмом старый лис затеял, чтобы проверить его реакцию!

Как ни напуган был Нумедидес, он не мог сдерживать недоброй усмешки. Барон решил поиграть с ним, точно кошка с мышью? Ну что же, пусть его. Вот как бы только не оказалось, что у добычи слишком острые зубы... Не поднимая головы, он стал читать дальше, все больше убеждаясь в собственной правоте. Однако теперь лишь малая часть его сознания следила за витиеватыми доводами и рассуждениями Троцера, — письмо стало для него удобной ширмой, за которой он мог поразмыслить спокойно и трезво над тем, что теперь следует предпринять.

Принц Нумедидес поджал губы, изображая священный ужас при чтении. Пронзительный взгляд Тиберия больше не тревожил его. Он принял решение. Страх ушел.

«...Итак, я уверен, что именно немедийский крик стоит за попыткой переворота, — продолжал Троцero. Что за нелепость! Нумедидес едва удержался, чтобы не расхохотаться вслух. — Что надеются выиграть эти негодяи от своего коварного замысла, мне неизвестно, равно как и имена всех из аквилонской знати, кто поддерживает их подлые планы! Многих бунтовщиков я узнал, но, увы, не смогу это доказать. И если я начну обличать их, не имея на руках фактов, то уверен — эти подлые псы рассмеются мне в лицо и поспеют заявить королю, что злобный пуантенец хочет посеять смуту во дворце, возводя напраслину на его верных слуг. И оттого на мои уста наложена печать молчания, — Нумедидес не смог сдержать облегченного вздоха, — Но, я знаю: основной план их состоит в том, чтобы обезглавить страну, лишив ее правителя, посеять рознь и смуту, а затем предательски напасть, расчленив и покорить Аквилонию, лишенную воли к сопротивлению! Этот вывод кажется мне наиболее правдоподобным, ибо я не вижу претендента, которого Немедия могла бы надеяться посадить на престол после гибели короля. Фельона Тауранского, вздумай он попытаться занять престол, прикончат его же собственные братья, а обоих наследных принцев я слишком хорошо знаю, чтобы убедиться, что ни тот, ни другой не примет участие в заговоре. Валерий слишком прямодушен и честен для этого. Нумедидес слишком глуп и труслив...»

На этом месте принц вновь прервал чтение, невольно сжав кулаки. Grimаса ярости исказила лицо, и щеки расцвели пунцовым румянцем. Так значит, Троцero считает его глупцом и трусом?! Прекрасно! В бесконечно длинном списке своих недругов на первом месте Нумедидес мысленно поставил новое имя. Он никогда не прощал подобных обид. Троцero дорогого поплатится за то, что осмелился подобным образом отозваться о нем! И еще дороже заплатит Тиберий — за то, что не постеснялся, со столь вызывающей дерзостью, ткнуть ему в лицо эту мерзость!

Однако он постарался сдержать гнев. Необходимо было дочитать послание до конца, чтобы точно знать, насколько граф осведомлен об их планах. Но мысленно Нумедидес пообещал себе, что не станет жалеть времени для мести. Расплата будет поистине ужасной!

Итак... Наскоро он пробежал глазами строки, где Троцero описывал разговоры, что он вел с Валерием и другими придворными, слухи, которые дошли до него, и дворцовые сплетни. Во всем этом не было ничего существенного. Ничего, кроме пустых домыслов, да он и сам признавал это. «...Как ни печально, друг мой, раз я не имею доказательств тем смелым утверждениям, что я делаю перед тобой, у меня нет ни единого шанса быть услышанным... И потому, как подобает верному слуге короля и человеку чести, я принял решение самому сделать то, что подсказывает мне совесть и разум.

Я должен вызвать Амальрика на поединок. О, разумеется, предложение будет совершенно невинным! Дуэли сейчас вошли в моду в Тарантии, дерутся все и со всеми, так что это не привлечет особого внимания, если истинный повод поединка останется неизвестным, а об этом я позабочусь. И не пытайся помешать мне — хотя, полагаю, ты все равно не успеешь, — мое решение твердо! Я уверен, что поступаю, как должен, и, поскольку дело мое правое, Митра будет на моей стороне! Его милостью, я сумею отсечь голову ядовитой гадюке и положить конец заговору. Такой мой план, который я надеюсь завтра же привести в исполнение.

Но если все же меня ждет неудача, старый испытанный друг мой, прошу тебя — не прими это письмо за бред безумца. В том, что я говорю здесь, нет и следа вымысла! Я даю тебе слово — клянусь чистым сердцем той, что была мне всех дороже! — что все сказанное мною — правда, от первого слова до последнего! И я верю, что теперь, зная столько же, сколько знаю я в тот миг, когда пишу тебе, ты сможешь довершить начатое мною и спасти престол и страну от кровожадных псов, что готовы погубить нас всех.

Прости за излишнюю, должно быть, выпренность моего послания... Я помню, как ты всегда смеялся над пристрастием южан к красивым словам! И потому буду заканчивать, мой друг. Мне следует отдохнуть перед завтрашним поединком и залечить недавно полученную царапину. Каков бы ни был его исход, слугам моим дано поручение известить тебя со всею срочностью... В остальном же, я всецело полагаюсь на твою мудрость, Тиберий, и на волю Солнцеликого Митры.

Остаюсь, засим, твой...»

Нумедидес не спеша свернул свиток. Он вполне уже овладел собой, подавив и страх, и ярость, владевшие им во время чтения, и на губах его, когда он вновь взглянул на застывшего в ожидании Тиберия, играла легкая усмешка.

— Боюсь, наш добрый граф сошел с ума. Амальрик убьет его!

Тиберий, явно обескураженный подобной реакцией, нахмурился. Крепкие мозолистые руки сжали подлокотники кресла.

— Никогда! Троцero — отличный боец!

Нумедидес с деланной небрежностью пожал плечами. Как ни странно, происходящее начинало искренне забавлять его. В этой игре с опасностью он находил поразительное, болезненное наслаждение, подобного которому не ведал прежде. В нем проснулось нечто сродни жалости к барону Тиберию. Несчастный глупец — он пытался перекричать принца, расставить ему ловушку, однако недооценил противника и, в результате, угодит в западню сам! Нумедидес наслаждался своей властью.

— Граф Пуантенский был отличным бойцом. Зим пятнадцать назад. Но сейчас для него тягаться с Амальриком — сущее самоубийство. Барон лучший фехтовальщик двух королевств. К тому же пуантенец, по его собственному признанию, ранен!

Тиберий сдвинул кустистые брови.

— Милостью Митры, граф одержит победу!

— Вы столь уверены в милости Митры? — Не скрывая иронии, Нумедидес пожал плечами. Внутри у него все пело. Он представлял, каким растерянным и униженным чувствует себя сейчас старый барон, как жалко он корчится под натиском его яростной силы. О, Амальрик был прав! Он, Нумедидес, рожден быть королем! Создан для власти! И он докажет им всем...

Тем временем Тиберий окончательно утратил терпение. Дерзкий щенок, что сидел здесь, в открытую глумясь над ним, — если бы мог, он придушил бы его своими руками! Усилием воли, барон заставил себя сдержаться, чувствуя все же, как жар гнева затапливает лицо.

— Я не затем позвал тебя, принц, и показал это письмо, чтобы заключать пари об исходе поединка, —

повысил голос старый воин, с удовлетворением отмечая, как мигом съезжился и побледнел Нумедидес. Да, прав Троцero... Тряпка, слонтяй! Никаких шансов, чтобы немедидец вовлек его в свой заговор — не настолько же он глуп, в конце концов! И, уже более спокойным, почти отеческим тоном, Тиберий продолжил: — Я хотел знать, известно ли тебе что-то о тех разговорах, на которые ссылается граф Пуантенский. Возможно, кто-то вел с тобой подобные беседы... Я хочу знать, кто еще втянут в это мерзостное дело, чтобы предпринять необходимые меры.

— Какие? — не удержался Нумедидес от вопроса.

Тиберий презрительно пожал плечами.

— Это уж мне решать! Но, полагаю, если я буду знать достаточно, я не побоюсь пойти к королю. В конце концов, мой вассальный долг велит мне сделать все, что в моих силах, для защиты трона и государства. — Пронзительный взгляд серых глаз вновь уперся в лицо принца, и тот поежился невольно под его тяжестью. И голос Нумедидеса, когда тот ответил, был подчеркнуто неуверенным, напряженным, словно он пытался что-то припомнить или, напротив, боялся сказать лишнее:

— Барон, вы задали мне сложную задачу. Сам граф пишет, что ему недостает доказательств... слишком велик риск оговорить невинного. Я не считаю себя вправе...

— Что значит, ты не считаешь?! — В раздражении Тиберий Амилийский сжал челюсти так, что заиграли желваки на скулах. Он вновь почувствовал неодолимое желание придушить щенка... — Ты понимаешь, что речь идет о заговоре — о жизни нашего короля и повелителя! Твой долг как наследника престола в том, чтобы помочь вывести на чистую воду его врагов, чего бы это ни стоило!

— О, да, конечно, однако... — Нумедидес весьма убедительно разыгрывал смущение, отлично видя и наслаждаясь бешенством, которое тем самым вызывал у барона. — Я слышал кое-что от... одного человека — но я и подумать не мог тогда, что он и впрямь замыслил измену! Однако теперь, поговорив с вами, я не знаю...

— Да говори же ты наконец! — Тиберий взорвался, не выдержав этих трусливых уверток. — Довольно тянуть! Что ты слышал? Кто этот изменник?

— Валерий, принц Шамарский. — Он выдохнул это едва слышно, со всем трепетом трусливой искренности, с радостью замечая, что не вызвал и искры подозрения в глазах барона. И, пользуясь его доверчивостью, покуда тот не опомнился и не начал сопоставлять очевидное, поспешил продолжить: — Мне горестно говорить об этом — однако кузен мой в последнее время ведет себя странно, и, воистину, по возвращении из далекого Хаурана стал сам на себя не похож. Язык мой не поворачивается поведать о том, что он совершил не так давно, и, увы, на уста мои наложена печать молчания. Я не вправе поведать ничего более.

— Говори! — Теперь, когда он был уверен, что близок к раскрытию заговора, Тиберий не в силах был сдержаться. Если понадобится, он готов был силой вырвать у Нумедидеса то, что тот скрывал от него. — Что натворил этот предатель? И кто мог повелеть тебе молчать? Кто?!

Нумедидес выдержал паузу, наслаждаясь сценой. Этот человек был у него в руках. Он подчинил его себе при помощи простейших уловок, — сам не веря, до чего просто дался ему обман. Воистину, невероятное удовольствие... Он потянул еще немного и наконец, чувствуя, что еще немного, и барон не выдержит, провозгласил с надлежащей торжественностью:

— Король!

— Что?! — Эффект превзошел все ожидания. Тиберий ошеломленно уставился на принца. И тот, довольный, пояснил со снисходительной доверительностью:

— Наш добрый Троцери поторопился. Его Величество знает обо всем, и заговор не представляет для Его Величества опасности. Его Величество лишь выжидает удобного момента, чтобы разом расправиться с изменниками. — Он с удовлетворением отметил, что сумел найти нужные слова. Лицо Тиберия вытянулось, он внимал речам племянника короля, точно истине в последней инстанции, и тот заключил торжественно: — Так что вам нет нужды тревожиться, барон. Однако наш государь повелел мне молчать о том, что я знаю, дабы не спугнуть заговорщиков. Надеюсь, у вас достанет мудрости последовать моему примеру...

Последние слова прозвучали довольно дерзко, однако это не тревожило Нумедидеса. Он знал, что достиг цели, —

убедил барона в своей невинности, перевел подозрения на другого человека и, главное, обеспечил себе передышку, чтобы принять необходимые меры. Ибо в том, что принять их придется, у него не было сомнений. Рано или поздно барон, который будет отныне держаться настороже, решится-таки поговорить с королем, и обман раскроется. Этого Нумедидес допустить не мог. На кон поставлено было слишком многое.

Сухо поклонившись, Нумедидес попрощался с бароном, поблагодарил за гостеприимство и сообщил, что они с Валерием уедут немедленно, не дожидаясь даже завтрака. Он изрядно рисковал — это могло показаться Тиберию странным и возбудить подозрения, — однако еще важнее было не дать старику повстречаться с Валерием. Это было слишком опасно.

Он торопливо вышел из покоев барона и, повелительным жестом остановив попавшегося на пути слугу, не слушая возражений, отправил его на поиски кузена. Ему не терпелось покинуть этот дом. И даже послышавшийся сзади шелест платья очаровательной Релаты Амилийской не заставил его обернуться.

* * *

Валерий проснулся ни свет, ни заря, в настроении еще более отвратительном, чем накануне. Вчерашний вечер вспоминался, подобно кошмару... хуже того, подобно омерзительному видению из тех, что мучали ночами в отрочестве, когда просыпаешься весь в липком поту, с ощущением чего-то гадкого, постыдного, и никакой воды не хватает, чтобы отмыться.

Он встал и оделся сам, не прибегая к помощи лакея, и сел у окна, бездумно созерцая залитый предрассветным перламутром двор. Снизу, со стороны конюшни, тянуло свежим сеном и навозом, и, едва заметно, — потертой упряжкой и лошадиным потом. Запахи эти, что вызвали бы гримасу отвращения на лице любого придворного, заставили его лишь улыбнуться мечтательно и погрузиться в воспоминания, которым тонкая патина времени придавала особую сладость и очарование.

По природе своей Валерий Шамарский не отличался сентиментальностью и обладал достаточно трезвым рас-

судком, чтобы удерживать из прошлого не только приятные мгновения, но также пот, боль и страх, которыми оно в избытке наградило его. Однако в дни, подобные сегодняшнему, разум не мог не искать спасения в былом, стремясь избежать мерзости и отвращения настоящего.

Он не хотел ни о чем думать. Опасаясь тех выводов, к которым неизбежно должен был прийти, разум отказывался сосредотачиваться на опасных мыслях, находя отдохновение в расплывчатых, давно забытых образах и ликах. Однако Валерий сознавал, что не сможет долго продолжать дурачить самого себя подобным образом. Это было бы недостойно воина, привыкшего любую опасность встречать лицом к лицу. Разумеется, любого внешнего врага, как бы опасен тот ни был, он предпочел бы этой смутной, неясной угрозе, что нарастала, не суля ни единой возможности спасения, откуда-то изнутри, грозная, неуловимая, отвратительная, — и все же он сделал над собою усилие и, зажмурившись, попытался разобраться в себе самом и навести порядок в растревоженной душе.

Основной долею своего смятения — и это ясно было изначально — он был обязан странному поведению дочери барона. Валерий никогда не чурался женщин, хотя, возможно, в обращении с ними не отличался той развязностью и свободой, что была принята среди его сверстников при дворе. Он знал многих женщин, испытывал желание и умел вызвать его, редко терял голову, хотя и такое случалось с ним порой, но чаще услаждал чувства и плоть, сохраняя при том здравый рассудок. Но до сих пор ни одна из них — даже та, в Хауране — не вызывала в душе его подобного смятения.

Он попытался проанализировать, что именно испытывал он к Релате, — и почти мгновенно ощутил, что угодил в тупик. Она притягивала его, будоражила кровь, возбуждала... вчерашняя ночь принесла ему наслаждение, подобного которому он не знал и трех раз за всю свою жизнь, — но впервые, когда все было кончено, он ощутил подобный страх, необъяснимое отвращение к самому себе, лихорадочное стремление забыть, выбросить из памяти, покончить со всем этим, но одновременно — вернуть ее, удерживать навсегда, овладеть ею вновь. Она сделала его ненавистным и заставила ненавидеть себя за это.

С практичностью, свойственной солдату, он сказал себе, что причиной тому лишь краткость их встречи. Стоит ему познать ее вновь, и еще раз, если понадобится, — и от наваждения не останется и следа. В конце концов, как ни прекрасна была Релата, — она лишь женщина, а значит, способна утолить и пресытить, подобно тысяче прочих. Ни одна из них не была настолько отлична от остальных, чтобы увлечь его надолго. Он знал это. И все же...

Было и еще одно «но» — повторение было невозможно! Он никогда не узнает, в чем причина его безумия, ибо познать Релату вновь ему не суждено. Он и без того холодел от ужаса при мысли, что кто-то в доме барона проводит о его вчерашнем приключении. Какими бы вольными ни были нравы, принятые среди аквилонской знати, соращение невинной девицы по-прежнему считалось здесь одним из самых страшных преступлений, из тех, что влекли за собой кровную месть, если не будет принесено должное искупление. Самое меньшее, что может сделать барон, если не пожелает перерезать глотку незадачливому ухажеру, это заставить его взять Релату в жены.

Бр-р! При одной мысли об этом Валерия пробирав озноб. Он не собирался связывать свою жизнь ни с одной женщиной — по крайней мере, пока не встанет всерьез вопрос о наследнике — считая их созданиями хоть и прелестными, но лживыми и ненадежными, доверить свою жизнь, честь и благосостояние которым способен лишь законченный безумец. И менее всех на роль возможной супруги он считал бы пригодной дочь Тиберия.

Нет! Валерий сдвинул брови и поднялся с места, ощутив внезапное беспокойство и желание размять затекшие ноги. Он совершил ошибку, — но теперь сделает все, чтобы последствия не потревожили его в будущем. Он не станет более общаться с девушкой, — достаточно будет уехать сегодня пораньше и избегать всеми силами, если вдруг она волею судеб когда-нибудь окажется в Тарантии. Что же касается ее утраченного девичества, — она сама принесла ему этот дар, и он не собирался терзать себя виной. Каким образом она решит этот вопрос со своим будущим супругом, Валерий не знал, однако не сомне-

вался, что вековой женской хитрости хватит, чтобы глупец ничего не заподозрил.

Мысли эти принесли принцу облегчение. Но внезапно он поймал себя на том, что ощутил слабый укол ревности от самой мысли, что у Релаты когда-нибудь будет другой мужчина. Митра ведает, что с ним творится! Он внезапно вспомнил о странной статуэтке, которую подобрал вчера в лесу, и вынул ее из седельной сумки. Лучи солнца заиграли на глянцевої поверхности, и Валерий не сумел сдержать восхищенного возгласа. Да, воистину, изображение было сделано рукою настоящего мастера. Принц вспомнил фигурки, которые он на досуге вырезал из дерева, и они показались ему верхом вульгарности перед этим совершенством — словно простая деревянная лавка в придорожной таверне перед инкрустированным стулом заморийской работы. Выходит, он абсолютно бездарен? Но ведь многие при дворе хвалили работу принца, утверждали, что у него золотые руки... Хотя, скорее всего, лгали, а за глаза посмеивались над странным увлечением особы королевской крови. Да, но кто же здесь, в деревенской глуши, владеет столь совершенным искусством резьбы по дереву... Да и дерево ли это. Валерий поднес статуэтку к самым глазам и прищурился. Если и дерево, то ничего подобного он не видел во всех тех странах, где ему довелось побывать. Что ж, следует забрать фигурку с собой и внимательно изучить ее на досуге. Но на каминную полку он, конечно, ее не поставит — собственные творения покажутся гостям чересчур убогими, да и нет нужды наводить на лишние размышления придворных: зачем это понадобилось наследнику Шамара вытаскивать портрет дочери мелкопоместного дворянина, пусть даже старинного друга самого короля. Решено! Спрячем ее поглубже, а там разберемся, что к чему...

Он решительным жестом накиннул на плечи дорожный плащ, нацепил перевязь, взял в руки охотничий лук. Больше в комнате не осталось ничего, что принадлежало бы ему, — кроме воспоминаний. Но их он не собирался брать с собой.

Уже на выходе он подумал, что неплохо было бы предупредить Нумедидеса, — однако дожидаться его у Валерия не было ни малейшего желания. Тот имел привычку чуть ли не до полудня нежиться в постели, затем

слуги завивали ему волосы, умащали маслами тело, массировали, одевали, подкрашивали ногти... процедура эта могла затянуться до бесконечности, словно каждый новый день представлял собой столь тяжелое бремя для принца, что он не решался встретить его без должной подготовки. Валерию не по себе делалось при мысли, что все это время ему придется бродить, как неприкаянному, по огромному мрачному дому, не зная, чем занять себя, каждую секунду опасаясь нежеланной встречи.

Нет, он уедет немедленно, даже не завтракая, только попрощается с сыновьями барона и попросит передать кузену, что срочные дела вызывают его в Тарантию. Нумедидес вполне в состоянии вернуться в столицу самостоятельно. К тому же, приятно будет проехаться одному, насладиться осенней свежестью утра, подернутой ранним ледком дорогой, стальной синевой неба, — и некому будет принудить его отвечать на глупые вопросы, что-то рассказывать, делиться мнениями по вопросам, которые его совершенно не интересуют, выслушивать сплетни и пустопорожнюю болтовню.

Валерий чуть заметно улыбнулся собственным мыслям. Замок был еще тих и пустынен: в этот ранний час встали лишь немногие из слуг, большей частью занятые на кухне. Он решил спуститься туда, взять на дорогу хлеба и сыра. Возможно, немного вина.

Кухня находилась в дальнем крыле замка, в помещении, по разумному обычаю древних времен, наиболее удаленном от всех деревянных построек, — чтобы даже в самый ветренный день искры, вылетающие из трубы, не могли послужить причиной пожара. Как он и ожидал, там царила веселая утренняя суета. Чумазы сорванцы-поварята таскали воду, разжигали огонь под огромным медным котлом. На огромном дубовом столе у окна три женщины замешивали тесто. Мука облачком клубилась над ними, оседая на аккуратно скототых волосах. Они переговаривались негромко и пересмеивались, однако затихли при появлении гостя, сонно шуряя на него.

Он улыбнулся им, забавляясь их смущением; должно быть, появление принца Аквилонии у них на кухне станет событием, о котором эти деревенские простушки будут вспоминать не один день.

— Любезные хозяйюшки, — обратился он к ним с легким поклоном. Одна из девиц, та, что помоложе, прыснула в кулачок, блеснув озорными, чуть раскосыми глазами. — Не могли бы вы собрать мне кое-чего в дорогу? Немного хлеба и сыра было бы достаточно...

Старшая укоризненно нахмурилась.

— Господину не стоило приходить самому. К чему так утруждать себя, когда на то есть слуги... — В тоне ее явственно читалось неодобрение. Должно быть, она была здесь главной ревнительницей традиций и порядка. — Конечно, мы сейчас же сделаем все, что угодно благородному месьору. Миранда! — Она повелительно кивнула молоденькой. Та поспешно кинулась к огромному деревянному ларю, что стоял в углу у входа. Валерий не мог сдержать улыбки, наблюдая за ее ловкими, уверенными движениями. Против воли он подумал, что был бы сейчас куда счастливее, если бы именно ее обнаружил у себя в опочивальне вчера вечером... Однако то была недобрая мысль, что влекла за собой слишком много других, которые он с таким трудом выбросил из головы и не желал допускать к себе вновь. Лучше было вовсе не думать об этом! И вообще, позабыть о женщинах на время. Они и без того доставили ему слишком много хлопот!

С суровым видом, почти неприязненно, Валерий принял из рук служанки аккуратный сверток, и та, ощутив, должно быть, перемену в настроении гостя, бросила на него смущенно-вопрошающий взгляд, на который он, однако, не счел нужным ответить. Настроение у него внезапно испортилось, он ощутил прилив раздражения и, сдержанно поблагодарив женщин, поспешил покинуть кухню.

Причины столь внезапной перемены были неясны ему самому, и это вызывало еще большую досаду. В обычное время Валерий, в отличие от своего взбалмошного кузена, отнюдь не отличался склонностью к капризам и истерикам. Мрачноватая задумчивость была обычным его состоянием, однако он не знал тех резких переходов от воодушевления к упадку сил, что были так свойственны многим из его сверстников. С отвращением Валерий сказал самому себе, что, похоже, пребывание при дворе сказалось на нем весьма неблагоприятно, и он мог лишь

надеяться, что по возвращении в Шамар вновь обретет привычное ровное расположение духа.

Неспешным шагом, держа под плащом сверток с провизией и охотничий лук, он двинулся к черной лестнице, откуда намеревался выйти во двор, к конюшням. Настроение у него испортилось окончательно, и он не желал даже ждать, пока проснутся сыновья барона, чтобы попроситься с ними и передать поклон занемогшему хозяину дома. Он знал, что это вызовет, и вполне справедливо, недовольство хозяина, однако сейчас соображения этикета и большой политики — и даже обычной вежливости — утратили для него всякий смысл. Стены Амилии давили на него, он словно ощущал себя заживо погребенным в огромном мрачном склепе, и холодный влажный воздух старинного замка вызывал отвратительную дрожь, — ему казалось, он не в силах выносить этого ни секундой долее. Если бы не солдатская выдержка, он бросился бы бежать!

Крохотной частью сознания, запрятанной в самой глубине, сжавшейся испуганно, — единственной, что сохраняла еще способность мыслить трезво, — он сознавал всю нелепость подобных страхов и своего поведения. Но это было сильнее его. Как тогда, в Хаурани, всей кожей ощущал липкую, давящую тяжесть колдовства, и оно лишало его даже подобия здравого смысла, превращая его в загнанного зверя, обуянного одним стремлением — бежать прочь, как можно скорее.

Как ни бился, он не мог даже установить происхождения этого ощущения. Насколько он знал, в Амилии никто не был связан с магией, а значит, страхи его были лишены оснований. Однако шестое чувство кричало об опасности, и это было сильнее доводов рассудка. Возможно, подумалось ему вдруг, это последствия вчерашнего посещения ведьмы...

Да, должно быть, так оно и есть. Но паника его не стала слабее, когда он осознал это. Более того, она усилилась, словно источник ведовства стал к нему ближе, надвигаясь с каждым мгновением. Валерий застыл посреди узкого, неосвещенного коридора, не в силах заставить себя сделать хотя бы шаг. Липкий пот выступил у него на всем теле. Рубаха прилипла к спине, и он ощутил, как до костей пробирает его мертвящий озноб.

Где-то впереди за поворотом послышались шаги. Медленные, неспешные, чуть шаркающие. Валерий замер, вжимаясь в стену. Онемевшая рука нашла рукоять меча, — но в то же время он с болезненной отчетливостью сознавал, что не сумеет им воспользоваться. Все повторялось, как в Хауране. Слабость. Бессилие. Страх. Он зажмурился, в надежде, что это безумие пройдет... Как вдруг участливый голос послышался у него над ухом, и он вздрогнул от неожиданности.

— Месьюр, что с вами? Вам нездоровится?

Усилием воли принц заставил себя открыть глаза. Внезапно он осознал, до чего унижительное, нелепое зрелище представляет собой сейчас — здоровый крепкий мужчина, вооруженный боец, сжавшийся в комок, точно мальчишка, испугавшийся грозы. Он постарался выпрямиться и ответил как можно тверже:

— Нет, со мной все в порядке, благодарю вас.

Слепой неконтролируемый ужас его внезапно прошел, отпустил, точно приступ лихорадки, и, как после приступа, Валерий ощутил во всем теле дрожащую слабость и облегчение. Однако теперь он вполне в состоянии был взять себя в руки.

Он окинул взглядом подошедшего. Он ни разу прежде не видел этого человека в доме барона, и это удивило его, поскольку, если судить по одежде, перед ним явно был не слуга и не стражник, но человек более высокого положения. На нем была легкая шерстяная туника и короткий синий плащ, однако без гербов и родовых знаков. Осанка и надменная посадка головы также говорили о том, что перед Валерием не простой челядинец, но, в то же время, у него не было никакого оружия, — даже обычного кинжала, — и это сбивало с толку.

Незнакомец стоял перед ним неподвижно, не сводя с лица принца напряженного взгляда, и под тяжестью его Валерий вдруг ощутил себя неуютно. Этот человек буквально впился в него глазами, и странное, почти болезненное сосредоточение в его зоре показалось принцу неестественным и пугающим. Невольно он отступил на шаг, стремясь разорвать слишком близкий контакт, и произнес с деланной небрежностью, явственно ощущая, однако, что не в силах полностью скрыть свою неловкость:

— Боюсь, не имею чести быть знакомым с вами... Я Валерий, принц Шамарский... — Он сделал паузу и чуть заметно склонил голову, ожидая, чтобы его неведомый собеседник также назвал себя, однако тот медлил, и взгляд его по-прежнему был устремлен на принца, ничуть не утратив своей лихорадочной пристальности.

Наконец он точно встряхнулся, неуверенная улыбка заиграла на бледных губах, и он произнес медленно, с легким северным акцентом, который Валерий заметил лишь сейчас:

— Прошу прощения, Ваше Высочество, я немного растерялся! Никогда еще судьба не дарила мне счастье вот так запросто стоять рядом с настоящим принцем! Сам я уроженец Немедии. Мое имя Ораст. Я... — Он неожиданно замялся, словно не зная, как точнее определить свое положение в доме барона. — Я просто гостил здесь, но должно быть, скоро уеду.

— В самом деле? — Внезапно и совершенно неожиданно Валерий ощутил странную симпатию к этому худому, нескладному юноше. Возможно, причиной тому было чувство неловкости за свой нелепый давешний испуг, но ему захотелось как-то сгладить неблагоприятное впечатление, показать Орасту и, прежде всего, себе самому, что с ним и в самом деле все в порядке... — Не в Тарантию ли вы собираетесь? Если да — то мы могли бы поехать вместе.

Вопреки ожиданию, предложение это не вызвало особой радости у молодого человека. Он уставился на Валерия с откровенным испугом.

— Я? Вы предлагаете мне ехать с вами?

— Почему бы и нет? — Валерий недоуменно пожал плечами. Сам он не видел в своих словах ничего особенного, разве только то, что они вырвались у него почти против воли, непонятно зачем. — Если, конечно, вы уезжаете сегодня.

— О, нет! — На лице Ораста отразилось нескрываемое облегчение. И, словно вспомнив запоздало о вежливости, он поспешил добавить: — От всего сердца благодарен вам, Ваше Высочество! — Прозвучало это не слишком искренне... — Но я уеду лишь через несколько дней — и едва ли направлюсь в Тарантию.

— Жаль. — Голос Валерия прозвучал равнодушно, даже суховато. Он уже вполне овладел собой, и недавний прилив щедрости казался ему теперь почти столь же смешотворным, сколь и предыдущая паника. Право, так он скоро превратится в манерное, издерганное существо, наподобие всех этих придворных кукол... — В таком случае, не сочтите за труд, когда увидите кого-то из сыновей барона или моего кузена Нумедидеса, передать им, что мне пришлось срочно покинуть замок, и я весьма сожалею, что не смог проститься с ними и с Тиберием.

Бегство это теперь также казалось ему бессмысленным, и он недоумевал, что толкнуло его столь поспешно отправиться в путь, однако решение было принято, и отступать он не хотел. В самом деле, не бродить же по замку до вечера. Решил — надо ехать! Но мысленно он дал себе слово, что, когда свежий ветер развеет всю эту дурь в голове, он серьезно попытается разобраться, что творится с ним в последнее время. — Разумеется, при первой же возможности, я пришлю гонца с письмом из Тарантии, чтобы объяснить причины столь спешного отъезда...

Ораст сосредоточенно кивнул.

— Я исполню вашу просьбу, принц.

— Благодарю вас. — Валерий повернулся, чтобы идти, но оглянувшись внезапно, обнаружил, что юноша до сих пор не сдвинулся с места и смотрит ему вслед. Принц ощутил растущую досаду и раздражение. — Прощайте, Ораст! Надеюсь, мы еще встретимся! — бросил он неприязненно, отметив, как побледнел молодой человек при этих словах. О причинах сего странного испуга он мог лишь догадываться, однако почему-то это доставило ему удовольствие.

Но этот легкий налет хорошего настроения быстро растаял без следа, и всю дорогу в столицу принц был мрачен, словно грозовое облако.

К полудню он вернулся в Тарантию. И первая весть, что он услышал там, поразила его в самое сердце: Троццо, граф Пуантенский, сражался на поединке с немедийским посланником и был им смертельно ранен.

ОБРАЗ ЗВЕРЯ

Покинув покои барона, Нумедидес готов был немедленно пуститься в путь, ибо оставаться в доме барона хоть минутой дольше было для него невыносимо, и, велев слуге, приставленному к нему Тиберием, собирать его вещи, принц решительным шагом направился вниз. Однако миновать малую трапезную, где уже накрыт был стол для раннего завтрака, оказалось свыше его сил. Негоже было пускаться в путь на голодный желудок; да и что могла решить небольшая задержка...

Втайне надеясь увидеть Релату, он отворил дверь в зал. Разочарование ожидало его, — похоже, он был единственным, спустившимся к завтраку в такую рань; впрочем, так было даже лучше. По его приказанию, лакеи наполнили тарелку дичью, ветчиной и паштетами, сыром и заливным, и, отламывая огромные куски хлеба от еще теплой буханки, Нумедидес принялся поглощать ароматную снедь, заливая ее густым сладким элем. Он ел торопливо и с жадностью, запихивая в рот все вперемешку, без разбора, не чувствуя вкуса пищи, — как ел всегда, когда был уверен, что никто, кроме слуг, не видит его. Только так он и мог получать удовольствие от еды...

Блаженное тепло насыщения уже начало подниматься от желудка, распространяясь по тучному телу, приятная тяжесть образовалась в голове и членах, и, откинувшись довольно на спинку стула, принц сыто срыгнул, вяло прикидывая, не лучше ли передохнуть немного после обильной трапезы, и лишь потом пускаться в путь... Он лениво перекатывал эту мысль в сознании, как вращает тяжелый мельничный жернов вода, — как вдруг ход его размышлений прервали легкие шаги. Не в силах повернуть голову, он покосился на дверь, и тут же вскочил, как ужаленный, кланяясь со всей грацией, на которую способно было его отяжелевшее тело.

— Госпожа Релата! Я счастлив, что вы оказали мне честь своим появлением в это чудесное утро. Два солнца возшло теперь на моем небосводе! — Он и сам смутился от этого неловкого комплимента и закончил торопливо, спеша скорее разделаться с пустыми любезностями: — Не желаете ли разделить со мною трапезу?

Присев в почтительном поклоне, Релата прошла в зал и опустилась на краешек стула, напротив Нумедидеса. Она была необычайно хороша в это утро, — свежая, лучащаяся теплым внутренним светом; и хотя губы девушки были плотно сжаты, казалось, она улыбается про себя.

При виде ее Нумедидес ощутил, как огонь вспыхивает в солнечном сплетении и медленно располагается по всему телу, зажигая чресла. Запах ее волос, аромат тела — от нее пахло лавандой и розой, — трепетание ресниц, чуть заметно при дыхании колыхающаяся грудь, — все наполняло его желанием, совладать с которым принц был бессилен. И сейчас, в это утро, после столкновения со старым бароном, чувства его были особенно сильны. Пережитое напряжение и одержанная победа наполняли принца непоколебимым сознанием собственной силы, избранности, уверенностью, что теперь на пути его нет и не может быть никаких преград. Если бы не опасность, что в трапезную могут в любую секунду войти посторонние, он завалил бы эту надменную красотку на стол прямо здесь, сию же минуту, и взял бы ее с яростью дикого зверя, со всей страстью оленя-самца...

Должно быть, девушка почувствовала что-то странное во взгляде принца. Бешеное, безмысленное вожделение, с которым он смотрел на нее, не могло укрыться и от самых неискушенных глаз. Релата обняла себя руками за плечи и, мгновение поколебавшись, встала со стула.

— Позвольте пожелать вам доброго аппетита, принц, и откланяться, — прошептала она, пятась к двери. — Я, право, что-то не голодна...

Зато был голоден он! С ненавистью Нумедидес вперился взглядом в спасающуюся бегством дочь барона.

Ах, шлюха — а все его семя, Тиберия, будь проклят этот род до седьмого колена! Все они против него, все сговорились! В беспамятстве Нумедидес схватил со стола тяжеленное медное блюдо и опомнился, лишь когда увидел, что согнул его почти пополам... Ярость неутоленного желания, такого острого, *звериного*, требовала выхода; и все же принц не настолько утратил рассудок, чтобы не понимать, чем грозит ему небрежение приличиями в этом доме. Он *не мог* получить Релату здесь и сейчас, как бы не требовало того его обезумевшее тело, — и, спасаясь от искушения, Нумедидес бежал из дома барона, точно из

приюта прокаженных. Он даже забыл предупредить Валерия, что уезжает...

Он с места пустил коня в галоп, вылетел за ворота замка, провожаемый недоуменными взглядами конюхов и стражи, и, выехав на прямой тракт, ведущий из Амилии в столицу, нещадно принялся настегивать своего каурого плетью, вымещая на несчастном животном и страх, что заставил испытать его утром Тиберий, и злость от давешней стычки с кузеном, и досаду на небрежение Релаты, и еще тысячи мелких обид, жаливших его, подобно слепням.

У реки он, однако, остановился. Покинув дом барона так стремительно, принц лишь в пути спохватился, что не взял с собой ни припасов, ни вина, ни даже фляги с водой, и теперь его все сильнее мучала жажда.

Привязав коня к дереву — ибо даже в бешенстве своем Нумедидес не забывал, что нельзя давать пить разгоряченному скачкой жеребцу, — сам он спустился на берег, на ходу отвинчивая крышку пустой фляги... и застыл, как вкопанный, не веря собственным глазам.

Чуть ниже по течению, стоя на коленях на шатких мостках, подоткнув подолы, стирали белье две девицы, должно быть, из небольшой деревеньки, которую принц миновал по дороге к реке. Заслышав его приближение, одна из них обернулась. И Нумедидес увидел перед собой Релату.

Нет, конечно, как только он разглядел ее поближе, то сразу понял свою ошибку. У этой лицо было чуть поглубже, руки обветрились от тяжелой крестьянской работы; чуть темнее волосы, чуть полнее грудь... но она вызвала в нем такой же прилив ненасытного желания, как и дочь барона. А одного вида белых ляжек, мгновенно прикрытых стыдливо опущенной юбкой, было довольно, чтобы свести его с ума.

На сей раз ни рассудок, ни страх, ни моральные запреты не могли остановить принца. Медленно, не сводя горящего похотью взгляда с девушки, он направился к ней, подобный хищному зверю, идущему на помертвевшую от ужаса добычу. Всего несколько шагов разделяло их, и девушка, не в силах противиться властному зову в глазах мужчины, точно зачарованная, поднялась ему навстречу... как вдруг товарка ее, лишь сейчас осознав, что

происходит что-то неладное, с истопным визгом бросилась бежать.

Вопль ее пробудил от оцепенения и лже-Релату. Она тревожно заозиралась по сторонам в тщетной надежде на спасение, — но Нумедидес был уже совсем рядом. И, схватив девушку за плечи, жадным, безжалостным поцелуем впился в приоткрывшиеся для крика уста. Затем, с силой заломив ей руку за спину, другой рукой разорвал холщовое платье, выпуская на свободу упругую грудь.

Она пыталась сопротивляться... Оправившись от первого потрясения, всю слабую женскую силу она положила на то, чтобы не поддаться этим властным рукам, шарящим по ее телу, этим толстым пальцам, безжалостно терзающим ее красоту. Она вырывалась, царапалась и кусалась, точно дикая кошка, — но порыв этот оказался скоротечен. Очень скоро девушка изнемогла в неравной борьбе и обреченно покорилась творимому над нею насилию.

Нумедидесу же недолгое ее сопротивление лишь придало ярости. Он уже не помнил себя. Похоть искажила черты его, обращая лицо в звериную маску, — да он и чувствовал себя истинным зверем, алчным, беспощадным, не знающим преград. И наслаждение, испытываемое им, тысячекратно превосходило все то, что доводилось переживать ему ранее. Он даже жалел, что эта красotka перестала противиться ему так скоро. Хотелось слез ее, протестующего крика. Хотелось боли. И хотелось крови...

Принц повалил ее на песок. Глаза девушки за вуалью спутанных волос были огромны и смотрели в пустоту. Она, должно быть, потеряла сознание; но Нумедидесу это было безразлично. И пусть лицо ее, мокрое от слез, казалось уродливым, точно смятый пергамент, совсем непохожим на гладкое, чистое лицо Релаты, — он хотел ее именно такой. Сломленной она нужна была ему. Сломленной, униженной, растоптанной.

Торжествующий животный крик вырвался из глотки принца, когда он ощутил, как поддалась по его напором слабая преграда ее девственности, — и почти в тот же миг огненный поток его семени извергся в лоно ее. Однако ожидаемого расслабления это не принесло. Напротив, яростный напор в душе Нумедидеса сделался

невыносимым, настоятельно требуя выхода, угрожая иначе разорвать на части его самое.

Нумедидес обезумевшим взглядом вперился в распластанную под его грузной тушей девушку. Вежды ее сомкнулись, на искушенных до крови устах блуждала слабая полуулыбка безумицы... Она торжествовала! Подлая обманщица — торжествовала победу, сумев в последний момент ускользнуть от мщения его! Насмеялась над ним! Принц ощутил, как вскипает кровь в его жилах. Как смеет эта гадина лежать так спокойно, так тихо, не рыдать и не вымаливать прощения... как смеет лишить его того, что принадлежит ему по праву?!

Руки его невольно потянулись к ее горлу, белому, нежному, с трепетно бьющейся синей жилкой, точно намеренно подставленному, чтобы он потянулся к нему. Нумедидес не думал о том, что делает... в этот миг не было никакого разлада между волей его и этими своевольными пальцами. Они были одно. И чем сильнее он сжимал руки на шее ее, чем сильнее дрожало, точно пойманная голубка, ее белое горло, — тем острее, болезненнее, совершеннее становилось его наслаждение... пока наконец победный трубный глас оленя-самца, громоподобный, путающий, не сотряс все вокруг, заставляя мир на миг притихнуть в трепетном ожидании.

...Поднявшись на ноги, принц не спеша, тщательно отряхнул одежду от налипшего песка, подтянул чулки и бережно разгладил складки на камзоле. Он старательно избегал смотреть вниз, на распростертое на песке искореженное тело, такое мертвое, *пустое*, — как и то недолгое блаженство, что оно подарило ему.

Неторопливо и устало Нумедидес пошел вверх по склону, туда, где оставил он свою лошадь, как вдруг какой-то шум с дороги привлек его внимание. Там, размахивая косами и цепями, крича что-то неразборчивое, неслась толпа крестьян, а впереди их, истошно голая и указывая рукой в его сторону, бежала растрепанная простоволосая девица, — та самая, что стирала здесь, на мостках, где до сих пор стояла, забытая, лохань с отжатым бельем.

Она ведет их сюда, понял Нумедидес. Ведет, чтобы схватить его... возможно, они хотят сотворить с ним что-то недоброе...

В глубине души, лишенный всякого воображения и нравственного чувства, он не мог даже вообразить, чтобы кто-то сумел, или хотя бы пожелал причинить ему боль. Но в лицах крестьян, что были уже в каких-то двадцати шагах от него, читалась такая тупая животная озлобленность, что Нумедидес невольно дрогнул. Испуганный взгляд его метнулся к лошади, — если бы удалось достичь ее, в доли секунды он оказался бы в безопасности. Но слишком поздно. Толпа перерезала ему этот путь к спасению.

Как затравленный зверь, принц заозирался по сторонам. Река... Крутой берег, поросший непролазным кустарником... И никого вокруг, кроме этой стаи алчущих крови чудовищ... Слепая паника овладела им.

А крестьяне были уже совсем близко. Один отделился от толпы, черноволосый, страшный, и неся по склону со всех ног, не разбирая дороги. Он был безоружен, но самый вид его внушал ужас больший, чем если бы в руках его был боевой молот Крома, кровожадного бога войны северян. И Нумедидес невольно отшатнулся под его безумным натиском.

— Дочь! Дочь моя! — С трудом различил он слова в протяжном вое черного мужика. Но крик его был лишен для принца всяческого смысла. Он видел лишь глаза его, огромные, обезумевшие, видел жажду крови в них, сродни его собственной, и всесокрушающую ненависть, готовую обрушиться на него, подобно топору палача.

Принц отступил на шаг. Но крестьянин продолжал теснить его, — и остальные были уже совсем близко.

— Убить! Убить! — слышал он их злобные вопли.

— Убить! — кричала простоволосая крестьянка.

Или, быть может, все они кричали «убийца»?

И в этот миг громовой голос сверху, с дороги, прокричал:

— Стой!

И такая была в этом голосе сила, такая властная мощь, что невозможно было не повиноваться ему, невозможно было не обернуться. И обернулись все: крестьяне, простоволосая девка, застывшая с открытым ртом, в котором оборвался крик, черноволосый мужик со смертельной яростью в глазах, чьи руки уже тянулись к горлу принца...

Обернулись все, кроме мертвой девушки на песке. И Нумедидеса.

Ловким, незаметным движением он извлек из ножен длинный острый кинжал, с которым не расставался никогда, с того самого дня, как получил его в подарок от отца, совсем еще ребенком, и плавным, выверенным движением вонзил его крестьянину в грудь.

Клинок вошел между четвертым и пятым ребром, почти не встретив преграды. Несколько секунд мертвец еще стоял перед принцем, и глаза его таращились на него в бессмысленном упрямом изумлении, а затем он рухнул, точно куль с мукой, к ногам убийцы.

И тогда, обернувшись к дороге, Нумедидес закричал во всю мочь:

— Добрые господа! Кто бы вы ни были — остановите этот сброд! Не дайте свершиться насилию!

* * *

С самого утра сегодня Конан был во власти дурного настроения, обычно для него совершенно несвойственного, однако все чаще посещающего киммерийца в последнее время, с той самой поры, как пересекли они границу Аквилонии. Он точно был постоянно начеку, ожидая недоброго, и напряжение разъедало его, как ржа разъедает металл.

Им пришлось задержаться на постоялом дворе в Амилии, ожидая, пока не поправится Бернан, тот самый раненый, которого они подобрали в лесу. Невус не переставал ворчать, что им давно пора ехать дальше, а не играть в няньки, — он единственный из всего отряда еще мог позволить себе подобную вольность с их суровым командиром, — но ворчание его вынуждало Конана лишь к большому упрямству. Он и сам знал, что им давно пора трогаться в путь, ибо в Амилии для них не было ни дела, ни шансов наняться на службу, что единственное место, где им давно уже стоило бы находиться, была Тарантия... и все же медлил. Какое-то странное чувство останавливало его, как только он думал о столице Аквилонии; точно черной завесой была закрыта она для него. И даже вид широкого, наезженного тракта, что вел в этот город,

поднимал в душе его волну смутного страха и отвращения.

Однако медлить было невозможно. Запасы их были почти на исходе, а денег, при самой строгой экономии, могло хватить еще на седмицу, не более... И наконец, вопреки всем недобрым предчувствиям, Конан, к вящей радости небольшого своего отряда, наконец дал сигнал к отправлению.

Правда, поехали с ним не все. Бернана, который пока не мог передвигаться в седле, согласился взять на телегу деверь хозяина гостиницы, собиравшийся на ярмарку в Тарантию; Барх с одним из зингарцев оставались сопровождать его. Они должны были отправиться в путь лишь завтра и присоединиться к остальным уже в столице, на постоялом дворе, хорошо известном Барху. Конан мог лишь надеяться, что наемник с пользой употребит это время и, возможно, сумеет разговорить их нового товарища, чего ему самому так и не удалось добиться. Тот утверждал, будто принадлежал к свите одного из сыновей барона Тиберия. В лесу на них якобы напали бандиты, и он убил одного, чей труп Конан обнаружил на поляне, но был ранен сам. Сын же барона, сочтя его мертвым, предательски ускакал прочь. История вполне правдоподобная, особенно если учесть, как вспыхивали глаза Бернана при одном упоминании сына Тиберия. Однако, это не объясняло перерезанных сухожилий...

Сперва киммериец намеревался выпытать у гандера всю историю до конца, подозревая, что услышал лишь весьма приукрашенную версию истины, — но, поразмыслив немного, предпочел воздержаться. Своя тайна была у каждого из них, и мало кому нравилось, когда к нему лезут в душу. Бернан же, на первый взгляд, был парень неплохой, свойский, к Конану питал почти собачью преданность и готов был, казалось, на все, чтобы заслужить место в отряде. И, взвесив все за и против, перед отъездом киммериец сказал, что возьмет его, — если тот, когда встанет на ноги, докажет, что владеет мечом не хуже, чем остальные его бойцы. Так гандер стал восьмым членом Вольного Отряда.

И все же, хотя он не привык, раз приняв решение, возвращаться к нему вновь и вновь или сомневаться в его правильности, Конан, даже пустившись в путь, никак

не мог отвлечься мыслями на другое. Дорога не отвлекала его, добрая скачка не могла взбодрить, а шуточки Жука, который, как обычно, принялся подкалывать Невуса, доводили до бешенства.

Нет, что ни говори, но было что-то странное в этом парне, в его вечной угодливости, лукаво-недобром взгляде. Нужно ли было уступать его бесконечным просьбам, брать его с собой? Не станет ли он обузой?.. А ладно, Кром их всех поberi! Там видно будет, сказал он себе наконец.

Хватит об этом!

И именно в этот миг он заметил сборище под мостом.

Что-то странное творилось там. Человек пятнадцать крестьян, вооруженные цепями, серпами и косами, выкрикивая нечто нечленораздельное, бежали вниз по склону к богато одетому толстяку в синем плаще. Дебелая девица с распущенными волосами неслась впереди них по берегу, подобрав подол и сверкая голыми ляжками, и голосила истошно. Он успел еще заметить позади толстяка что-то белое, — точно скомканный отрез полотна на песке, — и, не раздумывая, заорал «Стой!»

Он и сам не знал, зачем сделал это. Но напряжение от долгого бездействия, от бесцельного ожидания, от подавляемых в душе сомнений, настойчиво требовало выхода. Любой повод был хорош...

— Стой! — закричал он вновь. И услышал пронзительный, жалобный голос толстяка:

— Добрые господа! Кто бы вы ни были — остановите этот сброд! Не дайте свершиться насилию!

Меч вылетел из ножен и мгновенно лег в руку Конана. Призывно взмахнув рукой, он галопом понесся вниз по склону. Остальные немедленно последовали за ним. Краем уха киммериец слышал их хохот, — наемники готовились неплохо повеселиться.

Однако забавы не вышло. Завидев летящих во весь опор вооруженных всадников, крестьяне сперва обернулись к ним, неумело вскидывая свои жалкие орудия, годные еще, возможно, против единственного пешего врага, но совершенно бесполезные против конников с мечами. Пару угрожающих взмахов клинками, пару ударов плетью, — и вмиг присмиревшие селяне, точно вспугнутые охотником зайцы, бросились врассыпную.

Конан едва успел отвернуть в сторону, когда какой-то старик с виллами в неловких руках чуть не угодил его лошади под копыта. Он попытался пырнуть коня в бок — но киммериец ловко отбил удар, плашмя опустив клинок на древко. Крестьянин отскочил в сторону и с ругательством, в котором северянин различил лишь имя Цернуноса, злобно сплюнул ему под ноги... И, совершенно необъяснимо, хотя он уже много лет не делал ничего подобного, киммериец сотворил знак от дурного глаза.

На берегу не осталось никого живых, кроме разряженного толстяка, гневно потрясающего кулаками, и той самой дебелий девичьи. Она единственная при нападении наемников не бросилась наутек, и сейчас, подскочив к Невусу, ухватила его за стремя и повисла на нем, всхлипывая и бормоча что-то неразборчивое.

— Пошла прочь! — гаркнул тот, тщетно пытаясь высвободиться, но крестьянка не отпускала. Захлебываясь рыданиями, она пыталась что-то объяснить... пока наконец Невус не хлестнул ее плетью, и она не бросилась бежать вслед за остальными. Впрочем, все равно разобрать ее речь было совершенно невозможно. То был густой тягучий сельский говор, недоступный пониманию Конана и его спутников, не настолько хорошо еще знающих аквилонский, и киммерийцу оставалось лишь пожалеть, что с ними не было Бернана, — уж этот бы непременно разобрался во всем. А так им приходилось рассчитывать лишь на толстяка.

Тот же, не помня себя от радости, только что не плясал вокруг нежданных спасителей. Но Конан смотрел не на него. Он лишь сейчас увидел распростертое на песке тело чернобородого здоровяка-крестьянина, и окровавленный кинжал в руке толстого нобилия. Когда же тот успел пырнуть его? Все произошло так быстро... Должно быть, когда киммериец отвлекся на миг, пытаясь не задавить кинувшегося под копыта старика... Волна озноба неожиданно накатила на него, и дурные предчувствия с новой силой всколыхнулись в душе. Соскочив с седла он уверенно и быстро осмотрел убитого и, убедившись, что тому уже ничем не поможешь, подозрительно нахмурившись, взглянул на довольно потирающего руки толстяка.

— Что..? — начал было он, но тот не дал ему договорить. С уверенной властью, выдававшей в нем чело-

века, привыкшего, что другие молчат, когда он изволит открыть рот, нобиль отрывисто произнес, избегая встречаться взглядом с киммерийцем:

— Хорошо. Вы вовремя появились. Еще немного — и эти звери разорвали бы меня. — Он нервным жестом вытер ладони о камзол. — Кто вы такие? Я должен знать, кому быть благодарным за спасение.

Прежде, чем Конан успел ответить, голос Невуса раздался у него за спиной:

— Лучший Вольный Отряд во всей Хайбории к вашим услугам, месьор! Будем рады служить, чем только можем!

Конан метнул на него такой многозначительно-мрачный взгляд, что не в меру ретивый наемник мигом прикусил язык. Однако смысл его игры был вполне ясен северянину. Чужая поживу, тот пытался заставить командира быть полюбознее с возможным нанимателем. Вот только не знал он еще, как ненавидит киммериец, когда кто-то пытается давить на него. Ну, ничего, — вечером получит такой урок, что запомнит надолго...

Варвар вновь обернулся к толстяку.

— Кишки Крома! Хотел бы я знать, что тут случилось?

Он и сам не знал, почему так важно для него получить ответ. Возможно, странной показалась толпа крестьян, осмелевших настолько, что готовы были поднять руку на благородного господина. Он и представить не мог, что толкнуло их, покорных и забитых, на подобное преступление. И старик этот, плюнувший под ноги ему, все не выходил из памяти. И этот странный сверток ткани, белевший чуть дальше в неглубокой ложбинке непонятным образом притягивал внимание...

Толстяк мгновение помедлил. Странная лукаво-смущенная улыбка показалась на полных губах.

— Защита справедливости была единственной моей целью, — провозгласил он торжественно. — Но увы, вступаться за поруганных и оскорбленных — печальный удел в этих диких краях. Вы сами видели... — Он повел руками по сторонам, — что за участь ожидала меня. И если бы не ваше в высшей степени своевременное поведение... — Он помолчал немного, словно желая придать вес своим словам. А затем неожиданно предложил: — Впрочем, к чему нам терять время? Я видел, вы направлялись в Тарантию. Мне нужно туда же. Я готов щедро заплатить,

если вы согласитесь стать моим эскортом в дороге, — а заодно и доведу до конца свою печальную повесть. Так что же? — И он выжидательно уставился на Конана.

Невус за спиной его трагически засопел, опасаясь, однако, подавать голос. Но киммериец уже и без него принял решение. Толстый нобиль был не слишком ему симпатичен... Но здесь была работа, деньги — и была тайна.

— Что ж, деньги есть деньги, — сухо произнес варвар. — Мы можем послужить и тебе. Но знай, что услуги Конана из Киммерии стоят недешево.

Он ожидал, что в ответ на эту реплику толстяк назовет себя. Но вместо того тот хихикнул, тоненько и как-то по-бабьи.

— Х-ха... выходит, ты из самой Киммерии! Но здесь тебе не стоило бы провозглашать это с такой гордостью, Конан. Многим в Аквилонии памятен еще Венариум... тебя могут не понять.

Конан пожал плечами. Ему было безразлично, кто и как поймет его, — для непонятливых у него всегда был наготове меч. А если кто-то думает, что угрозами можно заставить его отречься от родины, — он плохо знает киммерийцев!

Однако он не стал затевать ссоры с неожиданным работодателем; это было бы слишком неразумно. Вместо этого он сделал наконец то, что собирался с самого начала: прошел вперед взглянуть на странный белый сверток в песке... и был поражен.

Нет, ему и прежде доводилось видеть мертвых женщин. И просто убитых, и тех, что подверглись перед смертью надругательству. Но до сих пор не приучил себя воспринимать подобное зрелище равнодушно. И сейчас, при виде жалкой маленькой фигурки на песке, ее уродливо-бесстыдной и в то же время жалкой позы, слепой запрокинутой головы и разметавшихся волос, варвар ощутил, как все самое дикое, необузданное, неподвластное разуму поднимается в душе его, и кровь вскипает первобытной яростью его далеких предков. Рывком он обернулся к толстяку, и вид его был страшен.

— Кто?.. — Только и мог выдавить он.

Вместо ответа, тот показал рукой на распростертое у своих ног тело бородача.

— Теперь вы понимаете... — произнес он скорбно. — Я пытался защитить ее, но это чудовище... Я подросел слишком поздно...

Конан коротко кивнул, опуская голову. На скулах заходили желваки. О, женщины, эти несчастные жертвы мужской жестокости!.. Не раздумывая, не страшась никакой опасности, он всегда стремился прийти им на помощь и всегда был горд тем, что ни одну из них, хотя возлюбленным своим давно потерял счет, не взял против ее воли, без того, чтобы вспыхнул между ними чистый огонь желания, а порой и любви... И лютой, слепой ненавистью ненавидел он этих зверей, для которых удовольствие было — насладиться лишь телом женщины, насильно, сломать, растоптать ее и унижить...

— Честный поступок, господин мой, — глухо произнес он, вскакивая в седло. — Ну, что ж! Мы сопроводим тебя до Тарантии. А что до службы... Можно и послужить, если сойдемся в цене!

Вместе они выехали на дорогу.

За спиной Конан услышал шепот Жука, обращенный, должно быть, к Невусу:

— А чего ж тогда мужики с цепями поперли, если он девушку защитить хотел?

И ответ кряжистого наемника, всякого навидавшегося на своем веку, и ничему более не удивлявшегося:

— Да звери... что с них взять!

Слова эти посеяли зерна недоверия в душе киммерийца; однако, взглянув на открытое, полное искренней скорби и негодования лицо нобилья и слушая его взволнованный рассказ о том, как пытался он встать на защиту несчастной, Конан мог лишь покачать головой, изгоняя сомнения. Он бы почувствовал, если бы толстяк лгал им, несомненно почувствовал. Однако, как ни старался, он не мог услышать ни нотки неискренности в его словах.

К тому же, было в этом странном человеке нечто такое, что даже невозможно было определить словами. Сперва он показался варвару неприятным, вызвал ощущение брезгливости, едва ли не омерзения... однако чувство это рассеялось мгновенно, и теперь, напротив, ему было приятно находиться рядом с таинственным нобилем. И, главное, хотелось *служить* ему, — чувство, совершенно неведомое доселе гордому, независимому киммерийцу.

Странное ощущение — и неуловимое. Как только Конан пытался разобраться в его происхождении, оно мгновенно исчезало, как дымок под пальцами, чтобы лишь спустя мгновение вернуться вновь, и гораздо сильнее. Так что очень скоро он оставил бесплодные попытки и пожал плечами, не надеясь больше объяснить необъяснимое.

Что же, загадок на свете множество. Волею Крома, он разгадает со временем и эту.

Но теперь, по крайней мере, у его отряда появилась работа. И Конан позволил себе скупой улыбнуться этой мысли, — старательно заглушая тишайший голосок в душе, предупреждавший его, что работа эта, возможно, придется ему совсем, совсем не по вкусу.

ОБРАЗ СМЯТЕНИЯ

К вечеру заметно похолодало. Мрачно глядя в окно на низкие, клочковатые тучи, которые как бы нехотя волочил по осклизлому небу северный ветер, принц Нумедидес невольно поежился, запахивая на груди теплый стеганный халат на куньем меху. Несмотря на то, что до заката оставалось еще не меньше часа, весь дворец уже погрузился в зябкую промозглую тьму, точно укрытый траурным пологом. Даже обыкновенно шумная челядь, и та попритихла, а внутренний дворик, всегда полный в это время смеха и гомона, словно вымер, и лишь украдкой пробиравшиеся во мгле тени разрушали его сумрачную неподвижность.

Упираясь лбом в свинцовый переплет и глядя, как растет на прозрачной слюде влажное пятно, оставленное его дыханием, Нумедидес гадал, что же предпринять. Известие об утреннем поединке Троцера с Амальриком явилось для него большим ударом, чем для Валерия. Как ему донесли, кузен выслушал новость, сообщенную болтливым стражем у дворцовых ворот равнодушно, лишь коротким раздраженным кивком показав, что вообще что-то слышит. Это показалось Нумедидесу странным: он знал, что принц Шамарский дружен с Троцеро — тот был давним другом их семьи. Одно время ходили даже весьма забавные слухи насчет графа и матери Валерия... Однако то была давняя история, всеми забытая после гибели

владычицы Шамара. И все же трудно поверить, чтобы Валерий отнесся к известию о ранении Троцера настолько безразлично. Он не потрудился даже спросить, насколько серьезна рана.

Нумедидес задумался, машинально чертя на запотевшем окне контуры королевской короны. Что ни говори, а в последнее время Валерий вел себя более чем странно. Таким угрюмым, обозленным и мрачным принцу видеть его еще не доводилось. И хотя сам он от природы не отличался особой наблюдательностью и склонен был куда больше времени уделять собственным причудам, нежели поведению окружающих, но в этот раз Нумедидес не мог не заметить, что с его кузеном творится что-то неладное.

Он был бы рад спросить его напрямую, однако боялся, что Валерий резко и грубо осадит его. К тому же, у него хватало собственных забот.

Весь остаток дороги, быстро оправившись от полученного потрясения, он размышлял о своем разговоре с бароном и о письме Троцера. Следовало что-то срочно предпринять, однако нерешительный принц колебался, как всегда пребывал в неуверенности, и на въезде в Тарантию, наскоро простившись со своими неожиданными спасителями и кинув им кошель с серебром, он почти сумел убедить себя, что вся эта история не стоит и выведенного яйца, что все забудется, утрясется само собой. А значит, бог даст, и никаких решительных шагов предпринимать не потребуется.

Однако дворцовые новости вынудили его взглянуть на дело по-другому.

Троцеро не шутил, теперь это было ясно. Более того, учитывая то, как скоро непримиримый граф претворил в жизнь свои планы, настроен он был весьма и весьма решительно. Хвала Митре, рана, нанесенная Амальриком, оказалась достаточно тяжелой и надолго уложила буйного пуантенца в постель. Жаль, что не смертельной: придворный лекарь, которого Нумедидес основательно порасспросил, объясняя свое любопытство тревогой о здоровье графа, сказал что через две четверти луны Троцеро вновь будет на ногах. Две четверти луны — вот срок, отпущенный небесами. И если за это время он не найдет выхода, то последствия могут быть для него самыми ужасными...

Нумедидес оторвался наконец от окна. Лицезрение унылого двора, где уже застучали первые капли дождя, оставляя на камнях крупные темные пятна, наскучило ему, и принц уселся перед разожженным камином, наслаждаясь теплом и смолисто-дымным ароматом. Вышколенные слуги приготовили для него подогретое вино со специями, и Нумедидес, взяв кувшин, украшенный королевским гербом с особой подставки у огня, где напиток дольше всего сохранял тепло, наполнил кубок и с наслаждением сделал большой глоток; затем, не выпуская из холеных рук фиал, тяжело плюхнулся в широкое кресло. Его грузное, не по годам расплывшееся тело, непривычное к долгим поездкам верхом, ломило, и принц недовольно поморщился. И как только эти мужлань вроде его дорогого братца Валерия могут по несколько суток не вылезать из седла? Изнеженный принц обычно, даже выезжая на охоту, старался большую часть пути проделать в карете или паланкине, и лишь в самый последний момент с помощью нескольких слуг и специальной скамейки неуклюже вскарабкивался на круп своей кобылы. Нумедидес вздохнул, с завистью вспомнив, как держится на лошади шамарский принц, — гордый, прямой, как клинок. Ни одна женщина не могла не задержаться взглядом на его стройной фигуре. Ни одна не упускала случая покрасоваться перед ним, одарить сияющей улыбкой, задеть небрежно кружевным рукавом, проезжая мимо. И даже Релата...

При воспоминании о девушке принц с силой стиснул в руке бокал так, что тонкое серебро погнулось под пальцами. О, как было все хорошо до возвращения Валерия! Дважды в год эта амилийская красotka приезжала с отцом и братьями в Тарантию, сроком на две-три луны, как и вся прочая знать, получавшая приглашение от короля на весенние или осенние празднества. И Нумедидес, почти каждый день мог любоваться ее точеной фигуркой на пирах, балах, прогулках и охотах. И она, она была любезна с ним тогда, — принц доподлинно помнил это. Шутила, сверкала глазками... Тогда она не строила из себя недотрогу! Тогда она не забывала, что именно Нумедидес, — наследник Аквилонского престола!

А вот теперь все изменилось. Он видел их накануне с Валерием, на той злосчастной лесной поляне. Девушка не

сводила с шамарца взгляда, и улыбалась ему одному, не обращая на Нумедидеса никакого внимания... И все из-за того, что его кузен красив и строен, а он, Нумедидес одышлив, тучен и нерешителен. Что ж, пусть шамарец интересней его, как мужчина. Но женщины любят сильных и наделенных властью, а власть, вся власть в Аквилонии скоро будет у него, а не у какого-то там Валерия. Вот тогда и посмотрим, с кем предпочтет разделить ложе эта гордячка, и не она одна. Он вспомнил, как горели румянцем ее щеки, как соблазнительно колыхалась в низком вырезе белая грудь... Хороша. Что ни говори, хороша... И все это достается Валерию, будь он проклят во всех преисподних Зандры!

Нумедидес сжал кулаки. Ревность ослепила его. Он не вспоминал о том, что до недавнего времени сам обращал на дочь барона Тиберия не больше внимания, чем на остальных придворных красоток, большинство из которых имели, возможно, повод жаловаться на его скабрёзности и сальные взгляды, — но едва ли на большее. И тем более, он не строил в отношении Релаты никаких далеко идущих планов: для этого дочь обедневшего, хоть и знатного рода, и даже не единственная наследница, была слишком мелкой добычей. Но теперь, принадлежащая Валерию, она стала в его глазах самой желанной, почти насильно похищенной. У Нумедидеса не оставалось сомнений, что кузен его лукавством завладел тем, что принадлежало по праву ему самому.

В былые времена, возможно, остатки здравого смысла еще могли возобладать в нем. В конце концов, в Аквилонии немало других девушек, и многие из них куда красивее и богаче дочери барона Амилийского. Однако Нумедидес упрямо гнал от себя эти мысли, наслаждаясь разрастающейся в душе волной черного, желчного гнева. Он упивался ненавистью и планами мщения, — и чувство это было столь же непривычно пьянящим, как и ощущение силы, что он испытал в утреннем словесном поединке с Тиберием... и позже, на берегу, с той ничтожной шлюхой, о которой теперь он старался не думать... Прежде, до охоты Осеннего Гона, принц не испытывал ничего подобного. Но теперь уже не мыслил жизни без овладения этой мощью, столь призрачной и столь необходимой ему.

Горячее вино, которое он все подливал и подливал себе из медного кувшина, и пылающая ярость уносили его все дальше, — пока вдруг в кружащейся голове Нумедидеса все пережитое за последние дни не сложилось в стройную картину, и решение, единственно возможное и единственно верное, не воссияло перед ним, подобно огненному рубину, что нес в пасти своей золотой змей на Аквилонском гербе.

В волнении Нумедидес поднялся и нервно заходил по своему кабинету, натыкаясь на все подряд и даже не замечая того. Зашатался тяжелый стул. С грохотом полетел на пол низкий столик на тонких золоченых ножках, и столешница из тончайшей яшмовой пластины треснула и раскололась пополам. На шум прибежали слуги, однако, заглянув пугливо в комнату и встретившись глазами с бесноватым взглядом хозяина, почли за благо бесшумно закрыть дверь и на цыпочках удалиться.

А Нумедидес и впрямь был страшен в этот момент. Кожа лоснилась от пота, на щеках яркими багровыми пятнами играл румянец. Волосы растрепались, точно от ветра. Черный халат развевался при каждом шаге, подобно крыльям нетопыря. И глаза смотрели в никуда, округлившись, блестящие, по-птичьи безумные.

Наконец он остановился, замер у окна в той же позе, что и час назад. Решение было принято. Он нашел в себе мужество взять в руки огненный рубин, и теперь тот сиял, подобно путеводной звезде. И, при мысли о том, что означала эта метафора в действительности, принц Нумедидес медленно и хищно усмехнулся в сгустившуюся тьму.

* * *

Не разбирая дороги, спотыкаясь, цепляясь за корни и ветви, падая и поднимаясь с трудом, не замечая ничего вокруг, Ораст бежал по ночному лесу.

Все утро, после того как случайно столкнулся с Валерием, — у самой кухни, подумать только... совсем как в тот раз, с ней, — он слонялся, сам не свой, по огромному дому, пытаясь обрести забвение и покой в повседневной суете и шуме, однако мир бежал души его. Теперь он без тени сомнения знал, кто его счастливый соперник, —

хотя, вглядевшись в мрачное лицо принца, с запавшими, тусклыми глазами, он, пожалуй, едва ли решился бы назвать его счастливым. Как видно, то, что составило бы блаженство жреца, вознесло его на небеса сияющего наслаждения, принесло Валерию лишь горечь разочарования.

Однако Ораст, если и не нашел в себе силы возненавидеть его, не мог найти в душе своей и сочувствия, — в том пожаре, что бушевал ныне в сердце его, сгорели все чувства, кроме самых яростных и безумных. Он не находил в себе сил задуматься над тем, что может чувствовать и думать Валерий, да и сама Релата, если на то пошло... он ощущал лишь свои страдания, лишь их сознавал, и лишь они терзали его, все сильнее с каждым мгновением.

Он едва не лишил Валерия жизни в том коридоре — кинжал, что он прятал в складках короткого плаща, был наготове, стремительный, подобный змеиному жалю, но он не нанес удара. И не страх остановил его, не мысль о королевском суде и даже не простое человеческое отвращение к убийству. Он готов был на все, если бы это позволило обрести желаемое, однако смерть Валерия не дала бы ему ничего, и лишь это удержало его руку. Чары приворота не могла разрушить даже смерть, и Релата чахла бы над могилой возлюбленного, слепая и глухая ко всему, позабыв о чести и долге, точно так же, как легла к нему в постель.

Нет, здесь требовалось что-то иное! Магию возможно было одолеть лишь еще более сильной магией. Однако, сколько не листал колдовской фолиант Ораст, силясь из отдельных, уже знакомых ему слов сложить внятные объяснения, сколько ни рылся в воспоминаниях — ничего не выходило! Нигде он не мог отыскать и намека на то, как разрушить содеянное им заклятье.

У него оставался единственный выход, но он не мог думать о нем без содрогания.

Марна! Слепая колдунья! Если кто и в силах помочь ему, то только она. Но для этого придется открыться ей. Рассказать о Скрижали Изгоев... Раскрыть тайну!

Кто знает, что придет ей на ум? А если она решит скормить непутевого жреца тем тварям, которые, как болтали, в изобилии водились возле ее логова, и забрать

чудодейственную книгу себе? Но если даже она милостиво дарует ему жизнь, то чем он будет без Скрижали — жалким приживалом немедийского барона? Да и это вряд ли получится... Страшно представить, что сделает разгневанный немедийский князь, когда узнает, что жрец по глупости и тщеславию лишился магического тома и поставил под удар все то, чего Амальрик терпеливо ожидал столько зим. Да, не миновать тогда ему дыбы в мирянских застенках и костра на площади...

И все же ничего другого не остается... Даже если Марна покарает его за дерзновенность замыслов, за то, что он посмел своими неумелыми руками прикоснуться к магической святыне — это лишь избавит несчастного жреца от дальнейших страданий. Конечно, существовали вещи и похуже смерти... однако сейчас Ораст предпочитал об этом не думать. Лесная колдунья была его последним шансом.

Когда он, наконец, добрался до места, ждать ему пришлось совсем недолго. Он едва успел присесть на поваленный ствол у озерца, отдышаться, оглаживая лежащий на коленях том дрожащими руками, как за спиной у него послышался легкий шум шагов и шорох раздвигаемых ветвей. Ораст поспешно поднялся.

Марна выглядела точно так же, как и в последний раз, когда он видел ее, и почему-то это удивило жреца, хотя с того дня не прошло и половины луны. Должно быть, подсознательно он ожидал, что весь мир должен претерпеть изменения, подобные тем, что потрясли его дуну.

Проклятая бесстрастная маска, как всегда, выбивала его из колеи. Ему оставалось лишь гадать, что за чувства, тайные страсти могли скрываться под уродливой личиной.

Он стоял молча, смущенный и неловкий, ощущая себя беспомощным ребенком. Он стоял, не осмеливаясь сделать ни шагу навстречу, ожидая, пока колдунья снизойдет до того, чтобы подойти ближе. Он стоял, не смея пошевелиться, оцепеневший, как птенок перед змеей, неведомо откуда зная — стоит растревожить Марну, уязвить ее небрежной позой, непочтительным взглядом, суетливым движением или даже взволнованным дыханием, и ведьма еле заметным мановением руки сотрет его душу с поверхности этого мира с той же легкостью, с какой школяр влажной ветошкой стирает грифель с аспидной доски.

Но Марна, похоже, не гневалась и как всегда неспешно приблизилась своей царственной походкой. Ораст облегченно вздохнул. Слава Бессмертным, он остался жив! Что ж, может быть, старая колдунья снизойдет до помощи ему — и жрец смущенно, даже заискивающе протянул ей заветный том, вот, мол, возьми, владычица, то, с чем не мог совладать твой раб — ничтожный червь, пыль на земле! Он не произнес при этом не единого слова, но Марна все поняла и без этого и, как показалось Орасту, торжествуя улыбнулась. Он готов был поклясться в этом, хотя, как всегда, не видел лица колдуньи. Марна молча, повелительным жестом протянула руку, и жрец, с подобострастным поклоном покорно отдал ей свое сокровище. Та небрежно приняла Скрижаль, полная царственного достоинства, и Ораст с трудом удержался, чтобы не бухнуться на колени.

— Это именуется Скрижалю Изгоев... — пробормотал он чуть слышно, пересохшим от волнения голосом. И понял, что сморозил глупость — объяснять что-либо Марне о магии было так же нелепо, как учить косаря ловчее косить сено.

— И чего теперь ты хочешь от нас? — с ледяной издевкой осведомилась чародейка. — Советов? Помощи? Утешений?

Колени Ораста подкосились — он упал ниц и, захлебываясь слезами, сбивчиво, с повторениями, по десять раз цепляясь за одну фразу, начал рассказ.

* * *

Раскинувшись на низкой софе, не сводя глаз с пляшущих языков пламени в камине, принц Нумедидес лениво позвонил в золотой колокольчик. Почти мгновенно в дверях возник слуга, почтительно склонивший голову в ожидании приказаний господина. Принц расслабленным жестом поманил его ближе, чтобы не напрягать голос, и, не глядя на слугу, процедил:

— Пойдешь в город сегодня! Мне нужен Конан-ким-мериец, командир Свободного Отряда. Я слышал, он остановился в «Золотом Бочонке». Отыщешь его и отдашь вот это... — Из складок халата Нумедидес извлек увесистый кожаный кошель и подбросил его на мясистой

ладони. Внутри что-то звякнуло. Он швырнул кошель слуге — тот с поклоном поймал и поспешно спрятал за пазухой. — Проведешь его сюда через потайной ход, в любое время, как только отыщешь. Но не вздумай говорить ему, кто хочет его видеть. Ну, пошел!

Челядинец вновь поклонился, привычный к самым невероятным приказаниям господина. Что ж, если хозяину будет угодно, он найдет и притащит к его ногам самого Зандру... И все же он дорого дал бы за то, чтобы узнать, что замыслил принц на сей раз.

* * *

По возвращении из Амилии, Валерий собирался немедленно подняться к себе. Дорога, вопреки обыкновению, утомила его, и он с горечью подумал, что, должно быть, стареет. Тело требовало горячей ванны, сытного обеда и мягкого ложа... как далеко все это было от прежних его солдатских привычек, когда куска хлеба с вином после двенадцатичасовой скачки и кровавого боя достаточно было, чтобы восстановить силы, и короткий сон на голой земле, под тонким плащом, был пределом мечтаний.

Не так уж много времени прошло с тех пор, — но от былого остались лишь тени смутных воспоминаний, которым он и сам не верил порой. Валерий чувствовал, будто в теле его обитают два человека: один — простой воин, отважный, прямой, привыкший встречать опасность лицом к лицу; другой — изворотливый, расчетливый придворный, преисполненный отвращения к миру и усталости. Он ненавидел этого второго, однако не видел способа избавиться от него. Стоило ему вернуться в Аквилонию, и это его «второе я», от которого он надеялся навсегда отделаться много лет назад, вернулось, точно верный пес на свист хозяина. В Тарантии Валерию, как ни старайся, не удавалось стать прежним воином. Теперь он начинал опасаться, что это не удастся ему и в Шамаре.

Горечь и тоскливая хмарь одолевали его при одном лишь взгляде на королевский дворец, такой нескладный и прекрасный в своем смещении стилей, нагромождении построек и хаосе людской суеты. Жизнь здесь не прекращалась ни на мгновение, не замирала даже в самые поздние ночные часы, и в душе, хотя он и не желал

сознаваться себе в этом, ему мучительно хотелось окунуться в это бурление, погрузиться в него с головой, стать здесь *своим*, слиться с кипучим потоком сияющей придворной жизни, — но одновременно он сознавал, что любая подобная попытка заведомо обречена на неудачу. Тот, другой Валерий, что несся с шальным, диким гиканьем в бой, разя врага серебристой молнией меча, что ночами пел у костра грубые солдатские куплеты, сочиненные безвестными похабщиками многие поколения назад, что сам чистил своего коня и оружие, не имея зачастую даже сменной рубахи... тот Валерий знал, что навсегда останется чужим в Тарантии. Порой он не без иронии думал, что город пришелся бы ему куда больше по вкусу, если бы он взял его *штурмом* со своим отрядом и получил три дня на разграбление...

С этими мыслями принц Шамарский неспешно въехал во двор замка, провел коня в поводу до самых конюшен, отвергнув помощь слуг, проследил, чтобы лошади задали овса и налили чистой воды, бросил медную монетку мальчишке-конюху, чтобы тот вычистил его как следует, и лишь тогда двинулся ко входу в Алые Палаты, где королем были отведены ему покои на время пребывания в Тарантии.

Валерий с первых дней чувствовал себя там крайне неуютно, однако не решился оскорбить Вилера отказом или просьбой выделить ему другое жилище и даже не стал посылать слуг, чтобы они привели в порядок фамильный особняк под Тарантией, где члены его семьи останавливались обычно по приезду в столицу. Из всего рода он остался один, — и старательно убеждал себя, что ему решительно все равно, что за обстановка его окружает. Тем не менее, ему стоило оглядеться по сторонам, чтобы тоска по родному Шамару и старинному родовому замку вспыхнула с новой силой.

У самой лестницы, однако, его перехватил слуга в ливрее графов Пуантенских. Низко склонившись перед принцем, он заступил ему дорогу, ожидая позволения заговорить.

— В чем дело? — спросил Валерий не слишком любезно. Он слышал, как у дворцовых ворот стражник говорил о чем-то, касавшемся Троцера, — по крайней мере, ему показалось, он слышал имя, — однако это не пробу-

дило его любопытства. Сейчас он меньше всего настроен был общаться с кем бы то ни было, а извечный пессимизм Троцero, его помешанность на политике и способность часами разглагольствовать о трагедии Аквилонии могли вывести из терпения и самого Митру. Нетерпеливым жестом Валерий отодвинул с дороги слугу. — Говори, чего ты хочешь, и ступай прочь!

Слуга поклонился еще глубже, смущенный грубостью принца.

— Прошу простить меня, Ваше Высочество. Но мой господин повелел дожидаться вашего возвращения и просить срочно прийти к нему, в любое время дня и ночи.

Что за недостойная спешность! Валерий недовольно нахмурился. Порой Троцero, должно быть, на правах старинного друга семьи, позволяет себе слишком много. Пора бы уже усвоить наконец, что принц Шамарский не мальчишка, чтобы бежать к нему по первому зову! Он сердито тряхнул головой, обходя застывшего внизу лестницы слугу, и бросил с резкостью, неприятно поразившей его самого:

— Передай своему господину, что мы увидимся, когда у меня будет время. И я сам тогда пошлю за ним!

Он и сам не ожидал от себя подобных слов. Они сорвались с языка прежде, чем он успел сдержать их, и виной тому были лишь усталость и раздражение. Подобная грубость никогда не была свойственна принцу Шамарскому, и он мгновенно устыдился ее. Однако как поправить дело, теперь не знал. Роковые слова были сказаны, а что-то объяснять слуге, оправдываться перед ним... этого Валерий представить себе не мог. Ну да ладно, милостью Митры, он все завтра объяснит Троцero. Тот поймет его. И быстрым шагом, не обращая больше внимания на слугу, застывшего с таким видом, будто собирался сказать еще что-то, да так и не смог решиться, двинулся вверх по лестнице. Нечего и говорить, что отвратительное происшествие это не улучшило настроения Валерия.

На миг мелькнула даже мысль пойти все же к Троцero, — в конце концов, граф не стал бы посылать за ним, не будь дело действительно спешным, — однако решиться на подобный шаг не смог. Как бы вежливо ни передал слуга хозяину его слова, граф наверняка будет оскорблен

до глубины души... Валерий постарался подавить растущую неловкость. Непременнo нужно будет навестить пунтенского вельможу завтра, со всеми должными извинениями. За ночь вспыльчивый Троцero успеет остыть, да и сам Валерий, наверно, будет чувствовать себя получше.

Сейчас же на душе у него было так гнусно, что не стоило и думать о том, чтобы встречаться с кем бы то ни было. Это могло привести лишь к ссоре. А значит, разумнее всего и впрямь было отложить все визиты на потом.

Успокоив себя таким образом и заглушив на время голос совести, Валерий прошел к себе и, скинув пропыленную одежду и отдав слуге оружие, велел согреть воды для ванной.

Лежа в горячей воде, наслаждаясь пряным ароматом масел, принц закрыл глаза, чувствуя, как расслабляются мышцы и уходит напряжение. Мысли скользили, легкие и бесшумные, точно чайки в тумане, не оставляя следа на зеркальной глади сознания. Отступили тревоги, ушли заботы и страхи. Валерий ощутил внезапно, что не отказался бы сейчас от женщины, — и почему-то мысль эта показалась ему забавной. Он еще глубже погрузился в такую нестерпимо горячую воду, что она казалась ледяной, где каждое движение сперва причиняло приятную несильную боль, а потом острое наслаждение.

Пожалуй, надо будет и впрямь жениться на этой Релате, сказал он себе со смешком. Мила собой, хороша в постели и вдобавок, похоже, действительно влюблена в него. Пусть ее чувство скороспело и еще не вызрело до конца, но что же, помилюте, удивительного, что несмысленная дурочка из провинции теряет голову от молодого принца. В конце концов он не урод, богат, знатен и неглуп. А что еще нужно юной девице?

Все и впрямь решается так просто! Он даже удивился, что не понял этого раньше. Женщина, которая всегда будет рядом, — это именно то, в чем он сейчас нуждается. Забыть об одиночестве, обрести верную, преданную спутницу. Тепло очага — в этом истинное счастье! И, возможно, в тепле этом растает лед, сковавший его сердце, он сумеет преодолеть эту свою проклятую раздвоенность, станет нормальным человеком. Не будет больше тоски, испепеляющей ненависти к себе самому, жгучей горечи,

зависти. Вот оно, решение!.. Релата в тот миг виделась ему неким заветным символом, спасительным ключом к сияющему будущему, которое он считал навсегда для себя утраченным.

Однако странно, что эти мысли пришли к нему именно сейчас, ведь ни накануне вечером, ни, тем более, сегодня утром, он и помыслить не мог ни о чем подобном. И эта девушка, Релата, была для него лишь одной из многих, да еще источником нежеланных хлопот и тревожных волнений. Теперь же он готов был связать с ней свою судьбу, сделать ее своей избранницей, отдать все, чем владел. Откуда эта внезапная тоска по теплу очага, по нежности рук и ласке слов, ждущей у порога дома? Неужели все это потому что, впервые за много лет, ему вспомнилась мать, — да так отчетливо, словно лишь вчера она пришла к нему в комнату поцеловать на ночь, задуть свечу у изголовья, как то было в ее обычае?.. Словно лишь вчера она покинула его...

Почему он вспомнил о матери, когда уверен был, что забыл о ней навсегда? Она предала его своей смертью — оставила одного во враждебном мире, незащищенным, открытым всем напастьям. Ее не было с ним, когда он звал ее, когда плакал ночами... В детстве он ненавидел ее, затем постарался изгнать из памяти, зная, что воспоминания не принесут ничего, кроме боли. Почему же он думал о матери теперь?

Он вспоминал шелестящий атлас ее платьев, пахнущие медом губы, тяжелую копну волос. У нее был такой мелодичный голос, грудной, глубокий, и она так чудно пела... Память не сохранила почти ничего больше, — принц был слишком мал, когда наводнение унесло ее. И все же он до сих пор не мог простить...

И вот сегодня она вернулась, с такой отчетливой ясностью, какой он никогда не ждал от своей памяти, и это изрядно напугало его. Усилив воли Валерий изгнал воспоминания двадцатилетней давности. Прах! Все это прах, и он не будет больше думать об этом! Он постарался вспомнить Релату, их жаркие объятия вчерашней ночью, слова, что шептала она ему... Но образы струились и ускользали сквозь пальцы, не давая сосредоточиться. И внезапно он поймал себя на том, что вспоминает другую

женщину, колдунью из лесной избушки, с ее туманными речами и нелепыми предсказаниями.

Вчера он не придавал всей этой истории большого значения, — она даже не позабавила его, и он дал себе слово, что, как бы ни настаивал впредь Нумедидес, он не позволит большие втянуть себя ни во что подобное. Но теперь вся сцена вставала перед его внутренним взором с почти болезненной выпуклостью и осязаемостью. Статная фигура женщины, зрелая гибкость стана, высокая полная грудь... Лицо ее скрыто было под маской, но почему-то Валерий уверен был, что она прекрасна. И эта царственность осанки и движений, этот голос...

Внезапно он осознал, что желает ее. Что возжелал ее еще тогда, при встрече, с самых первых мгновений, что она затронула в душе его столь глубокие струнки, о самом существовании которых он и не догадывался даже, и заставила петь все его существо. Не это ли желание, скрытое, подавленное, неосознанное, и стало причиной тревоги и горечи, что он испытывал с тех пор? Не те ли чувства, что пробудила в нем магиня, жгли теперь его душу и разъедали плоть? Релата — и любая другая — была бы лишь жалкой заменой! Как он мог не понять этого сразу? Почему скрывал сам от себя?

Валерий поднялся из мраморного бассейна и, не обращая внимания на стекающую потоками воду, обнаженным прошел в гостиную, чтобы налить себе вина. Мысли перепрыгивали с одного на другое, мозг его бурлил, не в силах сосредоточиться. Он то готов был броситься прямо сейчас назад в Амилию, на поиски лесной чаровницы, то ругал себя безумцем и мальчишкой, поддавшимся нелепым мечтам, то смеялся в голос, то сжимал кулаки, так что ногти до боли впились в кожу, оставляя на ладонях белые лунки... Он желал эту женщину, и, безумие это или нет, знал, что не обретет покоя, пока не получит ее.

...На рассвете следующего дня, оседлав жеребца и не сказав никому ни слова о том, куда направляется, Валерий двинулся в путь. Он ехал прямо навстречу солнцу, и огромный багровый, словно набухший кровью шар поднимался над дорогой и, заливая мир победным пурпуром, ослеплял всадника и лошадь.

Эту ночь Амальрик спал беспокойно. Он и без того недолюбливал осень, но в такие дни, когда ветер завывал в очаге и дождь бился в ставни, точно пытался проникнуть снаружи, с холода, в натопленные покои, когда сырая, промозглая тьма опускалась на город едва ли не в три часа пополудни и влажная одежда липла к телу, — в такие дни барон Торский говорил себе, что жизнь дается ему все с большим трудом...

Тяжелее всего было заставить себя делать хоть что-то, и самым горячим желанием его сейчас было не вылезать из теплой постели весь день напролет, кутаясь в меха, согреваясь горячим вином и наслаждаясь покоем. Однако он знал, что то были лишь тщетные упования, и хмурый рассвет нового дня, такой же сизый и слякотный, как и все предыдущие, застал посланника уже на ногах. Он наскоро и без аппетита позавтракал — скорее по привычке, нежели утоляя голод, и, согревая дыханием постоянно зябнущие руки, расположился в низком, обтянутом вишневым бархатом кресле, придвинув его почти вплотную к пылающему камину.

На нем был длинный агатовый халат, отороченный мехом серебристой лисицы, стянутый на талии шелковым кушаком. В этой небольшой комнате, со вкусом обставленной строгой мебелью вишневого цвета, мрачная фигура немедийца напоминала хищную черную птицу, купающуюся в луже свежeproлитой крови. Он пожегся в кресле. Митра! До чего же здесь неуютно... Впрочем, последние дни принесли столько поводов для беспокойства, что, пожалуй, не стоило винить в своем дурном настроении осенний холод или обстановку гостиной.

Задумчиво подперев рукой темноволосую голову, он не сводил взгляда с дрожащих языков пламени в камине. Сосновые поленья потрескивали, источая нежный смолистый аромат, и постепенно Амальрик ощутил, как проникает в него блаженное тепло, и понемногу растворяется ледяной комок внутри. С кислой усмешкой он сказал себе, что ему еще грех жаловаться, — вполне могло случиться, что вчера тело его познало бы могильный холод, от которого не спасал никакой огонь.

Ему вспомнился их поединок с Троцero накануне, и он вновь подивился совершенной нелепости всей этой истории. Утром Амальрик, в сопровождении скромного эскорта спустился в королевскую трапезную, где ежедневно, согласно этикету, должен был приветствовать от имени Немедии властителя Аквилонии и желать вечного процветания Рубиновому Трону. Он надеялся застать там и Нумедидеса, которому уже давно пора было вернуться в столицу.

Однако, вопреки ожиданию, он не нашел там никого из них. В покоях было немного народа — придворные музыканты тихо играли на лютнях, а сухопарые гончие с закругленными в кольцо хвостами с вожделением поскуливали, надеясь получить лакомый кусочек со стола. Аквилонский сенешаль, герцог Беррийский, хорошо поставленным, породистым голосом объяснил, что Его Величество изволит сегодня завтракать у себя в опочивальне, а молодой принц еще не вернулся из провинции. Барон Торский отвесил изысканный поклон и попросил сенешаля засвидетельствовать Его Величеству и Его Высочеству свое почтение, призывая про себя всех демонов преисподней на голову ленивого королевского племянника, который наверняка сейчас хлещет деревенский сидр и возится на кровати с амиллийскими молодками. Что ж, возможно, это и к лучшему, сказал он себе. Недолго осталось ждать того часа, когда этот жирный слизняк возложит на свои сальные волосы золотой обруч короны. Именно такой правитель и нужен барону Торскому — глупый, чванливый, трусливый до дрожи в коленках. Пусть тогда хоть совсем не вылезает из алькова.

Но стоило ему вспомнить о заговоре, как на душе начали скрестить кошки. Ведь так и не удалось выяснить, кто был тот незнакомец, осмелившийся подслушивать в храме Асуры! Какого труда потом стоило ему успокоить этих трусливых аквилонских нобилей! Пришлось солгать им, будто бы его метательный снаряд, которым он ранил лазутчика, был отравлен, и беглец не увидит света дня.

Он церемонно простился с сенешалем и направился к выходу. Слуга, обряженный в цвета правящего дома Аквилонии, распахнул перед ним золоченую резную дверь с изображением геральдического Змея — как вдруг на пороге возник граф Троцero.

Амальрик удивленно поднял брови. Что здесь нужно пуантенцу? По этикету, вассал мог без доклада переступить порог личных покоев сюзерена только во время Осеннего Гона или начала войны. Что же заставило графа нарушить вековые устои и осмелиться побеспокоить Вилера Третьего? Ведь он не мог знать, что короля нет в трапезной...

Владетель Пуантена был одет в белый парчовый *упелянд* — недавнее изобретение аквилонских щеголей — который более всего напоминал приталенную рубаху с сильно расширенными рукавами, отделанными блестящим кунным мехом. Упелянд был похож на легкий рыцарский доспех и призван был своими очертаниями напоминать дамам о воинской доблести их кавалеров. Дорогая ткань на одеянии графа была вышита золотыми свастиками — символом солнцеворота. Мускулистые ноги Троцero были затянуты в чулки из тонко выделанной замши и обуты в сапоги цвета топленого масла, с непомерно длинными носами.

Амальрик улыбнулся, вспомнив нелспый аквилонский закон, регулирующий длину носка у разных сословий: дворяне имели право носить обувь с носками в двадцать четыре сенма, горожане — двенадцать, а крестьяне в шесть. Следовательно, благородный господин стоил двух лавочников и четырех землепашцев. Воистину, благословенна держава, у которой достает времени мерять людей по обувке!

Барон посторонился, чтобы пропустить пуантенского вельможу, но тот вроде бы не заметил его и, проходя мимо с гордо поднятой головой, небрежно толкнул плечом.

Жест заметили все — слуги в красных ливреях, гвардейцы короля — Черные Драконы, стоявшие поодаль, опершись на алебарды, немногочисленные придворные, которым было дозволено *лицезреть*, как Его Величество поглощает пищу и в знак особой милости — доедать остатки трапезы самодержца; и главное — сенепаль, герцог Беррийский, который не преминет доложить королю о том, что немедийского дуайена, оказывается, можно пинать как бездомного пса.

Амальрик медленно повернулся в сторону Троцero, и глаза его сузились.

— Простите, граф, — с издевкой произнес он на тарантийском патуа, намеренно отказавшись от лэйо, чтобы его слова поняли все — прислуга, стражники, придворные, — по-видимому, я не в добрый час оказался на пути у *наместника* прославленного Пуантена, лучшей провинции в аквилонском королевстве. Мне отродно видеть, что слуги Его Величества так преданы своему господину, что спешат к нему, никого не замечая вокруг.

Музыка смолкла, будто разом оборвались все струны у лютней. В трапезной повисла тяжелая, гнетущая тишина.

Троцero вспыхнул и резко повернулся к Амальрику.

— Я вижу, Его Величество не вышел к завтраку. Жаль! Ему было бы любопытно увидеть, как распоясались наглые немедийцы! Вместо того, чтобы уступить дорогу истинным хозяевам Хайбории, они лезут напролом, точно пьяные крестьяне!

Придворные ахнули хором. Амальрик нахмурился — пуантенец явно что-то затевал, иначе не осмелился бы вести себя столь вызывающе. Но что? И как быть? Не ответить на дерзкие слова он не имеет права — задета честь его державы! Ответить? Но этот разнаряженный петух, одетый будто на бал, явно хочет навязать ему какую-то игру... Нет, этого нельзя допустить ни в коем случае!

Он примирительно поднял вверх руки в мягких перчатках.

— Надеюсь, я неверно понял ваши слова, граф Троцero. Я не настолько хорошо владею аквилонским, чтобы до конца проникнуть в смысл сказанного. Я понял, что вы *нечаянно* задели меня. Должно быть, были погружены в думы о государственных делах. Забудем это досадное недоразумение!

Троцero жестко усмехнулся:

— Извольте, барон. Я готов повторить все сызнова, на понятном для вас наречии — «бельверусские собаки стали слишком громко лаять даже в тарантийской цитадели!»

Последние слова он произнес по-немедийски.

Амальрик поднял брови. Да, видно, какая-то скверная мыслишка накрепко засела у пуантенца в голове, и он во что бы то ни стало хочет вызвать ссору. Ну что ж, сыграем в эту игру и проучим выскочку.

Он снял с руки черную бархатную перчатку и бросил под ноги графу.

— Я к вашим услугам, месьор Троцero. Мой оруженосец сообщит вам о месте и времени нашей встречи. А теперь я прошу меня простить. Я спешу!

Он резко развернулся и своей танцующей, кошачьей походкой неторопливо заскользил к выходу.

— Нет, немедиец!

Амальрик вздрогнул и замер, как вкопанный. Так его называла только Марна. Он изумленно уставился на Троцero.

— Нет, немедиец, — повторил тот. — Я хорошо знаю, как трусливы твои собратья! Стоит дать вам отсрочку, и вы прячетесь в щели, словно мокрицы. Недаром аквилонский змей всегда трепал бельверусских псов. Не будем откладывать нашу встречу. Я требую удовлетворения здесь! Сейчас!

Но Амальрик уже совладал с собой и усмехнулся.

— Здесь. Сейчас, — передразнил он Троцero. — Помилуйте, граф, не собираетесь же вы махать мечом среди супниц и жареных куропаток. Не будьте смешным. Вы не на карнавале.

Троцero подошел почти вплотную к Амальрику. Они не мигая уставились друг на друга — худощавый, чуть сутулый пуантенец в белых одеждах, вышитых Знаком Митры, и подтянутый, мускулистый немедиец в платье цвета воронова крыла, напоминающий крупную северную рысь, изготовившуюся к прыжку. Их взгляды были преисполнены такой ненависти, что, казалось, воздух вокруг них потрескивает длинными снопами искр.

Граф первый опустил глаза.

— Конечно, не стоит биться в столовой, — тихо промолвил он, — для этого существует Охотничий двор. Прошу вас, барон, приготовиться к поединку.

* * *

Отборные немедийские ругательства раздавались в покоех Амальрика, когда он натягивал на себя просторные кожаные штаны, не стеснявшие движений, и тонкую льняную рубаху, на белой ткани которой хорошо видна кровь от ран — он помнил, что аквилонский Дуэльный Кодекс

очень строг в этом вопросе. Надев на ноги грубые солдатские сапоги и подпоясавшись широким ремнем с металлическими бляхами, он подошел к резному зингарскому шкафчику и, поковырявшись ключом в замке в виде оскаленной собачьей головы, распахнул створки.

Здесь был собран весь его арсенал. Диковинное оружие из самых отдаленных уголков Хайбории. Инструменты Смерти, которыми он владел в совершенстве. Барон потрогал свои любимые метательные палицы, коснулся широкого лезвия жайбарского клинка, погладил инкрустированное ложе маленького арбалета, легко уместящегося в седельной сумке, в отличие от своих громоздких собратьев. Эх, жаль, нельзя воспользоваться всем этим богатством! С какой радостью он проломил бы голову докучливому пуантенецу боевым молотом асиров или пронзил его отравленным кешанским дротиком. Может быть, рискнуть и взять с собой какую-нибудь безделицу, вроде кхитайской летучей звезды, родной сестры той, которой он поразил ночного соглядатая? Но нет, нельзя... Нельзя... К ним будет приковано столько глаз, что не удастся воспользоваться этими штуками незаметно. Так, а если попробовать магию? Пара заклинаний — и противник превратится в нескладную куклу с замедленными движениями?

Он покачал головой и с сожалением отказался и от этой мысли. Чтобы нанести ментальный удар, нужно время, а он уже и так возится здесь больше половины клепсидры. Эх, жаль, Марна далеко! Как бы пригодилась ее сноровка! И ей предоставилась бы прекрасная возможность отомстить давнему недругу.

Но что же делать? Не идти же в бой открыто, с распахнутой грудью! Барон знал цену своему воинскому искусству, но не считал нужным рисковать зря. Любой поединок непредсказуем. Достаточно доли мгновения, и капризная судьба может повернуться спиной даже к самому искушенному фехтовальщику. Сколько раз он видел, как опытные бойцы падали от случайного удара какого-нибудь сопливого юнца, который махал мечом наугад, с зажмуренными от страха глазами.

Немедиец задумался. Но вот его лицо озарила довольная улыбка и, порывшись в потайных ящичках шкафа, он вытянул три небольших — не больше крестьянской

лепешки — диска из толстой стали. Эти маленькие щиты, про которые он в другой раз бы и не вспомнил, барон отыскал в офирской оружейной лавке, — торговец утверждал, что они достались ему от воина-карпаща. Полудикские горцы, которые и не подозревали о том, что в мире существуют кольчуги и латы, носили их прямо на груди, под рубашкой, на узких кожаных ремешках. Щиты совершенно не стесняли движений и были незаметны под одеждой. Слава Митре, что он вспомнил о них. Щиты спасут, по крайней мере, от прямого колющего удара в сердце. Пояс с медными бляхами защитит живот, сапоги из кабаньей шкуры — ноги, на руки он оденет перчатки с большими раструбами: под ними не будет видно широких медных браслетов, — а то, говорят, у пуантенцев любимая манера подрезать запястье противнику.

Он закончил экипировку и подошел к большому зеркалу из полированной бронзы — вроде бы ничего не заметно. Ничего не скажешь, камуфляж хорош: внешне он незащищен, как новорожденный младенец — легкая белая рубашонка, тоненькие штанишки, непокрытая голова! Что ж, пуантенский гордец еще горько пожалеет о том, что посмел задеть немедийского дворянина. И, сотворив короткую молитву Солнцеликому, он уверенным шагом двинулся к ристалищу.

* * *

Задний двор тарантийского дворца получил название Охотничьего, потому что отсюда испокон века отправлялась шумная кавалькада аквилонских нобилей в канун охоты на вепря или оленя. Это было неслучайно, ибо он находился в северной части дворца, откуда брала начало дорога на Валонский лес. Большую часть года двором не пользовались, но перед празднеством Осеннего Гона его начисто выметали, выпалывали сорную траву, выросшую между камней, мостили выбоины, оставленные конскими копытами.

С незапамятных времен Охотничий двор был местом дворцовых поединков. Несмотря на многочисленные попытки жрецов Митры запретить дуэли, все их законы так и оставались мертвой буквой — гордое аквилонское рыцарство не могло примириться с тем возмутительным

фактом, что им, в случае нанесенного оскорбления, следовало обращаться в суд, подобно лавочникам и ремесленникам, а не смывать обиду кровью.

Поэтому духовенство вынуждено было смириться с светскими обычаями, уходящими в глубь веков, и ограничиться требованием присутствия на месте поединка лекаря и судьи. Чаще всего в тарантийском дворце в этой роли выступал кто-нибудь из членов королевской семьи.

По обоюдному согласию дуэлянтов, поединок мог продолжаться «до первой крови», или «до конца», пока один из противников не падал замертво.

Все эти сведения промелькнули в голове барона Торского, пока он шел по бесчисленным дворцовым коридорам к месту поединка. Выйдя во двор, он первым делом посмотрел под ноги — всю ночь моросил дождь, и камни блеснули, словно панцири неведомых морских гадов. Амальрик напомнил себе, что нужно быть предельно осторожным — не ровен час, поскользнешься и тогда пиши пропало.

Ждали только его. Немедиец усмехнулся, заметив, что Троцero так и не переоделся к поединку. Его белый упелянд выглядел неуместно на фоне серых каменных стен — точно граф собирался танцевать, а не сражаться на мечах.

В отдалении кучковались немногочисленные придворные, большей частью те, кто присутствовал в трапезной, — видно, аквилонцам не хотелось привлекать излишнее внимание к этой странной дуэли. У Амальрика зарябило в глазах от разноцветных камзолов и пурпуэнов, аляповатых плащей и петушиных беретов. Немногочисленные дамы шушукались и хихикали в ладошку, окидывая оценивающим взглядом мускулистую фигуру немедийца. Похоже, он мог рассчитывать на их внимание... А почему, собственно, и нет? Эрлик их заberi! Чем немедиец хуже пуантенца? По крайней мере, Немедия не была исконным врагом Тарантии и не мечтала перегрызть глотку аквилонскому змею, как независимый и гордый Пуантен. «Официальная Немедия», — поправил он себя и усмехнулся. Посему для придворных прихлебателей едино — что тот, что другой! Неважно, кому всадит десять сенмов стали в сердце, лишь бы только это не произошло слишком быстро и можно было бы насладиться зрелищем боя,

растрясти опостылевшую каждодневную скуку, чтобы было о чем шептаться в дворцовых гостиных.

Взгляд немедийца скользнул левее, и он опешил. Вот так сюрприз! Король! Сам король! Его Величество Вилер Третий изыскал возможность прервать утреннюю трапезу и насладиться забавной сценкой. А он, признаться, и не рассчитывал, что сам государь снизойдет до роли судьи. Вот так дела! С другой стороны, кому Вилер мог доверить эту роль? Валерия с Нумедидесом нет в Тарантии. Госвинта, мать старшего принца, говорят, выжила из ума и почти не появляется на людях. Так что, если задуматься, то аквилонскому королю некого и выставить вместо себя. Он прижал руки к груди и церемонно поклонился аквилонскому самодержцу. Вилер сдержанно кивнул в ответ.

К Амальрику приблизился герольд в красном жакете с широкими рукавами вверх, так что казалось — плечи его неимоверной ширины. Он держал в руках бархатную подушечку, на которой лежали два меча. Барон с подчеркнутым безразличием взял тот, что лежал ближе — он знал, что клинки совершенно равноценны — Дуэльный Кодекс требует, чтобы их клинки не разнились по длине больше чем на верхнюю фалангу большого пальца руки и были выкованы из одинаковой стали. Обычно их лезвия не полировались, крестовина была простой, без всяких украшений, а рукоятка вытачивалась из дерева и не обматывалась ремнями, как это часто практиковалось в настоящем бою, чтобы не скользили руки. На клинке запрещалось наносить руны или девизы, в общем, все то, что может быть истолковано как магия.

Да, нелепая история! Амальрик, конечно, не слышал о том, что граф Троцero отличается вспыльчивым и довольно вздорным нравом, — однако случившееся переходило все границы. Не будь вокруг радостно пляшущих придворных, пришедших в восторг от неожиданного развлечения, возможно, он еще сумел бы замять дело. Но теперь обратной дороги нет!

Он краем глаза взглянул на Вилера — похоже, короля вся эта история привела в такое же недоумение, как его самого. Отчасти он сочувствовал аквилонскому владыке — ведь когда решалось дело чести, вмешиваться тому не позволял этикет. Кроме того, барон Торский не был подданным Короны, да и пуантенец, формально вассал

Вилера, был скорее неверным союзником, чем близким другом, и обращаться с ним приходилось крайне осторожно, точно с хрупким сосудом, — или с ядовитым гаком. И потому Его Величеству ничего другого не оставалось, как обратиться к соперникам с примиряющей речью, заклиная их ограничиться первой кровью.

Что касается Амальрика, он был бы рад обойтись без крови вообще. Разумеется, понятие чести и достоинства было столь же близко его сердцу, как и любому уроженцу Пуантена или Аквилонии, а гордости у него было, пожалуй, поболее, чем у них всех, вместе взятых, — однако он слишком дорого ценил свою жизнь, чтобы позволить себе рисковать ею по пустякам. И необходимость драться из-за подобной безделицы удручала его сильнее, чем он мог бы выразить.

И все же им суждено было сойтись в поединке. Противники обменялись положенными фразами, поклонами, обратились с молитвой к Митре и со словами благодарности и просьбой справедливого суда к повелителю... Амальрик проделал все это с явной неохотой. Он уже прикидывал, как поскорее ранить Троцero, — слегка оцарапать плечо или руку, — чтобы прекратить нелепый поединок... и едва не поплатился жизнью за собственную самоуверенность.

Пуантенец атаковал его бешено, с убийственной яростью, не давая растерянному немедийцу ни мгновения на раздумье. Меч его свистел, разрезая воздух, и барону огромного труда стоило отразить первые удары. Ему пришлось отскочить назад, и он, забыв про мокрые камни, подскользнулся и чудом удержал равновесие, едва не растянувшись на брусчатке...

Дамы ахнули. А в глазах Троцero вспыхнуло злое торжество. И лишь после этого Амальрика вдруг обожгло — граф и вправду стремится убить его. Не унижить, не поранить слегка, чтобы удовлетворить вскипевшую гордыню, не покалечить, в конце концов, а именно — убить!

Это было нелепо, — и Амальрик лишь сейчас понял то, о чем догадаться ему следовало с самого начала: стычка в трапезной всего лишь предлог для пуантенца, который затеял свести с ним какие-то иные, куда более личные счета. Он не помнил, чем мог так оскорбить

графа... они ведь почти не были знакомы, и барон мог по пальцам пересчитать те случаи, когда им доводилось премоливаться хотя бы парой слов... Но сейчас это не имело никакого значения. Глазами Троцero на него смотрела смерть. И немедиец, мгновенно подобравшись, с той быстротой, что уже не раз спасала ему жизнь, стал атаковать, пожалев, что это всего лишь дуэль, а не настоящий бой, где он мог одним взмахом дарфарской палицы раскроить череп старому интригану.

Несмотря на искушенность в воинском деле, барон Торский ненавидел дуэли. Что может быть смешнее и гаже двух забияк, которые насакивают друг на друга и тыкают игрушечными железяками на потеху толпе! В дуэли, хочешь не хочешь, приходится следовать всяким дурацким правилам, придуманным трусами. То ли дело *настоящий бой*! Бой не на жизнь, а на смерть! Бой без правил, где побеждает сильнейший, где нет места поблажкам и околичностям, вроде того, что *нельзя* добивать павшего противника. А почему нельзя, если это твой враг и ты жаждешь его смерти? Быть может, ты и жил-то ради того, чтобы перерезать ему глотку!

Но что же движет графом? К чему пуантенский шут разыгрывает весь этот спектакль? Чем ему не угодил осторожный дуайен, который всегда по десять раз взвешивал каждое слово, прежде чем разрешить ему сорваться с языка? Конечно, нельзя не признать, что Троцero и по сей день не растерял запас отваги и безрассудства, а по его движениям видно — в молодости он был непревзойденным фехтовальщиком.

Амальрик подпрыгнул — Троцero попытался подсесть его — и в прыжке ответил страшным ударом сверху. Граф молниеносно вскинул меч и ловко отразил его выпад. «Да, любезный пуантенец, — подивился Амальрик такому мастерству, — мало кто в Хайбории сумел бы устоять против этого приема. Ведь это придумка коварных гирканцев! А ты, похоже, и вправду мастер клинка. Но время, время, граф... Непримируемое время, которое не признает былых заслуг и беспощадно к тем, кто разменивает пятый десяток. Время покровительствует молодым и им, только им, дает шанс! А старики должны сидеть у камелька и вспоминать о былом, а не размахивать оружием, веселя охочую до зрелищ публику! Ведь не прошло и четверти

клепсидры, а твой меч уже вздымается куда реже. Вон и пот по лицу градом покатился, и дыхание сделалось прерывистым и хриплым. А ведь это только начало...»

Немедиец решил ограничиться тем, что парировать все удары противника — по его расчетам, Троцero должен будет выбиться из сил, и поединок прекратится сам собой. Потом можно будет попытаться найти общий язык с пуантенцем. В конце концов не зря же говорят, что он весьма неглуп. А раз так — должен внять голосу рассудка. Хуже будет, если граф не отступится и будет и дальше воображать себя древним героем Астельдом, поражающим Хоротскую Гидру. Тогда придется его ранить, но не сильно, так, чтобы обездвижить. И честь пуантенца будет спасена, но политического скандала можно будет избежать. А то виданное ли дело — немедийский посланец, глаза, уши и язык венценосного Нимеда, убивает аквилонского вельможу. Да еще не кого-нибудь, а владыку Пуантена, на котором только и держится мир с Тарантией! Вряд ли Вилер поблагодарит его за это. А еще Марна! Не зря старая ведьма предупреждала его, чтобы он не трогал южанина. Будто чуяла, чем все может обернуться... Да, здесь пахнет жареным... Если он, не приведя Митра, поразит Троцero, то всем его планам — конец и из Тарантии придется убираться. А что дальше? Возвращаться в Бельверус? Чтобы весь двор шушукался за его спиной, а чопорные нобили сетовали, что из-за бестолкового посланника подмочены отношения с дружественной державой! Нет уж, тогда лучше вернуться в Хорайю и вновь поступить на службу к Ясмеле, простым начальником стражи!

А Троцero между тем не сдавался. Мечи сшибались, лязгали, высекали искры. Амальрик нанес Троцero несколько царапин, нарочно неглубоких, так что рукав рубахи у того лишь слегка окрасился кровью, и уверенный, что ни король, ни придворные не смогут услышать его, вполголоса произнес:

— Граф, может, хватит балагана? Эти пляски мне изрядно надоели. Первая кровь пролита — так давайте покончим на этом!

Трудно сказать, на что он надеялся. Лицо пуантенца исказилось от ярости, и он прохрипел, с удвоенной силой нанося удар, который барону удалось отразить не без

труда, и клинок южанина срезал кружевной воротник на его рубахе, едва не зацепив шею.

— *Никогда* — слышишь, немедийская собака! Я убью тебя! Сама Авкилония поразит тебя моей рукой, подлый заговорщик!

Лишь теперь понимание снизошло на Амальрика. Выходит, граф прознал о его планах... Стоп! А не тот ли он загадочный всадник, который столь ловко ускользнул давеча от погони? Да — должно быть, он! Так значит, старый глупец решил самолично избавить престол от угрозы. Какая гордыня и самонадеянность! Должно быть, этот фигляр в уже изрядно запачканной белой рубахе с золотым шитьем не сомневался, что сам Митра придет ему на помощь в поединке за правое дело! Вот, значит, зачем он так вырядился. Надеется, что своим благородным поступком войдет в анналы, которые кропают придворные летописцы... Амальрик расхохотался бы вслух, если бы положение не было столь серьезным.

Теперь он знал, что Троцero готов идти до конца, уговоры и призывы к здравому смыслу были здесь бессильны. Остановить его могла лишь смерть.

Неожиданно он полуприсел и, бешено вращая мечом, кошачьими шагами пошел на графа. Поробуй-ка всеерную защиту уттарских чжана, болван! Но на долю мгновения он открылся — сказалось отсутствие постоянных тренировок. Он был уверен, что противник не успеет очухаться после столь резкой атаки. Но стремительный клинок Троцero, точно ядовитая змея, ринулся в его сторону и ужалил точно в сердце.

Кто-то из женщин вскрикнул. Вилер оттолкнул рослого гвардейца, стоявшего чуть впереди и зорко следившего за дуэлянтами, готового в любой момент прикрыть венценосца грудью, — и не в силах больше сдерживать волнение, непроизвольно сделал шаг вперед. Он уже видел, как немедийский посланник падает на сырую брусчатку и выпускает дух.

Так оно и было бы, если бы не маленький карпашский щит. Маленькая круглая железяка, в которую ударила сталь Троцero. Изделие безвестного горского кузнеца. Знал ли тот, что сковал своими сильными, заросшими черными волосами руками? Ведал ли, что крохотный кусок железа, который он закалял, окуная в снег, изменит

судьбы всего Хайборийского мира? Мог ли вообразить, что в его заскорузлых пальцах в тот миг были сосредоточены тысячи людских жизней?

Троцero также замешкался на мгновение. Он по праву мог гордиться своим коронным приемом, который в считанные мгновения отправлял души врагов на бескрайние просторы Серых Равнин. Он знал, что против укуса его клинка нет противоядия, и никому еще не удавалось прожить лишний миг после такого удара.

Что ж, немедиец был славным воином и храбро сражался! Жаль, что всемогущие боги решили сделать его врагом Авкилонии. По совести говоря, он обладал гораздо большими достоинствами, чем многие уроженцы жемчужины Запада. Да упокой, Митра, его душу в своих Небесных Чертогах...

Ведь после такого удара никому еще не удалось прожить лишний миг!

Никому...

Никому...

Никому...

Но не Амальрику Торскому. Троцero на миг ужаснулся, решив, что бредит, что усталый мозг отказывается служить ему, что его глаза лгут. Этого не может быть, Митра всемогущий! Не может быть, чтобы человек, не защищенный латами, а одетый в легкую рубашку, даже не поморщился от прямого удара в сердце...

Вздор!

Морок!

Наваждение!

Сейчас он опустит веки, и все пройдет. А когда вновь откроет глаза, то увидит поверженного немедийца с красным кругом на рубашке.

Он смежил вежды и не смог увидеть, что его противник и не думает падать навзничь, а заносит руку для ответного удара. Он закрыл глаза всего лишь на долю мгновения. Но этого хватило, чтобы острая сталь немедийского лезвия, небрежно скользнув по ребрам, вонзилась ему в бок.

Троцero рухнул на землю, выронив меч, зажимая страшную зияющую рану. На белом упелянде набухал багровый круг. Его кровь, горячая, дымящаяся, залила каменные плиты и стекала ручейками по узким желобкам. Наступила мгновенная пауза. Амальрик застыл над по-

верженным противником, сжимая в руках окрашенный алым клинок, затем медленно обернулся к королю.

— Ваше величество...

Вилер молчал, пораженный. Молчали и все во дворе, ибо никто из них не видел *такого* никогда. Уже потом, к вечеру, оправившись от первого изумления, свидетели дуэли будут небрежно цедить через губу, что, мол, тут дело нечисто и, явно, не обошлось без магии, намеренно забывая о том, что не существует ворожбы, могущей защитить от каленого железа.

Король был растерян. Он не знал, как себя повести. Да, поединок проходил по правилам, — ему не в чем было упрекнуть победителя. Однако то был *немедиец*! Враг! Он, восторжествовав над его вассалом, унизил всю Аквилонию! Тяжелый взгляд Вилера задержался на невозмутимом лице посланника, затем переместился на распростертую на земле фигуру, к которой уже спешил, сжимая в руках сумку с инструментами, дворцовый хирург.

— Поединок объявляется оконченным. Оскорбление смыто кровью, — произнес король положенные слова на холодном, торжественном лэйо, и перешептывавшиеся у него за спиной придворные затихли тревожно, ожидая и страшась продолжения. То, что начиналось, как невинное развлечение, неожиданно заканчивалось трагедией. В конце концов, уже многие годы не одна дуэль в Тарантии не завершалась смертью... И все же король знал, что он бессилен предпринять что бы то ни было. Правда была на стороне немедийца. Все, что ему оставалось, это дать ощутить убийце всю тяжесть королевского гнева...

— Ступайте, барон. Празднуйте, — холодно промолвил он. — Сожалею, что не могу разделить ваше торжество.

Стиснув зубы при столь неприкрытом оскорблении, Амальрик все же нашел в себе силы поклониться.

— Как будет угодно Вашему Величеству. Однако осмелюсь сказать, что душа моя столь же далека от торжества, как и вапа...

Он отшвырнул меч на брусчатку, и тот зазвенел, как храмовый колокол.

Вилер не произнес в ответ ни слова. Пренебрежительно махнув рукой, он развернулся и размашистым шагом, подметая лапами горностаевой мантии мощный двор,

удалился в свои покои, сопровождаемый примолкшими, гадающими, что будет дальше, придворными.

* * *

Остаток дня Амальрик был сам не свой. Он проклинал себя за неосторожность, хотя и не знал толком, в чем она заключается, ибо Троцero, поистине, не оставил ему другого выхода. Останься пуантенец в живых, он не успокоился бы, пока не уничтожил немедийца, сам или руками убийц. Однако, судя по настроению короля, смерть графа достигла почти того же эффекта: должно быть, Вилер вскоре сообщит ему, что не нуждается в услугах посланника, и Амальрику придется удалиться не солоно хлебавши. И это тогда, когда мгновения решают все, а промедление может быть чревато гибелью.

Как же возликовал барон, когда до него докатилась весть о том, что рана оказалась несмертельной, и Троцero, скорее всего, поправится. Он готов был плясать на месте и хлопать в ладоши, да что там хлопать! Он готов был кувыркаться через голову, как самый последний акробат из балагана. Да, Митра явно благоволит к нему, если сохранил жизнь этому пуантенцу! Завтра же он принесет Пламенноликому обильную жертву! Нет! К Нергалу — завтра! Сегодня! Сейчас! Он отсыпал пригоршню золотых лекарю, пользовавшему пуантенца, и строго-настрого наказал тому сообщать незамедлительно о малейших ухудшениях драгоценного здоровья графа Троцero. На радостях он едва не распорядился послать раненому лучшего немедийского вина с пожеланиями скорейшего выздоровления, — однако спохватился, что жест этот, скорее всего, будет истолкован превратно. И все же чувство, что испытал при этой вести Амальрик, было сродни ощущениям осужденного на казнь, помилованного уже на пути к плахе. Неожиданно он вспомнил Ораста — так вот что чувствовал тот, когда на площади возводили поленницу для костра!

Конечно, живой пуантенец тоже опасен! Но, видно, он понимает, что все, что он в силах поведать королю, невозможно доказать! А раз так, то у него, Амальрика, еще есть время, чтобы довести до конца задуманное...

Амальрик засиделся далеко за полночь, напиваясь в одиночестве сладким пуантенским вином, поднимая бокал за здоровье раненого графа, себя самого и будущего короля Аквилонии.

* * *

Нынешним утром, однако, от вчерашней радости не осталось и следа. Первым делом он послал слугу осведомиться о самочувствии Троцери и, с облегчением услышав, что ночью тому не стало хуже, принялся обдумывать насущные дела, что ожидали его сегодня. И, для начала, решил поговорить с принцем Нумедидесом. Им было что сказать друг другу.

Однако здесь его ожидало разочарование. Посланный с короткой запиской слуга вернулся сообщить, что Его Высочество прибыли еще вчера, но до сих пор изволят почивать и велели до полудня не беспокоить. От себя же он добавил почерпнутые по пути слухи, что накануне ночью в покои принца его конфидант зачем-то приводил огромного варвара, известного в городе командира отряда наемников. Тот пробыл у Нумедидеса почти до утра и удалился, по слухам, в хорошем расположении духа.

Вести эти насторожили Амальрика, он ощутил дрожь дурных предчувствий, — точно черная птица Зигдаль отбросила на него тень огромного крыла. Он не доверял сумасбродствам Нумедидеса, и то, что этот слизняк счел нужным действовать в одиночку, не посоветовавшись предварительно с дуайеном, показалось тому дурным знаком. А уж то, что он нанял для каких-то низменных целей Вольный Отряд, и вовсе предвещало массу неприятностей. Митра, с какими глупцами приходится иметь дело! Куда, спрашивается, лезет этот обрюзгший слюнтяй? Лучше бы, как прежде, вволю лакал вино, щупал покорных служанок да просаживал деньги в тарантисских кабаках! Ведь своими дурацкими шутками он запросто может перечеркнуть все планы повстанцев... Планы, которые столько зим выкладывались по кирпичику, по щепочке. И все может полететь псу под хвост из-за какого-то выродка! Барона охватило желание ворваться силой в покои Нумедидеса и трясти этого жирного болвана, покуда тот не сознается, что затеял... В беспомощной ярости он заметался по

комнате и лишь усилием воли смог заставить себя остановиться и вновь сесть в кресло.

Дурные дни наступили для них. Черные дни. Он чувствовал это! Ему захотелось вскочить на коня и умчаться прочь из этой проклятой всеми богами Аквилонии как можно дальше, не останавливаясь, покуда не достигнет границ Торы, — однако то были лишь мечты, и он прекрасно сознавал это, равно как и то, что ровно через месяц пребывания в вожделенной Торе вззоет от тоски, точно северный волк на луну, и устремится куда глаза глядят, на поиски интриг и приключений.

Внезапно странный звук за окном привлек его внимание. Какая-то птица царапала когтями свинцовый переплет, пытаясь сесть на окно, хлопала крыльями, стучала клювом в стекло... Не веря своим глазам, Амальрик приблизился, затем дрожащими пальцами отодвинул задвижку. В комнату влетел огромный ворон.

Склонив голову, птица опустилась на спинку кресла, не сводя с немедийца блестящего взгляда черных глазбусинок. Несколько секунд они смотрели друг на друга, — и вдруг ворон каркнул, резко и повелительно. Амальрик вздрогнул от неожиданности. Однако это мгновенно привело его в чувство. Он вспомнил, что надлежало делать.

Неверной рукой он повел перед самым клювом ворона, как когда-то учила его колдунья, и медленно начертал в воздухе три таинственных знака. Если он ошибся, птица немедленно улетит; однако уроки Марны не пропали даром. Ворон взмахнул крыльями, словно собираясь взмыть в воздух, и вдруг застыл неподвижно, раскрыв клюв. Однако вместо прежнего карканья из горла его донеслись хриплые, гортанные звуки человеческой речи:

— Марна, лесная владычица, шлет привет тебе, Амальрик Торский. — Барон склонился ближе, боясь упустить хоть слово. На лбу его от волнения выступила испарина. Хотя колдунья в свое время и предупреждала его о том, что если понадобится она, пришлет крылатого посланца, барон отнесся к ее словам легкомыслию, приписав их чудачествам старой ведьмы. Однако ворон говорил — и у него не осталось сомнений. Дурное предчувствие навалилось на него, прежде чем он услышал последние слова птицы: — *Поторопись, посланник! Охотник выпустил стрелу! Поторопись!*

ОБРАЗ СИЛЫ

В тот самый миг, когда зловещий посланец Марны предстал перед бароном Торским, у Северных ворот Тарангии, самых шумных и многолюдных, через которые с рассвета до заката струился бесконечный неуправляемый поток — повозки, экипажи, паланкины, телеги, всадники и пеший люд, — случилось настоящее столпотворение. По одной из боковых улочек к воротам выехал, оттесняя горожан и съезжавшихся на рынок торговцев, небольшой отряд вооруженных людей. Любой без труда определил бы в них вольных наемников. Мрачные, иссеченные шрамами лица, загорелые и обветренные, с забранными сзади в хвост длинными волосами; остро отточенные мечи, запыленная одежда... В них не было ничего показного, ничего, что привлекло бы взоры поэтов. Это были настоящие волки, сильные безжалостные звери, готовые перегрызть глотку любому, кто осмелится встать у них на пути.

Однако было в них нечто, что заставляло насторожиться любого, имеющего хоть каплю здравого смысла — воины были одеты в доспехи Антуйского Дома. А их штандарт изображал золотой квадрат на синем фоне, в центре которого горделиво гарцевал красный единорог.

Но почему эти странные люди, среди которых только двое могли с натяжкой называться аквилонцами, да и то один был гандер, другой танасулец; а остальные и вовсе офицеры, кофиты и зингарцы, носили цвета принца Валерия? Неужто он формирует отряды ландскнехтов открыто, не таясь, презрев указ короля? И что все это значит? Не пахнет ли тут войной?

Возглавлял отряд могучий черноволосый воин с пронзительным взглядом синих глаз. Он держался в седле настолько непринужденно, как будто вырос в нем, а своей горделивой осанкой и царственным взглядом напоминал царя зверей. Не зря трусливые стигийцы, завистливые аргосцы и дикие воины из Черных Королевств дали ему прозвище Амра-Лев. В хайборийских же королевствах его звали Конан-варвар и это имя многим внушало страх и приводило в трепет.

У него одного на голове красовался шлем с султаном из конского волоса; за плечами развевался синий плащ,

с тем же багряным единорогом на золотом фоне. Бугривая мышца правая рука уверенно лежала на рукояти длинного прямого меча, а левой он крепко держал под уздцы своего скакуна.

Его взгляд был свиреп, а в синих глазах, казалось, застыл лед, подобно тому, что даже холодным летом лежит в расщелинах скал его киммерийской родины. Редкие прохожие, кто осмеливался встретиться с ним глазами, спешно отводили очи и старались укрыться в тени.

У ворот он чуть придержал коня и оглянулся, проверяя, все ли на месте. Он сделал это скорее по привычке, чем по необходимости, прекрасно зная, что его парни, отчаянные рубаки, готовые, если надо, спуститься в любую из девяти преисподних самого Зандры и вытащить оттуда за хвост лукавого Властителя Зла, лучшие из лучших, отобранные тщательно из людского жнивья, с той же рачительностью, с какой пахарь отделяет здоровые, могущие дать добрый урожай зерна от черных плевел; гордые изгои, признающие над собой лишь одного господина — своего командира, — следуют за ним в образцовом порядке, ни на шаг не отставая, и готовы ринуться в бой по первому же зову. Вид их наполнил радостью сердце северянина — пусть этих парней он знал немногим дольше одной луны, но уже сроднился с ними, словно с собственным мечом. Конан никогда не забывал слова своего отца, сурового Ниуна, который не раз говорил ему, гордому киммерийскому несмышленищу: «Могут предать все — братья, друзья, женщины! Верь только мечу! Лишь он один не оставит тебя до конца!» Поэтому он относился к своим солдатам удачи, словно к оружию, которое всегда, начищенное и смазанное, должно быть под рукой.

И хотя северянин частенько поддразнивал своих ратников, называя их хауранскими гиенами, готовыми за звонкую монету перерезать горло даже собственному брату, хотя частенько потчевал их полновесными тумаклами, отучая отлынивать от работы и вбивая в их упрямые головы дисциплину, они знали: их командир заботиться о них как о собственных детях. Они знали: он один не побрезгует отсосать гной или яд из раны, полученной в бою или потасовке; только он не пожалеет денег, чтобы выкупить из городской тюрьмы, куда они не раз попадали по глупости, за драки в тавернах; он один не побоится

прикрыть в сражении собственной грудью и, самое главное — никогда не предаст, не бросит на произвол судьбы... Они знали все это, и готовы были идти за киммерийцем хоть на край света...

Конан нахмурился — сегодняшнее дело было решено в одночасье, так спешно, что у него не хватило даже времени обсудить его с Невусом и Бернаном. Гандер и танасулец! Кто лучше них может знать, что творится в этой странной стране... Конечно, теперь у них есть работа, но такая, которая не вызывает в душе его ничего, кроме неприязни. Будь он один — десять раз бы подумал, прежде чем согласиться на нечто подобное. Но сейчас варвар не имел права на отказ — на его плечах лежала ответственность за десяток душ. Ведь его люди нуждались в деньгах. Таверна, ночлег, лошади, снаряжение, да что греха таить: кости, выпивка и женщины — все это стоило немало, особенно в Тарантии, надменном городе, величавшем себя жемчужиной Запада, за привилегию жить в котором приходилось платить дорогой ценой...

Он еще раз проиграл в памяти разговор с этим жирным принцем Нумедидесом, похожим на скользкую, бородавчатую жабу. До чего же мерзкая рожа, Кром его поberi! Однако то, что он рассказал, заставляло призадуматься.

Неужели черное колдовство Саломеи не умерло там, в знойных бараханах Хаурана а протянулось сюда — в центр хайборийского материка, подобно ядовитой паутине? Неужели оно не иссякло со смертью этого отродья Тьмы, а взошло мрачным урожаем в душе принца Валерия и его сподвижников? Кром поberi всех магов и чародеев!

Конан стиснул зубы. Ничего! Когда-нибудь настанет час, и он огнем и мечом выжжет всю эту скверну — все эти Черные Круги, Красные Кольца, Белые Руки! Он задушит собственными руками всех чернокожишников, что попадутся на его пути, и будет без пощады разить нечисть, покуда бьется его сердце, а руки в силах сжимать меч!

Но сейчас предстояло выполнить работу, чтобы оправдать содержимое увесистого кожаного кошелька, так приятно оттягивавшего его пояс. Он не мог думать о предстоящем без неприязни. Ох, как же он ненавидел все, связанное с колдовством. Его дикарская душа наполнялась

отвращением только при одной мысли о нем... Будь они прокляты, эти аквилонские и немедийские дворянчики, готовые ради наживы и жажды власти продать свои души Змееголовому Сету...

* * *

Вчера вечером они поужинали все вместе, за длинным столом, специально для них установленном в большом зале таверны. Парни сказали, что хотят отправиться в город, поразвлечься немного. О тарантийских жрицах любви был наслышан каждый, — однако киммериец почему-то отказался составить им компанию. Душа не лежала веселиться.

Он зашел проводить Бернана. Парень поправлялся на славу и уже принялся нить, что ему скучно лежать одному, когда остальные развлекаются, — что, по мнению Конана, было добрым знаком. Когда человек думает о бабах и о выпивке, значит, пошел на поправку и через пару дней уже сможет сидеть в седле. Вот только каждый раз, когда он смотрел на Бернана, его точила одна мысль: лекарю, что приводил парня в порядок, после наспех проделанной киммерийцем операции, он отдал последние деньги. Жизнь в Аквилонии оказалась непомерно дорога...

Конечно, какое-то время в таверне им будут отпускать в кредит, — едва ли хозяин решится связываться с дюжиной таких молодцов, — однако рано или поздно терпение его истощится. А это не какой-нибудь Хауран. Здесь к должникам сразу зовут городских стражников, а у тех лекарство одно: долговая тюрьма и принудительные работы. Доводить свой отряд до такой крайности Конану не хотелось. Но тогда следовало как можно скорее разжиться деньгами.

Разумеется, как только они оказались в Тарантии, он поспешил навести справки. Благо в это время почти весь двор был в сборе, и он не сомневался, что кто-нибудь из местных нобилей не преминет заинтересоваться его молодцами, — но жестокое разочарование ожидало его. Никто не желал иметь с ними дела.

В большинстве резиденций киммерийца не пустили даже на порог, шарахаясь от него, точно от зачумленного. Он никак не мог взять в толк, в чем тут дело, пока не

разговорился в таверне с одним пуантенцем, Лорантом, служившим у графа Троцерио. Тот объяснил ему все — и слова его повергли Конана в растерянность. По закону, изданному в начале осени королем Вилером, никто из аквилонских вельмож не имел права нанимать себе дружину, не получив на то соизволения Его Величества. В соизволении же до сих пор отказывалось всем и каждому. Похоже, король начал опасаться своих вассалов, подумал тогда киммериец. И это серьезно осложняло его положение!

«Пуантен — дело другое, — сказал ему тогда Лорант. — Наш граф никогда на войска не скупился. Казармы — битком. На плацу, что ни день, учения...» — Старый вояка вздохнул, добрым словом помяная давно минувшие времена, но, заметив, как вспыхнули жадным огнем глаза собеседника, огорченно развел руками. «Теперь не то... Как с Аквилонией замирились — половину отрядов граф и распустил. А новых не нанимает. Ни к чему, говорит».

Заливая горе, с говорливым южанином они осушили не одну чашу медовухи... Но это не решило проблемы.

И оставшись один в таверне, Конан, подперев кулаком черноволосую голову, пытался решить, как сообщить своим товарищам, что им вновь пора трогаться в путь, — и на сей раз, на голодный желудок.

Он был настолько поглощен невеселыми мыслями, что заметил незнакомца, лишь когда тот был в пяти шагах от него, — непростительная оплошность, по меркам киммерийца. И потому, часть досады переноса на незваного гостя, неприветливо рявкнул, едва подняв голову:

— Чего тебе? Попрошайкам не наливаю! — И, в подтверждение своих слов, поближе придвинул глиняный кувшин, где вино плескалось уже на самом доньшке, — по его расчетам, это был едва ли не последний глоток, что он мог себе позволить.

Незнакомец хихикнул, но как-то неуверенно, неуклюже скрывая неловкость, которую большинство людей ощущали обычно в присутствии северянина.

— Разве так встречают тех, кто хочет предложить работу?

Работу? Что ж, это становится интересно. Киммериец мгновенно насторожился, однако, верный законам южных базаров, никак не выказал интереса.

— Хм-м, — протянул Конан небрежно, жестом демонстрируя незнакомцу, мол, садись, и тот поспешно опустился напротив. — Мне всегда казалось, чтобы нанять кого-то на работу, нужно обоюдное желание. С чего ты взял, что я захочу иметь тебя своим хозяином?

Острый подбородок дернулся, точно пришедший с трудом удержался от крепкого словца, и это придало Конану бодрости. Уж если его не посмели одернуть, значит, в нем заинтересованы всерьез. За долгие годы службы наемником он это усвоил точно. А потому взглянул на предполагаемого работодателя с удвоенной дерзостью.

— Так что же ты хочешь мне предложить?

— Не я, не я, Митра упаси! — Тот замахал руками, отметая самую возможность того, что по собственной воле он мог бы связаться с таким грубым и опасным типом, как варвар-северянин. — Мой господин пожелал видеть тебя.

Это было уже интереснее. Конан приподнял бровь.

— И кто же он, твой господин, что не боится нарушить приказ короля?

Гость его, как он и ожидал, при этих словах пугливо заозирался по сторонам, проверяя, не слышал ли кто крамольных речей, что вели они между собой, — и киммериец не стал даже скрывать презрительной усмешки. Только последний дурак, если ему есть что скрывать, ведет себя так, — трясется от каждого шороха, стреляет во все стороны глазами, пригибается к столу и говорит заговорщическим шепотом. Нет, единственный способ утаить что-то — это вести себя вызывающе и дерзко, трубить о своих секретах всем и каждому... так уж устроены люди, что никогда не поверят в тайну, когда о ней кричат на всех перекрестках.

Однако столь простые истины, похоже, были неизвестны посланцу загадочного господина. Напряженно, приложив палец к губам и зловеще вращая глазами, — так что Конан едва не расхохотался, — он просипел:

— Это тот самый человек, кого вы спасли по дороге из Амилии.

В первый момент северянин не понял, о ком идет речь. «Постой, — хотелось сказать ему, — но ведь Бернан там, наверху. Зачем ему кого-то присылать ко мне?..» Как вдруг вспомнил, что был еще один спасенный. Не назвавший

своего имени толстяк, бледный, потный, с неестественной, точно приклеенной улыбкой... Он говорил, что не забудет оказанной ему услуги, — хотя сам Конан почитал возможность разогнать две дюжины нищих селян с дрекольем скорее забавой, нежели ратным подвигом. Но, как видно, услуга вспомнилась и пришлась к стати.

Терять ему было нечего, и Конан неспешно поднялся, во весь свой гигантский рост, чем еще более смутил своего гостя.

— Пойдем. Надеюсь, вино у твоего господина получше, чем в этой дыре... — Однако, если посланец что-то и ответил ему, северянин пропустил слова его мимо ушей, поскольку, не дожидаясь, направился к двери.

* * *

...А вино, и вправду, оказалось отменным. Фаренское, без труда определил киммериец. Годы, проведенные в южных странах, научили его неплохо разбираться в этом, и теперь он смог воздать должное королевскому напитку. Королевскому — еще и потому, что вместе с ним его пил если и не сам король Аквилонии, то, по крайней мере, его наследник, принц Нумедидес.

Впрочем, на своем веку Конан повидал немало коронованных особ, а также некоронованных, но у кого власти в одном мизинце было поболее, чем у большинства самодержцев, и потому встреча с аквилонским принцем ничуть не смущала его. И ему забавно было наблюдать, как пыжится наследник престола, чтобы произвести впечатление на простого наемника.

Впрочем, в Нумедидесе многое было странным, и в самих его покоях, — куда киммерийца провели украдкой, только что не завязывая глаза, — просторных, но кажущихся тесными из-за невероятного нагромождения мебели и всевозможных безделушек, редкостных, но очевидно, что не любимых и не ценимых хозяином; и в том, какая в кабинете принца стояла жара, ибо окна были здесь запечатаны наглухо, и огромные поленья полыхали в очаге; а более всего, в манерах хозяина. Какая-то была в нем нескладность, глубинное внутреннее несоответствие, и варвар, обостренным звериным чутьем, мгновенно уло-

вил это, — как если бы перед ним была овца, которая вдруг принялась бы, подобно волку, поедать сырое мясо.

Он не мог понять, чем вызвано это чувство, странной ли неживой улыбкой принца, или его манерой речи, когда слова то текли размеренно и плавно, то вдруг сливались в неразборчивую, брызжущую слюной скороговорку, или общим видом его, странной несообразностью движений, точно все части тела принца, и в особенности, руки, жили своей, независимой жизнью, неподвластной воле разума. Пальцы принца находились в постоянном движении. То терзали бахрому платья, то вцеплялись в подлокотники кресла, то вдруг принимались оглаживать друг друга, точно слепцы, знакомящиеся на ощупь... В один момент Конан поймал себя на мысли, что должен немедленно прекратить смотреть на эти руки, иначе безумие угрожало ему, — и в тот же миг, как он отвел глаза, сделалось легче.

И все это было тем более странно, что принц был весьма любезен с ним. В нем киммериец не заметил ни чванливости, так свойственной большинству людей его круга, ни узости взглядов, ни мелочности. Больше всего Конана поразило то, что принц желал нанять его для службы, не связанной напрямую с какими-то личными, корыстными интересами. Нет, Нумедидес радел прежде всего за Аквилонию!

Сперва, правда, он не поверил ему. Слишком это было невероятно. Он достаточно насмотрелся на королей, наследников и их приближенных, чтобы не заподозрить нечистую игру, как только в ход идут речи о благе отчизны и народа. Он попросту не мог заставить себя поверить в это, и так и сказал принцу. Тот опечаленно вздохнул.

— Да, я понимаю. — В глазах мелькнул огонек интереса. — Но разве тебе не все равно, кому служить? Я всегда считал, что наемники...

— ...Такие же разные, как и те, кому они служат, — оборвал его Конан. Про себя он добавил, что большинство солдат удачи куда честнее и отважнее принцев, с кем сталкивала его жизнь, — но дипломатично промолчал. — И все же мне не слишком по душе это предложение. Ваше Высочество предлагает контракт, который практически за-

кабалит мой отряд. Задаток слишком велик — мы никогда не сумеем выплатить его, если решим оставить службу.

— Зачем же вам оставлять ее? — Но наивность Нумедидеса была показной. Конан даже не стал отвечать на этот вопрос. — Уверю, тебе понравится служить Аквилонии. А там, может статься, обстоятельства изменятся... и тебе не придется пожалеть, что остался здесь. В дворцовой страже всегда найдется теплое местечко.

— Теплые местечки пусть ищут старики да бабы на сносках, — буркнул Конан в ответ. Намек на могущие перемениться обстоятельства не слишком понравился ему. — Настоящему солдату это ни к чему.

— Что ж, и настоящему солдату в Аквилонии найдется работа. — Принц был на диво миролюбив. Памятуя их встречу на дороге, Конан не ожидал от него такой уступчивости. Он даже намеренно старался спровоцировать того на взрыв, ибо в сердцах человек скорее выдает свои истинные мысли и чувства, а киммерийцу проникнуть в намерения будущего хозяина пришлось бы весьма кстати, однако Нумедидес оставался непроницаем. — И, я уверен, ты согласишься со мной, когда услышишь об истинном положении дел в государстве.

Разговор принимал любопытный оборот, и Конан насторожился. С первого дня прибытия в Аквилонию он не раз имел возможность убедиться, что что-то неладно в «жемчужине Запада», что-то точит ее, как червь на корню точит спелый, надитый зерном колос. Он вспомнил тролля. Перерезанные сухожилия Бернана. Огненных саламандр. В самой отдаленной стране Хайбории не поджидало его столько опасностей, как в этой цивилизованной державе.

— Что же за беды тревожат сиятельного принца?

Нумедидес вздохнул. Белые руки его вновь начали свой загадочный танец.

— Мне придется начать издалека, — произнес он негромко. Конан кивнул, показывая, что обратился в слух. — Но ты должен знать одно: зараза предательства и черного колдовства губят Аквилонию.

Конан усмехнулся. Вот оно! Стало быть, он и впрямь не ошибся. Прекрасная Аквилония больна, — и, похоже, рок, в который раз, избрал его на роль лекаря. И если перед тем у киммерийца не было уверенности в том,

следует ли принимать предложение Нумедидеса — ибо он не мог заставить себя до конца доверять ему, да и предложенные условия, чрезмерно соблазнительные, явно таили в себе подвох, — то теперь у него не осталось иного выбора. И дело было даже не в принце, не в его уговорах и тем более не в его золоте. Длань Крома, холодную и могучую, ощутил киммериец на плече своим в это мгновение. Кром отметил его! И подтолкнул вперед! И у него не осталось иного выбора, кроме как двинуться по пути, указанному грозным божеством северян.

— Но где источник скверны? — спросил он Нумедидеса. — Ибо всякий сорняк надлежит вырывать с корнем, а ос выжигать вместе с гнездом... Так где же хоронится зло?

Принц, похоже, ждал этого вопроса. Радость и облегчение читались на обрюзгшем лице, странным образом меняя его выражение, делая его почти мальчишеским, — если бы не опущенные книзу уголки губ. Он собственноручно, не желая дожидаться слуг, подлил им обоим вина.

— Ты принял мое предложение! Я рад! — Это был не вопрос, но утверждение. И в последней фразе было сухое удовлетворение, не более, точно он знал, что все пройдет именно так, и гордился удачно разыгранной партией.

Конан подавил смутное раздражение. Нумедидес не нравился ему — не понравился еще в тот первый день, — но никто больше во всей Аквилонии не желал нанимать их... и тем более, платить пятьсот золотых задатка. Но даже если бы тот не заплатил ни медяка — воля Крома была для киммерийца священна, а сейчас он ощущал ее столь явственно, точно видел перед глазами начертанные огнем письмена.

— Я принял предложение, — подтвердил он. — Но хочу все же знать, что здесь происходит.

Нумедидес подлил себе вина.

— Мой дядя стар. — В голосе его была неподдельная печаль. — В былые времена ему потребовалось бы не больше трех седмиц, чтобы навести порядок в стране, огнем и мечом выжечь заразу мятежа и очистить Аквилонию от смердящих чернокнижников, как то было совершено в свое время в Немедии. — Если он и заметил, как вспыхнули при этих словах глаза Конана, то не подал вида. — Однако годы берут свое, и владыка уже не тот,

что прежде. Сила покинула его! Боевой меч выпал из некогда мощной десницы... — На миг тоном голоса Нумедидес напомнил киммерийцу бродячего певца... и пальцы его шевелились, точно перебирая струны... но вскоре иллюзия исчезла. — Король слишком ослаб, чтобы удерживать страну в повиновении. Мятежники спешат воспользоваться этим!

— Да, я понял, — отозвался Конан нетерпеливо. Сколько можно переливать из пустого в порожнее? За то время, что он в Аквилонии, он уже составил себе довольно ясное представление о том, что здесь происходит. Вилер не способен призвать своих нобилей к порядку; бароны же жаждут власти и, подобно шакалам, готовы утащить кусок из-под носа у умирающего льва. Знакомая история, повторявшаяся тысячекратно! И можно понять Нумедидеса — как наиболее вероятный претендент на престол, он стремится сохранить для себя страну в целостности, а не получить ее разоренной войнами и восстаниями. И если законный правитель не способен или не желает действовать, принц прав, что не складывает с себя ответственность и пытается защитить свое наследие любыми способами. Любыми! Сам Конан на его месте действовал бы именно так...

— Но кто же заговорщики? Пуантен? — Ему невольно вспомнился словоохотливый Лорант, с ностальгией поминавший былые дни, когда между его родиной и Аквилонией еще не было мира.

Нумедидес покачал головой.

— Пуантен в числе предателей, и скоро их час придет! — Злобная мстительность звучала в его голосе, и он даже не пытался скрыть ее. — Скоро придет их час... Но сперва — Амилия! Дом Тиберия Амилийского — вот где свили гнездо коршуны!

— Барон Тиберий? — Конан не мог скрыть недоумения. Они проехали по землям барона, и он немало наслушался рассказов местных крестьян о суровом, но справедливом помещике, некогда отважном ратнике короля Вилера, ныне же рачительном, на всю округу уважаемом хозяине. — Трудно поверить. Нет ли тут ошибки, принц?

Нумедидес покачал головой.

— Увы! Я и сам не верил, ибо мало кто служил дяде так преданно, как Тиберий Амилийский, — однако сомнений нет. Я лично ездил в его поместье с намерением развенчать возведенный на отважного слугу трона поклев... Однако действительность подтвердила самые худшие опасения. Мне пришлось бежать из замка барона, ибо опасность была слишком велика... Да и разве не помнишь ты вооруженных до зубов чудовищ, что бросили силы Тьмы за мной в погоню?!

— Не знаю. Я помню только рассерженных крестьян с вилами да цепями. А в остальном... — Сомнения с новой силой овладели Конаном. Возможно, это ощущение воли Крома, мощной и неумолимой, было лишь плодом его фантазии... сейчас ему очень хотелось в это верить. Чем больше рассуждал принц о заговоре, тем меньше он был склонен доверять ему. Тот явно что-то скрывал, недоговаривал, а это было Конану не про душе. Пожалуй, все же не стоит принимать этого странного предложения... Что-то в нем упорно смущало киммерийца.

Но, словно почувствовав его колебания, Нумедидес зашептал горячо и страстно:

— Послушай! Тиберий в заговоре не главный. Он примкнул к мятежникам только потому, что кровно обижен на дядюшку... — Это было правдой. В Амилии Конану доводилось слышать какие-то сплетни на этот счет. И, в таком ракурсе, многое виделось иначе... — Однако страшнее всего те, кого он приютил в своем замке. Известно ли тебе, что, по наущению моего кузена Валерия, что прибыл из далекого Хаурана, одержимый черным ведовством, дом свой Тиберий превратил в рассадник самого гнусного колдовства и демонопоклонства?!

Из всей этой речи Конан выхватил одно имя — *Валерий*.

— Постой, постой, мой принц! Не тот ли это Валерий-шамарец, свегловолосый, худой, что был капитаном гвардии у принцессы Тарамис?

— Он самый. — Злобное торжество было в глазах Нумедидеса. — Только не просто шамарец — но *принц* Валерий Шамарский, наследник Антуйского Дома и мой кузен. Одержимый демонами... они одолели его, поработили и заставляют выполнять свою волю. Он сам при-

знался мне в этом! Он принес разрушения и неисчислимыя беды Хаурану, теперь же готов уничтожить и Аквилонию! Мы должны остановить его!

Происшествие в Хауране запомнилось Конану несколько иначе, и до сего дня он даже не подозревал, что роль в тогдашних событиях Валерия настолько велика, — впрочем, он мог многого не знать. И вполне вероятно, что лишь теперь истина открылась ему. И, дав себе зарок хорошенько поразмыслить обо всем этом на досуге, Конан поинтересовался:

— Но если главный виновник всех бед Аквилонии — Валерий... — Пока он не мог заставить себя именовать его принцем. — То почему тогда наша цель — Амилия, а не Шамар? Почему он не собрал заговорщиков там?

Нумедидес расхохотался.

— Это было бы слишком просто — а наш лис очень хитер! Если заговор раскроется, на него не падет и тени подозрения... Кроме того, Амилия всегда была ведьминским местом, — ты и сам видел, что творится там в лесу ночами... А все из-за того, что хауранский демон собирает там свою армию, готовит к нападению... Там их гнездо — там... — Нумедидес вдруг принялся бормотать, пришепывать, точно в припадке; изо рта полетела слюна, и Конан отшатнулся невольно. — А первый шаг он уже сделал... жреца Гретиуса убил — Митры жреца — кровь...

Последнее слово принц прохрипел в каком-то странном исступлении, и Конан невольно подумал, что, должно быть, Митра и впрямь отвернулся от правящей династии Аквилонии, если из двух наследников трона один одержим демоном, второй же — явно припадочный. Но, по крайней мере, когда он был вменяем, принц Нумедидес рассуждал вполне здраво и, кажется, не лукавил, искренне радел за будущее своей страны. Это было такой редкостью среди сильных мира сего, что Конан готов был простить принцу многое... даже преодолеть инстинктивную антипатию, что тот у него вызывал.

— Хорошо. Мы наведем порядок в Амилии! — сказал он жестко. — А насчет дальнейшей службы видно будет... — Резким движением он осушил кубок с вином, точно ставя точку в разговоре. — Но смешно надеяться, чтобы десяток воинов, даже таких, как мои орлы, взяли

замок штурмом. Я видел его издали — защищен он неплохо. Там нужна целая армия!

Нумедидес не скрывал торжества.

— Вот на этот случай у вас и будут шамарские штандарты и плащи с гербом Антуйского Дома! Попробовал бы Тиберий вас не впустить!..

Хитрость была вполне допустимой в военных действиях, более того, совершенно необходимой, — и все же гнетущая тяжесть на душе у киммерийца с каждым мигом становилась все сильнее, будто теперь длань Крома не подталкивала его ободряюще в спину, но, напротив, неутомимо гнула к земле...

— Убивать не будем, если сможем без этого обойтись! — хмуро заявил он примцу, тщетно пытаясь побороть дурные предчувствия. — Если там и впрямь логово чернокнижников — должны найтись доказательства. И пусть сам король осудит их!

— Разумеется. — Почему-то Конану подумалось, что принц согласился очень уж легко, но он постарался отогнать эту мысль. — Достаточно будет просто отыскать свидетельства измены — об остальном я позабочусь. — И с этими словами Нумедидес вручил капитану своего первого наемного отряда увесистый кошель с золотом. Даже на вес Конан без труда мог определить, что там никак не меньше пятисот золотых монет...

Без лишних слов он спрятал кошель за пазуху.

— Завтра с утра вам в таверну доставят доспехи и штандарты, — обещал на прощание Нумедидес.

— Тогда в полдень мы тронемся в путь! — отозвался Конан.

Ему показалось, во тьме глаза принца сверкнули не добрым, почти бешеным блеском... но голос звучал спокойно и уверенно:

— Как же иначе. Истинные боги Аквилонии на нашей стороне.

* * *

С нарочитой небрежностью Конан направил лошадь в самую гущу толпы, навстречу основному движению, рассекая, точно нож масло, плотную человеческую массу, кричащую, дурно пахнущую, упругим потоком вливаю-

жуюсь в ворота, чтобы растечься потом тысячью ручейков по узким мощеным улочкам древнего города. Отряд потянулся вслед за предводителем. Толпа отхлынула от вооруженных всадников, но с боков напирала другая. Началось столпотворение. Истощенно завопила какая-то женщина... Низкорослый бородатый стражник у стены возмущенно закричал, трясая алебардой:

— Эй, куда вас Нергал понес, болваны?! Что, объехать трудно было?

Киммериец обернулся на крик. Не в его обычае было вступать в перебранки со стражей — уважающему себя воину не пристало орать, подобно торговке рыбой на базаре, но кровь его забурлила, и он мрачно посмотрел на аквилонца.

— Заткнись, пес! Я всегда еду туда, куда пожелаю, и не тебе указывать мне дорогу! Заткнись, пока я не укоротил твой поганый язык!

Пожилой вояка отступил, ругаясь и бормоча под нос проклятия. Конечно, он не так глуп, чтобы связываться с наемниками шамарского принца. Пусть их Зандра несет хоть в самую преисподнюю! Но он запомнит, как дерзко ведут себя эти шамарские волки, и доложит начальнику караула...

Выбравшись из толчеи, отряд свернул на северо-западный тракт и поскакал во весь опор. Копыта звучно чавкали по размытой дождями глине, и брызги летели во все стороны, так что случайные прохожие робко жались к обочине и провожали всадников негодующими взглядами и тихими ругательствами. Однако ни один не был настолько неосмотрителен, чтобы высказать свое недовольство вслух.

На развилке дорог всадники остановились. К Конану неспешно подъехал один из наемников — черты лица и коренастая фигура выдавали в нем уроженца Гандерланда. Это был Бернан, только вчера вставший с постели и напросившийся в поход со всеми. Видно было, что ему не по себе — крупные капли пота стекали по изможденному лицу, беднягу бил озноб, и лихорадочный взгляд блуждал из стороны в сторону. Он неуверенным движением отстегнул притороченный к седлу бурдюк с вином и сделал большой глоток.

Киммериец обернулся и, прищурясь, посмотрел на вояку. Тот поперхнулся и суетливо повесил кожаный мешок с драгоценной влагой на место.

— Извини, капитан! В горле пересохло. Помню, что не велишь хлебать брагу перед боем. Но это всего один глоток. Ты же знаешь, он мне не повредит, зато рука будет тверда...

Он не договорил — Конан с размаху влепил ему затрещину.

— Ты плохо запомнил, Бернан, мои слова! Но учти, больше повторять не буду! Видно, ты слишком долго валялся на постели, и Митра иссушил тебе мозги! Посмотри на себя — еле держишься в седле, а все туда же — лакать вино! Сам напросился к нам, а раз так — спрос как со всех! Если ремесло воина тяжело для тебя — ступай на большую дорогу!

Гандер побледнел.

— Что ты, Конан! Клянусь, я не хотел ничего дурного! Просто я еще слаб. В седле трудно сидеть. Но больше это не повторится, клянусь небом. Не прогоняй меня. Куда я один... Вон и раны еще не зажили до конца.

Но варвар уже не смотрел на него, развернув коня к солдатам.

— Слушайте меня!

Все притихли. Казалось, даже скакуны старались сдерживать храп и ржание.

— Нам заплатили пятьсот аквилонских золотых за работу! Это неплохие деньги, но риск велик! В восьми-десяти лигах отсюда лежит поместье Тиберия. Он подло предал своего короля, Вилера Аквилонского, и проданся силам Тьмы, вместе с такими же шакалами из тарантийской цитадели. Они хотят свергнуть законную власть и посадить на трон шамарца Валерия! Мы должны выжечь дотла это змеиное гнездо. Но зря не убивать! Всех, кто сдастся без боя — брать в плен! Клянусь Кромом, мне претит работа королевского стражника, но бунтовщики опасны, и им помогают демоны. Этим столичным слюнтяям, — он презрительно кивнул в сторону Тарантии, — они не по зубам. Пока еще не поздно передумать и повернуть назад. Решайте! Тот, кто останется, сейчас же

получит расчет и может быть свободным. Все остальные за мной, в Амилию!

Он пришпорил коня. Скакун заржал, взвился на дыбы и, взрыв землю, помчался вперед. Никто не остался — все десять всадников пустили лошадей в галоп за своим командиром.

Бернан скакал последним. И если бы кто-нибудь удосужился обернуться, то поразился бы зловещей улыбке, неожиданно расцветшей на исхудавшем лице бывшего разбойника...

Конец первой книги

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт Говард

Знак ведьмы	5
-------------	---

Кристофер Грант, Натали О'Найт

ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО

Предисловие	51
Пролог	56
Образ Оленя	60
Образ Безумия	75
Образ Лукавства	86
Образ Змея	101
Образ Карнавала	116
Образ Крови	128
Образ Былого	137
Образ Талисмана	150
Образ Кречета	163
Образ Маски	175
Образ Мрака	187
Образ Схватки	199
Образ Исцеления	211
Образ Вепря	224
Образ Огня	239
Образ Изгоя	250
Образ Ворожбы	266
Образ Грядущего	282
Образ Лисицы	302
Образ Страсти	322
Образ Гончей	339
Образ Бунта	346
Образ Коварства	364
Образ Зверя	383
Образ Смятения	396
Образ Клинка	410
Образ Силы	428

САГА О КОНАНЕ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

1. КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ
2. КОНАН И ВОГИ ТЬМЫ
3. КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА
4. КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ
5. КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР
6. КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ
7. КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА
8. КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ
9. КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ
10. КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ
11. КОНАН И ДАР МИТРЫ
12. КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ
13. КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ
- 14. КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО***
- 15. КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ**
- 16. КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ**
- 17. КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА**

*Данная нумерация томов отличается от опубликованной ранее (см. «Конан и Ночные Клинки»), поскольку объем романов, входящих в тетралогию «Скрижаль Изгоев» не позволил объединить их в два тома, как планировалось прежде.

ГИДЕОН ЭЙЛАТ

КОНАН И БИЧ НЕРГАЛА

... К востоку от моря Вилайт, в уединенной котловине меж трех горных хребтов лежит таинственная страна Агадея. Вот уже много зим она даст приют лучшим сынам Хайбории, которые стремятся в эту тихую горную обитель, спасаясь от беспощадного Хаоса, безраздельно царящего за ее пределами. Маги и мудрецы, искусные ремесленники и опытные воины — все они находят защиту и покровительство у молчаливых агадейских владык, наслаждаясь покоем и довольством и не подозревая, что все их умения и таланты поставлены на службу Злу... И вот наступают времена, когда мощь Агадеи кажется неодолимой и все зримей маячит перед наследником Корона Владыки Мира, все ближе тот час, когда его жезл вознесется над всеми пределами хайборийского мира и бич темного божества Нергала засвищет над согбенными спинами будущих рабов. Но на пути Зла встает северный варвар, Конан из Киммерии, воплощение мужества и первобытной силы...

Романы канадского автора Гидеона Эйлата очень динамичны и увлекательны, по признанию многих критиков они могут успешно соперничать с лучшими творениями таких прославленных последователей Роберта Говарда, как Леон Спрэг де Камп и Лип Картер.

На русском языке публикуется впервые.

Кристофер Грант и Натали О'Найт

КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Редактор *Михаил Нахмансон*
Художник *Илья Кучма*
Технический редактор *Сергей Арефьев*
Корректор *Нина Натарова*

Издательство «Троль».
410027, г. Саратов, Одесская ул., 9.

Для писем:
192281, г. Санкт-Петербург, а/я 84.

Лицензия № 010945 от 05.05.1993 г.
Сдано в набор 28.04.96. Подписано в печать 05.05.96.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Тираж 36 000 экз. Заказ № 1796.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

